П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VII.

XIV. Комедіи Загоскина.—XV. Обработка водевиля Хмельницкимъ и Писаревымъ.—
XVI. А. С. Грибоѣдовъ

(начало статьи о немъ, а окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ).

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина": Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.
1903.

П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VII.

XIV. Комедіи Загоскина.—XV. Обработка водевиля Хмельницкимъ и Писаревымъ.—
XVI. А. С. Грибоѣдовъ

(начало статьи о немъ, а окончаніе въ слѣдующемъ выпускѣ).

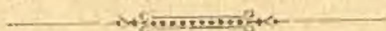
Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“: Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.
1903.

2007041271

СТРАН.

IV.



ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

XIV. Комедіи Загоскина (1789—1852).

Литературный дебютъ Загоскина и его связь съ кн. Шаховскимъ.—Біографическія свѣдѣнія объ авторѣ *„Комедіи противъ комедіи"*.—Статья его: „Путешественникъ".—Общій характеръ комедій Загоскина.—Комедія: *„Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ"* и статья: „Театральныя сѣни", какъ первообразъ Гоголевскаго „Театральнаго разъѣзда".—Комедія: *„Вечеринка ученыхъ"*.—Комедія: *„Благородный театръ"*.—Бирюлькинъ, какъ лицо трагикомическое.—Замѣтка С. Аксакова о постановкѣ этой комедіи и о пріемѣ ея публикой.—Комедія: *„Добрый малый"* и связь Вельскаго съ Загорѣцкимъ.—Ближайшій прототипъ сцены съ письмомъ Хлестакова.—С. Аксаковъ о комедіи *„Урокъ холостымъ или наслѣдники"*.—Комедія: *„Недовольные"*.—Типы „недовольныхъ".—Невыдержанная обрисовка Владимира Радугина.—Глинскій, задуманный по образцу Чацкаго.—Мысли и чувства автора и его отношеніе въ ходу просвѣщенія въ Россіи.—Типъ Анисьи Дмитріевны.—Причины неуспѣха этой комедіи.—Свойство таланта Загоскина.

Мы уже говорили, что „Липецкія воды" князя Шаховского, появившіяся на сценѣ 23-го сентября 1815 г., надѣлали много шуму и во многихъ вызвали враждебное отношеніе къ ихъ автору [1]). Далеко не прошло еще двухъ мѣсяцевъ со дня постановки „Липецкихъ водъ", какъ на Маломъ театрѣ въ Петербургѣ появилась (3-го ноября) пьеса подъ заглавіемъ: „Комедія противъ комедіи". Авторомъ ея оказался молодой человѣкъ, тогда еще не имѣвшій литературнаго имени, но впослѣдствіи столь прославившійся своимъ романомъ: „Юрій Милославскій". Это былъ Загоскинъ. Онъ имѣлъ цѣлью съ одной стороны защитить князя Шахов-

ского, а съ другой—осмѣять тѣхъ, кто былъ недоволенъ „Липецкими водами".

С. Аксаковъ въ своей „Біографіи Загоскина" свидѣтельствуетъ, что „Комедія противъ комедіи" была слѣдствіемъ досады Загоскина, возбужденной въ немъ выходками противниковъ Шаховского, талантъ котораго онъ цѣнилъ очень высоко [2]). Одно изъ лицъ, выставленныхъ Загоскинымъ (Изборскій), разговаривая съ противниками „Липецкихъ водъ", говоритъ, что „комедія эта прекрасна", что „она дѣлаетъ честь нашей словесности", что „въ ней есть мѣста, достойныя *Мольера*" [3]).

Новый писатель, впервые выступившій передъ публикой, съ разу же заявилъ себя не только почитателемъ таланта Шаховского, но и человѣкомъ, раздѣлявшимъ его литературные вкусы. Такъ, напримѣръ, въ пьесѣ Загоскина есть одно мѣсто, въ которомъ авторъ обнаруживаетъ свое несочувственное отношеніе къ драмамъ. Это то мѣсто во 2-мъ явленіи I-го дѣйствія, гдѣ, на другой день послѣ представленія „Липецкихъ водъ", разговариваютъ другъ съ другомъ графиня Болеславова, князь Тюлипановъ и княгиня Зарѣцкая, изъ которыхъ первая сердита на автора упомянутой комедіи за осмѣяніе дамъ-любительницъ бостона, второй—за осмѣяніе старыхъ волокитъ, а третья — за осмѣяніе кокетокъ.

Графиня... если только можно хорошенько разбранить несносную піесу, то пишите противъ нея все: комедіи, трагедіи, оперы и даже *драмы*.

Князь. И даже *драмы!* Прекрасно, сударыня, прекрасно! У меня есть пріятель, удивительный человѣкъ для *драмъ*; ему написать *драму въ пяти дѣйствіяхъ* то же, что вамъ сыграть пулю въ бостонъ. Если угодно, я попрошу его, и вы найдете въ его *драмѣ* все: жестокихъ отцовъ, несчастныхъ любовниковъ, слезы, вздохи, страхи, ужасы и даже, если надобно, разбойника..

Княгиня. И, князь! на что намъ всю эту сволочь? вѣдь надобно только разругать вчерашнюю комедію.

Понятно, что Шаховской и его сторонникъ должны были сойтись и подружиться. Оба они были одного литературнаго лагеря.

Подробную біографію Загоскина можно прочесть у Аксакова [4]), а затѣмъ еще болѣе подробную—въ первомъ томѣ „Сочиненій Загоскина" [5]). Имѣя это въ виду, мы приведемъ здѣсь

біографическія свѣдѣнія объ этомъ писателѣ лишь въ самыхъ краткихъ словахъ.

Михаилъ Николаевичъ Загоскинъ происходилъ отъ старинныхъ дворянъ, родъ которыхъ ведетъ свое начало отъ выѣхавшаго изъ Золотой Орды въ 1472 г. Шевкалъ-Загора, по прозванью *Загоска*, поступившаго на службу къ великому князю Іоанну III, принявшаго крещеніе и получившаго отъ князя большія помѣстья. Отецъ Загоскина былъ пензенскій помѣщикъ и постоянно жилъ въ своемъ селѣ — Рамзаѣ. Тутъ и родился будущій писатель — 14-го іюля 1789 г. Живой и одаренный способностями мальчикъ росъ до 13-ти лѣтъ въ деревенскомъ привольѣ, среди обстановки зажиточной семьи. Правильнаго обученія не было, но зато у отца Загоскина, человѣка религіознаго и любознательнаго, была большая библіотека, состоявшая изъ русскихъ книгъ. „По всей вѣроятности",—говоритъ біографъ—„это были книги духовнаго и историческаго содержанія", но прибавляетъ: „могли быть романы и драматическія произведенія" [6]). Послѣдняя догадка имѣетъ основаніе, такъ какъ даровитый мальчикъ, рано принявшійся за перо, одиннадцати лѣтъ уже сочинилъ *повѣсть:* „Пустынникъ", а еще раньше того написалъ *драму въ стихахъ:* „Леонъ и Зыдея".

Когда Загоскину пошелъ 14-й годъ, отецъ отправилъ его въ Петербургъ на службу. „Тогда былъ такой обычай",—говоритъ Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (II,98): „въ пятнадцать лѣтъ обыкновенно уже оканчивалось воспитаніе мальчиковъ; полагали, что они уже всему выучены, и спѣшили ихъ отдавать на службу, чтобы они ранѣе могли выйти въ чины". Отецъ Загоскина выбралъ для сына не военную, а гражданскую службу, и Михаилъ Николаевичъ прослужилъ чиновникомъ въ разныхъ учрежденіяхъ (въ Канцеляріи государственнаго казначея, въ Горномъ департаментѣ, въ Государственномъ Заемномъ банкѣ) съ 1802 г. по 1812 г. Но служебная карьера его была незавидна: дослужился онъ всего лишь до чина губернскаго секретаря. Однако это десятилѣтіе было проведено Загоскинымъ не совсѣмъ безплодно: онъ пополнилъ свое образованіе чтеніемъ и, какъ говоритъ Аксаковъ, къ 1812-му году „зналъ уже по-французски и по-нѣмецки" [7]).

Наступившій 1812-й годъ возбудилъ сильное патріотическое движеніе въ обществѣ, и молодежь, по свидѣтельству очевидцевъ, приходила толпами, чтобы записываться въ армію. Загоскинъ, по словамъ Аксакова,—„съ дѣтскихъ лѣтъ имѣя по преимуществу русское направленіе и пылкую натуру, горѣлъ нетерпѣніемъ запечатлѣть кровью свою горячую любовь къ отчизнѣ" [8]): онъ

(9-го авг.) записался въ петербургское ополченіе, участвовалъ въ сраженіи подъ Полоцкомъ и былъ раненъ въ ногу. По окончаніи войны онъ отправился въ свой любимый Рамзай. Надо полагать, что къ этому времени на Загоскинѣ уже успѣло сказаться вліяніе Шаховского: онъ не былъ еще знакомъ съ нимъ лично, но, очевидно, зналъ его комедіи и читалъ его „Драматическій Вѣстникъ". Пріѣхавъ въ Рамзай и обратясь тамъ къ литературнымъ занятіямъ, онъ прельщался уже не драмой, а комедіей. Драма, которой онъ могъ увлечься еще въ дѣтствѣ подъ вліяніемъ знакомства съ произведеніями Коцебу [9]), должна была человѣку, державшемуся теоріи „Драматическаго Вѣстника", показаться такимъ же „уродомъ", какимъ считалъ ее въ то время и Шаховской [10]). Въ Рамзаѣ Загоскинъ прожилъ до начала 1815 г., и къ этому періоду времени относится его комедія: „Проказникъ".

Въ самомъ началѣ 1815 г. Загоскинъ появляется въ Петербургѣ и снова поступаетъ на службу — опять въ тотъ же Горный департаментъ. Своего „Проказника" онъ отдаетъ на судъ князю Шаховскому, тотъ даетъ о пьесѣ хорошій отзывъ — и съ этихъ поръ начинается знакомство обоихъ писателей, перешедшее потомъ, какъ свидѣтельствуетъ Аксаковъ, „въ самую близкую и дружескую связь" [11]). Затѣмъ, какъ мы уже говорили, появляется на сценѣ „Комедія противъ комедіи", доставившая автору и друзей — въ лицѣ сторонниковъ Шаховского, и враговъ — въ лицѣ людей, недовольныхъ „Липецкими водами".

Успѣхъ былъ слѣдовательно относительный, но Загоскинъ былъ и этимъ доволенъ. Особенно ободрился онъ, когда кн. Шаховской поставилъ на сцену „Проказника" (15 дек. того же 1815 г.). За этой пьеской послѣдовалъ довольно длинный рядъ комедій Загоскина, начавшійся въ 1817 г. большой пятиактной пьесой: „Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ" и закончившійся „Женатымъ женихомъ"—комедіей въ 4-хъ дѣствіяхъ, появившейся уже не задолго до смерти автора: въ 1851 г.; а умеръ Загоскинъ 23-го іюня 1852 г.

Загоскинъ извѣстенъ главнымъ образомъ, какъ авторъ романовъ и повѣстей; но, какъ романистъ, онъ выступилъ гораздо позднѣе: первый его романъ—„Юрій Милославскій"—появился въ 1829 г. Вотъ почему, отлагая пока рѣчь о Загоскинѣ, какъ романистѣ, мы остановимся здѣсь только на его комедіяхъ. Но прежде докончимъ перечень важнѣйшихъ фактовъ въ его жизни.

Въ 1816 г. Загоскинъ женился (на Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовской). Оставивъ Горный департаментъ, онъ въ концѣ 1817 г. поступилъ на службу при театрѣ помощникомъ члена по репертуарной части; но въ слѣдующемъ году перешелъ въ Императорскую Публичную Библіотеку—помощникомъ библіотекаря. Въ 1820 г. Загоскинъ переселился, по семейнымъ обстоятельствамъ, въ Москву, гдѣ и продолжалась вся остальная литературная его дѣятельность.

Сознавая недостаточность своего образованія и вмѣстѣ съ тѣмъ желая пріобрѣсти права по службѣ, Загоскинъ въ 1821 г. рѣшился держать экзаменъ для полученія чина коллежскаго ассесора. 30-го октября онъ писалъ Гнѣдичу: „Я учусь геометріи, физикѣ, правамъ, статистикѣ, исторіи, однимъ словомъ — приготовляюсь къ экзамену; недѣли черезъ три надѣюсь получить аттестатъ". И далѣе въ этомъ письмѣ Загоскинъ указываетъ на серьезный характеръ своихъ занятій: „съ мѣсяцъ уже я не пишу ничего, кромѣ геометрическихъ фигуръ; чѣмъ ближе конецъ, тѣмъ больше долженъ я трудиться; мнѣ же пришло въ голову учиться не на шутку, то-есть не для одного экзамена" [12]). Къ экзамену онъ готовился долго и „съ такою добросовѣстностью" (говоритъ Аксаковъ), „что даже вытвердилъ наизусть римское право" [13]).

Экзаменъ былъ сданъ блистательно, и служебное положеніе Загоскина послѣ того стало все улучшаться: онъ уже въ 1822 г. получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при московскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ опредѣленъ въ Контору дирекціи московскаго театра — членомъ по хозяйственной части, сталъ подвигаться въ чинахъ и получать ордена. Но надо замѣтить, что Загоскинъ всегда усердно и честно исполнялъ свой служебный долгъ. Въ 1831 г. онъ былъ назначенъ директоромъ московскихъ театровъ и занималъ эту должность до 1842 г. Онъ сумѣлъ построить Малый московскій театръ собственными средствами дирекціи и вообще улучшилъ денежныя дѣла ея. Въ 1842 г., по собственному желанію и прошенію, Загоскинъ былъ перемѣщенъ на должность директора Московской Оружейной Палаты, и оставался въ этой должности до самой смерти. Умеръ Загоскинъ въ званіи каммергера (которое получилъ еще въ 1831 г.), въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалеромъ ордена св. Анны 1-й степени. Онъ погребенъ въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Отмѣтимъ еще нѣсколько фактовъ литературнаго характера. Въ теченіе первой половины 1817 г. выходилъ, подъ редакціей П. А. Корсакова, журналъ: „Русскій Пустынникъ, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ". Загоскинъ принималъ въ немъ нѣкоторое участіе. Когда редакторъ заболѣлъ и не могъ вести свой журналъ, Загоскинъ (съ другими двумя лицами — Покорскимъ и Ивановымъ) продолжалъ изданіе, но подъ другимъ названіемъ: съ іюля сталъ выходить „Сѣверный Наблюдатель", просуществовавшій однако всего 6 мѣсяцевъ. Загоскинъ помѣщалъ тутъ театральныя рецензіи, и одна изъ нихъ, — критика комедіи Грибоѣдова: „Молодые супруги",— привела его къ столкновенію съ авторомъ названной комедіи, о чемъ скажемъ подробнѣе въ статьѣ о Грибоѣдовѣ.

Въ этомъ же журналѣ Загоскинъ велъ полемику съ „Сыномъ Отечества", въ которомъ Измайловъ нападалъ на автора „Богатонова". Полемика раздражала Загоскина — и результатомъ раздраженія явилась статья въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ", подъ названіемъ: „Театральныя Сѣни", замѣчательная тѣмъ, что ее можно считать первообразомъ „Театральнаго разъѣзда" Гоголя. Этой статьи мы коснемся ниже.

Въ самомъ концѣ 1819 г. Загоскинъ поступилъ дѣйствительнымъ членомъ въ „Вольное Общество любителей Словесности", и въ маѣ 1820 г. прочелъ въ собраніи свою статью: „Путешественникъ". На этой статьѣ слѣдуетъ нѣсколько остановиться, такъ какъ она характеризуетъ ея автора съ извѣстной стороны. Аксаковъ называлъ Загоскина „истиннымъ русакомъ" и замѣтилъ, что онъ не выносилъ, если задѣвали Россію: „тогда неминуемо слѣдовала горячая вспышка" [14]). Особенно не выносилъ онъ, когда, восхваляя Европу, принижали Россію. Онъ указывалъ тогда, что „Европа далеко не безъ пятенъ". Желаніе собрать темныя пятна европейской жизни и вызвало статью: „Путешественникъ", въ которой авторъ между прочимъ замѣтно посмѣивается и надъ „Письмами" Карамзина.

Героемъ статьи является господинъ Вельскій, котораго томитъ, говоря словами Грибоѣдова, „жалкая тошнота по сторонѣ чужой". Вбѣжавъ въ кабинетъ автора съ радостнымъ лицомъ, онъ объявляетъ ему, что завтра же ѣдетъ за границу. „Ахъ, мой другъ!" — говоритъ онъ:—„ты не можешь себѣ представить моего восхищенія! Романическая Германія, Франція - средоточіе вкуса и всѣхъ удовольствій, гордые, свободные британцы и ты, благословенная Италія!—я вижу васъ!—Да, мой другъ, я объѣду

всю Европу, побываю вездѣ и, вѣроятно, не увижусь съ тобою пять, шесть, десять лѣтъ“...

— Ужъ и десять? Помилуй! — замѣчаетъ авторъ.

— Десять-то бездѣлица, — отвѣчаетъ Вельскій: — я боюсь только, чтобъ, съѣздивъ разъ въ чужіе края, мнѣ не вздумалось навсегда тамъ остаться.

И Вельскій начинаетъ толковать о томъ, что патріотизмъ — смѣшная вещь; что въ Россіи нельзя нигдѣ жить по-людски; что въ каждомъ нѣмецкомъ городкѣ въ тысячу разъ веселѣе и пріятнѣе, чѣмъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Наконецъ онъ ушелъ, давъ слово писать къ автору изъ-за границы. Авторъ говоритъ, что дѣйствительно получилъ отъ него нѣсколько писемъ—и теперь помѣщаетъ ихъ.

Что же въ этихъ письмахъ? — Вельскій очень недоволенъ своимъ путешествіемъ. Въ Геттингенѣ его побили, принявъ за жида; его едва спасъ полицейскій офицеръ. Слѣдуетъ разговоръ Вельскаго съ этимъ офицеромъ.

— Кто вы?

— Русскій путешественникъ.

— Такъ ступайте же скорѣй домой: васъ приняли здѣсь за жида.

— Помилуйте! Да если бы я былъ и жидъ, такъ за что же меня бить?

— Да развѣ вы не знаете? Здѣсь, по примѣру многихъ нѣмецкихъ городовъ, началось гоненіе на жидовъ; а такъ какъ вы были вмѣстѣ съ извѣстнымъ евреемъ, да, — не погнѣвайтесь, — и лицо у васъ походитъ нѣсколько на жидовское...

— Что вы говорите? Возможно ли, чтобы въ нашемъ вѣкѣ въ просвѣщенной Германіи были гоненія?

— Что же дѣлать, сударь мой! Вдругъ этого безпорядка прекратить невозможно; впрочемъ будьте увѣрены, что тѣ самые, которые поступили съ вами такъ дурно, будутъ первые жалѣть, когда узнаютъ о своей ошибкѣ.

Письмо объ этомъ происшествіи заканчивается такими словами Вельскаго: „Прекрасное утѣшеніе! — думалъ я, потрогивая избитыя свои плечи. Меня гораздо болѣе утѣшаетъ мысль, что я разстанусь скоро, и вѣроятно — навсегда, съ землею, гдѣ одни прославляютъ либеральныя идеи, а другіе бьютъ жидовъ за то только, что они жиды. Прощай, мой другъ! Завтра я буду во Франціи.“

Вотъ Вельскій въ Парижѣ. „Что за городъ! что за люди!

Ахъ, мой другъ, только въ Парижѣ умѣютъ наслаждаться жизнью; мы, дѣти сѣвера, не имѣемъ и понятія о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу,"— пишетъ съ восторгомъ нашъ путешественникъ. Но что же случилось съ нимъ дальше? -- Онъ попалъ въ театръ. „Занавѣсъ поднялся."— разсказываетъ онъ. „Первое явленіе слушали со вниманіемъ; потомъ начался глухой ропотъ, и вдругъ, при одномъ остромъ словцѣ насчетъ нынѣшняго правленія, буря разразилась: съ одной стороны загремѣли рукоплесканія, съ другой раздался громкій свистъ. При семъ незнакомомъ для меня звукѣ, сердце мое забилось отъ радости. «Наконецъ,—думалъ я,—слава Богу, удалось мнѣ побывать въ театрѣ, гдѣ зритель есть настоящій и верховный судія актеровъ и сочинителей; у насъ публика связана; ей не позволяютъ даже громко шикать; а здѣсь какая разница! Я могу свистать, шумѣть, кричать, дѣлать все, что мнѣ угодно!» Между тѣмъ зрители шумѣли часъ отъ часу болѣе; à bas le rid! à bas la cabale! раздалось по всѣмъ угламъ залы; въ партерѣ, мѣстахъ въ трехъ, происходили уже рукопашныя побоища; съ лѣвой стороны, подлѣ меня, человѣкъ пять свистали, какъ сумасшедшіе. Признаюсь въ моемъ грѣхѣ! Мнѣ смерть захотѣлось посвистать въ первый разъ отъ роду; но лишь только было я принялся помогать своимъ сосѣдямъ, какъ вдругъ кулакъ, тяжелый, какъ свинецъ, обрушился на мою голову; искры посыпались у меня изъ глазъ, и прежде, чѣмъ могъ опомниться, началось вокругъ меня ужасное побоище. Не знаю, какъ это сдѣлалось, только въ одну минуту получилъ я дюжины двѣ толчковъ и пощечинъ. Кой-какъ вырвался я изъ залы, добѣжалъ не оглядываясь до перваго фіакра и отправился домой. Вскорѣ за мною возвратился мой хозяинъ съ подбитымъ глазомъ: онъ былъ въ партерѣ и храбро сражался за пьесу. Когда я сталъ ему говорить о нашемъ несчастномъ приключеніи, то онъ отвѣчалъ улыбаясь:

— Это бездѣлица! Такія ли бываютъ схватки въ нашихъ театрахъ; посмотрѣли бы вы первое представленіе *Германика:* вотъ тутъ было настоящее сраженіе! Кромѣ изувѣченныхъ и раненыхъ, одинъ остался убитымъ на мѣстѣ.

Сейчасъ ложусь въ постель; боюсь, какъ бы не занемочь; у меня болитъ все: голова, грудь, бока... Нѣтъ, мой другъ, право, хорошо, что у насъ не свищутъ!"

Затѣмъ Вельскій въ Лондонѣ. Вотъ его первыя впечатлѣнія: „Съ какимъ радостнымъ чувствомъ ступилъ я на берегъ счастливой Британіи! Мнѣ казалось, что я даже и дышать начинаю

свободнѣе. Нѣтъ, мой другъ, вѣтреные французы долго не поравняются съ своими сосѣдями, которые умѣютъ пользоваться свободою и не употребляютъ ее во зло... Дорога отъ Лувра до Лондона очаровательна; прелестныя дачи, бархатные луга—все веселитъ взоры путешественника". Но скоро Вельскій замѣчаетъ, что по дорогѣ этой, особенно на станціяхъ, множество нищихъ, и способъ ихъ просить милостыню довольно страненъ. „Когда я сажусь въ коляску,"—говоритъ онъ,—„со всѣхъ сторонъ приступаютъ ко мнѣ съ просьбами: «Дайте мнѣ крону,—говоритъ одинъ:—вы чихнули, а я сказалъ вамъ *здравствуй!*» «Дайте шиллингъ,—кричитъ другой:—я снялъ у васъ съ плеча соломинку»".

Но это—мелочи, думаетъ Вельскій: зато не всякое правленіе „можетъ похвалиться законами, которые подобно англійскимъ, охраняютъ личную свободу каждаго гражданина".

Между тѣмъ онъ и въ Лондонѣ испыталъ нѣкоторыя непріятности: мальчишки бѣгали за нимъ и кричали: french dog! недалеко отъ зданія парламента его карету закидали грязью и каменьями, принявъ его за одного парламентскаго члена, котораго партія радикальныхъ терпѣть не можетъ.

— Да неужели вашъ народъ имѣетъ право кидать грязью и камнями въ того, кто ему не нравится?—спрашивалъ онъ англичанина.

— Кидать грязью онъ можетъ, — отвѣчалъ англичанинъ: — по крайней мѣрѣ правительство не обращаетъ на это никакого вниманія, да и стоитъ ли эта бездѣлица того, чтобъ стѣснять для нея права свободнаго народа? Но кидать каменьями у насъ не позволено!

— Поэтому, если бы я зналъ, кто проломилъ мнѣ голову, то могъ бы на него пожаловаться?

— Конечно, могли бы.

— И онъ былъ бы наказанъ?

— Безъ сомнѣнія. Разумѣется, если вы докажете, что онъ точно хотѣлъ бросить въ васъ камень, а не захватилъ его нечаянно вмѣстѣ съ грязью.

— И послѣ этого вы смѣете хвалиться вашими законами?

— Да что же тутъ страннаго? Они даютъ только возможность обвиняемому оправдаться. Впрочемъ ни у кого не отнята свобода: — въ васъ кидаютъ грязью — кидайте сами.

— Помилуйте! Неужели порядочный и просвѣщенный человѣкъ захочетъ драться?

— Почему же нѣтъ? Вы, вѣрно, не откажете въ просвѣ-

щеніи Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; а посмотрите, что у нихъ дѣлается. Недавно въ законодательномъ ихъ сословіи одинъ членъ плюнулъ въ лицо другому; на слѣдующій день обиженный вызвалъ своего противника на поединокъ; мѣсто сраженія назначено въ самомъ собраніи; они дрались кулаками и кочергами изъ камина и валялись по полу передъ всѣми депутатами. Мы еще до этого не дошли: наши парламентскіе члены только что ругаютъ другъ друга, а не дерутся [15]).

Статья Загоскина: „Путешественникъ", напоминающая собою письма изъ-за границы Фонвизина, не была, конечно, голосомъ самодовольнаго консерватизма: авторъ хотѣлъ въ ней лишь осмѣять ту „тошноту по чужой сторонѣ", которая заставляла людей, страдавшихъ этой болѣзнью, съ одной стороны слишкомъ идеализировать „чужіе края", а съ другой слишкомъ принижать свое отечество. Въ началѣ своей статьи Загоскинъ говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что мы, познакомясь короче съ чужими краями, будемъ *иногда* дѣлать между ними и нашимъ отечествомъ сравненія, не всегда безвыгодныя для послѣдняго".

Но какъ бы то ни было, „Путешественникъ" во всякомъ случаѣ указываетъ направленіе Загоскина, какъ писателя, и уясняетъ многое въ его произведеніяхъ.

Теперь обратимся къ комедіямъ Загоскина.

По интригѣ, по завязкѣ и развязкѣ, комедіи Загоскина чрезвычайно однообразны. За очень небольшимъ исключеніемъ, вездѣ выводится пара влюбленныхъ, при чемъ и *онъ* и *она* принадлежатъ къ типамъ положительнымъ, даже идеальнымъ; вездѣ есть сила, имъ противодѣйствующая, въ видѣ то мачехи, то дяди, тетки, или же сестры, которые хотятъ выдать дѣвушку по своему расчету или вкусу; вездѣ есть и сила, благопріятствующая влюбленнымъ: дѣдушка, братъ, другъ, или тоже дядя, устраивающіе дѣло такъ, что дѣвушка достается любимому ею человѣку. Это — обычная схема тѣхъ французскихъ комедій, которымъ подражали наши авторы.

Но, не смотря на однообразіе канвы, самые рисунки на ней довольно разнообразны: правда, встрѣчается повтореніе и въ изображеніи характеровъ, но въ общемъ картина пошлости, смѣшныхъ явленій — въ комедіяхъ Загоскина достаточно широка.

Комедія Загоскина, какъ осмѣивающее произведеніе, почти лишена негодующаго элемента. Говоримъ: „почти", потому что позднѣе, ужъ подъ вліяніемъ Грибоѣдовскаго „Горя отъ ума",

Загоскинъ пробовалъ создать негодующее лицо—въ образѣ Глинскаго, въ комедіи: „Недовольные“ (1835 г.); но въ Глинскомъ всетаки горитъ не тотъ огонь, что въ Чацкомъ. Зато Загоскинъ вносилъ въ свои комедіи много веселаго смѣха, много забавнаго, что соотвѣтствовало какъ его личному характеру, живому, веселому, склонному къ шуткѣ и добродушной насмѣшкѣ, такъ и его теоретическимъ воззрѣніямъ, которыя онъ высказалъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“. „Пьеса“,—говоритъ онъ тамъ,—„въ которой почти всѣ дѣйствуюющія лица возбуждаютъ къ себѣ презрѣніе и только изрѣдка заставляютъ смѣяться, можетъ быть прекрасною сатирою, но никогда не будетъ хорошею комедіей. Надо, чтобы дѣйствующія лица были не только отвратительны, но и *забавны*“ [16]). Забавнаго въ комедіяхъ Загоскина дѣйствительно очень много, и этой стороной своей онѣ прельщали современниковъ, и многія изъ нихъ имѣли въ свое время большой успѣхъ.

Что касается личности автора, — насколько она можетъ отразиться въ комедіи,—то главное впечатлѣніе она производитъ тою своей стороною, которая подала поводъ Аксакову назвать Загоскина „истиннымъ русакомъ“. Онъ усиленно преслѣдуетъ слѣпое и приниженное поклоненіе иностранцамъ, „жалкую тошноту по сторонѣ чужой,“ приниженіе всего отечественнаго, доходящее до того, что называютъ „самооплеваніемъ“. Въ этомъ отношеніи Загоскинъ становится въ тотъ длинный рядъ нашихъ писателей-націоналистовъ, о которомъ мы уже не разъ упоминали въ предыдущихъ очеркахъ.

Первою большою пьесою Загоскина была пятиактная комедія „Г-нъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ“ (представл. въ первый разъ въ петерб. Маломъ театрѣ 27 іюня 1817 г.). Главное лицо въ ней — богатый и крайне недалекій степной помѣщикъ Богатоновъ, помѣшавшійся на связяхъ съ знатью и переѣхавшій на житье въ Петербургъ, гдѣ знатные его quasi-друзья занимаютъ у него деньги, обыгрываютъ въ карты — и всѣ смѣются надъ нимъ. Его смѣшное желаніе казаться похожимъ на столичнаго графа или князя очерчено въ началѣ же комедіи, въ разговорѣ его съ пріѣхавшимъ къ нему изъ деревни пріятелемъ — Мирославскимъ (Д. I. явл. 4):

Г. Богатоновъ. Ну, мой милый, какъ я радъ, что ты сюда пріѣхалъ; у меня здѣсь такое большое знакомство, и все съ знатными.

Мирославскій. Поздравляю.

Г. Богатоновъ. Да, да, все съ знатными: графы да князья, баронессы, да превосходительныя... я еще и году здѣсь не живу; погоди-ка еще годика два, такъ меня никто и узнавать не будетъ.

Мирославскій. Да я и теперь тебя не узнаю.

Г. Богатоновъ. Не правда ли, что я непохожъ ужъ на вашего брата деревенскаго? что во мнѣ есть что-то такое... что-то такое... какъ бы тебѣ сказать... что-то барское, знатное?

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ! Однакожъ знаешь ли что?

Г. Богатоновъ. Что такое?

Мирославскій. Прежде, какъ ты былъ простымъ дворяниномъ, судилъ ты, какъ человѣкъ умный, а теперь...

Г. Богатоновъ. А теперь сужу, какъ человѣкъ знатный? Это, братъ, кажется, будетъ немного получше.

Богатоновъ хочетъ непремѣнно выучиться говорить по-французски. — Да отчего-же не говорить по-русски? замѣчаетъ ему пріятель.—„Да что вы въ вашей глуши знаете: по-русски! по-русски! А сказать правду, что толку-то въ русскомъ языкѣ: всякій мужикъ говоритъ по-русски; по настоящему, намъ бы и знать-то его не надобно,“ — отвѣчаетъ степной чудакъ.

Мирославскій. Я удивляюсь твоимъ успѣхамъ: ты начинаешь ужъ говорить, какъ человѣкъ, который получилъ самое модное воспитаніе.

Г. Богатоновъ. На силу замѣтилъ! Вотъ видишь ли, что значитъ жить въ большомъ свѣтѣ; а давно ли я пріѣхалъ сюда дуракъ дуракомъ.

Смѣшны тѣ сцены, гдѣ изображено желаніе Богатонова жить на широкую барскую ногу, и гдѣ выведена его боязнь, какъ бы не поступить такъ, какъ не свойственно знатнымъ барамъ. Плутъ-иностранецъ—Филутони—спрашиваетъ съ него 488 рублей съ полтиной за довольно обыкновенный обѣдъ на 6 персонъ (Д. I, явл. 7).

Г. Богатоновъ. Четыреста весемьдесятъ восемь рублей съ полтиною (Въ сторону). Разбойникъ, какъ онъ деретъ! А торговаться какъ будто совѣстно: онъ не русскій.

Филутони (подавая счетъ). Угодна, — повѣряитъ.

Г. Богатоновъ. Чего повѣрять! вы народъ дѣльный, итоги подвести умѣете. (Въ сторону). Четыреста восемьдесятъ восемь рублей съ полтиною! (Громко). Послушай-ка, мусье!..

Филутони. Шево исфолишь?

Г. Богатоновъ. Что, знатные-то господа, чай, иногда также торгуются?

Филутони. Э, фи, monsieur! Отна мѣсшань, проста народъ, торгуй; а польши паринъ — сохрани Богъ!

Г. Богатоновъ (въ сторону). Ну вотъ, что будешь дѣлать! Плачь себѣ, а денежки плати.

Далѣе слѣдуетъ исторія съ табакомъ (въ томъ же явленіи).

Филутони. Monsieur приказалъ мнѣ вшерась принесть франсуски табакъ.

Г. Богатоновъ. Да, да, я было и позабылъ. Покажи-ка!

Филутони (вынимаетъ изъ узелка, который, входя, оставилъ на стулѣ у дверей, картузъ табаку). Фотъ исфолитъ, сами сфѣшій.

Г. Богатоновъ (нюхаетъ). Самый свѣжій! А что фунтъ?

Филутони. Тесять рубль.

Г. Богатоновъ. Десять рублей, только-то! (Нюхаетъ). Да что это за табакъ! Дрянь! Князь платитъ за свой по двадцати рублей, а этотъ десять!.. Нѣтъ, братъ, возьми его назадъ. (Отдаетъ).

Филутони. Посфольте, monsieur, у меня есть утифительній табакъ, толька ошень торога.

Г. Богатоновъ. Очень дорогъ! За кого ты меня принимаешь? Очень дорогъ! Для меня, братъ, все дешево. Давай сюда.

Филутони. Сей минутъ! (Идетъ къ углу и дѣлаетъ видъ, будто вынимаетъ другой картузъ, а между тѣмъ беретъ тотъ же самый). Вотъ, monsieur!

Г. Богатоновъ. Ну, этотъ и на взглядъ-то не тому чета.

Филутони. Въ сѣломъ кородъ нѣтъ таки табакъ.

Г. Богатоновъ. А вотъ увидимъ... (Нюхаетъ). А что картузъ?

Филутони. Сорокъ рубль.

Г. Богатоновъ. Сорокъ рублей! Вотъ это табакъ! Что за духъ! (Нюхаетъ). Какой вкусъ! То ли дѣло; дорого, да мило! А то вздумалъ было отпотчевать меня десяти-рублевымъ табачишкомъ.

Филутони. Таки табакъ и на Парижъ малъ; ефо дѣлаитъ тле отне каралевски фамиль.

Г. Богатоновъ. Для одной королевской фамиліи! Шутишь? Хе, хе, хе! а мы не короли, да понюхиваемъ. (Нюхаетъ). Ай да мусье! спасибо, братъ. Вотъ ужъ удружилъ!

Филутони. У меня толька есть шесть фунтъ. Его сіятельство крафъ Недошотовъ кошш взять.

Г. Богатоновъ. Нѣтъ, братъ, нѣтъ, не продавай никому; я его весь беру за себя.

Филутони. Крафъ буди сердись.

Г. Богатоновъ. Э, братецъ, посердится, да перестанетъ. Пожалуйста, любезный, уступи мнѣ.

Филутони. Ну, што дѣлать, исфольте: я все шесть фунтъ принесу послѣ опѣдъ.

Г. Богатоновъ. Спасибо, мусье, спасибо! Смотри жъ, не забудь — послѣ обѣда.

Филутони. О, нѣтъ, не песпокойтесь!

Г. Богатоновъ. Прощай же, мой милый; я пойду одѣваться. (Въ сторону). Всѣ шесть фунтовъ мои! Ха, ха, ха! въ какихъ же дуракахъ графъ! Онъ лопнетъ съ досады; а я-то буду его потчевать да похваливать!

Богатоновъ хочетъ выдать племянницу свою, Лизу, за князя Блесткина, котораго онъ считаетъ идеаломъ знатной особы, между тѣмъ какъ Блесткинъ просто „глупый модникъ", „полуфранцузскій петиметръ", „ничтожный вертопрахъ", любящій не Лизу, а ея приданое. Лиза его терпѣть не можетъ: она любитъ графа Владимилова, человѣка съ хорошимъ воспитаніемъ, и сама имъ любима. Мирославскій, пріятель не только Богатонова, но и графа, разоблачаетъ корыстныя стремленія Блесткина и устраиваетъ дѣло такъ, что Лиза выходитъ за Владимилова. Въ концѣ пьесы онъ читаетъ Богатонову такую мораль: „Ты хотѣлъ изъ простого дворянина превратиться въ знатнаго человѣка; что вышло изъ этого? Ты разстроилъ свое имѣнье; плуты тебя обманывали, честные люди жалѣли о тебѣ, но также не могли не смѣяться надъ твоимъ легковѣріемъ; однимъ словомъ..."— „Хорошо, хорошо, мой милый!"—перебиваетъ его Богатоновъ:— ты договоришь все это въ другое время; а между тѣмъ племянница-то моя все-таки будетъ сіятельная!"

Отзывы объ этой комедіи различны. А. Еф. Измайловъ писалъ въ „Сынѣ Отечества" 1817 г. (подъ псевдонимомъ Ювенала Прямосудова), что характеръ Богатонова неправдоподобенъ; что онъ „выставленъ слишкомъ глупымъ провинціаломъ, которому другого подобнаго въ Россіи, а особливо въ Петербургѣ, даже за двадцать лѣтъ передъ симъ никто бы не отыскалъ и со свѣчою; что Богатоновъ въ сущности типъ, заимствованный или прямо у Мольера, или посредственно, чрезъ Шаховского, такъ какъ онъ—то же лицо, что Транжиринъ въ „Полубарскихъ затѣяхъ" и мольеровскій мѣщанинъ во дворянствѣ. Грибоѣдовъ также упре-

калъ Загоскина въ заимствованіи у Шаховского. Аксаковъ же, признавая сильное вліяніе Мольера на Загоскина, тѣмъ не менѣе находилъ типъ Богатонова существовавшимъ въ свое время. Въ 1852 г. Аксаковъ писалъ о немъ: „онъ не перевелся, его всѣ знаютъ и видятъ, только совсѣмъ подъ другими формами" [17]).

Но мы не будемъ разсматривать Богатонова, какъ цѣльный типъ: какъ таковой, пусть себѣ онъ и не выдерживаетъ художественной критики; пусть будетъ глупость его преувеличена; пусть будетъ онъ иногда даже карикатуренъ; пусть походитъ и на Транжирина и на мольеровскаго Журденя. Для насъ важнѣе историческая точка зрѣнія, а именно вопросы: существовали ли въ русскомъ обществѣ хотя нѣкоторыя изъ тѣхъ чертъ, которыми авторъ надѣлилъ своего героя? были ли люди, считавшіе своимъ идеаломъ знатность и богатство? преклонялись ли они передъ этой внѣшней силой? играли ли иногда глупую роль въ своихъ сношеніяхъ съ иностранными плутами въ родѣ Филутони?—Конечно, все это было. Да у того же Грибоѣдова — развѣ Фамусовъ, преклоняющійся предъ Максимомъ Петровичемъ и ухаживающій за Скалозубомъ, не съ родни Богатонову, обрисованному во 2-мъ явл. III-го дѣйствія? Лиза познакомилась съ графомъ Владимиловымъ еще тогда, когда онъ ѣзжалъ къ ея покойной матери. Богатоновъ его не зналъ; Мирославскій привезъ его теперь въ домъ Богатонова впервые. Послѣдній, еще не зная, кто этотъ пріѣзжій, принимаетъ графа, судя по его скромности, за бѣднаго просителя. Между нимъ и Владимиловымъ происходитъ слѣдующій разговоръ въ присутствіи Мирославскаго.

Г. Богатоновъ (къ графу). Что ты, голубчикъ, пріѣхалъ сюда на время, или хочешь здѣсь къ мѣсту?

Графъ. Нѣтъ, сударь, я человѣкъ отставной и привыкъ жить въ деревнѣ.

Г. Богатоновъ. Въ деревнѣ? право! Такъ у тебя есть и деревнишка? Въ какой губерніи?

Графъ. Въ Орловской.

Г. Богатоновъ. А сколько въ ней душонокъ, мой милый?

Графъ. Съ небольшимъ сто.

Г. Богатоновъ. Сто душъ! Такъ ты не совсѣмъ бѣдный человѣкъ. Прошу покорно, подвинься-ка къ намъ поближе, любезный. (Графъ подвигается). А много ли она даетъ доходу?

Графъ. Очень мало; гораздо менѣе, чѣмъ пензенская моя деревня.

Г. Богатоновъ. Какъ! такъ у васъ въ Пензѣ есть деревня?

Графъ. Двѣсти душъ.

Г. Богатоновъ. Итого—триста. (Мирославскому). Да онъ человѣкъ порядочный! Гей, малый! (Человѣкъ входитъ). Кресла, сюда, къ намъ ближе. Милости просимъ, батюшка; я очень радъ съ вами познакомиться. (Сажаетъ его возлѣ себя). Итакъ, у васъ только и есть эти двѣ деревни?

Графъ. Извините, у меня есть еще полторы тысячи душъ въ Рязанской губерніи.

Г. Богатоновъ (вскакиваетъ). Полторы тысячи!

Графъ. Да двѣ тысячи въ Саратовской.

Г. Богатоновъ. И двѣ тысячи! Ахъ, Боже мой, Боже мой! какой я дуракъ! Милостивый государь! сдѣлайте милость, будьте милостивы! Не прикажете ли на эти кресла; здѣсь вамъ будетъ спокойнѣе.

Графъ. Къ чему это?

Г. Богатоновъ. Покорнѣйше прошу.

Графъ. Если вы непремѣнно хотите.

(Садится на вольтеровскія кресла).

Г. Богатоновъ. Позвольте узнать, милостивый государь, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

Графъ. Я, сударь, графъ Владимиловъ.

Г. Богатоновъ. И графъ! Часъ отъ часу не легче. Ахъ я скотина! Ваше сіятельство, извините! Я не знаю...
я, право... я совершенно обезумѣлъ! (Къ Мирославскому). Пусти-ка, братецъ. Ваше сіятельство! не угодно ли вамъ сюда на канапе?

Графъ. Вы напрасно безпокоитесь.

Г. Богатоновъ. О, ваше сіятельство, я знаю различать людей.

Мирославскій. Однакожъ на этотъ разъ ты ошибся.

Г. Богатоновъ. Я не знаю самъ, что со мною сдѣлалось Батюшка графъ, ваше сіятельство! мнѣ такъ совѣстно, такъ стыдно, ну, хоть бы сквозь землю провалиться!

Графъ. Помилуйте, сударь, что за важность: вы ошиблись; это со всякимъ можетъ случиться.

Г. Богатоновъ. Какъ можно ошибиться! какъ не узнать съ перваго взгляда знатнаго человѣка. Ахъ я животное! А тебѣ не стыдно не шепнуть мнѣ на ухо!

Мирославскій. Вѣдь я говорилъ, чтобъ послѣ не пенять.

Г. Богатоновъ. И, братецъ! да кому придетъ въ голову, что его сіятельство графъ Владимиловъ будетъ такъ низко кланяться.

Мирославскій. Въ самомъ дѣлѣ, графъ, боитесь ли вы Бога: вамъ надобно было, какъ знатному человѣку, чуть-чуть кивнуть головою.

Г. Богатоновъ. Человѣкъ! (Приходитъ). Зови скорѣе всѣхъ сюда! Ваше сіятельство! позвольте мнѣ представить вамъ мою старуху и племянницу.

Графъ. Я сочту себѣ за большую честь.

Г. Богатоновъ. Помилуйте; честь вся для нихъ! Да прошу покорно садиться!

Графъ. Для чего же вы не изволите сами сѣсть, г. Богатоновъ?

Г. Богатоновъ. И, ваше сіятельство, я постою; вѣдь у меня отъ этого ноги не отвалятся. Сдѣлайте милость.

Графъ. Я не сяду прежде васъ.

Г. Богатоновъ. Если вы приказываете. (Въ сторону). Какъ онъ вѣжливъ! Ну, кто бы подумалъ, что у него четыре тысячи душъ!

Сцена эта, какъ и многія у Загоскина, полна комизма. „Читая «Богатонова», — говоритъ Аксаковъ, — чувствуешь почти на каждой страницѣ это, такъ сказать, *проступаніе* *) природнаго комическаго дарованія; нѣкоторыхъ сценъ и теперь нельзя прочесть безъ смѣха, а живая человѣческая рѣчь слышна у всѣхъ, даже иногда у добродѣтельныхъ людей. Отсюда можно сдѣлать заключеніе, какъ долженъ былъ нравиться «Богатоновъ» въ 1817 году. Оно такъ и было: какъ современникъ Загоскина, я имѣю полное право удостовѣрить въ томъ читателей“ [18]).

Такъ какъ „Богатоновъ“ публикой былъ принятъ очень хорошо, то естественно, что нападки критики, которая не обходилась и безъ придирокъ и личностей, раздражали Загоскина—и онъ, какъ уже выше сказано, помѣстилъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“ свои „Театральныя сѣни“. Эта статья сильно напоминаетъ „Театральный разъѣздъ“ Гоголя и формой, и цѣлью, и самымъ заглавіемъ. Вотъ эта статья.

Въ сѣняхъ театра, среди расходящейся уже публики, разговариваютъ два молодыхъ человѣка. Одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій въ театръ ужъ послѣ третьяго акта и нашедшій, что въ послѣднихъ двухъ есть забавныя сцены, спрашиваетъ у другого его мнѣніе о новой пьесѣ.—„Я спалъ во все представленіе: ты знаешь, вчера я цѣлую ночь игралъ: баронъ замучилъ меня своимъ вистомъ“, —отвѣчаетъ тотъ и, увидавъ литератора Звонова, обращается къ нему:

— Что вы скажете про пьесу?

---

*) Т.-е. проступаніе сквозь условную оболочку французской теоріи.

Звоновъ. Гмъ! Пьеса хоть куда; развѣ вы не видѣли, какъ смѣялся партеръ?

2-й молодой человѣкъ. А вы?

Звоновъ. Я также смѣялся — надъ бѣднымъ партеромъ.

2-й мол. чел. Какъ вы язвительны, г. Звоновъ!

Звоновъ (съ довольнымъ видомъ). Неужели! Я, право, не хотѣлъ ничего сказать колкаго.

1-й мол. чел. Поэтому вы думаете, что эта комедія...

Звоновъ. Простой фарсъ, и больше ничего. Первые три акта сухи, четвертый совершенно лишній, а пятый никуда не годится. Впрочемъ я не говорю, чтобъ она была дурна.

2-й мол. чел. Впрочемъ вы не говорите, что она дурна:—ну, какой же вы насмѣшникъ, г. Звоновъ!

Звоновъ. (улыбаясь). Помилуйте!

1-й мол. чел. А! Вотъ и общій нашъ знакомецъ — Педантинъ. Какое у него сердитое лицо!

Педантинъ. Здравствуйте, господа!

2-й мол. чел. Вы, кажется, что-то раздосадовались, любезный Педантинъ.

Педантинъ. Да есть ли возможность не сердиться! Вообразите, я слышалъ... Вы не повѣрите мнѣ... я слышалъ самъ, что многіе хвалятъ сегодняшнюю пьесу.

2-й мол. чел. Ну такъ что же?

Педантинъ. Какъ что? Хвалить такую пьесу, въ которой все чужое, въ которой выкрадено все изъ чужихъ комедій! Въ ней есть торговка, такъ же какъ и въ „Модной лавкѣ“; въ ней старикъ становится на колѣни, а въ „Бригадирѣ“ старый совѣтникъ дѣлаетъ то же самое; въ ней говорятъ: *„нѣтъ, дядюшка!“* А у Мольера или Реньяра,—не помню, въ какой комедіи,—говорятъ: *„нѣтъ, батюшка“*.

Звоновъ. Да, да, ваша правда: *нѣтъ, батюшка* точно, точно есть у Мольера.

2-й мол. чел. О! это бездѣлица!.. Загляните лучше въ лексиконъ, г. Педантинъ: я увѣренъ, что изъ него выкрадена вся комедія.

Звоновъ. Шутите, шутите! А я могу васъ увѣрить, что даже глупа сцена съ французскимъ табакомъ...

Педантинъ. Да, кстати! Надобно отдать справедливость автору: въ его комедіи больше табаку, чѣмъ соли.

1-й мол. чел. Браво, браво! прекрасный каламбуръ.

Звоновъ (съ важнымъ видомъ). Это не дурно сказано.

2-й мол. чел. Что вы на меня глядите, г. Педантинъ? Не безпокойтесь, я смѣюсь — ха! ха! ха! — Какъ бишь это? Повторите еще! Да куда же вы торопитесь?

Педантинъ. Прощайте, господа: я спѣшу, мнѣ надобно кой-куда заѣхать (Идетъ къ подъѣзду).

2-й мол. чел. Сказать ваше острое словцо; въ самомъ дѣлѣ, ступайте — неравно вы его забудете.

Звоновъ. Говорите, что угодно, а комедія все-таки никуда не годится.

2-й мол. чел. Однакоже зрители *аплодировали.*

Звоновъ. И, сударь! У автора есть родня, пріятели...

2-й мол. чел. И то быть можетъ: совсѣмъ тѣмъ, онъ гораздо счастливѣе васъ, г. Звоновъ: когда давали въ первый разъ вашу драму, то вамъ не помогли и пріятели. Вы ѣдете?

Звоновъ. Да, сударь...

Уѣзжаютъ и оба молодыхъ человѣка: 1-й изъ нихъ торопится въ клубъ сказать, что новая комедія никуда не годится.— „Да почему же?" — спрашиваетъ его 2-й.—„Забавный вопросъ",— говоритъ 1-й:—„ее бранили двое, а хвалишь ты одинъ" [19]).

Мы уже не разъ встрѣчали у нашихъ писателей осмѣяніе стихобѣсія. Оно зародилось во Франціи и потомъ перешло къ намъ. Расплодилось множество бездарныхъ сочинителей, которые, какъ извѣстно, отличаются и страстью отыскивать себѣ слушателей и „душить" ихъ своими произведеніями. Мало-помалу вошли въ моду и литературные вечера — дѣло само по себѣ очень хорошее, но оно можетъ сдѣлаться и смѣшнымъ, если за него примутся самомнящія бездарности. Литературные вечера, устраиваемые такими бездарностями и осмѣялъ Загоскинъ въ своей комедіи: „Вечеринка ученыхъ" (предст. въ первый разъ въ петербургск. Маломъ т. 12 ноября 1817 г.). Въ ней три дѣйствія.

Схема обычная: Софья и Болеславскій — пара влюбленныхъ; госпожа Радугина, старшая сестра Софьи, прочитъ ее за князя Вячеславина; родной братъ обѣихъ сестеръ—Волгинъ—покровительствуетъ влюбленнымъ. Но любовная интрига въ этой комедіи отходитъ на второй планъ, ее какъ-то мало и замѣчаешь, а въ глаза бросается главнымъ образомъ осмѣяніе бездарныхъ писакъ и ихъ литературныхъ затѣй.

Главная затѣйница—госпожа Радугина, живущая въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ. Она не имѣетъ рѣшительно никакого таланта, но ее одолѣваетъ страсть къ писательству, и она сочиняетъ

не только мелкіе стихи, но—какъ выражается Волгинъ—и „претолстыя драмищи". Радугина очень заботится, чтобы въ обстановкѣ ея литературныхъ вечеровъ все было по формѣ: большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, кругомъ него стулья, на столѣ разложенные листы чистой бумаги и большой запасъ сахарной воды. Бездарная литературная сошка очень охотно посѣщаетъ ея вечера, потому что хозяйка кормитъ хорошимъ ужиномъ. Представителями этой сошки являются литераторы—Шмелевъ, Сластилкинъ, Снѣгинъ и Дребедневъ.

Вотъ наиболѣе забавныя сцены, комизмъ которыхъ увеличивается разными замѣчаніями и восклицаніями Волгина, не раздѣляющаго страсти Радугиной къ писательству и умѣющаго оцѣнить по достоинству литературную дѣятельность и ея самой и ея кружка.

ИЗЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

Явленіе первое.

Саша *) (одна).

Всѣ добрые люди давно уже отобѣдали, а барыня все еще читаетъ свою драму. Ну, видно, она хочетъ совсѣмъ доконать своихъ гостей. Каково имъ бѣдненькимъ два часа сряду, какъ куколкамъ, не смѣть ни чихнуть ни кашлянуть...

Изъ явленія шестого.

Радугина (Софьѣ). Ты читала мои стихи подъ названіемъ: „Ѳиміамъ Музамъ?"

Софья. Читала, сестрица.

Радугина. Но ты не знаешь, что я послала ихъ вчера къ Шмелеву **), съ просьбою напечатать ихъ въ журналѣ.

Софья. Нѣтъ, сестрица.

Радугина. Мнѣ хотѣлось сдѣлать сюрпризъ моимъ знакомымъ, и для того я скрыла мое имя; Шмелевъ не знаетъ, кто сочинялъ ихъ, слѣдственно скажетъ о нихъ откровенное свое мнѣніе. Я постараюсь завести объ этомъ рѣчь, и ты услышишь самъ, братецъ.

Волгинъ. Услышу! услышу!

Изъ явленія седьмого.

Радугина. Не получили ли вы чего-нибудь новаго на этой недѣлѣ?

*) Горничная Софьи.

**) Шмелевъ — журналистъ.

Шмелевъ. На нынѣшней... бездѣлицу! два посланія изъ Вятки, три элегіи изъ Саратова, четыре баллады изъ Петербурга, двадцать эпиграммъ отъ здѣшнихъ авторовъ, да одну торжественную оду изъ Уфы.

Радугина. И больше ничего?

Шмелевъ. Ничего... Ахъ, нѣтъ! извините: я было забылъ про самую интересную пьесу — какой-то „Ѳиміамъ Музамъ" отъ неизвѣстнаго.

Радугина (тихо Волгину). Слышишь ли? самую интересную.

Шмелевъ. Она подлинно заслуживаетъ большое вниманіе!

Радугина (тихо Волгину). Слышишь ли?

Шмелевъ. Мнѣ не удавалось читать еще никогда такой несравненной, такой превосходной...

Радугина. Неужели!

Шмелевъ. Нелѣпости! я не понялъ изъ нея ни одного слова.

Волгинъ. Слышишь ли, сестра?

Радугина (тихо Волгину). Молчи, братецъ!

Князь. Что жъ вы сдѣлали съ этимъ „Ѳиміамомъ"?

Шмелевъ. Раскурилъ имъ трубку.

Волгинъ. Слышишь ли, сестра?

Радугина (тихо). Братецъ!

Софья. Какое жестокосердіе!

Шмелевъ. Напротивъ, я изъ состраданія къ бѣдному автору не хотѣлъ ихъ напечатать.

Радугина (съ скрытою досадою). Я думаю, онъ обошелся бы и безъ вашего состраданія, г. Шмелевъ.

Шмелевъ. Въ этомъ я увѣренъ; онъ, вѣрно, не чувствуетъ моего благодѣянія.

Радугина. Надобно признаться, г. Шмелевъ отмѣнно строгъ ко всѣмъ, выключая самого себя.

Шмелевъ. Какъ, сударыня!

Радугина. Да, сударь, я совѣтовала бы вамъ посматривать иногда и на то, что вы сами пишете.

Шмелевъ (въ сторону). Что это значитъ? Неужели!

Волгинъ (громко). Сестра! что жъ ты сердишься? Вѣдь этакъ всѣ узнаютъ, что стихи-то твои.

Радугина (съ жаромъ). Да, сударь, они мои, и я, не смотря на всѣхъ журналистовъ въ свѣтѣ, не стыжусь назвать ихъ своими.

Шмелевъ. Прекрасно! наконецъ вы сами попались; и вы думали, сударыня, что я не узнаю ваши стихи оттого, что вы не подписали своего имени?

Радугина. Какъ! вы знали...

Шмелевъ. Да, сударыня, вы скрыли свое имя; но могли ли вы скрыть эти красоты поэзіи, эту прелесть слога, которая однимъ вамъ свойственна?

Радугина. Что же должна я думать?

Шмелевъ. Что я хотѣлъ заставить васъ признаться, и для того долженъ былъ тронуть авторское самолюбіе, впрочемъ простительное для женщины съ вашимъ талантомъ; я спорилъ объ этихъ стихахъ съ княземъ; онъ не хотѣлъ вѣрить, что они ваши. Ну, князь, теперь видите, кто изъ насъ правъ.

Князь. Признаюсь, сударыня, я всегда былъ увѣренъ въ дарованіяхъ вашихъ; но эти стихи...

Радугина. Прошу покорно! надобно же быть дурой, чтобъ не догадаться. Ну, г. Шмелевъ, поддѣли же вы меня.

Волгинъ. Вывернулся! какъ вывернулся, проклятый!

Князь (тихо Шмелеву). Вы хорошо отдѣлались!

Шмелевъ. Не совсѣмъ: мнѣ надобно ихъ завтра напечатать, а я...

Князь. Погодите. (Громко). Сударыня, завтра ваши стихи будутъ напечатаны, но мнѣ бы очень пріятно было прочесть ихъ прежде...

Радугина. Я очень рада вамъ услужить: вы сегодня получите съ нихъ копію.

Князь. Надѣюсь, вашей руки?

Радугина. Если вы хотите.

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

На сценѣ столъ, покрытый краснымъ сукномъ.

Изъ явленія восьмого.

(Всѣ садятся за столъ, выключая Софьи, Волгина и Болеславскаго.

Радугина. Г-нъ Сластилкинъ, не угодно ли вамъ начать.

Сластилкинъ. Сейчасъ, сударыня. (Вынимаетъ бумаги, кашляетъ и начинаетъ читать). „Вздохи души моей, или мысли и мечтанія при лунномъ свѣтѣ“.

Волгинъ. А смѣю спросить, батюшка, много ли листовъ въ этихъ вздохахъ?

Радугина. Тсъ! братецъ, прошу не прерывать чтенія. Продолжайте, г-нъ Сластилкинъ.

Сластилкинъ (читаетъ). Какая глубокая тишина! какое

мертвое молчаніе! Все тихо, все предано сну; вся природа дремлетъ одинъ я лишенъ покоя. Увы! сонъ бѣжитъ несчастныхъ! я сижу подъ тѣнью вѣтвистаго дуба, на берегу морского ручейка; вздохи мои мѣшаются съ бурнымъ его журчаніемъ, и ночное эхо разноситъ ихъ по воздуху. Ахъ! сказалъ я... (Перевертываетъ листъ). Ахъ! сказалъ я... (Снова перевертываетъ).

Волгинъ. Ну, сударь: ахъ! сказали вы.

Сластилкинъ. Что это значитъ? изъ самой середины не достаетъ одного листа.

Радугина. Неужели?

Сластилкинъ. Я не знаю, куда онъ дѣвался. Вѣрно, я оставилъ его, когда здѣсь писалъ.

Саша. На столѣ, сударь, валяется листъ, весь измаранный.

Сластилкинъ. Гдѣ же онъ?

Саша. Онъ, сударь... онъ...

Радугина. Да скажешь ли ты?

Саша. Ахъ, сударыня! я... виновата, я думала, что онъ ни на что не годится, и...

Сластилкинъ. Да гдѣ же онъ?

Саша (показывая на свѣчи). Вотъ здѣсь, сударь.

Сластилкинъ. Боже мой! она подвернула имъ свѣчи.

Волгинъ. Ха! ха! ха! ай да Саша!

Радугина. Прошу покорно! ахъ ты негодница! Да дѣлать нечего. Добро ты, голубушка! Господа, не угодно ли вамъ. (Дребедневъ и Снѣгинъ начинаютъ вмѣстѣ читать).

Дребедневъ. „Къ Полигимнѣ, ода, строфа первая“.

Снѣгинъ. „Погибшее дитя, романтическая повѣсть“.

Шмелевъ. Поодиночкѣ, господа, ради Бога, поодиночкѣ!

Снѣгинъ. Очень хорошо, я начну первый.

Дребедневъ. Вы можете погодить, г. Снѣгинъ.

Снѣгинъ. А почему бы такъ, если смѣю спросить, г. Дребедневъ?

Волгинъ. Послушайте-ка, господа, читайте вмѣстѣ, авось этакъ скорѣй кончите.

Радугина. Мнѣ пріятно видѣть, господа, такое благородное рвеніе; но я полагаю, что намъ лучше начать съ оды. Г-нъ Дребедневъ!

Дребедневъ. Гмъ! гмъ! „Къ многопѣсной Полигимнѣ ода“, то-есть лирическое произведеніе.

Шмелевъ. Благодаримъ за поясненіе.

Дребедневъ. Я представляю на разсмотрѣніе почтеннаго

общества только двѣ строфы сей оды—произведеніе минуты пламеннаго восторга!

Къ Полигимнѣ.

Небо пылаетъ, грозныя тучи
Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ;
Бури волнуютъ воды зыбучи;
Въ страхѣ Эратой дышитъ Эротъ!
Кто се грядетъ къ намъ со свода небесна?
Ты ль, Полигимна? ты ль, многопѣсна?
Твой ли священный образъ я зрю?
Полно жъ пѣть мнѣ, речетъ гордыни,
Сѣять для риѳмы гнусныя дыни,—
Духомъ теперь я къ небу вспарю!

Радугина. Что твой Ломоносовъ! какая быстрота!

Снѣгинъ (важно). Строфа достойна Пиндара и Горація.

Сластилкинъ. Небо пылаетъ! грозныя тучи!

Радугина. Быстро несутся съ звѣздныхъ высотъ.— Какая величественная картина!

Дребедневъ.

Тщетно уранги, буйно строптивы,
Силятся стрѣлы въ грудь мнѣ вонзить;
Черви, грызущи тощія нивы,
Могутъ ли птицу Зевеса язвить?
Горе крамольнымъ, если воспряну!
Палицей грозной въ дерзкихъ я гряну!
Всѣ обратятся мигомъ во прахъ!..
Ужасъ пройдетъ отъ рода до рода;
И отъ земли до небеснаго свода
Слухъ о моихъ разнесется дѣлахъ!

Радугина. Превосходно! какой лирическій безпорядокъ!

Сластилкинъ. Какая описательная поэзія!

Снѣгинъ. Какое звукоподражаніе!

Радугина. Палицей грозной! то-есть грозной палицей, гнетущей палицей!

Сластилкинъ. Прелестно!

Волгинъ. Чертъ возьми, если я тутъ хоть одно слово понимаю!

Радугина. Бѣдненькій! мнѣ, право, тебя жаль. Какъ досадно, г. Дребедневъ, что ода вышла неконченна: мы лишены большого удовольствія.

Дребедневъ. О! сударыня, вы слишкомъ милостивы.

Радугина. Г-нъ Снѣгинъ! у васъ есть что-то новенькое?

Снѣгинъ. Да, сударыня, это такъ, милая бездѣлка въ

нѣмецкомъ мрачномъ родѣ, гдѣ все дышитъ въ ней истиннымъ чувствомъ и простотою.

Дребедневъ. Г-нъ Снѣгинъ охотникъ до предисловій.

Снѣгинъ. Сюжетъ самый простой, самый невинный! Мальчикъ въ глухую осеннюю полночь ушелъ, потихоньку отъ отца удить рыбу въ пустынномъ озерѣ. Водяные черти утащили его на дно, и несчастный погибъ невозвратно. Тутъ есть много поэтическихъ картинъ: мрачныя небеса и свѣтлая луна, тихое шептаніе вѣтерка и грозное завываніе водяной сволочи, скрежетъ зубовъ, визгъ, гудъ, гулъ, пискъ и прочія принадлежности. (Вынимаетъ толстую тетрадь и кладетъ на столъ).

Волгинъ (вскакиваетъ). Помилуй Господи! что это такое?

Радугина. Что ты, братецъ?

Волгинъ. Какъ что? посмотри-ка, какую онъ тетрадищу вывалилъ!

Снѣгинъ. Въ ней всего пятьдесятъ листовъ.

Волгинъ. Только-то? Нѣтъ, сестра, слуга покорный! Слушай эту милую бездѣлку кто хочетъ, а я...

Князь. Въ самомъ дѣлѣ, г. Снѣгинъ, ваше сочиненіе немного велико.

Снѣгинъ. Помилуйте, я берусь оную кончить съ небольшимъ въ два часа.

Однако общество отъ слушанія Снѣгина отказалось, и вечеръ закончился стихами, прочитанными княземъ, къ большому конфузу послѣдняго, ибо стихи оказались украденными, и авторъ ихъ былъ тутъ на лицо. Они принадлежали Болеславскому.

Аксаковъ въ 1852 г. писалъ объ этой комедіи: „Можетъ быть, литераторы и журналисты, выведенные въ пьесѣ, покажутся лицами неестественными, преувеличенными; но такія лица не только бывали тогда, но даже и теперь можно отыскать имъ подобныхъ, конечно, уже людей не молодыхъ, которые въ свѣтскомъ кругу низшаго слоя считаются даровитыми писателями. Нѣтъ, не призраки они были, а взяты изъ жизни, списаны съ натуры, и единственно потому эта небольшая комедія, своимъ третьимъ актомъ, всегда возбуждала общій смѣхъ и рукоплесканія зрителей петербургскаго театра. Я видѣлъ ее потомъ, уже въ 1821 г., въ Москвѣ, и публика также смѣялась и также хлопала“ [20]).

Въ комедіи: „Вечеринка ученыхъ“ Загоскинъ между прочимъ задѣлъ и своихъ критиковъ, особенно Измайлова. Въ

8-мъ явленіи I-го дѣйствія на замѣчаніе Софьи: „Ну какъ можно критиковать то, что хорошо“, Шмелевъ отвѣчаетъ: „О сударыня! ничего нѣтъ легче! Стоитъ только изъ книги выписать всѣ дурныя мѣста, а умолчать о хорошихъ — такъ дѣло и сдѣлано“.

Однако нельзя пропустить безъ вниманія еще одного мѣста въ этой комедіи. Загоскинъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы щипнуть своихъ соотечественниковъ, зараженныхъ чужебѣсіемъ. Такъ Радугина у него, расхваливая образованность князя Вячеславина, вмѣняетъ ему въ заслугу, что онъ „всѣми языками говоритъ лучше, чѣмъ по-русски“ (Д. I, явл. 5).

Что въ „Вечеринкѣ ученыхъ“ Загоскинъ между прочимъ осмѣялъ напыщенныя оды, крайности сентиментализма и любовь къ романтическимъ страхамъ, — это ясно само собой. Осмѣяніе увлеченія крайностями сентиментально-романтическаго направленія есть и въ другой пьесѣ Загоскина: въ комедіи: „Романъ на большой дорогѣ“ (1818 — 1819).

Говоря о „Полубарскихъ затѣяхъ“ князя Шаховского, мы уже имѣли случай замѣтить, что съ конца XVIII-го вѣка въ нашемъ обществѣ начала распространяться страсть къ театру, вызвавшая между прочимъ и желаніе устраивать домашніе спектакли. Скоро это занятіе стало не только слѣдствіемъ увлеченія, но нерѣдко и дѣломъ моднымъ, которому отдавались, чтобы не отстать отъ другихъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ домашніе спектакли имѣли свою хорошую сторону, но имѣли и дурную, а часто сопровождались и явленіями весьма комическими [21]). Смѣшную сторону ихъ осмѣялъ Шаховской, а позднѣе и Загоскинъ — въ комедіи: „Благородный театръ“, впервые появившейся на сценѣ 28-го декабря 1827 г. Она въ четырехъ дѣйствіяхъ, написанныхъ стихами.

Эта комедія задумана была Загоскинымъ еще задолго до ея появленія, такъ какъ онъ писалъ о ней Гнѣдичу изъ Москвы еще въ 1821 г. „Не подумай однакоже, мой другъ“, — говорилъ онъ, — „чтобы я хотѣлъ осуждать сіе благородное и пріятное занятіе. Нѣтъ, мнѣ хочется посмѣяться только надъ тѣми, кои дѣлаютъ изъ сей забавы государственное дѣло. Я игралъ самъ здѣсь въ трехъ труппахъ и замѣтилъ отмѣнно много забавнаго. Сколько интригъ, происковъ и сплетней, чтобъ отбить у другого ролю! Какія хитрости, чтобы переманить хорошаго актера изъ чужой труппы въ свою! Сколько молодыхъ людей, которымъ маменьки не позволяютъ съ дочерьми сказать два слова, и кото-

рые болтаютъ съ ними, что хотятъ, за кулисами" [22]). Подобныя мысли развиваются и въ комедіи однимъ изъ дѣйствующихъ лицъ — Честоновымъ (Д. I, явл. 10):

Интригамъ нѣтъ конца; насмѣшки, сплетни, лесть...
А ссоры вздорныя нельзя и перечесть:
Одинъ желаетъ быть отцомъ, другой тираномъ;
Тотъ ролю выплакалъ, тотъ взялъ ее обманомъ;
Та теткой хочетъ быть, тотъ просится въ слуги,
Тому любовника давай — ну, вонъ бѣги!
И словомъ, труппа вся, — признаться должно въ этомъ, —
Прекраснымъ можетъ быть комическимъ сюжетомъ.

Сюжетъ, конечно, благодарный — и „Благородный театръ" признается лучшей комедіей Загоскина, не по серьезности содержанія, разумѣется, а по выдержанности характеровъ, по отдѣлкѣ типовъ, по множеству забавныхъ сценъ, возбуждающихъ веселый смѣхъ, и наконецъ по прекрасному, живому разговорному языку, легко укладывающемуся въ стихи. Эта комедія и теперь читается легко и съ удовольствіемъ: она жива, весела и естественна.

Сюжетъ ея немудреный. Богатый житель провинціальнаго города — Любскій — устраиваетъ у себя въ домѣ благородный спектакль. Постановкой пьесы завѣдуетъ авторъ ея — Посошковъ. Ему за пятьдесятъ лѣтъ, но у него „шестьсотъ наличныхъ душъ, луга, лѣсныя дачи", и потому Любскій выбралъ его въ женихи своей племянницѣ, молодой дѣвушкѣ — Ольгѣ, которая однако любитъ влюбленнаго въ нее Вельскаго. Любскій хочетъ отказать этому молодому человѣку отъ дому, но рѣшается сдѣлать это не раньше, какъ ужъ послѣ спектакля, въ которомъ Вельскій играетъ роль Эраста, любовника Лизы; а роль послѣдней взяла себѣ Ольга. Отказаться же отъ постановки спектакля нельзя: на него уже приглашено все высшее общество города. Между тѣмъ Вельскій, покровительствуемый Честоновымъ, другимъ дядей Ольги, во время репетиціи уговариваетъ ее бѣжать съ нимъ и тайно обвѣнчаться. Гости уже съѣзжаются, а Вельскаго и Ольги нѣтъ. Любскій въ безвыходномъ положеніи. Но молодые являются отъ вѣнца и соглашаются выйти на сцену, однако лишь подъ условіемъ, чтобы имъ простили ихъ самовольство. Любскій радъ—не радъ, а прощаетъ.

Самое комическое лицо въ пьесѣ—Посошковъ. Онъ страстно преданъ театральному дѣлу, сочиняетъ пьесы для спектаклей и играетъ на сценѣ, понимаетъ драматическое искусство, умѣетъ чувствовать и цѣнить его, и вообще онъ человѣкъ не глупый,

но до того увлекается за любимымъ занятіемъ, что ужъ не видитъ и не понимаетъ, что вокругъ него дѣлается, не догадывается, почему Вельскій такъ горячо ведетъ свою роль на репетиціи, не догадывается, что она какъ-разъ совпала съ его чувствами и намѣреніями, не понимаетъ всего комизма своего положенія.

Вотъ нѣсколько сценъ съ Посошковымъ. Дѣйствіе второе, явленіе второе. На сценѣ происходитъ репетиція пьесы.

Посошковъ.

Постойте!

(Смотритъ въ тетрадь).

Явленье пятое... да! Точно съ этихъ поръ
Мы можемъ повторить. А гдѣ же нашъ суфлеръ?

Извѣдовъ.

Я здѣсь, сударь.

Посошковъ.

Вотъ стулъ, прошу садиться.
Возьми комедію... да чуръ—не торопиться!
(Вельскому). Вы въ этомъ дѣйствіи отмѣнно хороши;
(Оленькѣ). А въ васъ бы я желалъ поболѣе души.
Натура и душа! — безъ этихъ двухъ условій
Искусство — ничего.

Извѣдовъ (въ сторону).

Нельзя безъ предисловій.
Прикажете начать?

Посошковъ.

Да, душенька, начни.

Извѣдовъ.

Явленье пятое. Сначала вы одни,
Потомъ Эрастъ.

Посошковъ.

Живѣй какъ можно эту сцену!

Извѣдовъ (Натащѣ). *)

Извольте. Вамъ.

Наташа (Оленькѣ).

„Я въ васъ большую перемѣну
„Сегодня нахожу.
„Быть можетъ, васъ я этимъ разсержу;
„Но, право, мнѣ смѣшно: вы плакали въ постелѣ,
„Теперь вздыхаете... неужто въ самомъ дѣлѣ
„Боитесь вы?...“

Оленька.

„Всего!
„Ахъ, Машенька! я такъ люблю его!
„И вотъ ужъ пятый день...“

*) Наташа—горничная Ольги; она играетъ роль *Маши*, горничной Лизы.

Наташа.

„Къ окну онъ не подходитъ.
„Такъ это-то съ ума васъ сводитъ?
Да онъ ужъ не живетъ напротивъ насъ".

Оленька.

„Возможно ли? Эрастъ..."

Наташа.

„Изъ нашего сосѣдства
„Давно ужъ выѣхалъ, и, вѣрно, ищетъ средства
„Увидѣть ближе васъ.
„Вашъ опекунъ хитеръ, а онъ еще хитрѣе
„И, можетъ быть..."

Оленька.

„А мнѣ такъ кажется вѣрнѣе,
„Что онъ уѣхалъ изъ Москвы".

Наташа.

„Да вотъ онъ на лицо".

Оленька.

„Возможно ль? это вы?

Посошковъ.

Не то, совсѣмъ не то! Простое удивленье
Не значитъ ничего. Гдѣ жъ радость, восхищенье?
Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! Вы слишкомъ холодны...
Не правда ль, что въ него вы страстно влюблены?

Наташа.

Конечно, такъ.

Посошковъ.

Что съ нимъ и видѣться хотѣли?
Что онъ любовникъ вашъ... Ну, вотъ и покраснѣли!
Охъ, эта скромность мнѣ! Пора вамъ быть смѣлѣй.

Наташа.

Я то же говорю.

Посошковъ.

Скажите веселѣй:
„Возможно ль? это вы!" Ну, что же! Говорите!

Оленька.

„Возможно ль! это вы?..."

Посошковъ.

Куда же вы глядите?
Смотрите на него; онъ главный персонажъ.

Вельскій.

„Да, Лиза, это я — любовникъ вѣрный вашъ!
„Я съ вами, вижу васъ... и все теперь—разлуку,
„Печаль, тоску... все, все забылъ!"

Посошковъ (Вельскому).

Цѣлуйте руку!

Оленька.

„Вы здѣсь, Эрастъ! И вы пять дней могли
„Не видѣться со мной!“

Наташа.

„Да будьте жъ съ нимъ построже:
„Легко ль, пять дней!—На дѣло не похоже!
„Мы чуть было отъ васъ въ постелю не слегли;
„Съ утра до вечера все плакали, грустили...“

Вельскій.

„Я ѣздилъ изъ Москвы“.

Наташа.

„Вы ѣздили? Куда?“

Вельскій (Оленькѣ).

„Но вы вездѣ со мною вмѣстѣ были!
„Вы здѣсь—и навсегда!“

Оленька (Наташѣ).

„Ахъ, какъ онъ милъ!“

Вельскій.

„Я съ вами разставался
„Затѣмъ, чтобъ вѣчно вашимъ быть:
„Я ѣздилъ къ дядюшкѣ, во всемъ ему признался,
„Клялся ему васъ вѣкъ любить;
„Кто чувствуетъ, какъ я —тому краснорѣчивымъ
„Не трудно быть: я всѣ сомнѣнья превозмогъ,
„Онъ мнѣ позволилъ быть счастливымъ.
„Теперь я здѣсь, у вашихъ ногъ!
„Отъ вашего зависитъ приговора
„Все счастье, жизнь моя...“

Посошковъ.

Ахъ, если бы актера
Еще такого намъ!

Вельскій.

„Скажите только: да!
„И я навѣки, навсегда
„Любовникъ вашъ, супругъ...“

Посошковъ.

Прекрасно, превосходно!
Вотъ истинный талантъ!.

Оленька.

„Притворство мнѣ не сродно...
„Я васъ люблю, Эрастъ!“

Посошковъ (Вельскому).

Подвиньтесь ближе къ ней.

Оленька.

„Но я, къ несчастію, свободы не имѣю
„Располагать собой“.

Наташа.

„Я васъ не разумѣю“.

Оленька.

„Мой опекунъ...“

Наташа.

„Да что онъ за указъ?
„И есть ли что-нибудь съ нимъ общаго у васъ?
„Онъ старъ, вы молоды; онъ дуренъ, вы прекрасны“.

Вельскій.

„Что значитъ власть опекуна,
„Когда вы будете согласны
„Супругой быть моей?

Оленька.

„Такъ я должна...“

Наташа.

„Должны, какъ слѣдуетъ, сначала колебаться,
„Твердить о томъ, о семъ,
„Поплакать — и потомъ
„Сегодня убѣжать, а завтра обвѣнчаться“.

Лиза колеблется. Вельскій-Эрастъ возражаетъ ей съ необыкновеннымъ жаромъ. Посошковъ въ восторгѣ отъ его игры — и говоритъ.

Какое совершенство!
Ну, Вельскій, признаюсь, отъ васъ я безъ ума!

Вельскій.

Не дурно я сыгралъ?

Посошковъ.

Какъ Гаррикъ, какъ Тальма,
Почти, какъ я!

Очень много веселаго комизма въ той сценѣ, гдѣ Посошковъ учитъ Вельскаго-Эраста, какъ онъ долженъ дурачить опекуна Лизы, который вмѣстѣ съ тѣмъ и женихъ ея. А роль опекуна и исполняетъ самъ Посошковъ. Выслушавъ реплику Вельскаго, онъ замѣчаетъ ему:

Эхъ, батюшка, не то! Вамъ должно обозначить
Насмѣшку тутъ: вѣдь вы должны меня дурачить.

Наташа.

Да онъ, мнѣ кажется, и такъ дурачитъ васъ.

Посошковъ.

Побольше тонкостей! Играя въ первый разъ,
Ихъ всѣ нельзя схватить; а вы, сударь, не вновѣ:
Вамъ стыдно ихъ не знать.—„Уродъ!“—При этомъ словѣ
Взгляните на меня.

Вельскій (повторяя).

„Сѣдой старикъ! скупецъ!..“

Посошковъ.

Вотъ, такъ!

Вельскій.

„Уродъ!“

Посошковъ.

Браviссимо!

Вельскій.

„Глупецъ!“

Посошковъ.

Отлично! Хорошо!

Но особенно забавенъ Посошковъ, когда онъ интимную бесѣду Вельскаго съ Ольгой, уговаривающаго ее бѣжать, принимаетъ за повтореніе ими своихъ ролей (Д. III, явл. 10).

Любскій.

Что вижу! Боже мой!

Посошковъ.

Эхъ! Тише, не шумите!

Вельскій (не видя Любскаго и Посошкова).

Минуты дороги — рѣшайтеся скорѣй!

Любскій.

Возможно ли! Одна!..

Посошковъ.

Такъ что жъ?

Любскій.

И Вельскій съ ней...

Посошковъ.

Да какъ же иначе? Они проходятъ роли.

Вельскій.

И вы колеблетесь! Когда отъ вашей воли
Зависитъ все...

Любскій.

Какъ смѣть!..

Посошковъ.

Еще! Какой болтунъ!

Вельскій.

Рѣшитесь быть моей!..

Послѣ этихъ словъ Вельскаго, Посошковъ объясняетъ Любскому, что это какъ-разъ тотъ моментъ въ его пьесѣ, когда къ Лизѣ и Эрасту долженъ подойти опекунъ. И онъ подходитъ. Неожиданность его появленія смущаетъ влюбленную пару, а Посошковъ начинаетъ съ жаромъ вести роль опекуна:

„Чего жъ вы испугались?
„Вѣдь я еще не мужъ, а только что женихъ.
„Гдѣ видано!—Застать вдвоемъ одних ъ!
„Да какъ вы смѣли!
„Къ чему, сударыня, зачѣмъ онъ съ вами былъ?
„Что, матушка! Я вижу, онѣмѣли!..

„А васъ, сударь... А васъ"... Кой чертъ! Опять забылъ.
(Вынимаетъ роль и читаетъ по ней).
„А васъ, сударь, велю"... (Вельскому). Подвиньтеся немножко!
„Велю сейчасъ я выкинуть въ окошко!
„И этотъ сорванецъ, и этотъ глупый франтъ
„Подумать смѣлъ, что я"...

Тутъ Посошковъ, видя на лицѣ Вельскаго испугъ, приписываетъ это явленіе талантливости его, какъ актера, его способности легко придавать своему лицу соотвѣтствующій видъ, и съ восторгомъ истиннаго артиста говоритъ Любскому:

Вотъ, батюшка, талантъ!
Вотъ геній истинный! Смотрите, удивляйтесь!
Каковъ испугъ?

Любскій (съ досадою).
Хорошъ!

Посошковъ.
Да что же! Восхищайтесь!
Взгляните на него! Какъ истуканъ стоитъ!
(Оленькѣ). И вы? Браввиссимо! Какой смущенный видъ!
Вотъ это мимика! — Смотрите, поблѣднѣла!
Давно ль двухъ словъ сказать порядкомъ не умѣла?
А все вѣдь я!... (Вельскому). Одно замѣтить должно вамъ:
Напрасно вы къ ея бросаетесь ногамъ;
Оно не худо бы, да слишкомъ театрально.
Но испугались вы...

Любскій (поглядывая на Вельскаго).
Да! Очень натурально.
(Тихо Оленькѣ). Сто разъ я говорилъ — не быть наединѣ!
Негодная! (Громко). Ступай въ гостиную, къ женѣ.

Извѣстіе о побѣгѣ Ольги вызываетъ у Посошкова досаду не какъ у жениха, потерявшаго невѣсту, а какъ у страстнаго любителя ставить спектакли.

Какъ будто бъ убѣжать и завтра не успѣла.

говоритъ онъ съ огорченіемъ человѣка, которому не удалась его любимая забава (Д. IV, явл. 6).

Забавны также тревоги и волненія Любскаго, создавшаго себѣ обузу въ видѣ задуманнаго спектакля, на который онъ теперь смотритъ, какъ на дѣло самой первостепенной важности. Нѣтъ долго актера Бирюлькина. Любскій ужъ сильно волнуется.— „Онъ боленъ, можетъ быть",—замѣчаетъ ему Вельскій.—„Это не резонъ", рѣшительно утверждаетъ Любскій. Наконецъ запоздавшій Бирюлькинъ явился и оправдывается тѣмъ, что у него были *дѣла*.—

„*Дѣла-то*, сударь, *здѣсь*", — съ упрекомъ говоритъ ему хозяинъ, не признающій теперь никакихъ дѣлъ, кромѣ „благороднаго спектакля" (Д. I, явл. 1 и 2).

Ссоры между актерами, ихъ мелкое самолюбіе и большое самомнѣніе -все это изображено въ пьесѣ Загоскина очень живо и правдоподобно. Такъ, актеръ Лилѣевъ обидѣлся замѣчаніемъ Посошкова, что онъ вмѣсто старика играетъ молодого франта, и отказался отъ участія въ спектаклѣ; бездарный Извѣдовъ мнитъ себя великимъ талантомъ, а годится лишь въ суфлеры.

Но не все въ этой пьесѣ Загоскина только забавно: есть кое-что, вызывающее иное чувство. Старикъ Бирюлькинъ жалуется Честонову, что его силкомъ привлекли къ актерствованію.

Честоновъ.

Но развѣ ты не могъ отдѣлаться отъ роли?
Зачѣмъ брался?

Бирюлькинъ.

Зачѣмъ! возьмешься по неволѣ,
Когда на старости пугнутъ тебя судомъ.

Честоновъ.

Судомъ?

Бирюлькинъ.

Я думаю, извѣстны вы о томъ,
Что братцу вашему *) еще въ запрошломъ лѣтѣ,
Имѣя на бѣду покупочку въ предметѣ,
Рублей до тысячи я какъ-то задолжалъ.
Хоть тысяча рублей не важный капиталъ,
Но такъ какъ у меня весь хлѣбъ побило градомъ,
А что осталося, пришлось продать съ накладомъ,
Къ тому же мужички не выслали оброкъ, —
Такъ деньги я внести по векселю не могъ.
Вашъ братецъ, знаете, зоветъ меня сосѣдомъ
И жалуетъ; ну, вотъ — однажды за обѣдомъ
Изволитъ говороть: — „Послушай-ка, сосѣдъ,
Заводимъ мы театръ; въ тебѣ хоть толку нѣтъ,
Однакожъ такъ и быть, ступай и ты въ актеры".
Вотъ я было и прочь. Куда-те! Хоть до ссоры!
Какъ крикнетъ, батюшка: „Со мною не шути!
Прошу играть, не то—по векселю плати!"
Да что я за актеръ? Вѣдь мнѣ шестой десятокъ.
„Не хочешь, такъ плати!" —Дождитеся хоть святокъ,
Я все съ процентами сполна вамъ заплачу.
„Нѣтъ! Въ судъ"!—Помилуйте!—„И слышать не хочу!
А впрочемъ не играй — вѣдь я, братъ, не неволю".

*) Честоновъ — братъ Любскаго отъ другого отца.

Что дѣлать? Замолчалъ. Въ карманъ пихнули ролю,
Очнуться не дали...

Положеніе Бирюлькина, этого подневольнаго актера, у котораго къ тому же и „вовсе нѣтъ способностей природныхъ", по истинѣ траги-комическое, и Гоголь, конечно, заступился бы за него, какъ заступился онъ за Акакія Акакіевича. Впрочемъ и Загоскинъ вложилъ въ уста Бирюлькина свой протестъ:

Дурачить такъ меня, ей-ей, отецъ, грѣшно!

Въ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ" С. Аксакова есть слѣдующая замѣтка о „Благородномъ театрѣ": „Я не видывалъ",—говоритъ Аксаковъ,—„чтобы кн. Шаховской когда-нибудь такъ хлопоталъ о своей пьесѣ, какъ онъ хлопоталъ объ этой комедіи. Почти на всѣхъ репетиціяхъ я сидѣлъ подлѣ князя и слышалъ все его бормотанье съ самимъ собою: «Плелесть, плелесть» -шепталъ онъ.—«Какое богатое комическое положеніе, какая веселость, какіе счастливые стихи! Откуда это все белется?.. Господь Богъ ему посылаетъ». Одинъ разъ Шаховской даже вскочилъ, треснулъ себя по лысинѣ и закричалъ, какъ могъ, своимъ дикимъ голосомъ: «Это лучшая комедія изъ всѣхъ втолосклассныхъ флянцузскихъ комедій, котолыми плославились ихъ автолы». Актерами Шаховской также восхищался, и, по истинѣ, эта комедія была разыграна съ такимъ совершенствомъ, какого я на московской сценѣ не видывалъ. Новая комедія Загоскина была принята публикой съ непрерывающимся смѣхомъ и частымъ, но сейчасъ утихающимъ хлопаньемъ; только по временамъ или по окончаніи актовъ, взрывы громкихъ, общихъ и продолжительныхъ рукоплесканій выражали удовольствіе зрителей, которые до тѣхъ поръ удерживались отъ аплодисментовъ, чтобъ не мѣшать самимъ себѣ слушать и смѣяться" (Полное собр. сочин. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 125—126, изд. 1886 г.).

Въ промежутокъ между появленіемъ „Вечеринки ученыхъ" и „Благороднаго театра" Загоскинъ написалъ еще двѣ обращающія на себя вниманіе комедіи: „Добрый малый" (въ трехъ дѣйствіяхъ, въ прозѣ) и „Урокъ холостымъ, или наслѣдники" (въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ). Первая относится къ 1820 г., а вторая — къ 1822-му. Схема ихъ все та же; но надо замѣтить, что Загоскинъ, сверхъ того, имѣлъ еще нѣсколько излюбленныхъ именъ и давалъ ихъ своимъ героямъ. Такъ, напр., фамилія *Вельскій* встрѣчается въ нѣсколькихъ его произведеніяхъ — и все это раз-

ныя лица. Въ „Добромъ маломъ“ тоже есть Вельскій: онъ главный герой пьесы. Онъ безпутнаго поведенія, шулеръ, лжецъ и вообще человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, но мастеръ угодить, льстить и ухаживать за кѣмъ ему выгодно, да, кромѣ того, умѣетъ придать своимъ мерзкимъ поступкамъ видъ благовидности—и, благодаря этому, слыветъ въ обществѣ за добраго малаго. Съ такимъ взглядомъ на него несогласны лишь немногіе коротко знающіе его люди; но большинство, слыша дурные о немъ отзывы, не хочетъ имъ и вѣрить.

— Вельскій — шулеръ; онъ обыгралъ своего двоюроднаго брата,—говоритъ человѣкъ, хорошо знающій этого плута.

— Да вздоръ! это клевета,—отвѣчаютъ ему. Чтобъ Вельскій обыгралъ своего двоюроднаго брата — быть не можетъ! Онъ, конечно, игрокъ—это правда, но со всѣмъ тѣмъ... Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!

А Вельскій какъ-разъ тутъ и явится и истолкуетъ дѣло въ свою пользу.—Я точно обыгралъ, - скажетъ онъ,— но я сдѣлалъ это изъ хорошаго побужденія. Согласитесь сами, не долженъ ли я былъ стараться удержать въ нашей фамиліи родовое имѣнье, которое могло бы достаться въ чужія руки. А братъ теперь живетъ у меня въ деревнѣ, ни въ чемъ не нуждается, и гораздо счастливѣе, чѣмъ былъ прежде.

И Вельскій оправдался, и имя „добраго малаго“ не поколеблено.

Аксаковъ о типѣ Вельскаго говорилъ: „Добрый-малый — не пустое, не временное лицо, а вѣчное; Протей по своему многообразію, онъ не переведется, покуда будутъ жить люди обществомъ; я думаю даже, что и между дикарями есть своего рода добрые-малые. Хотя у Загоскина Вельскій въ дѣйствительности совсѣмъ не «добрый-малый», а настоящій мошенникъ, но въ комедіи вездѣ проведена мысль: *вотъ кого въ свѣтѣ называютъ добрымъ-малымъ*“ [23]). Тутъ невольно приходитъ на мысль такая параллель: обрисовывая въ своихъ сказкахъ неблаговидные поступки двухъ старшихъ братьевъ, народъ нашъ тоже проводитъ подобную мысль: *вотъ кого въ свѣтѣ называютъ умными.*

Грибоѣдовскій Загорѣцкій, конечно, близкій родня Вельскому: онъ тоже „мошенникъ, плутъ“, „лгунишка“, съ нимъ „въ карты не садись — продастъ“, — да „мастеръ услужить“. Но отношеніе общества къ Загорѣцкому нѣсколько иное.

Въ статьѣ о Крыловѣ мы уже указывали, что въ его комедіи: „Пирогъ“ есть одна сцена, напоминающая чтеніе письма

Хлестакова въ „Ревизорѣ“ [24]). Подобная же сцена есть и въ „Добромъ маломъ“: Вельскій, подобно Хлестакову, написалъ насмѣшливое письмо къ своему пріятелю, и письмо это попалось въ руки Стародубова, который, зная хорошо Вельскаго, давно уже пытался открыть глаза тѣмъ, кто принималъ этого негодяя за добраго малаго. Теперь онъ показываетъ имъ письмо.

Ладова *) (взглянувъ на письмо). Что это?... (Читаетъ). «Вчерась я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура...» Какъ, сударь! и вы осмѣлились?...

Стародубовъ. Позвольте мнѣ, я прочитаю сряду. (Беретъ письмо и читаетъ). «Вчерась я не могъ съ тобою увидѣться: я былъ у Ладовой; эта сентиментальная дура засадила меня въ пикетъ съ любезной своей тетушкой; ужъ выдержалъ я пытку...»

Посидѣлова **). Что, что, батюшка?

Стародубовъ (продолжаетъ читать). «Ты не знаешь, каково играть съ скупою старухою, которая за каждую полушку готова удавиться...»

Посидѣлова. Какъ! и это тутъ написано?

Стародубовъ (показывая письмо). Посмотрите сами.

Посидѣлова. Прошу покорно, я готова удавиться за каждую полушку! Ахъ ты богоотступникъ!

Стародубовъ. Постойте, постойте! дайте кончить. (Продолжаетъ читать). «Если Рославлевъ ***) вздумаетъ опять играть, то отдѣлайся повѣжливѣе; бѣдняжка проигралъ намъ двадцать тысячъ—и чуть не сошелъ съ ума; долго ли до грѣха: проиграетъ сорокъ — и застрѣлится».

— Ну, племянникъ, что скажешь?—говоритъ Стародубовъ, дочитавъ письмо.

Сцена съ письмомъ Вельскаго однако гораздо ближе къ Гоголевской, чѣмъ сцена съ запиской Фатюева. Мы имѣемъ въ виду не только чтеніе и слушаніе писемъ, но и содержаніе ихъ.

Что касается комедіи: „Урокъ холостымъ, или наслѣдники“, то относительно ея ограничимся лишь приведеніемъ слѣдующихъ строкъ Аксакова:

„Всякая комедія, написанная прекрасными стихами, языкомъ разговорнымъ, была бы тогда замѣчательнымъ явленіемъ и безъ

*) Хозяйка дома, въ которомъ Вельскій, въ расчетѣ жениться на ея падчерицѣ, старался казаться „добрымъ малымъ“.

**) Тетка Ладовой.

***) Племянникъ Стародубова, считавшій Вельскаго своимъ другомъ.

той неизмѣнной веселости и комической жизни, которой такъ много въ «Наслѣдникахъ». Публика и литераторы приняли пьесу съ восхищеніемъ; стихи въ этой пьесѣ вообще такъ хороши, что и теперь можно ихъ прочесть съ удовольствіемъ. Конечно, тогда уже начинали писать гладкими стихами для театра; но въ этой пустой, щеголеватой гладкости состояло все ихъ достоинство. Стихи Загоскина, напротивъ, при всей легкости разговорнаго языка, не пусты: въ нихъ есть содержаніе, сила, и мысль укладывается въ нихъ вся безъ остатка и безъ натяжки. Въ пьесѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, которыя бы ярко выдавались. Она вся написана хорошо. Выписываю совершенно на выдержку: бѣдная дѣвушка Лиза живетъ изъ милости въ домѣ своего дальняго родственника, жена котораго, г-жа Звонкина, попрекаетъ ее бѣдностью, а сынъ ея Любимъ, влюбленный въ Лизу, ее смиренно защищаетъ:

Лиза.

Конечно, я бѣдна; но бѣдность не порокъ.

Звонкина.

А что жъ, сударыня, чай скажешь: добродѣтель!
Покойный твой отецъ, всеміpный благодѣтель —
А нищій самъ, какъ ты, точь-въ-точь же разсуждалъ,
Престрогій былъ судья и взятокъ онъ не бралъ.
Тотъ домикъ выстроилъ, другой купилъ деревню,
А онъ прямехонько попалъ бы въ богадѣльню.

Любимъ.

Честнѣйшій человѣкъ!

Звонкина.

Скажи, сударь, гордецъ:
Хотѣлъ быть всѣхъ умнѣй. Что жъ вышло наконецъ?
Да что и говорить! онъ былъ совсѣмъ безъ правилъ.
Служилъ въ палатѣ вѣкъ — а дочь съ сумой оставилъ.

Любимъ.

Все такъ, однакожъ онъ...

Звонкина.

Ну, полно врать — молчи!
Пошли ко мнѣ отца; а ты достань ключи
Отъ сахару — они въ столѣ; отдай ихъ Дунькѣ:
Да у меня смотри! прошу ходить по стрункѣ!
Ступай!

Какъ хорошо обрисовывается фигура Звонкиной, и какъ много слышно дѣйствительной жизни во всѣхъ ея словахъ, и какая естественность разговора! Сцены подлой угодливости на-

слѣдниковъ, когда пріѣзжаетъ ихъ дядя, богачъ и холостякъ,— очень живы и смѣшны. Старикъ, хорошо понимающій своихъ наслѣдниковъ, прикидывается, что самъ хочетъ жениться на Лизѣ, и всѣ родные, смертельно перепуганные, желая удержать богатство дяди въ своей семьѣ, спѣшатъ помолвить ее за Любима, о чемъ прежде не хотѣли и слышать. Старикъ того и желалъ; онъ отдаетъ все свое имѣніе внуку" [25]).

Изъ позднѣйшихъ комедій Загоскина остановимся лишь на пьесѣ: „Недовольные", появившейся въ 1835 г.

Со словъ Аксакова мы уже знаемъ, что Загоскинъ не выносилъ, если задѣвали Россію. Надо полагать, что досада его бывала особенно сильна, когда хулителями Россіи являлись люди пустые, ничего не желавшіе дѣлать на пользу своей родины, умѣвшіе только либеральничать на словахъ, а на дѣлѣ остававшіеся себялюбивыми эгоистами. Такихъ людей Загоскинъ и осмѣялъ въ своей комедіи: „Недовольные". Первый „недовольный" — это князь Иванъ Ильичъ Радугинъ. Проведя бо́льшую часть своей службы въ отпуску, князь наконецъ остался безъ мѣста и живетъ въ Москвѣ въ свое удовольствіе:

Зимою кушаетъ малину
И свѣжіе въ Крещенье огурцы,

по мясоѣдамъ задаетъ балы, а въ постъ концерты, платитъ по 50 тысячъ за картины—и наконецъ чувствуетъ себя стѣсненнымъ въ денежномъ отношеніи. Остается или перебраться на скромное житье въ деревню, или получить выгодное мѣсто. Но въ деревню не хочется, а мѣста не даютъ — и раздраженный князь бранитъ Россію. Особенно недоволенъ онъ, когда узнаетъ изъ газетъ, что Умковъ и Зоринскій (вѣроятно, прежніе сослуживцы его) произведены въ четвертый классъ.

Ну, послѣ этого прошу въ Россіи жить,—

восклицаетъ съ негодованіемъ князь, — въ Россіи —

Жилищѣ варваровъ, звѣрей;
Землѣ, гдѣ головы всѣ пусты,
Гдѣ, кромѣ огурцовъ да кваса и капусты,
Не знаютъ ничего

Другой „недовольный" — сынъ князя, Владиміръ. Въ разговорѣ съ пріятелемъ своимъ Запяткинымъ онъ говоритъ ему:

Когда бъ ты зналъ Парижъ!
Вотъ жизнь, мой другъ! У насъ все гладь да тишь,
И мы спокойно всѣ отъ скуки умираемъ...

А тамъ все жизнію кипитъ! И всѣ въ чаду —
Старикъ и юноша, глупецъ и геній,
Всѣ пьютъ изъ чаши наслажденій!

И желаніе Владимира „пить изъ чаши наслажденій" привело его къ тому, что онъ уволенъ былъ отъ службы. Вотъ разсказъ его объ этомъ фактѣ, характеризующій вмѣстѣ съ тѣмъ и его низкопробный либерализмъ.

Владимиръ.

Да кстати, cher ami! Поздравь, вѣдь я свободенъ.

Запяткинъ.

Свободенъ? Какъ?...

Владимиръ.

Я больше не служу.

Запяткинъ.

Давно ли ты въ оставку вышелъ?

Владимиръ.

Начальникъ мой — ты знаешь этого глупца —
При всѣхъ сказалъ, что стыдно мнѣ шататься,
Что должно дѣломъ заниматься.
А дѣло что?—Безсмыслица и вздоръ!
Вотъ я вступилъ съ нимъ въ жаркій споръ,
И доказалъ ему, что вретъ онъ очевидно.
Чтожъ онъ, мой другъ? — И вспомнить-то обидно! —
Молчать велѣлъ!

Запяткинъ.

Какой ужасный деспотизмъ!

Владимиръ.

„Къ тому жъ" примолвилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой, —
„У васъ на всякой строчкѣ галлицизмъ,
И слово каждое съ ошибкой.
Учитесь грамотѣ". Такой обидный тонъ
Взбѣсилъ меня! Когда жъ онъ, къ этому въ прибавку,
Осмѣлился сказать: „Подите, сударь, вонъ!"—
Я тотчасъ объявилъ, что подаю въ отставку;
Что въ руки не возьму пера;
Что службою у насъ лишь только тотъ доволенъ,
Въ комъ нѣтъ души. И что жъ? Вдругъ узнаю вчера,
Что я отъ службы ужъ уволенъ,
И что мнѣ выдадутъ прескверный аттестатъ.
Тѣмъ лучше — очень радъ!
Я посмѣюсь надъ этой отсталою
Толпой невѣждъ, глупцовъ, и докажу,
Какъ мало дорожу
Ихъ вздорной похвалою.

Запяткинъ — тоже изъ „недовольныхъ“: онъ рѣшительный врагъ всего національнаго, и въ одномъ мѣстѣ комедіи заявляетъ:

А я такъ думаю, что наше просвѣщенье
Начнется лишь тогда,
Когда у насъ не только что въ лакейской,
Но даже въ деревняхъ исчезнетъ борода,
И станутъ всѣ ходить въ одеждѣ европейской, —

на что Глинскій, человѣкъ иныхъ воззрѣній, отвѣчаетъ съ ироніей:

Резонъ! Вѣдь нашъ мужикъ отъ этого и глупъ,
Что носитъ шапку и тулупъ.
Ему бы надобно, какъ умному французу,
Въ холстинную одѣться блузу
И выѣхать въ морозъ.

Но кто же этотъ европеецъ — Запяткинъ?

Да какъ бы вамъ сказать?...
Онъ не въ большихъ чинахъ, но знатенъ онъ по роду;
Не служитъ онъ, затѣмъ, что любитъ страхъ свободу,
И потому на счетъ другихъ живетъ;
Все русское клянетъ,
Злословьемъ князя забавляетъ;
Чужіе знаетъ всѣ грѣхи;
Въ журналы отдаетъ безденежно стихи,
А деньги въ карты промышляетъ.

Въ числѣ „недовольныхъ“ состоитъ гостья князя — княгиня Дутикова. Она побывала въ Ревелѣ, нашла тамъ необыкновенное „просвѣщеніе“, слушала какую-то сведшую всѣхъ съ ума оперу, брала морскія ванны—и теперь бранитъ Москву, гдѣ, по ея мнѣнію, всѣ—невѣжи, мужики; гдѣ нельзя ей даже и потолковать о музыкѣ; гдѣ, наконецъ, и самый климатъ ужасно дуренъ.

Въ Москвѣ живемъ мы по уши въ снѣгу,
А въ Ревелѣ... ахъ, вспомнить не могу!
Какая разница! Повѣрите ль, тамъ сладко
И воздухомъ дышать. — У насъ въ Москвѣ — Камчатка,
А тамъ...
Когда я въ Ревелѣ была,
Не знала докторовъ и ѣла все на свѣтѣ;
А здѣсь всегда на строгой я діэтѣ,
Всегда голодная встаю изъ-за стола,
И такъ слаба, какъ маленькій ребенокъ...
Ну, точно какъ цыпленокъ
По зернышку клюю. Вотъ, помните, при васъ:
Бульону чашечка, желе, бифштексъ, котлетка,
И больше ничего,—а пью одинъ лишь квасъ.

Однако одинъ изъ „недовольныхъ", а именно Владиміръ, обрисованъ очень невыдержанно. Вполнѣ естественно этому пустому человѣку говорить:

Къ чему для женщинъ умъ?...
Да женщины съ умомъ — прескучныя творенья.

Но совершенно неестественны въ его устахъ рѣчи о „высокой цѣли любомудрія" и о „свѣтломъ идеалѣ просвѣщенія", и смѣшно слышать отъ этого чиновника, не умѣющаго написать строки безъ ошибки, упрекъ современному ему русскому обществу въ томъ, что среди него

въ людяхъ грамотныхъ всегдашній недочетъ.

Загоскинъ, очевидно, слилъ въ одно лицо различныя категоріи „недовольныхъ".

Но какъ бы то ни было, самымъ интереснымъ въ этой комедіи являются мысли и чувства самого автора, которыя онъ выразилъ отъ лица Глинскаго, задуманнаго, что тоже очевидно, по образцу Чацкаго. Когда Владиміръ начинаетъ съ злой ироніей говорить о русскомъ умѣ и о русскихъ нравахъ, Глинскій отвѣчаетъ ему длинной тирадой, напоминающей извѣстный монологъ Чацкаго въ 22-мъ явл. III-го дѣйствія. Глинскій говоритъ:

Скажите мнѣ: да что вамъ за охота
Свое очечество позорить и срамить,
И, сряду все браня безъ всякаго отчета,
На этихъ крикуновъ несносныхъ походить,
Которые хотятъ, во что бы то ни стало,
Увѣрить всѣхъ, что мы нейдемъ впередъ ни мало;
Сидимъ за азбукой и все твердимъ зады;
Что просвѣщенія плоды
Въ Россіи вовсе не замѣтны;
Чтобъ русскимъ просто быть никто изъ насъ не смѣлъ;
Что это все невѣжество и чванство,
И что всегдашній нашъ удѣлъ
Одно смѣшное обезьянство.
О Господи! Когда избавишь насъ
Отъ этихъ вздорныхъ фразъ,
Отъ этихъ выходцевъ изъ чужеземныхъ краевъ,
Полу-французскихъ сорванцовъ,
Да отъ затянутыхъ въ шнуровки попугаевъ,
А пуще и того—отъ юныхъ мудрецовъ,
Которые въ сужденьяхъ такъ свободны,
За вѣкомъ вслѣдъ идутъ, смѣются надо всѣмъ,
Зовутъ негоднымъ все—затѣмъ,
Что сами ни къ чему не годны;

И этихъ птицъ зловѣщихъ родъ
Всегда злословитъ свой народъ,
И отвратительнымъ встрѣчаетъ крикомъ
Въ своемъ отечествѣ великомъ
Прекрасный солнечный восходъ.

Загоскинъ, какъ и Карамзинъ во время изданія „Вѣстника Европы" [26]), глядя на Россію, на ходъ ея просвѣщенія, старался подмѣчать не столько то, въ чемъ она отстала, сколько то, въ чемъ она успѣла, и радовался ея успѣхамъ. Эти успѣхи онъ не преувеличивалъ, онъ называлъ ихъ лишь „прекраснымъ солнечнымъ *восходомъ*", — но не могъ выносить, когда слышалъ только огульное порицаніе всего русскаго — и притомъ порицаніе „безъ всякаго отчета". Онъ не равнялъ наше просвѣщеніе съ европейскимъ, и у него Глинскій признаетъ справедливость ироническаго замѣчанія Владимира:

Скажите мнѣ: когда у насъ видали,
Чтобы съ просителей безстыдно взятки брали?
Чтобъ кто-нибудь страдалъ невинно отъ суда?
Не правда ль, что у насъ всегда
Невинный правъ, наказанъ виноватый?
Вельможа не спесивъ, не чванится богатый,
И сильный слабаго не давитъ никогда?—

но на заявленія князя, что

мы во всемъ ужасно какъ отстали,

возражаетъ:

Такъ что жъ? И это не бѣда.
Идти впередъ не должно торопливо.
Была бы только Русь спокойна и счастлива,
А прочее придетъ.

— Не знаете ль, когда? — спрашиваетъ его Владимиръ.

Глинскій.

Мы молоды еще, такъ надо намъ терпѣнье:
Народа цѣлый вѣкъ не то, что вѣкъ людской.

Владимиръ.

А что жъ по-вашему — какой?

Глинскій.

У насъ года, а тамъ считаютъ поколѣнья.

Таковъ былъ взглядъ Загоскина на ходъ просвѣщенія въ Россіи.

Владимиръ, Запяткинъ, княгиня Дутикова упрекаютъ Россію въ отсталости. Князь Радугинъ тоже, потому что онъ, считая

себя умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, „какихъ и прежде не бывало, приписываетъ свое положеніе безъ министерскаго портфеля единственно невѣжеству правительства, не умѣющаго отличать и выбирать способныхъ людей.

Повѣрьте мнѣ, у насъ конечно бы достало
Людей съ умомъ на все; но должно ихъ искать;
Нашли — такъ приголубить надо, —

говоритъ онъ, намекая на себя. Но есть у Загоскина и иного сорта „недовольные": они упрекаютъ Россію, наоборотъ, не въ отсталости, а въ заведеніи новыхъ порядковъ. Такова теща князя Радугина, Анисья Дмитріевна—лицо лучше, живѣе другихъ очерченное. Вотъ отрывокъ изъ ея разговора съ Глинскимъ (Д. I. явл. 2). Зашла рѣчь объ ихъ общемъ знакомомъ — Вельскомъ.

Анисья Дмитріевна.
А кстати!—Знаешь ли? Вѣдь онъ ужъ генералъ!..

Глинскій.
Кто?... Вельскій?

Анисья Дмитріевна.
Да.

Глинскій.
Такъ что жъ?

Анисья Дмитріевна.
Какъ что? Мальчишка!
Давно ли у него былъ маленькій чинишко?...

Глинскій.
Онъ въ службѣ тридцать лѣтъ, такъ, право, не грѣшно..

Анисья Дмитріевна.
Ужъ Вельскій генералъ!... Подумать-то смѣшно!...
Я помню, въ курточкѣ ходилъ!... и какъ не стыдно...

Глинскій.
За что же обходить служащихъ безъ вины?
И если всѣмъ даютъ за выслугу чины...

Анисья Дмитріевна.
Чины! — кому?... подумать-то обидно!
Да ты не знаешь, видно,
Что Вельскому отцомъ роднымъ
Былъ просто сдаточный, а дѣдъ былъ крѣпостнымъ.

Глинскій.
Такъ что жъ! — Тому и больше чести,
Кто самъ собой, безъ происковъ и лести,

Безъ знатнаго родства, однимъ своимъ умомъ,
Талантомъ иль трудомъ
Проложитъ для себя блестящую дорогу.

Анисья Дмитріевна.

Помилуй, батюшка, да этакъ понемногу...

Глинскій.

Не бойтеся, не всѣмъ талантъ Господь даетъ.

Анисья Дмитріевна.

Да всѣмъ даютъ чины. Давно я замѣчаю,
Что все у насъ навыворотъ идетъ:
Купцы не пьютъ вина, давай имъ чаю *);
Мѣщане лѣзутъ въ господа,
А господа идутъ въ студенты;
Ужъ первый чинъ схватить не можно безъ труда—
На все ученье да патенты!
Ужъ стали грамотѣ учить простой народъ,
И всякій лавочникъ толкуетъ про балансы!..
Въ Москвѣ шоссе да дилижансы,
А въ Питерѣ какой-то пароходъ,
Лихія болѣсти да выдумки пустыя!
Ну, словомъ — все поставили вверхъ дномъ...
Мы люди, батюшка, простые,
Такъ просто говоримъ.

Глинскій.

Позвольте мнѣ въ одномъ
Немножечко поспорить съ вами.
Дурнымъ хорошее не надо называть.
У насъ есть также люди съ головами,
Такъ стыдно отъ другихъ въ полезномъ отставать:
Художества, искусства и науки
Для пользы общей созданы;
Они идутъ впередъ; и если всѣмъ даны
И здравый смыслъ и руки —
Такъ почему жъ и намъ...

Анисья Дмитріевна.

Мы знаемъ эти штуки!
Разсказывай!.. Какія здѣсь науки?
Ужъ намъ хитрить!.. да съ нашимъ ли умомъ?
Мы развѣ иностранцы?
Мы русскіе!..

Глинскій.

Подчасъ и въ этомъ самозванцы,
Но, къ счастію, не всѣ.

*) Чай въ то время былъ еще дорогимъ лакомствомъ.

Анисья Дмитріевна.

Подумали бъ о томъ,
Что все пришло въ забвенье,
Что даже и въ Москвѣ ни къ роду ни къ лѣтамъ
Нѣтъ должнаго почтенья;
Все разночинцы по мѣстамъ...
Бывало въ старину — отецъ въ чести и съ вѣсомъ,
Такъ сынъ — въ пеленкахъ офицеръ;
Что жъ нынче, напримѣръ?
Чиновный человѣкъ — посмотришь: что за рожа!
Откудова взялся! и даже не москвичъ!
А столбовой, хоть князь Иванъ Ильичъ,
Безъ мѣста, батюшка; а чѣмъ онъ не вельможа?
Открытый домъ, шпалеры на стѣнахъ,
Сервизъ серебряный, услуга въ галунахъ,
Всегда пріѣздъ — и что жъ? Вотъ ровно три недѣли.
Писалъ онъ въ Петербургъ, а все отвѣту нѣтъ.

Предметъ пьесы; „Недовольные“ серьезнѣе, чѣмъ прочихъ комедій Загоскина, но все-таки она успѣха не имѣла. Такъ всегда бываетъ, когда меньшій талантъ подражаетъ большему. Загоскинъ, очевидно, хотѣлъ подражать пріемамъ Грибоѣдова: у него также въ противоположность отрицательнымъ типамъ выведенъ положительный, вступающій въ споръ съ представителями темныхъ силъ, но въ комедіи нѣтъ той высокой художественности, какою отличается „Горе отъ ума“, въ ней не та сатирическая соль, и въ Глинскомъ не тотъ жаръ, что въ Чацкомъ. Послѣ „Горя отъ ума“ комедія Загоскина не могла выдвинуться, хотя и въ ней есть хорошія отдѣльныя мѣста [27]). Впрочемъ Загоскинъ не созданъ былъ для жгучей, негодующей сатиры: его удѣломъ, какъ драматическаго писателя, была веселая комедія съ забавными сценами, и тутъ онъ возбуждалъ неудержимый смѣхъ, такъ что, по свидѣтельству современниковъ, зрители задыхались отъ хохота.

Такое свойство таланта Загоскина находилось въ связи съ его личнымъ характеромъ. „Загоскинъ“ — говоритъ Аксаковъ — „былъ самый добродушный, простодушный, неизмѣнно-веселый человѣкъ“. (См. „Литературныя и театральныя воспоминанія“, 1820 и 1821-й года, гдѣ, а также и въ „Біографіи Загоскина“, — читатель найдетъ подробную характеристику личности этого писателя).

XV. Обработка водевиля Хмельницкимъ [28]) (1789—1846) и Писаревымъ (1801—1828).

Общій взглядъ на сочиненія Хмельницкаго.—Отрывки изъ его комедіи: „Арзамасскіе гуси“.—Хмельницкій главнымъ образомъ—водевилистъ.—Общій характеръ его водевилей.—Водевили: „Говорунъ“, „Воздушные замки“, „Нерѣшительный“.—Два слова о другихъ водевиляхъ Хмельницкаго.—Отзывъ Дурова о его куплетахъ.- Хмельницкій—тоже вкладчикъ въ нашу драматическую литературу.— Біографическія свѣдѣнія о немъ (съ указаніемъ дѣятельности его, какъ смоленскаго губернатора).

Близокъ къ кружку кн. Шаховского былъ и Николай Ивановичъ Хмельницкій. Три небольшихъ томика его „Сочиненій“, изданныхъ Смирдинымъ, почти исключительно наполнены драматическими произведеніями. Что же это за произведенія? — Въ первомъ томикѣ прежде всего помѣщенъ переводъ двухъ комедій Мольера: „Тартюфъ“ и „Школа женщинъ“. Переводъ хорошъ, особенно „Тартюфа“, и его считаютъ лучшей до сихъ поръ попыткой передать эту пьесу на русскомъ языкѣ, сохраняя всѣ красоты, эпиграмматическій языкъ и юморъ подлинника [29]). Но это пока лишь переводныя произведенія Хмельницкаго. У русскаго писателя вы желаете найти что-нибудь русское, перелистываете страницы томиковъ — и большею частью видите передѣлки французскихъ пьесъ или заимствованія изъ нихъ. Наконецъ вы находите нѣсколько вещей, взятыхъ изъ русской или малороссійской жизни: историческую драму: „Богданъ Хмельницкій, или присоединеніе Малороссіи“, историческую комедію изъ временъ Петра Великаго: „Царское слово, или сватовство Румянцева“ и др. Начинаете читать, — но все это слабо, скучновато, краски блѣдны, — и только въ самомъ ужъ концѣ третьяго томика вы встрѣчаете дѣйствительно нѣчто замѣчательное: это отрывки изъ комедіи: „Арзамасскіе гуси“, которой Хмельницкій занимался ужъ подъ конецъ своей жизни, и которая такъ и осталась недоконченной: въ Смирдинскомъ изданіи помѣщено всего три отрывка. Языкъ, стихъ, жизненность, типы, юморъ — все въ нихъ хорошо, и вы съ удовольствіемъ ихъ прочитываете. Приведемъ первый изъ этихъ отрывковъ.

Лихвинъ, уѣздный судья, сидитъ за бумагами, потомъ входитъ его жена.

Г-жа Лихвина.

Судья мой вѣчно у стола!
Была бъ бумага да чернила.

Г. Лихвинъ.

Ахъ, матушка! зачѣмъ пришла?
Пойдутъ ли въ голову дѣла,
Когда жена заговорила?

Г-жа Лихвина.

Куда жъ прикажешь мнѣ бѣжать?
Я, кажется, вошла не съ барабаннымъ боемъ;
Ну, служба службою, покой покоемъ.
И губернаторы изволятъ отдыхать.

Г. Лихвинъ.

Тутъ дѣло, матушка, совсѣмъ иное,
Злодѣйское, чертъ съ нимъ, такое,
Что развязаться мудрено.
Да впрочемъ Богъ владѣетъ смѣлымъ!
Вотъ видишь: дѣло-то черно,
А надо, чтобъ казалось бѣлымъ.

Г-жа Лихвина.

Ученыхъ нечего учить;
Ты только не подстать одѣтъ щеголевато,
И можно бы дѣла рѣшать
И безъ атласнаго халата.

Г. Лихвинъ.

Ахъ, матушка!

Г-жа Лихвина.

Ужъ какъ изволишь,
А потакать тебѣ ничѣмъ не приневолишь.

Г. Лихвинъ.

Но вспомни ты, когда
Пріѣхалъ я сюда
И сѣлъ судьей въ халатишкѣ негодномъ...

Г-жа Лихвина.

Не вспоминай мнѣ никогда
Объ этомъ времени голодномъ.

Г. Лихвинъ.

А на другой, — ты помнишь, — годъ
Я сшилъ себѣ халатъ атласный—
И повалилъ ко мнѣ народъ...

Г-жа Лихвина.

Ахъ, этотъ годъ былъ распрекрасный!

Г. Лихвинъ.

Вотъ то-то же! А вѣдь на умъ
Навелъ покойный кумъ;
Въ дѣлахъ не зналъ онъ неудачи,

И былъ строка и записной подьячій.
„Ты вѣчно будешь въ дуракахъ,
Когда сидишь, поджавши руки",—
Сказалъ мнѣ кумъ:—„пустись на штуки:
Дурной халатъ, какъ ноша на плечахъ;
Надѣнь такой, чтобъ зарябилъ въ глазахъ,
Да сядь парадно,—
Такъ будетъ ладно".
Послушался—и что жъ? вѣдь помогло:
Все стало паче да сугубо;
Ужъ такъ пошло, пошло, пошло,
Такъ сердцу любо!
Бывало всякій лѣзетъ въ дверь,
А нынче, какъ въ дѣла втянулись мы поближе,
Иной и подождетъ теперь
Да и поклонится мнѣ ниже.
И этакимъ манеромъ я
Сталъ записной и форменный судья!
Такъ видишь ли, жена, что ты же виновата,
И нечего жалѣть халата.

Г-жа Лихвина.

Ахъ, ангелъ мой! зато впередъ не заворчу,
Хоть разрядись себѣ въ парчу.

Г. Лихвинъ.

Вотъ то-то же!—А что?.. чай, Любушка ужъ встала;
Какъ ей понравился нашъ Арзамасъ?

Г-жа Лихвина *(съ неудовольствіемъ)*.

Съ дороги, видишь ли, устала,
И спитъ, хоть на дворѣ десятый часъ.

Г. Лихвинъ.

Съ дороги, матушка, и всѣ устанутъ:
Изъ Петербурга къ намъ не близкая ѣзда.

Г-жа Лихвина.

Не хорошо,—твердила я всегда,—
Когда мужья насъ слушаться не станутъ.

Г. Лихвинъ.

Ба, это что?

Г-жа Лихвина.

Да то,
Ты посылалъ ее почто
Въ заморскій Петербургъ на разныя познанья?
Всегда была я противъ воспитанья;
Твердила я тебѣ не разъ:

Зачѣмъ знать дѣтямъ больше насъ?
Такъ нѣтъ, не обошлось безъ пансіона—
Послали дочь.
Теперь ужъ горю не помочь;
Смотри, какая важная персона!

Г. Лихвинъ.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма...

Г-жа Лихвина.

Я знаю, батюшка, сама;
Но что ученіе опасно,
Такъ это очень ясно.
Ты дочку выучилъ всему,
Прошу сказать, къ чему?
Здѣсь иностранные не нужны разговоры,
Ей нужно бы умѣть хозяйствомъ управлять;
Анъ нѣтъ, изволитъ книжки все читать,
Да въ пяльцахъ вышивать узоры.

Г. Лихвинъ.

Эхъ, матушка...

Г-жа Лихвина.

Нѣтъ, я не скрою, что въ ней худо;
Къ тому жъ и рядится на чудо!
Затѣй ея не сосчитать:
Корсеты, кушаки да пряжки—
И наотрѣзъ сказать,
Всѣ петербургскія замашки.

Г. Лихвинъ.

Ну что жъ? пусть рядится: ей нужны женихи.

Г-жа Лихвина.

Оно бы такъ, но за твои грѣхи
Не скоро сыщешь ихъ, мой милый.
Нашъ вѣкъ для дѣвушекъ куда унылый!
Всякъ женится для барыша,
А наша дочь и хороша,
Да не богата.

Г. Лихвинъ.

Ну что жъ!.. и я не безъ халата,
А женихи здѣсь славные ребята.

Г-жа Лихвина.

Кто жъ ей понравится изъ этого числа?
Ей надо, чай, князей, да графовъ, да бароновъ:
Она съ ума сошла
Отъ петербургскихъ шаматоновъ.

Г. Лихвинъ.

А нашъ уѣздный казначей...
Онъ славный малый и забавникъ,
И посмотри, какихъ статей,
Злодѣй.
Нашъ капитанъ-исправникъ!

Г-жа Лихвина.

Всѣ эти люди не по ней,
Мой батюшка, и нынче жъ въ тонѣ
Смышлять о женихахъ, учася въ пансіонѣ.
Такъ видишь, и въ нее одинъ,
Какой-то господинъ Судьбинъ,
Влюбился о Святой, у тетки.

Г. Лихвинъ.

Мы рады бъ этакой находкѣ.

Г-жа Лихвина.

Да это вздоръ, а чай,
Все это тетушка напѣла;
Пожалуй, ожидай—
Отъ слова далеко до дѣла.

Г. Лихвинъ.

А между тѣмъ
И наши хороши, когда нѣтъ лучше;
Увидя Любушку, распѣтушатся пуще.
(Входитъ слуга).
А ты зачѣмъ?

Слуга.

Къ вамъ съ просьбой съѣхались казенные крестьяне—
И плачутся отъ нищеты.

Г. Лихвинъ.

Что жъ за бѣда! что за дворяне?
Пусть дожидаются, скоты...

Однако одни эти отрывки не могли, конечно, создать Хмельницкому славу національнаго писателя, и, принимая во вниманіе, что историческія его пьесы крайне слабы, а все остальное у него въ большинствѣ случаевъ передѣлка или заимствованія,—вы приходите къ заключенію, что писатель этотъ мало самостоятеленъ, хотя въ то же время чувствуете, что онъ далеко не безъ литературныхъ дарованій: объ этомъ вамъ говорятъ ужъ его переводы Мольера и его „Арзамасскіе гуси“.

Не удовлетворившись историческими пьесами Хмельницкаго, вы обращаетесь къ его болѣе или менѣе мелкимъ произведеніямъ,

читаете его „Говоруна“, „Воздушные замки“, его пьески: „Нерѣшительный“, „Бабушкины попугаи“, „Суженаго конемъ не объѣдешь“ и др.—и вы убѣждаетесь, что Хмельницкій превосходный водевилистъ, что водевиль и есть тотъ родъ, въ которомъ онъ всего полнѣе проявилъ свой талантъ.

Пьесы водевильнаго характера существовали у насъ уже въ послѣднія десятилѣтія XVIII-го вѣка. Особенной извѣстностью пользовалась тогда комическая опера Аблесимова: „Мельникъ“. Позднѣе снабжалъ сцену водевилями кн. Шаховской. Но облагородилъ этотъ видъ театральныхъ произведеній Хмельницкій, благодаря своему художественному такту, не позволявшему ему допускать никакихъ грубыхъ шутокъ, никакой пошлой игры словъ, грязныхъ каламбуровъ. Пьесы Хмельницкаго смѣло можно было ставить на такъ называемыхъ *благородныхъ* спектакляхъ въ частныхъ домахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Водевили Хмельницкаго въ большинствѣ случаевъ не оригинальны: это — передѣлки французскихъ пьесъ, но передѣлки, обнаруживающія эстетическій вкусъ Хмельницкаго и нерѣдко превосходящія подлинникъ. Такъ, напримѣръ, его „Говорунъ“ представляетъ собою очень живую и изящную пьеску, передѣланную изъ трехъ-актной комедіи Буасси: „Le babillard“, по словамъ Добротворскаго, „довольно неуклюжей и длинной“ [30]). Затѣмъ критики ставятъ въ заслугу Хмельницкому умѣнье отдѣлывать куплеты, придавая имъ граціозную игривость. Наконецъ эпиграмматическая соль, юморъ, хорошая,— хотя и нѣсколько карикатурная,—обрисовка типовъ, хорошій языкъ — все это въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ достоинства водевилей Хмельницкаго.

Къ лучшимъ водевилямъ Хмельницкаго, по обрисовкѣ типовъ, надо отнести слѣдующіе: „Говорунъ“ (1817), „Воздушные замки“ (1818) и „Нерѣшительный, или семь пятницъ на недѣлѣ“ (1820). Лучшіе они еще и потому, что въ нихъ какъ-никакъ, а все же дѣйствіе пріурочено къ Россіи, тогда какъ иные водевили Хмельницкаго, — напримѣръ, „Бабушкины попугаи“, „Суженаго конемъ не объѣдешь“, — остаются цѣликомъ на французской почвѣ.

Всѣ три отмѣченныя выше пьески написаны стихами и авторомъ названы „*комедіями* въ одномъ дѣйствіи“, но легкое и игривое ихъ содержаніе не даетъ имъ права называться этимъ именемъ, такъ какъ для комедіи нуженъ сюжетъ болѣе серьезный.

Герой пьески: „Говорунъ“ — графъ Звоновъ — отличается удивительной страстью къ болтовнѣ. Онъ хочетъ жениться на г-жѣ Прелестиной, молодой вдовѣ, но та опасается быть женой несноснаго болтуна, такъ какъ, по ея убѣжденію,

Болтливый мужъ — всегда съ женой бранится.

Лиза, горничная Прелестиной, отзывается о графѣ такъ:

Признаться, этотъ графъ неважная находка;
Языкъ же у него — ну, сущая трещотка:
Стучитъ, кричитъ, гремитъ, такой подыметъ звонъ,
Что, право, хоть кого бѣжать заставитъ вонъ!
О подвигахъ своихъ онъ всякому клянется;
Въ чемъ нынче увѣрялъ, въ томъ завтра отопрется;
Злословье и хвалы онъ мастеръ сочинять;
Не знаетъ одного: чтобъ кстати помолчать.

Въ другомъ мѣстѣ она говоритъ о немъ:

Вотъ чудный человѣкъ! никакъ не унываетъ:
Ну, не съ кѣмъ говорить — съ самимъ собой болтаетъ!

Въ этомъ водевилѣ очень много живыхъ и забавныхъ сценъ, которыя могли бы понравиться и современному намъ зрителю. Вотъ, напримѣръ сцена (III-я), начинающаяся болтовней графа „съ самимъ собой“.

По чести, пресмѣшно и ѣздить и ходить,
Не встрѣтя никого, чтобъ съ кѣмъ поговорить.
Увидѣвшись съ людьми, садишься, отдыхаешь,
Толкуешь, говоришь — и что-нибудь узнаешь.
Графъ Чвановъ, напримѣръ... мнѣ графъ старинный другъ!
Заѣхалъ къ графу я, а графу недосугъ!
Графини дома нѣтъ; и что жъ? вообразите...

Тутъ Лиза, которой Звоновъ до сихъ поръ не замѣчалъ, перебиваетъ его:

Позвольте васъ спросить: вы съ кѣмъ здѣсь говорите?

Графъ, оборотясь къ ней, заводитъ свою быструю, трескучую болтовню:

А, а, здорова ли? все къ лучшему идетъ;
Здорова? очень радъ, я зналъ то напередъ.
А барыня твоя? какое приключенье!
Представь, она сейчасъ дала мнѣ порученье
Заѣхать къ Лелевой, кой-что ей разсказать.
Бѣгу, скачу, лечу и — могъ ли ожидать...
Когда бъ я не былъ самъ, я счелъ бы то за враки:
Я въ домѣ не нашелъ ни бѣшеной собаки —

Все пусто, заперто, не встрѣтился ни съ кѣмъ —
И, съѣздивъ по нуждѣ, пріѣхалъ я ни съ чѣмъ!
Вчера я точно жъ такъ кружился по неволѣ:
Съ разсвѣтомъ поскакалъ къ обѣднѣ я, къ Николѣ;
Обѣдня кончилась—поѣхалъ я въ Сенатъ,
Оттуда во дворецъ, оттуда въ Лѣтній садъ,
Изъ сада къ Знаменью, отъ Знаменья въ Морскую,
Съ Морской въ Фурштатскую, съ Фурштатской на Сѣнную,
Съ Сѣнной въ Литейную, съ Литейной на Пески,
Съ Песковъ въ Садовую—какіе все скачки!—
Съ Садовой къ Гавани, изъ Гавани къ Почтамтской,
Съ Почтамтской къ Невскому, изъ Невскаго къ Казанской,
Оттуда поскакалъ объѣхать острова,—
Отъ мысли ужъ одной кружится голова!
Я мигомъ облетѣлъ Васильевскій, Петровскій,
Елагинъ, Каменный, Аптекарскій, Крестовскій;
Съ Крестовскаго...

Лиза опять перебиваетъ графа и, впадая въ тонъ трескучей его рѣчи, говоритъ, осмѣивая болтуна:

И я сегодня точно жъ такъ
Бросалась безъ ума разъ двадцать на чердакъ,
Оттуда въ лавочку, изъ лавочки въ людскую,
Оттуда въ погреба, оттуда въ кладовую;
Лишь съ лѣстницы сбѣгу—на лѣстницу опять;
Кричатъ: бѣги, подай—умѣй лишь успѣвать;
И мой, и шей, и гладь, чтобъ мигомъ все поспѣло.
Но, къ счастью, наконецъ спроворила я дѣло,
Пока у барыни одинъ изъ жениховъ,
Извѣстный очень графъ и страшный краснословъ,
Болталъ, болталъ, болталъ, весь домъ привелъ въ тревогу;
Но, вспомня, что онъ гость, убрался, слава Богу!
И барыня моя, не встрѣтиться чтобъ съ нимъ,
На цѣлый день, сударь, уѣхала къ роднымъ.

Мы помнимъ, какъ лѣтъ сорокъ пять тому назадъ нѣкоторые преподаватели словесности диктовали эту сцену своимъ ученикамъ и заставляли ихъ учить ее наизусть: слѣдовательно они считали ее въ числѣ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній нашихъ писателей.

Далѣе забавны тѣ сцены (IX—XV), гдѣ выведены г-жи Споркина, Вздоркина, Громова, Свахина, Вѣстина, Чванова — всѣ шесть „ужасныя болтушки", и все-таки графъ ухитряется всѣхъ ихъ *переговорить*, и онѣ одна за другой уступаютъ ему поле сраженія.

Лиза заявляетъ графу:

За ваше торжество имъ должно вамъ отмстить:
Одинъ противъ шести—и всѣхъ заговорить,

Замучить, разозлить, оспорить, обезславить,
И даже наконецъ — ихъ всѣхъ бѣжать заставить!

Месть разсерженныхъ говоруній выражается въ томъ, что Чванова, тетка Прелестиной, принуждавшая прежде свою племянницу выйти за графа, теперь выдаетъ ее за другого, за котораго Прелестина и идетъ охотно. Графъ же утѣшается тѣмъ, что о своей неудачѣ онъ будетъ разсказывать

И всѣмъ и каждому — кто первый попадется.

„Говорунъ" чрезвычайно понравился публикѣ, долго держался въ репертуарѣ и, какъ свидѣтельствуетъ Дуровъ, съ успѣхомъ былъ возобновленъ на сценѣ Александринскаго театра сороковыхъ годовъ [31]).

Водевиль: „Воздушные замки" также не вполнѣ оригиналенъ: онъ представляетъ передѣлку комедіи Коленъ д'Арлевиля „Les châteaux en Espagne", хотя, правда, передѣлку настолько большую, что въ ней нѣтъ переводныхъ стиховъ, а удержаны только нѣкоторыя мысли французскаго подлинника,—обстоятельство, которое и подало поводъ Добротворскому отнести „Воздушные замки" Хмельницкаго къ числу его оригинальныхъ произведеній [32]). Но Порфирьевъ считаетъ эту пьесу передѣлкой [33]).

Герои пьесы — молодая, красивая и богатая вдова Аглаева, ея служанка Саша, отставной мичманъ Альнаскаровъ и его слуга Викторъ. Фамилія мичмана, очевидно, взята изъ сказки Дмитріев а „Воздушныя башни" [34]).

Всѣ эти лица строятъ себѣ воздушные замки, которые потомъ разсыпаются въ ничто. Вотъ ихъ мечтанія:

Аглаева получаетъ письмо отъ тетки, извѣщающей ее, что графъ Лестовъ, увидя у нея портретъ красивой вдовы, хочетъ познакомиться съ оригиналомъ и для того пріѣдетъ въ деревню Аглаевой, гдѣ, подъ предлогомъ поломки экипажа, будетъ просить позволенія войти въ ея домъ. Аглаева въ восторгѣ.

Вотъ тутъ-то заживемъ! О, я воображаю:
Отсюда въ Петербургъ я съ графомъ пріѣзжаю;
Въ послѣднемъ вкусѣ свой обмеблирую домъ;
Столицу облетимъ съ визитами кругомъ;
А тамъ ужъ мы къ себѣ знакомыхъ приглашаемъ,
Пріемомъ, роскошью весь городъ восхищаемъ,
И къ знати, богачамъ; къ намъ ѣздитъ также знать...
Тутъ мужъ мой, чтобъ меня и блескъ нашъ поддержать,

Какъ баринъ, ко двору имѣя въѣздъ свободный,
Съ графинею своей—вотъ мужъ-то безподобный!—
Поѣдетъ ко двору... и что же наконецъ?
Какое счастіе—я ѣзжу во дворецъ!

Карета дѣйствительно появляется у дома Аглаевой, и хозяинъ ея черезъ своего слугу проситъ временнаго пріюта, такъ какъ экипажъ его сломался и требуетъ починки. Но хозяинъ кареты не графъ Лестовъ, а отставной мичманъ Альнаскоровъ, котораго Аглаева однако принимаетъ за графа, скрывающагося подъ чужимъ именемъ. Альнаскаровъ же попалъ къ Аглаевой случайно. Онъ бросилъ службу на Черномъ морѣ, не удовлетворявшую его громадному славолюбію, и ѣдетъ въ Петербургъ, откуда, какъ онъ узналъ изъ газетъ, Американская компанія посылаетъ свой фрегатъ въ кругосвѣтное плаваніе. Разговаривая съ Аглаевой, онъ между прочимъ, говоритъ:

Скажу чистосердечно вамъ,
Чтобъ путь себѣ открыть и къ славѣ и къ чинамъ,
Съ ребячества служить рѣшился я во флотѣ.
Окончивъ курсъ наукъ, по собственной охотѣ
На Черномъ морѣ мнѣ хотѣлось послужить:
Но, признаюся вамъ, съ лѣтами можетъ быть,
Мнѣ море Черное страхъ показалось тѣсно!
Въ два года все кругомъ мнѣ сдѣлалось извѣстно.
А съ турками никакъ до дѣла не дойдетъ!
Куда ни поплывешь—все знаешь напередъ.
И изъ Кафы весь путь не дальше Дарданеловъ!
Мой геній требовалъ обширнѣйшихъ предѣловъ!
Вдругъ слышу наконецъ, что снова ужъ хотятъ
Вкругъ свѣта, славы въ путь, отправить нашъ фрегатъ:
Хвала ревнителямъ полезныхъ предпріятій!
И я, чтобъ ускорить плоды моихъ занятій
И экспедицію собою подкрѣпить,
Рѣшаюся надъ ней начальство испросить.
Я жду скорѣйшаго на это разрѣшенья,
И въ Петербургъ лечу на крыльяхъ восхищенья!

О женитьбѣ Альнаскаровъ и не думаетъ: „геніи"—говоритъ онъ—„не терпятъ брачныхъ узъ. Коломбъ и Робинзонъ, и Кукъ, и Лаперузъ — они, я думаю, всѣ не были женаты".

Всѣ эти рѣчи своего гостя Аглаева принимаетъ за мистификацію. Она уходитъ распорядиться, чтобы угостить его чаемъ, а Альнаскаровъ остается пока одинъ. Онъ однако замѣтилъ, что красивая хозяйка въ него ужъ влюблена. Слѣдуетъ рядъ забавныхъ сценъ.

Сцена IX.

Альнаскаровъ (одинъ).

Итакъ все случай довершилъ.
Каковъ же я? пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ!
Вотъ, господа, кружить какъ головы имъ должно.
Но этимъ вздоромъ мнѣ прельщаться не возможно:
Судя по всѣмъ вещамъ, я твердо убѣжденъ,
Что я къ чему-нибудь чудесному рожденъ!
Не помню, гдѣ... читалъ я анекдотъ прекрасный,
Что кто-то изъ морскихъ, въ часъ бури преужасной,
Присталъ къ землѣ, дошелъ незнаемой никѣмъ...
Онъ поселился тамъ—и кончилося тѣмъ,
Что вскорѣ жители рѣшили межъ собою
Республики своей избрать его главою.

Сцена X.

Альнаскаровъ, Викторъ (входитъ и подслушиваетъ).

Онъ мудро управлялъ и, въ честь ему, потомъ
Народа общій гласъ избралъ его царемъ!
Что, если бъ?... почему жъ! на счастье нѣтъ закона:
Да чѣмъ же, Боже мой, я хуже Робинзона?
И я могу открыть прелестный островокъ.
Тамъ, сдѣлавшись царемъ, построю городокъ,
Займусь прожектами, народными дѣлами;
Устрою гавани, наполню ихъ судами—
И тутъ-то я до васъ, алжирцы, доберусь!
Смиритеся!—не то... пойду, вооружусь—
И вы познаете воителя десницу!
Рѣшивши бой, лечу съ трофеями въ столицу:
Я встрѣченъ въ гавани народною толпой,
Иду... прохода нѣтъ! все ницъ передо мной!
Какой восторгъ! вездѣ одни лишь слышны клики:
Да здравствуетъ нашъ царь! да здравствуетъ великій...

Викторъ.

Монархъ!

Альнаскаровъ (въ жару мечтанья).

Что хочешь ты?... надѣйся и вѣщай!

Викторъ.

Великій государь! васъ просятъ—кушать чай.

Альнаскаровъ.

Ахъ, Викторъ, это ты! я въ прелестяхъ мечтанья
Блаженствовалъ! мои свершалися желанья—
И ты, злодѣй, и ты всего меня лишилъ!

Викторъ.

И царство и вашъ флотъ я на мель посадилъ!

Альнаскаровъ.

Вѣдь надобно жъ, когда мы якорь лишь спускаемъ...

Викторъ.

Мечтанія никакъ не напоятъ васъ чаемъ;
И, право, лучше вамъ, чтобъ время не терять,
Пойти къ хозяюшкѣ, заняться, погулять,
И, распростившися, пуститься въ путь счастливо.

Альнаскаровъ.

Ты судишь иногда довольно справедливо.
Пойду. (Уходитъ).

Сцена XI.

Викторъ (одинъ).

Ну, — баринъ мой проказитъ не путемъ:
Онъ хочетъ сдѣлаться—бездѣлица—царемъ!
Вотъ мѣсто славное для мичмана въ отставкѣ!
Тогда бъ не грѣхъ царя... просить мнѣ о прибавкѣ
Сотняги лишней въ годъ. Но что ни говори,
А вѣрно не прыгнешь изъ мичмановъ въ цари.
Какъ въ голову войдетъ дурачество такое!
Вотъ я такъ, напримѣръ,—оно совсѣмъ другое:
Я лотерейный взялъ дорогою билетъ;
И какъ не взять, когда увидѣлъ изъ газетъ,
Что скоро разыграть хотятъ часы съ лихими
Курантами, ну такъ, что не разстался бъ съ ними!
Рискнулъ—и за билетъ внесъ кровныхъ пять рублей.
Въ сто тысячъ выигрышъ! да кто жъ себѣ злодѣй?
Сто тысячъ! Боже мой! въ Твоей все это волѣ!
Пусть баринъ мой себѣ храбрится на престолѣ,
Да сто-то тысячъ Ты пошли его слугѣ!
А подлинно бъ онѣ пришлись мнѣ по рукѣ.
Что если бъ мнѣ... хоть часть досталася на долю...
Что сдѣлаю... тотчасъ я выкуплюсь на волю,
Тутъ въ службу, выслужусь, и черезъ годъ какъ-разъ
Вдругъ Викторъ нашъ махнетъ въ четырнадцатый классъ!
О честолюбіе! оставь меня въ покоѣ.
Нѣтъ, Викторъ, нѣтъ, мой другъ, затѣялъ ты пустое:
Изъ службы не всегда вѣдь выйдешь съ барышомъ.
Такъ лучше... рѣшено: я дѣлаюсь купцомъ,
Хоть третьей гильдіи, чтобы поменьше сумму
Съ имѣнія платить мнѣ въ городскую думу.
Тутъ я, благословясь, пущусь тотчасъ въ торги;
По лавочкамъ мои всѣ заплачу долги;
Потомъ куплю себѣ я домикъ презатѣйный —
Сперва въ Полку, а тамъ, пожалуй, на Литейной
Обзаведусь—и самъ женюся наконецъ...

И Саша мнѣ жена! и Викторъ ужъ отецъ!
И вотъ кругомъ меня цыпляточки, малютки;
Я стану говорить имъ сказки, прибаутки,
И въ счастьи проживу, конечно, до ста лѣтъ!..

Въ сценѣ VI-й Саша, принявъ Виктора за графскаго камердинера, также мечтаетъ.

А то-то парочка завидная насъ будетъ!
И Саша съ Викторомъ ну жить да поживать.
Намъ, вѣрно, поручатъ всѣмъ домомъ управлять:
Тутъ намъ перепадетъ — и Викторъ, мой дружочекъ,
Вдругъ, смотришь, подаритъ турецкій мнѣ платочекъ!
Графиня надѣлитъ нарядами меня, —
Вотъ тутъ-то посмотрѣть, какъ разряжуся я!
И бархатный капотъ, и шляпка щегольская!
Тутъ явится у насъ лошадка, тамъ другая;
Потомъ колясочку мы заведемъ себѣ —
И Саша съ муженькомъ, благодаря судьбѣ,
Чтобъ также и на насъ другіе посмотрѣли,
Поѣдетъ о Святой преважно подъ качели!
Что, если бъ этого дождаться поскорѣй!

Но Аглаева и Саша узнаютъ наконецъ свою ошибку и выпроваживаютъ гостей. Альнаскарову это не бѣда: бѣда его въ томъ, что фрегатъ, на который онъ торопился, и не думалъ дожидать мичмана, а преспокойно ушелъ въ плаваніе безъ него, о чемъ Альнаскаровъ и узнаетъ изъ газетъ тутъ же, въ домѣ Аглаевой. Онъ однако не унываетъ: онъ хочетъ ѣхать въ Индію — искать тамъ счастія „по сухопутной части". Но Викторъ въ полномъ отчаяніи, такъ какъ, въ добавокъ ко всему, Саша ему объявила, что лотерея, на которую онъ возлагалъ свои надежды, давно ужъ разыграна. Онъ восклицаетъ:

Флотилія, престолъ, невѣста, мой билетъ —
Пропало все, и намъ ни въ чемъ удачи нѣтъ!
Ахъ, Боже мой, за что я погибаю съ вами?

Альнаскаровъ ему въ отвѣтъ:

Утѣшься! Индія осталася за нами.

Этотъ стихъ, говоритъ Порфирьевъ, сдѣлался такъ популяренъ, что обратился въ пословицу [35]).

Пьеску: „Нерѣшительный", такъ какъ источникъ ея никѣмъ еще не указанъ, приходится, вмѣстѣ съ Дуровымъ, считать оригинальной. Въ ней выставленъ крайне нерѣшительный характеръ въ лицѣ молодого человѣка — Армидина, который не только не

можетъ изъ двухъ нравящихся ему дѣвушекъ выбрать себѣ невѣсту, но не можетъ даже рѣшиться сшить новый кафтанъ своему слугѣ, потому что, какъ говоритъ этотъ слуга,

Чтобъ новый сшить кафтанъ, такъ надобно сукно,
И выбрать цвѣтъ, — а онъ, мой копатунъ ужасный,
Все думаетъ: какой — зеленый или красный?

Изъ словъ того же слуги видно, что баринъ его не служитъ единственно по той причинѣ, что никакъ не могъ во-время разрѣшить вопроса:

Служить ли въ конницѣ, или вступить въ пѣхоту?

Въ свое время нравились публикѣ и другіе водевили Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, „Бабушкины попугаи", „Суженаго конемъ не объѣдешь", „Новый Парисъ",—все вещицы не оригинальныя, но хорошо обработанныя и снабженныя куплетами. Куплеты-то больше всего и восхищали современниковъ автора. Дуровъ говоритъ о нихъ: „водевильные куплеты (Хмельницкаго) отличаются легкостью и очень часто граціознымъ оборотомъ, который, не поражая уха, не возбуждая грубаго смѣха, нравится эстетически образованному человѣку; это не то, что притянутые за волосы и рѣшительно безсмысленные каламбуры нынѣшнихъ актеровъ-водевилистовъ, которые, за недостаткомъ мыслей, играютъ словами" [36]).

Дуровъ, перечисляя въ своей статьѣ важнѣйшихъ „вкладчиковъ" въ нашу драматическую литературу, присоединилъ къ нимъ и Хмельницкаго [37]). Безъ сомнѣнія, онъ правъ, если брать этого писателя, какъ водевилиста, оставляя въ сторонѣ его неудачныя упражненія въ исторической комедіи и драмѣ. Какъ ни смотрите свысока на водевиль, но и этотъ родъ театральныхъ произведеній имѣетъ право на существованіе: требуется только, чтобы водевиль былъ остроуменъ и изященъ. Писатель, давшій нѣсколько такихъ водевилей, можетъ быть названъ вкладчикомъ своей лепты въ нашъ театръ.

Впрочемъ вкладомъ со стороны Хмельницкаго надо признать еще и его переводъ „Тартюфа",

Николай Ивановичъ Хмельницкій, потомокъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго, родился 11-го августа 1789 г. въ Петербургѣ, въ домѣ своего отца, Ивана Пароеновича, человѣка для своего времени замѣчательно образованнаго. Иванъ Пароеновичъ былъ удостоенъ Кенигсбергскимъ университетомъ

званія доктора философіи, и въ „Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ" въ 1726 г. были напечатаны его магистерская и докторская диссертаціи на латинскомъ языкѣ, одна подъ названіемъ: „Основанія философіи", а другая — „Возраженія Шлегелю".

Гдѣ получилъ образованіе молодой Хмельницкій — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ Иванъ Парѳеновичъ не могъ не позаботиться о сынѣ въ этомъ отношеніи. Николай Ивановичъ зналъ хорошо иностранные языки и, какъ показываютъ его сочиненія, прекрасно владѣлъ перомъ. Это дало ему возможность получить мѣсто переводчика въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и началась его дѣйствительная служба съ января 1806 г. Во время отечественной войны онъ поступилъ въ ряды войска, былъ въ заграничномъ походѣ и между прочимъ участвовалъ въ знаменитой битвѣ при Лейпцигѣ.

По возвращеніи изъ похода Хмельницкій продолжалъ свою гражданскую службу—и скоро былъ опредѣленъ правителемъ канцеляріи петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича. Къ этому времени относится тотъ проектъ Хмельницкаго, на который обратили вниманіе оба его біографа и сопоставили при этомъ два факта: одинъ — изъ жизни русской, другой — изъ жизни французской. „Находясь на службѣ въ канцеляріи генералъ-губернатора",—говоритъ Добротворскій,—„Хмельницкій написалъ извѣстный проектъ объ обращеніи частныхъ суммъ, лежавшихъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ и никѣмъ не востребованныхъ въ теченіе 10 лѣтъ, въ капиталъ для призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Всѣхъ такихъ суммъ въ то время состояло на лицо около 700 тысячъ рублей. Проектъ получилъ одобреніе государя. Знаменательно въ этомъ фактѣ то, что о проведеніи подобнаго же предложенія во Франціи нѣсколько позже старался первый министръ—Гизо, и не могъ провести его, не смотря на все свое могущество и вліяніе: у насъ же эта реформа устроилась очень легко и прошла въ жизнь, благодаря простому вмѣшательству правителя канцеляріи генералъ-губернатора, человѣка сравнительно весьма невиднаго и невліятельнаго" [3]).

Свободное отъ службы время Хмельницкій посвящалъ литературнымъ занятіямъ. Такъ было до 1829 г., когда онъ былъ назначенъ смоленскимъ губернаторомъ; съ этихъ же поръ Хмельницкій, вообще добросовѣстный чиновникъ, почти все свое время отдавалъ служебнымъ заботамъ.

О восьмилѣтней дѣятельности Хмельницкаго, какъ губернатора, много разсказываетъ Добротворскій на основаніи докумен-

товъ, хранящихся въ архивѣ канцеляріи Смоленскаго губернатора. Изъ его разсказа мы узнаемъ, что Хмельницкій стремился ограничить злоупотребленія помѣщичьей властью, и что помѣщики были не совсѣмъ довольны тѣмъ, что губернаторъ держалъ не ихъ руку, а заступался за крестьянъ. Далѣе узнаемъ, что онъ заботился о распространеніи образованія среди обывателей Смоленска, и въ 1831 г., благодаря его попеченію, была въ этомъ городѣ открыта публичная общественная библіотека — одна изъ первыхъ, если не самая первая общественная библіотека въ провинціальной Россіи. При ней былъ устроенъ также и кабинетъ для безплатнаго чтенія книгъ, газетъ и журналовъ. Хмельницкимъ же была устроена въ его губерніи первая у насъ „губернская выставка ремесленныхъ и мануфактурныхъ издѣлій". Уже послѣ, по примѣру Хмельницкаго, принялись устраивать выставки и другія губерніи: Курская, Тверская, Пермская и т. д.

Однако проведеніе смоленско-московскаго шоссе, обошедшагося, благодаря строителямъ-инженерамъ, баснословно дорого, имѣло крайне непріятныя для Хмельницкаго послѣдствія: его обвинили въ невнимательномъ отношеніи къ дѣлу, перевели губернаторомъ въ Архангельскъ (1837 г.), откуда его скоро вызвали и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ до 1843 г.

„Относительно освобожденія Хмельницкаго" — пишетъ Добротворскій — „преданіе разсказываетъ, что государь какимъ-то путемъ убѣдился наконецъ въ невинности Хмельницкаго, или просто, можетъ быть, склонился на неотступныя просьбы его сестры и приказалъ освободить узника. По высочайшему повелѣнію, онъ былъ привезенъ во дворецъ, потому что государь лично хотѣлъ объявить ему свою милость. Когда ввели Хмельницкаго въ кабинетъ государя, Николай Павловичъ едва могъ узнать его: такъ онъ измѣнился, сидя въ крѣпости.

— Хмельницкій, ты ли это? — спросилъ государь.

— Я, ваше императорское величество, я — Хмельницкій.

— Твоя вина была велика, — сказалъ государь, — но и ты пострадалъ за нее довольно. Дарую тебѣ свободу. Можешь идти куда угодно" [39]).

Послѣ освобожденія Хмельницкій уѣхалъ за границу для поправки разстроеннаго здоровья. Онъ описалъ это путешествіе въ своихъ „Письмахъ изъ-за границы", изъ которыхъ однако въ Смирдинскомъ изданіи напечатаны лишь четыре. Въ нихъ интересны описанія бытовой стороны Вѣны и другихъ нѣмецкихъ

городовъ, но особенно интересенъ очеркъ чешской культуры и образованности (Письмо IV-е, изъ Праги, Сочин. Хм., т. I).

Умеръ Хмельницкій 8 сентября 1846 г.; погребенъ въ Петербургѣ, на Смоленскомъ кладбищѣ.

Люди, близко знавшіе Хмельницкаго, отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ умномъ, свѣдущемъ, образованномъ и необыкновенно добромъ, отзывчивомъ на каждую нужду и несчастіе ближняго. И тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ много враговъ. Обладая остроуміемъ, онъ любилъ иногда ѣдко и зло посмѣяться надъ кѣмъ-нибудь въ обществѣ — и этимъ создавалъ себѣ недоброжелателей, въ особенности въ Смоленскѣ, среди мѣстныхъ помѣщиковъ, которые всегда были готовы подставить ему ножку. Добротворскій склоненъ думать, что они ему и подставили ее [40]).

Въ виду перенесеннаго Хмельницкимъ наказанія, не лишнимъ считаемъ упомянуть о заявленіи Дурова, гласящемъ, что у Хмельницкаго было только родовое имѣніе, и не было никакого *благопріобрѣтеннаго* [41]).

Біографическія свѣдѣнія о Писаревѣ (годы его ученія и раннее умственное развитіе; страсть къ литературнымъ занятіямъ; связь съ литераторами и театральнымъ міромъ; ненависть къ Полевому; черты личности Писарева; его болѣзнь и рановременная смерть). — Краткій очеркъ его литературной дѣятельности.—Характеръ его водевилей.—Водевили: „Хлопотунъ" и „Забавы калифа". — Отличіе водевилей Писарева отъ водевилей Хмельницкаго.

Вслѣдъ за Хмельницкимъ выступилъ другой талантливый водевилистъ — Писаревъ.

Даровитый и такъ рано умершій Александръ Ивановичъ Писаревъ родился въ 1801 г. (14 іюля), въ Елецкомъ уѣздѣ Орловской губерніи, въ принадлежавшемъ отцу его селѣ Знаменскомъ. По свѣдѣніямъ С. Аксакова, полученнымъ имъ отъ матери Писарева, мальчикъ уже по пятому году не только умѣлъ читать по-русски и по-французски, но даже любилъ чтеніе, и своимъ раннимъ и необыкновеннымъ для ребенка его лѣтъ умственнымъ развитіемъ удивлялъ окружающихъ [42]). Тринадцати лѣтъ отвезли его въ Москву, въ Университетскій пансіонъ, гдѣ онъ прекрасно учился и окончилъ курсъ вторымъ ученикомъ. Еще въ пансіонѣ онъ увлекался литературными занятіями, а по выходѣ оттуда отдался имъ вполнѣ. Сложившіяся обстоятельства направили эти занятія на служеніе театру, который Писаревъ и полюбилъ до страсти.

Онъ рано познакомился съ извѣстнымъ тогда любителемъ театра О. Ѳ. Кокошкинымъ, прославившимся въ свое время переводомъ комедіи Мольера: „Мизантропъ“. Домъ его былъ центромъ, гдѣ устраивались благородные спектакли и литературные вечера, на которые собирались разные писатели и артисты. Въ спектакляхъ принималъ участіе и Писаревъ, и отсюда начало его литературныхъ и театральныхъ связей. Особенно сошелся онъ и былъ друженъ съ Загоскинымъ и Аксаковымъ; впослѣдствіи познакомился и съ кн. Шаховскимъ. Кокошкинъ же такъ полюбилъ Писарева, что даже пріютилъ его въ своемъ домѣ и доставилъ ему при театральной дирекціи мѣсто переводчика и помощника члена по репертуарной части. Все это направило вниманіе Писарева на театръ, онъ сдѣлался драматическимъ писателемъ — и, какъ говоритъ Аксаковъ, „скоро утонулъ въ закулисномъ мірѣ“.

Для уясненія отношеній Писарева къ театру, приведемъ одну страницу изъ воспоминаній Аксакова. Но прежде скажемъ, что главнымъ призваніемъ Писарева былъ водевиль и, какъ водевилистъ, онъ былъ мастеромъ своего дѣла.

„Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ 1827-го года“,— разсказываетъ Аксаковъ,—„прежде другихъ пьесъ, именно 7-го января, шелъ переведенный Писаревымъ съ французскаго премиленькій водевиль: «Дядя на прокатъ». Этотъ водевиль, превосходно разыгранный лучшими московскими артистами, памятенъ мнѣ по особенному обстоятельству. Послѣ какой-то скучноватой пьесы, стояли мы съ Писаревымъ на сценѣ въ ожиданіи, когда все будетъ готово для начинанія водевиля. Глядя на все, вокругъ насъ происходившее, я говорилъ Писареву о темныхъ сторонахъ театральнаго міра и въ особенности—закулисной сферы. Писаревъ качалъ головой и молча не соглашался со мною; вдругъ окружили насъ одѣтые въ свои костюмы Щепкинъ, Рязанцевъ, Сабурова и Н. В. Рѣпина, которая была тогда украшеніемъ московской сцены въ водевиляхъ и даже въ комическихъ операхъ. Каждый изъ нихъ съ живостью и одушевленіемъ обратился къ Писареву, показывалъ, какъ онъ хорошо одѣтъ, и спрашивалъ, доволенъ ли авторъ (переводчика всегда актеры называютъ авторомъ). Писаревъ расхвалилъ всѣхъ, особенно Рѣпину, которая была очень мила и къ лицу одѣта. Въ самомъ дѣлѣ, все было продумано, до послѣдней мелочи, чтобы придать наружную характерность представляемому лицу. Во всѣхъ была видна забота, любовь къ дѣлу, желаніе угодить автору. Всѣ актеры горѣли нетерпѣніемъ начать водевиль, предвѣщая Писареву блистательный успѣхъ и вызовъ... Когда

раздались слова режиссера: «Пожалуйте со сцены!» Писаревъ, слушавшій живыя рѣчи артистовъ какъ будто съ равнодушіемъ, но тронутый до глубины души, что выражалось особенною блѣдностью его лица, крѣпко сжалъ мою руку, увелъ меня за дальнюю декорацію и сказалъ голосомъ, прерывающимся отъ внутренняго волненія: «Вотъ съ какими людьми я хочу жить и умереть: съ артистами, проникнутыми любовью къ искусству и любящими меня, какъ человѣка съ талантомъ! Стану я томиться скукой въ гостиныхъ вашихъ свѣтскихъ порядочныхъ людей. Стану я умирать съ тоски, слушая пошлости и встрѣчая невѣжественное пониманіе художника вашими, пожалуй, и достопочтенными людьми! Нѣтъ, слуга покорный! Нога моя не будетъ нигдѣ, кромѣ театра, домовъ моихъ друзей и бѣдныхъ квартиръ актеровъ и актрисъ, которые лучше, добрѣе, честнѣе и только откровеннѣе бонтонныхъ оцѣнщицъ, съ презрѣніемъ говорящихъ о нравахъ театральной сволочи». Писаревъ часъ отъ часу становился блѣднѣе, глаза его горѣли, онъ почти дрожалъ. Я едва могъ его успокоить и увести въ директорскую ложу. Водевиль шелъ очаровательно; Писаревъ холодно улыбался и отъ времени до времени говорилъ: «Надо обнять Щепкина, Рѣпину и Рязанцева». По окончаніи водевиля публика съ неистовымъ восторгомъ вызывала переводчика и потомъ всѣхъ актеровъ. Возвращаясь домой, подумалъ я: крѣпки нити, привязывающія Писарева къ театру, и никто не оторветъ его отъ обольстительной сферы сценическаго міра" [43]).

Однако Писаревъ въ исторіи нашей литературы извѣстенъ не только какъ водевилистъ, но и какъ великій ненавистникъ Николая Алексѣевича Полевого. Здѣсь не мѣсто подробно останавливаться на дѣятельности этого критика, писателя и журналиста. Скажемъ только, что Полевой былъ горячимъ сторонникомъ Пушкина и его школы, стоялъ за новое направленіе въ поэзіи и рѣзко нападалъ на старое. Для распространенія своего образа мыслей, онъ съ 1825 г. сталъ издавать журналъ: „Московскій Телеграфъ". Полевой имѣлъ большой успѣхъ, но имѣлъ и враговъ. Противъ него была между прочимъ театральная партія— кн. Шаховской, Кокошкинъ, Загоскинъ, С. Аксаковъ. Послѣдній говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Я самъ былъ, къ сожалѣнію, однимъ изъ наиболѣе раздраженныхъ". Но чѣмъ?— Тѣмъ, что Полевой „низвергалъ съ высоты почетныя имена, ломалъ давно утвердившіяся репутаціи", т.-е. репутаціи старыхъ писателей [44]).

Но всѣхъ злѣе относился къ Полевому Писаревъ: онъ, по словамъ Аксакова, ненавидѣлъ его. Ненависть эта отразилась между прочимъ въ водевиляхъ Писарева—иногда игривымъ каламбуромъ, но иногда и очень рѣзкой выходкой. Такъ 24 сентября 1825 г. давали его оперу-водевиль: „Три десятка, или новое двухдневное приключеніе". Тамъ есть одинъ куплетъ, не изъ лучшихъ у Писарева, но надѣлавшій много шуму. Мы приведемъ только послѣднюю его половину (по Аксакову):

У насъ теперь народъ затѣйный,
Пренебрегаетъ простотой:
Всѣмъ милъ цвѣтокъ оранжерейный,
И всѣмъ наскучилъ *полевой*.

„Едва Сабуровъ произнесъ послѣдній стихъ", разсказываетъ Аксаковъ, „какъ въ театрѣ произошло небывалое волненіе: поднялся неслыханный крикъ, шумъ и стукотня. Публика раздѣлилась на двѣ партіи: одна хлопала и кричала браво и форо, а другая, болѣе многочисленная, шикала, кашляла, топала ногами и стучала палками. По музыкѣ слѣдовало повторить послѣдніе два стиха; но оглушительный шумъ заставилъ актера Сабурова— а можетъ быть, онъ сдѣлалъ это и съ намѣреніемъ (всѣ артисты очень любили Писарева) — не говорить послѣдняго стиха; какъ только шумъ утихъ, Сабуровъ безъ музыки, громко и выразительно произнесъ: «И всѣмъ наскучилъ полевой». Можно себѣ представить гнѣвъ защитниковъ Полевого! Сильнѣе прежняго начался шумъ; стукъ и шиканье наполнили весь театръ и заглушили голоса и хлопанье друзей Писарева. Мало этого: публика обратилась къ начальству, и вмѣсто: *полевой* — было поставлено: *луговой*; наконецъ и этимъ не удовольствовались, и куплетъ былъ вычеркнутъ" [45]).

Но это только каламбуръ. А вотъ куплетъ и оскорбительный, что признавалъ и Аксаковъ. Надо замѣтить, что Полевой, происходя изъ купеческаго сословія, не получилъ систематическаго образованія, -и противники его ставили ему на видъ и это обстоятельство, хотя путемъ самообразованія, какъ человѣкъ даровитый, онъ достигъ того, что имѣлъ право считать себя не ниже тѣхъ, кто упрекалъ его въ невѣжествѣ и давалъ ему кличку „самоучки". Такъ именно поступалъ Писаревъ, и въ концѣ своего водевиля помѣстилъ такой куплетъ:

Журналистъ безъ просвѣщенья
Хочетъ умникомъ прослыть;

Самъ не кончивши ученья,
Всѣхъ пускается учить;
Мертвыхъ и живыхъ тревожитъ...
Не пора ль ему шепнуть,
Что учить никакъ не можетъ,
Кто учился какъ-нибудь.

Задѣвалъ Писаревъ Полевого и въ другихъ своихъ водевиляхъ — и всегда болѣе или менѣе зло.

Писаревъ не принадлежалъ къ числу добродушныхъ людей: онъ былъ даровитъ, Аксаковъ очень хвалитъ его умъ, можетъ быть и преувеличивая нѣсколько качества этого ума, называя его глубокимъ,—но во всякомъ случаѣ это былъ человѣкъ чрезвычайно раздражительный и очень самолюбивый, не стѣснявшійся громко называть себя „талантомъ". Это послѣднее какъ-то не совсѣмъ вяжется съ большой глубиной ума. Талантъ, конечно, у Писарева былъ, хотя и проявлялся въ довольно ограниченной сферѣ водевиля, — но все же и публика, и друзья-писатели, и артисты нѣсколько избаловали счастливаго водевилиста. Раздражительность, усиливаясь съ годами, разрушала его слабое отъ природы здоровье, онъ началъ сильно кашлять, наконецъ, подвергся простудѣ — и на 27-мъ году жизни умеръ 15-го марта 1828 г. [46]). Онъ похороненъ въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ.

Какъ писатель вообще, Писаревъ оригиналенъ не болѣе Хмельницкаго. Онъ переложилъ хорошими стихами старинную комедію Шеридана: „Школа злословія" и назвалъ ее: „Лукавинъ", по имени одного изъ дѣйствующихъ лицъ; передѣлалъ стихами же французскую комедію: „Voyage à Dieppe", пріурочилъ ее къ русскимъ нравамъ и назвалъ „Поѣздкой въ Кронштадтъ"; сочинилъ „Похвальное слово Капнисту", котораго онъ очень цѣнилъ за комедію: „Ябеда", — и затѣмъ занимался писаніемъ водевилей. Куплеты въ водевиляхъ Писарева оригинальные, но самые водевили— или переводъ, или передѣлка. Впрочемъ у Писарева была задумана и историческая драма: „Христофоръ Колумбъ", прологъ къ которой былъ въ 1825 г. напечатанъ въ „Драматическомъ альманахѣ", изданномъ самимъ Писаревымъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ въ свое время композиторомъ нашимъ — Верстовскимъ. Въ этомъ прологѣ, напечатанномъ подъ заглавіемъ: „Нѣсколько сценъ въ кондитерской лавкѣ", Писаревъ тоже является націоналистомъ, и подъ именемъ Теорова вступаетъ въ споръ съ литераторомъ Фалкинымъ, утверждающимъ, что у насъ нѣтъ разговорнаго языка. Теоровъ возражаетъ ему:

Нѣтъ разговорнаго у русскихъ языка!
Какимъ же языкомъ вы говорите сами?
Какимъ же языкомъ теперь я спорю съ вами?
Нѣтъ разговора! такъ! не будетъ до тѣхъ поръ,
Пока не надоѣстъ намъ чужеземный вздоръ,
Пока не захотимъ по-русски мы учиться.
Теперь, благодаря ученью, можно льститься,
Что мы все русское полюбимъ, все свое;
Теперь сбывается желаніе мое:
Французскій вашъ жаргонъ ужъ многіе бросаютъ,
И... дамы наконецъ по-русски понимаютъ!
И вы не правы, я еще вамъ повторю.

Фіалкинъ.

За что жъ вы сердитесь?.. Я просто говорю,
Что не богаты мы хорошими стихами.
Кто жъ въ этомъ виноватъ?

Теоровъ.

Вы, сударь!

Фіалкинъ.

Я?

Теоровъ.

Вы сами,
И вамъ подобные, которымъ все свое
Не нравится, кому противно въ русскихъ все,
Которымъ Кребильонъ извѣстенъ весь до слова,
А скучны лишь стихи „Димитрія Донского";
Которые, сударь, вездѣ наперерывъ
Читаютъ Мариво, Фонвизина забывъ,
И, выбравъ Демутье предметомъ обожанья,
Безсмертной „Ябеды" не знаютъ и названья!
Театра нашего вотъ вѣчные враги!..

Иногда Писаревъ писалъ и сатирическія стихотворенія, но главнымъ призваніемъ его, какъ мы уже говорили, былъ водевиль. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ далеко не все имѣется, что обработано Писаревымъ въ этомъ родѣ; но по указаніямъ Аксакова можно составить довольно большой списокъ его водевилей: „Учитель и ученикъ, или въ чужомъ пиру похмелье", „Хлопотунъ, или дѣло мастера боится", „Тридцать тысячъ человѣкъ, или находка хуже потери", „Забавы калифа, или шутки на однѣ сутки", „Три десятка, или новое двухдневное приключеніе", „Пять лѣтъ въ два часа, или какъ дороги утки", „Дядя на прокатъ", „Двѣ записки, или безъ вины виноватъ", „Странствующіе лѣкаря" и др. Водевили Писарева живы, игривы, часто остроумны, а иногда

и очень ѣдки. Лучшее въ нихъ, какъ и у Хмельницкаго, — куплеты, написанные хорошими и не всегда однообразными стихами. Въ нихъ-то авторъ и проявилъ свой талантъ водевилиста то забавной и безобидной шуткой, то ѣдкой насмѣшкой, то какой-нибудь неожиданной выходкой на чей-либо счетъ, заставляющей засмѣяться. И если самые водевили Писарева не русскіе, такъ какъ все это переводъ да передѣлка, — то зато въ куплетахъ его, — а изрѣдка и въ другихъ кое-какихъ вставкахъ, — не мало разныхъ намековъ на русскую современность, и тутъ онъ дѣйствительно оригиналенъ.

Лучшимъ водевилемъ Писарева признается „Хлопотунъ" (1824 г.). Изданіе его даже повторено въ Москвѣ въ 1886 г., и на заглавномъ листѣ въ видѣ эпиграфа напечатанъ слѣдующій отзывъ Н. Гербеля: „Хлопотунъ едва ли не лучшій русскій водевиль, обличающій въ Писаревѣ мастера своего дѣла". Въ самомъ дѣлѣ, это очень живая и хорошая передѣлка съ французскаго. Главное лицо въ ней — Репейкинъ, человѣкъ сорока лѣтъ, пріятель богатаго подмосковнаго помѣщика Радимова, который хочетъ выдать за него свою семнадцатилѣтнюю дочь Наденьку, влюбленную въ молодого сосѣда — Ліонскаго. Ліонскій тоже въ нее влюбленъ. Вся соль водевиля основана на необыкновенной юркости и суетливости характера Репейкина, который любитъ вмѣшиваться рѣшительно во все, полагая, что онъ можетъ все уладить такъ, какъ никто другой. Онъ-то и есть неугомонный хлопотунъ, тотъ мастеръ, котораго боится дѣло. Много уже онъ схлопоталъ разныхъ дѣлъ на свою бѣду - и между прочимъ, ничего не подозрѣвая, схлопоталъ и женить Ліонскаго. Послѣ только оказалось, что Ліонскій добивался жениться именно на Наденькѣ, и Репейкинъ остался безъ невѣсты.

Въ пьесѣ много забавнаго, веселаго, вмѣстѣ съ разными шпильками по адресу современности. Вотъ примѣръ. Въ то время кн. Шаликовъ издавалъ „Дамскій журналъ". Писаревъ, какъ говорится, прошелся насчетъ этого изданія въ слѣдующей сценѣ (явл. XXIV-е). Репейкинъ, — ужъ послѣ того, какъ схлопоталъ невѣсту Ліонскому, — задумываетъ признаться Наденькѣ въ любви и говоритъ:

(Въ сторону). Ну, Репейкинъ, не теряй времени: откройся въ любви!.. *(Вслухъ).* Ахъ, сударыня, у ногъ вашихъ позвольте... (*кидается на колѣни и срываетъ бантикъ съ башмака ея*). Позвольте замѣтить вамъ, что бантиковъ нынче не носятъ на башмакахъ: объ этомъ можно прочесть даже въ „Дамскомъ журналѣ".

Наденька. Я не читаю „Дамскаго журнала".

Репейкинъ. И я не читаю, и *никто не читаетъ*, а все-таки не мѣшало бы справиться.

Въ другомъ мѣстѣ (явл. VI-е) достается тогдашнимъ судьямъ. Радимовъ хочетъ угостить пріятеля завтракомъ.

Репейкинъ. Я терпѣть не могу завтракать. (*Поетъ*):

Судей я славно угощалъ:
Они меня благодарили;
Я часто завтраки давалъ:
Они все *завтра* мнѣ сулили.
Я ждалъ рѣшительнаго дня —
И что жъ? соперникъ оправдался;
Съ меня же взяли штрафъ—и я
На завтракахъ одинъ остался.

Въ одномъ изъ куплетовъ послѣдняго явленія (XXX-го) задѣтъ кн. Вяземскій — подъ именемъ Мишурскаго.

Но въ этомъ же явленіи есть и куплетъ особаго рода — патріотическій; его поетъ Ліонскій.

Врага мы зрѣли своего;
Предъ нимъ Европа трепетала;
Онъ всѣхъ сражалъ... вдругъ на него
Россія гибельно возстала.
Предъ нею гордый врагъ упалъ;
Европѣ нечего страшиться;
И русскій свѣту доказалъ,
Что дѣло мастера боится.

Музыка къ куплетамъ — Алябьева и Верстовскаго, съ которыми Писаревъ былъ друженъ, и которые обыкновенно и снабжали ею его водевили.

Очень недуренъ и водевиль съ сюжетомъ изъ арабскихъ сказокъ: „Забавы калифа" (1825 г.). Основанъ онъ на извѣстныхъ разсказахъ о тайныхъ прогулкахъ калифа Гарунъ-аль-Рашида, съ цѣлію узнавать правду. Помимо изображенія разныхъ крайне юмористическихъ сценъ, въ немъ осмѣивается неправосудіе. Водевиль состоитъ изъ трехъ дѣйствій. Первое дѣйствіе открывается требованіемъ багдадскаго кади, чтобы бѣдный башмачникъ Гассанъ починилъ мостовую у своего дома. Гассанъ возражаетъ: почему же не предъявляютъ такого требованія богатымъ, а только мнѣ, бѣдному башмачнику? Кади приказываетъ своему писцу Миссуфу отвести Гассана въ тюрьму. И Гассанъ, и сестра его

Зюлема начинаютъ съ Миссуфомъ торговаться. — Да знаешь ли ты, что такое правосудіе? спрашиваетъ Миссуфъ у Гассана.

Гасс. Я очень знаю, что совсѣмъ
Его вы сдѣлали товаромъ.
Мисс. Оно безцѣнно—и затѣмъ
Нигдѣ не отдается даромъ.

Писецъ поэтому проситъ денегъ.

Зюл. Г. Миссуфъ, у насъ нѣтъ больше денегъ; если хотите, то я подарю вамъ курицу.

Мисс. Взятки натурою! Нѣтъ, ужъ мы лучше поведемъ его въ тюрьму.

Гасс. Я, пожалуй, дамъ вамъ и денегъ, только не теперь; мы сдѣлаемъ уговоръ, что когда я разбогатѣю...

Мисс. Нѣтъ, мы не сдѣлаемъ такого уговора...

Зюл. Зачѣмъ же начинать вамъ споръ?
Мисс. Но уговоръ вашъ тяжеленекъ.
Гасс. Да говорятъ, что уговоръ
Всегда бываетъ лучше денегъ.
Зюл. Ужъ это явная грабежь.
Мисс. Прошу не говорить мнѣ вздора!
Конечно, уговоръ хорошъ,
Но деньги лучше уговора.

Гасс. Гдѣ жъ намъ взять денегъ? Возьмите двѣ курицы.

Зюл. Да этого много... Ну, двѣ, такъ и быть.

Мисс. Или деньги, или въ тюрьму, или пять куръ самыхъ лучшихъ.

Зюл. Помилуйте, у насъ у самихъ всего столько. Чѣмъ же мы будемъ кормиться?

Мисс. Трудами. —Я люблю поощрять трудолюбіе, и для того хочу взять всѣхъ вашихъ куръ.

Гассанъ и Зюлема упрашиваютъ, чтобы Миссуфъ оставилъ имъ хоть одну курицу.

Мисс. Нечего дѣлать: вы меня тронули; дайте мнѣ четырехъ куръ и знайте, что и судьи умѣютъ быть сострадательными. Теперь, Гассанъ, возьми два бревна, положи ихъ подлѣ своего дому, посыпь мостовую пескомъ; а я скажу г. кади, что ты чинишь ее.

Само собою разумѣется, что и кади и его писецъ несутъ за неправосудіе должное наказаніе.

Не будемъ сравнивать водевилей Писарева съ водевилями Хмельницкаго въ эстететическомъ отношеніи: хороши и тѣ и другіе; но разница между ними все-таки есть. Если Писаревъ,

какъ писатель вообще, не оригинальнѣе Хмельницкаго, то въ частности, какъ водевилистъ, онъ оригинальнѣе своего соперника: въ его водевиляхъ, главнымъ образомъ въ его куплетахъ, то тутъ, то тамъ захватывается современность, нерѣдко со свойственной его характеру ѣдкостью. Эта ѣдкая насмѣшливость — тоже отличаетъ Писарева отъ Хмельницкаго, смѣявшагося добродушно. Впрочемъ ѣдкія насмѣшки Писарева не всегда были основательны: иногда онѣ вызывались просто его болѣзненной раздражительностью. Такъ, напримѣръ, проф. Веселовскій остроты Писарева насчетъ „Горя отъ ума" (о которыхъ подробнѣе скажемъ въ своемъ мѣстѣ) склоненъ объяснить больше всего именно его „болѣзненно-раздражительной насмѣшливостью" [47]).

XVI. А. С. Грибоѣдовъ (1795 — 1829).

Грибоѣдовъ, какъ авторъ комедіи: „Горе отъ ума", — писатель первоклассный. — Литература о Грибоѣдовѣ (указатель, приложенный къ изданію сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина; указанія, данныя Пыпинымъ, статья Евг. Соловьева).

Князь Шаховской, Загоскинъ, Хмельницкій, Писаревъ—все это авторы съ талантомъ, но не писатели первой величины. Выше ихъ значительно выдвинулся Грибоѣдовъ своимъ „Горемъ отъ ума", и выдвинулся настолько, что сталъ въ ряду первостепенныхъ нашихъ творцовъ комедіи, въ исторіи развитія которой, держась хронологическаго порядка прежде всего отмѣчаютъ имена Фонвизина, Капниста, Грибоѣдова, Гоголя, Островскаго. Вотъ пять корифеевъ нашей комедіи. Устраняя совершенно вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ ихъ произведеній, скажемъ только, что комедіи Грибоѣдова особенно посчастливилось: она не только прожила уже многіе десятки лѣтъ, но и разнесена, какъ сказалъ Гончаровъ, на клочья, на стихи, полустишія [48]), и все это обратилось въ ходячія выраженія, подобно выраженіямъ изъ басенъ Крылова. Послѣ этого, что бы ни говорили о пьесѣ Грибоѣдова, о „старо-барскомъ старовѣріи" ея автора [49]),—уже самая живучесть его комедіи и ея популярность есть фактъ, указывающій, что „Горе отъ ума"—произведеніе первоклассное.

Библіографическаго матеріала о Грибоѣдовѣ теперь накопилось уже очень много. Еще въ 1889 г. подъ редакціей И. А. Шляпкина было издано „Полное собраніе сочиненій А. С. Гри-

боѣдова", снабженное разнаго рода примѣчаніями и между прочимъ — очень полнымъ библіографическимъ указателемъ литературы объ авторѣ „Горя отъ ума". Въ этомъ указателѣ перечислено, какъ говоритъ составитель его, „все существенное и наиболѣе интересное" о Грибоѣдовѣ, появившееся въ печати, начиная съ 1814 г. по 1889 г. включительно.

Перечень этого хронологическаго списка пополняется указаніями Пыпина въ IV-мъ томѣ его „Исторіи русской литературы", гдѣ отмѣчены труды о Грибоѣдовѣ, появившіеся уже послѣ 1889 года, а именно: статьи: А. И. Смирнова — „А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его" (въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ, 1895 г., т. VI); Е. Пѣтухова — „А. С. Грибоѣдовъ" (въ „Сборникѣ" Историко-филолог. Общ. при Нѣжинскомъ институтѣ*). Кіевъ, 1896); А. Кадлубовскаго — „Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи" (тамъ же)**).

Мы съ своей стороны ко всему этому прибавимъ еще указаніе на статью о Грибоѣдовѣ Евг. Соловьева, помѣщенную въ его „Очеркахъ по исторіи русской литературы XIX вѣка" (Спб., 1902), - статью очень небольшую, но тѣмъ не менѣе останавливающую на себѣ вниманіе своимъ отрицательнымъ отношеніемъ къ автору монологовъ Чацкаго.

Первые годы жизни Грибоѣдова и его воспитаніе (1795—1812).

Грибоѣдовъ—Тазитъ въ своемъ родѣ. -Среда, въ которой родился и жилъ будущій авторъ „Горя отъ ума" до 1812 года. — Личность его матери, ея происхожденіе, ея родовыя и общественныя традиціи.—Ея братъ и сестры. Заботы матери о служебной карьерѣ сына. -Гувернеры Петрозиліусъ и Іонъ. — Характеръ домашняго воспитанія Грибоѣдова.—Грибоѣдовъ, какъ знатокъ языковъ и какъ музыкантъ. Вліяніе университета. —Семейный гнетъ со стороны матери и дяди.—Раннее пробужденіе въ Грибоѣдовѣ враждебнаго отношенія къ отрицательнымъ сторонамъ окружавшей его среды.—Начатки „Горя отъ ума".—Личность сестры Грибоѣдова.

Въ одномъ изъ своихъ превосходнѣйшихъ произведеній Пушкинъ изобразилъ положеніе молодого человѣка, нравственно

---

*) На этотъ „Сборникъ" указываетъ Пыпинъ; но всѣ наши поиски за нимъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ оказались тщетными, и означенную статью Е. Пѣтухова, благодаря любезности В. П. Ламбина, мы имѣли въ рукахъ въ видѣ отдѣльнаго оттиска, дѣйствительно напечатаннаго въ Кіевѣ, но не въ 1896 году, а въ 1895-мъ.

**) Статью Кадлубовскаго мы также нашли лишь въ видѣ отдѣльнаго оттиска, изд. въ Кіевѣ въ 1896 г.

возвысившагося надъ окружавшей его средой—и потому не понятаго ею. Подобное было и съ Грибоѣдовымъ. Конечно, его не изгоняли и не проклинали, какъ это случилось съ Тазитомъ, но и онъ, какъ Тазитъ, не могъ быть понятъ и оцѣненъ своими домашними; и отъ него, какъ отъ Тазита, требовали совсѣмъ не того, къ чему влекло его сердце.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 4-го января 1795 г.*) въ Москвѣ, въ Подъ-Новинскомъ, въ домѣ, принадлежавшемъ его матери. Та часть города, гдѣ жили Грибоѣдовы, была совершенно барскимъ кварталомъ, отличавшимся своими особыми правами и порядками. Тутъ селились одни „столбовые", большею частью связанные узами родства или дружбы. Презрительно относясь къ остальной Москвѣ, они себя только называли *свѣтомъ*, имѣли своихъ законодателей и законодательницъ свѣтскихъ приличій, свято блюли свои дворянскія традиціи, и въ ихъ заколдованномъ кругу, какъ выразился проф. Веселовскій, гасла и замирала всякая самостоятельная мысль [50]). Словомъ сказать, тутъ жили тѣ люди, которые потомъ стали извѣстны подъ именемъ Грибоѣдовской Москвы.

Родители поэта имѣли обширный кругъ знакомыхъ и родственниковъ, и будущій авторъ „Горя отъ ума" еще въ дѣтствѣ могъ вдоволь насмотрѣться на такіе типы, которые потомъ подали поводъ къ изображенію Фамусова, Хлестовой, князя Тугоуховскаго съ семьею и пр.

Въ домѣ Грибоѣдовыхъ главную роль играла мать Александра Сергѣевича, Настасья Ѳедоровна, въ 1793 г. (а по мнѣнію А. И. Смирнова—въ 1791), вышедшая за секундъ-маіора Сергѣя Ивановича Грибоѣдова, дальняго потомка того Яна Гржибовскаго, котораго еще царь Алексѣй Михаиловичъ вызвалъ изъ Польши для участія въ составленіи „Уложенія" [51]). О характерѣ Сергѣя Ивановича ничего неизвѣстно: о немъ только и говорятъ, что ко всѣмъ домашнимъ дѣламъ онъ относился безучастно, и всѣмъ завѣдывала жена его. Настасья же Ѳедоровна была женщина съ характеромъ. Л. Н. Майковъ въ своихъ „Замѣткахъ объ А. С.

*) Указанный тутъ годъ рожденія Грибоѣдова можно считать окончательно установленнымъ: на немъ остановился и Н. А. Шляпкинъ въ своей „Хронологической канвѣ" (Полн. собран. соч. А. С. Грибоѣдова, т. I) и А. И. Смирновъ въ своей статьѣ въ „Варшавск. универ. Извѣстіяхъ" 1895 г. Но о днѣ рожденія этого сказать нельзя: большинство принимаетъ 4-е января; но Е. В. Пѣтуховъ (кажется, основываясь на замѣткѣ Веселовскаго въ „Рус. Архивѣ" 1874 г. кн. I. стр. 1517) принимаетъ 5-е января.

Грибоѣдовѣ“ [52]) назвалъ ее „очень просвѣщенной“, но право ея на такое названіе рѣшительно не подтверждается трудами другихъ изслѣдователей и біографовъ. Напротивъ, о ней говорятъ, какъ о характерѣ заносчивомъ, тяжеломъ [53]); нравъ ея называютъ крутымъ и сварливымъ [54]). Да помимо этого, можно ли назвать „очень просвѣщенной“ женщину, которая съ презрѣніемъ относилась къ литературнымъ занятіямъ сына и хотѣла видѣть въ немъ лишь блестящаго своимъ положеніемъ чиновника. Къ тому же надо имѣть въ виду еще и слѣдующее.

Настасья Ѳедоровна по рожденію—также была Грибоѣдова. Она прекрасно помнила, что предокъ ея, Михайло Грибоѣдовъ, еще до воцаренія Михаила Ѳеодоровича отличился большими военными подвигами, за что послѣ (въ 1614 г.) и получилъ грамоту отъ этого царя. Грамота эта сохранялась потомками и дошла до брата Настасьи Ѳедоровны—Алексѣя Ѳедоровича. Правнукъ Михайла Грибоѣдова, Тимофей Ивановичъ, служилъ Петру Великому, былъ воеводою въ Дорогобужѣ, затѣмъ пожалованъ былъ чиномъ майора и назначенъ комендантомъ въ Вязьму. Послѣдующіе потомки Михаила Грибоѣдова, правда, ничѣмъ себя не отличили, тѣмъ не менѣе Настасья Ѳедоровна гордилась древностью своего дворянскаго рода, вся была проникнута аристократическими воззрѣніями и свято хранила родовыя и общественныя традиціи, боясь всего, что могло бы уронить ея барское достоинство.

Въ этомъ уваженіи къ родовитости, въ этихъ барскихъ воззрѣніяхъ сильно поддерживали Настасью Ѳедоровну братъ ея и сестры. Алексѣй Ѳедоровичъ, дядя поэта, въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ послѣдняго, такъ охарактеризованъ: „Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ передныхъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: *я, братъ!*“ [55]).

Въ Москвѣ Алексѣй Ѳедоровичъ, служившій до отставки начальникомъ Архива, [56]) *) жилъ большимъ тузомъ и любилъ устраивать богатыя празднества. Въ одномъ изъ писемъ Батюшкова къ Гнѣдичу (1810 г.) читаемъ: „Сегодня *ужасный* маскарадъ у г. Грибоѣдова; вся Москва будетъ“ [57]). Елизавета, дочь Алексѣя

*) Въ „Москвитянинѣ“ 1856 г. (см. наше примѣч. 51-е) есть указаніе, что и Алексѣй Ѳедоровичъ и отецъ его не любили на службѣ дѣлать дѣло сами, а нанимали за себя бѣдныхъ людей.

Өедоровича отъ перваго его брака съ кн. Одоевской, была женой впослѣдствіи столь прославившагося графа Паскевича; старшая изъ четырехъ сестеръ его, Анна, была замужемъ за Разумовскимъ; двѣ слѣдующія сестры, Александра и Елизавета, также были женами дворянъ. Второй женой Алексѣя Өедоровича была Нарышкина, а дочь его отъ нея, Софья, была замужемъ за Римскимъ-Корсаковымъ. И Алексѣй Өедоровичъ и его сестры гордые своимъ древнимъ родомъ, любили гордиться и своей „столбовой" родней. Настасья же Өедоровна, младшая изъ сестеръ, такъ высоко цѣнившая родовитость, связи и свѣтскія приличія, смотрѣла на своего брата, какъ на идеалъ знатнаго барина, совѣтовалась съ нимъ и охотно допускала его вмѣшательство въ свои семейныя дѣла. А между тѣмъ Алексѣй Өедоровичъ былъ именно тѣмъ лицомъ, которое подало Грибоѣдову поводъ вывести въ своей комедіи типъ Фамусова.

Мать Грибоѣдова не могла представить себѣ будущность сына иначе, какъ блестящею, — конечно, въ смыслѣ службы на видномъ мѣстѣ,—а потому и старалась пользоваться своими связями и знакомствомъ, въ чемъ чрезвычайно охотно помогалъ ей и братъ ея, давно уже привыкшій „пресмыкаться" въ вельможныхъ переднихъ. Настасью Өедоровну больше всего прельщала карьера дипломатическая; но она въ то же время понимала, что для этой карьеры нужно и соотвѣтствующее образованіе, понимала это тѣмъ болѣе, что наступило время, когда само правительство заявило (въ 1803 г.), что для занятія высшихъ должностей оно потребуетъ и высшаго образованія [58]).

Заботливая мать начала съ того, что пригласила въ домъ гувернера-иностранца, нѣмца Петрозиліуса. Но выборъ этотъ былъ не вполнѣ удаченъ. Петрозиліусъ былъ человѣкъ ученый, серьезный; впослѣдствіи онъ прославился изданіемъ перваго обстоятельнаго „Каталога Московской университетской библіотеки" (1831—1836). Онъ хотѣлъ было развить въ своемъ питомцѣ добросовѣстное и серьезное отношеніе къ учебнымъ занятіямъ, но, какъ это случается иногда съ нѣмецкими педагогами, былъ излишне педантиченъ—и окончилъ тѣмъ, что возбудилъ въ живомъ мальчикѣ большое къ себѣ нерасположеніе. Тутъ, по мнѣнію Веселовскаго, у Грибоѣдова едва ли не впервые зародилась нелюбовь къ нѣмцамъ, которая послѣ не разъ имъ высказывалась. Веселовскій думаетъ [59]), что выходка Чацкаго противъ нѣмцевъ въ

концѣ 7-го явл. перваго дѣйствія первоначальной редакціи „Горя отъ ума" имѣла въ виду именно Петрозиліуса.

Я не могу забыть: учительскій халатъ,
Перстъ указательный, сіяніе гуменца —
Какъ наши робкіе тревожили умы!
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что ничего нѣтъ выше нѣмца!

Впрочемъ и въ позднѣйшей редакціи только нѣсколько сглаженъ портретъ Петрозиліуса, но выходка противъ нѣмцевъ осталась, хотя тоже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ:

Нашъ менторъ — помните, колпакъ его, халатъ,
Перстъ указательный — все признаки ученья,
Какъ наши робкіе тревожили умы!..
Какъ съ раннихъ лѣтъ привыкли вѣрить мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья!

Изъ числа другихъ доказательствъ нерасположенія Грибоѣдова къ нѣмцамъ приведемъ тѣ строки изъ письма его къ С. Н. Бѣгичеву отъ 18 сентября 1818 г., гдѣ онъ говоритъ о сослуживцѣ своемъ — Амбургерѣ. Письмо писано въ дорогѣ, изъ Воронежа. Въ немъ читаемъ: „Вообще вездѣ на станціяхъ остановка; къ счастію, что мой товарищъ—особа прегорячая, бичъ на смотрителей, хорошій малый; я уже увѣрилъ его, что *быть нѣмцемъ очень глупая роль на свѣтѣ*, и онъ уже подписывается Амбургевъ, а не—ръ, и вмѣстѣ со мною нѣмцевъ ругаетъ на повалъ, а мнѣ это съ руки" [60]).

Не поладившій съ своимъ питомцемъ Петрозиліусъ былъ замѣщенъ другимъ гувернеромъ, случайно, но въ высшей степени счастливо встрѣтившимся, Богданомъ Ивановичемъ Іономъ. У Веселовскаго есть слѣдующая прекрасная характеристика личности этого воспитателя, съ указаніемъ отношенія къ нему его благодарнаго воспитанника. Іону „суждено было сдѣлаться не только руководителемъ воспитанія Грибоѣдова, но и близкимъ другомъ и совѣтникомъ его, одною изъ тѣхъ добродушныхъ старческихъ головъ, которыя такъ симпатично врѣзываются иногда въ смутной картинѣ воспоминаній о раннемъ дѣтствѣ, и которыя потомъ неразлучны со всѣми хорошими днями жизни. Когда судьба ни приводила Грибоѣдова снова въ родную обстановку, — одною изъ первыхъ заботъ его бывало отыскать Іона; старикъ въ свою очередь сильно тосковалъ, что не могъ повидать своего питомца, когда, замѣшанный въ дѣло 14-го декабря, онъ проѣзжалъ подъ конвоемъ черезъ Москву, и выказывать

привязанность къ нему могло быть небезопасно; наконецъ, когда Грибоѣдова уже не стало, старикъ-гувернеръ любилъ сходиться съ другомъ покойнаго, С. Бѣгичевымъ, и вспоминать съ нимъ о Грибоѣдовѣ и о добрыхъ старыхъ дняхъ. Въ тѣ минуты, говоритъ очевидецъ, слезы виднѣлись на глазахъ обоихъ собесѣдниковъ" [61]).

Забота Настасьи Ѳедоровны о служебной карьерѣ сына заставила ее пожелать для него университетскаго диплома. Братъ ея, подобно Фамусову, не видѣлъ, конечно, проку въ многоученіи, но и онъ не могъ не чувствовать необходимости уступить времени,—и Іону было поручено готовить Грибоѣдова къ поступленію въ университетъ. Чрезвычайно образованный, докторъ правъ и знатокъ древнихъ языковъ, Іонъ былъ не только хорошимъ воспитателемъ, но и отличнымъ учителемъ. Онъ принялся за свое дѣло серьезно, однако и съ тѣмъ тактомъ, который далъ ему возможность привязать къ себѣ своего питомца, и послѣдній полюбилъ умственную работу. Какъ поклонникъ древнихъ классиковъ, Іонъ и Грибоѣдову далъ классическое образованіе (впрочемъ пока съ однимъ только лат. языкомъ; съ греческимъ Грибоѣдовъ познакомился позднѣе), и долго занимался съ нимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Онъ былъ главнымъ руководителемъ воспитанія и образованія будущаго поэта, но ему помогали и другіе избранные преподаватели.

Большая забота обращена была и на изученіе новыхъ языковъ. У Майкова находимъ извѣстіе,—основанное на показаніяхъ современниковъ, — что Грибоѣдовъ, поступивъ въ университетъ, уже говорилъ по-французски, по-нѣмецки, по-англійски и по-итальянски [62]). Семевскій, описывая петербургскую жизнь Грибоѣдова по пріѣздѣ его изъ Польши въ 1815 г., также говоритъ, что онъ „свободно изъяснялся на четырехъ языкахъ", и прибавляетъ: „Грибоѣдовъ (подобно Катенину), смотря въ иностранную книгу, читалъ ее по-русски въ самомъ вѣрномъ переводѣ, такъ что хоть записывать и отдавать въ печать" [63]). Такое знаніе языковъ открыло Грибоѣдову свободный доступъ къ западнымъ литературамъ.

Къ хорошей сторонѣ жизни Грибоѣдовыхъ надо отнести ихъ любовь къ музыкѣ. Музыка въ ихъ домѣ „процвѣтала", какъ сказалъ одинъ біографъ [64]). У Александра Сергѣевича былъ выдающійся музыкальный талантъ, на который и было обращено вниманіе его матери—и не напрасно. Тотъ же Семевскій разсказываетъ, что Грибоѣдовъ впослѣдствіи по цѣлымъ часамъ бы-

вало импровизировалъ на фортепьяно, и можно было заслушаться его импровизацiей [65]). Сблизившись съ кружкомъ тогдашнихъ нашихъ композиторовъ,—съ Алябьевымъ, Верстовскимъ и др.,— Грибоѣдовъ захотѣлъ изучить самые законы музыки, и, благодаря урокамъ извѣстнаго въ свое время петербургскаго профессора гармонiи Iоганна Миллера, овладѣлъ ими и сталъ въ музыкѣ не только виртуозомъ, но и опытнымъ теоретикомъ. Грибоѣдовъ любилъ музыку страстно, — и какъ онъ скучалъ на Востокѣ по своемъ фортепьяно, и какъ былъ счастливъ, когда случалось ему добраться до любимаго инструмента! Тогда онъ не отрывался отъ него по цѣлымъ днямъ.

Прекрасно подготовленный Iономъ, Грибоѣдовъ поступилъ въ Московскiй университетъ. Въ виду того, что мать готовила сыну дипломатическую карьеру, да, вѣроятно, и по совѣту юриста Iона, факультетъ былъ выбранъ юридическiй (этико-политическое отдѣленiе философскаго). Опредѣляя Грибоѣдова въ университетъ по необходимости уступить требованiю времени, мать и дядя приняли мѣры, чтобы не смѣшать его съ „плебеями“: во-первыхъ, его записали вольнослушателемъ, во-вторыхъ, посылали его на лекцiи въ сопровожденiи гувернера, какъ было это тогда въ обычаѣ у богатыхъ баръ; въ-третьихъ, выдержали въ университетѣ менѣе обыкновеннаго.

Когда же Грибоѣдовъ сдѣлался студентомъ? — Въ „Хронологической канвѣ“ Шляпкина, при составленiи которой въ 1889 г. авторъ руководился всей библiографической литературой о Грибоѣдовѣ за перiодъ времени отъ 1814 по 1889 г. включительно,— въ этой „канвѣ“ подъ 1810-мъ годомъ читаемъ: „Въ это время или въ 1811 г. А. С. Г. поступилъ въ Московскiй университетъ“... Но въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстiяхъ 1895 г. (т. VI), въ статьѣ А. И. Смирнова (стр. 3, выноска) есть слѣдующее заявленiе:

„До послѣдняго времени пребыванiе Грибоѣдова въ университетѣ, какъ студента, относимо было къ 1810--1812 гг. Онъ въ послѣднемъ 1812 г. будто бы получилъ и степень кандидата правъ. Но теперь извѣстно, что все это было гораздо раньше. Въ № XXII, стр. 199—200 «Перiодическаго сочиненiя объ успѣхахъ народнаго просвѣщенiя» имя Александра Грибоѣдова значится въ спискѣ лицъ, о произволствѣ которыхъ въ кандидаты въ теченiе минувшаго академическаго года было объявлено 30 числа iюня 1808 г. Въ Исторiи Московскаго университета Шевырева Грибоѣдовъ

указанъ въ числѣ кандидатовъ 1808 г. (Рус. Вѣд. 1895 г., № 25, ст. Бобынина). Въ копіи университетскаго диплома дважды значится, что онъ выданъ въ 1808 г. (Бѣлокуровъ, Рус. Обозр., мартъ, 1895 г.)".

Но какъ бы ни было, всѣ біографы Грибоѣдова согласны въ томъ, что пребываніе его въ университетѣ принесло ему несомнѣнную и большую пользу. Въ Московскомъ университетѣ того времени было много превосходныхъ профессоровъ, и близкое общеніе ихъ со студентами было явленіемъ обычнымъ. Одинъ изъ нихъ, М. М. Снегиревъ, читавшій исторію философіи, личность прекрасная, простодушная, истинно-религіозная, по словамъ его біографа, былъ „снисходителенъ и привѣтливъ къ ученикамъ, которыхъ почиталъ друзьями; домъ его былъ открытъ для юныхъ друзей его". Другой—профессоръ Страховъ, державшійся къ студентамъ еще ближе, былъ большимъ любителемъ театра и обыкновенно руководилъ студенческими спектаклями. Не безъ основанія полагаютъ, что та страсть къ театру, которая такъ велика была у Грибоѣдова, могла впервые зародиться въ немъ именно подъ вліяніемъ Страхова. Насколько Грибоѣдовъ любилъ театръ, можно судить о томъ ужъ по письму его къ Бѣгичеву отъ 30 авг. 1818 г. Уѣзжая на Востокъ, онъ проситъ своего друга, чтобы тотъ подписался для него на афиши. „Присылай ихъ мнѣ, а когда уѣдешь изъ Петербурга, поручи кому-нибудь другому, Катенину или Жандру" [66]). Грибоѣдову хотѣлось знать о театрѣ хоть по афишамъ.

Но изъ всѣхъ университетскихъ профессоровъ въ отношеніи благотворнаго вліянія на Грибоѣдова самое большое значеніе имѣлъ Іоганнъ Теофилъ Буле (Buhle). Начавши свою ученую дѣятельность въ Германіи, Буле былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ членовъ Московскаго университета. Онъ читалъ, какъ показываетъ каталогъ лекцій, нравственную философію, эстетику, всеобщую исторію и исторію искусства [67]). Кромѣ того, этотъ ревностный распространитель науки читалъ публичныя лекціи, устраивалъ у себя на дому частные курсы, гдѣ подвергалъ подробному изученію частные вопросы исторіи, эстетики и философіи, и, сверхъ того, издавалъ нѣсколько періодическихъ изданій [68]). Онъ былъ большимъ знатокомъ Аристотеля и любилъ разсуждать о сущности и основахъ драмы вообще, но предпочиталъ комедію, и особенно нравились ему комедіи Плавта и Теренція. Грибоѣдовъ слушалъ его лекціи и курсы, и Буле оцѣнилъ даровитаго слушателя: онъ часто ему одному посвящалъ продолжительныя философскія и эстетическія бесѣды [69]). Въ бесѣдахъ съ

такимъ учителемъ чрезвычайно расширялся умственный горизонтъ Грибоѣдова, воспитывалась способность къ отвлеченному мышленію, крѣпли любовь и уваженіе къ наукѣ, пріобрѣтались многостороннія знанія, пріобрѣталось и основательное литературное образованіе. Подъ вліяніемъ Буле Грибоѣдовъ, уже успѣвшій полюбить театръ, тоже особенно полюбилъ комедію, и дома, вмѣстѣ съ Іономъ, изучалъ тѣхъ же любимцевъ Буле—Плавта и Теренція.

Если Грибоѣдовъ и получилъ степень кандидата въ 1808 г.,—то сношенія его съ Буле все-таки не прекратились вмѣстѣ съ полученіемъ диплома, а продолжались еще нѣсколько лѣтъ (вѣроятно, до самаго поступленія его въ военную службу). Изъ одного письма Грибоѣдова [70]) видно, что въ 1811 г. Буле подарилъ ему книгу Дежерандо: „Histoire comparée des systémes de philosophie rélativement aux principes des connaissances humaines“, доведенную до Фихте и Шеллинга.

Въ университетѣ Грибоѣдовъ слушалъ также лекціи по статистикѣ и политической экономіи, читанныя профессоромъ Шлецеромъ (сыномъ того историка Шлецера, который занимался нашей Несторовой лѣтописью); въ университетѣ же полюбилъ онъ и русскую исторію -и тоже, вѣроятно, не безъ вліянія Буле: этотъ почтенный наставникъ Грибоѣдова, отличаясь удивительно широкой ученой любознательностью, глубоко заинтересовался, между прочимъ, вопросами русской исторіи и археологіи и могъ обратить на нихъ вниманіе и своего питомца [71]).

Позднѣйшія письма Грибоѣдова, его записки и замѣтки *)—все это показываетъ, что онъ дѣйствительно полюбилъ научныя занятія и серьезное чтеніе, и одинъ изъ нашихъ ученыхъ, опираясь на только что указанный матеріалъ, раскрывающій передъ нами личность этого писателя и работника, высказалъ слѣдующее основательное предположеніе: „если бы обстоятельства жизни Грибоѣдова сложились для него менѣе насильственно, и ему была бы предоставлена возможность предаться занятію наукой, то изъ него выработалась бы замѣчательная научная сила“ [72]).

Но въ Грибоѣдовѣ рано пробудилась и охота къ литературнымъ занятіямъ. По свидѣтельству Булгарина, онъ, еще будучи студентомъ, писалъ стихи, хотя не собиралъ ихъ и не намѣревался печатать. Были у него, какъ сейчасъ увидимъ, и раннія замыслы написать комедію.

---

*) Ихъ мы коснемся ниже.

Умный и развитой Грибоѣдовъ не могъ не сравнивать университетскую среду, среду своихъ профессоровъ, представителей образованности и примѣры нравственной силы, съ окружавшей его средою въ Подъ-Новинскомъ, тѣмъ болѣе, что эта послѣдняя сильно давала себя чувствовать тѣмъ гнетомъ, который она налагала на юношу требованіемъ не отклоняться отъ принятыхъ въ ней взглядовъ и образа дѣйствій. Особенно тяжелъ былъ гнетъ со стороны матери и дяди. Мать, хотѣвшая видѣть впослѣдствіи своего сына на блестящемъ служебномъ мѣстѣ, вовсе не желала, чтобы онъ былъ писателемъ или ученымъ. Изъ одного позднѣйшаго письма Грибоѣдова видно, что она смѣялась надъ его литературными занятіями, иногда даже въ присутствіи его товарищей; можно слѣдовательно думать, что она и раньше относилась къ нимъ съ презрѣніемъ. Она отрывала его отъ дѣла, чтобы вывезти въ свѣтъ и тамъ сблизить съ разными вліятельными лицами и такимъ путемъ подготовить его будущую служебную карьеру. Еще пуще матери донималъ его своими попеченіями дядя. Племянникъ сталъ наконецъ протестовать, не открыто, а посредствомъ хитрости. По разсказамъ людей, знавшихъ Грибоѣдова, пріѣдетъ бывало Алексѣй Ѳедоровичъ, чтобы тащить юношу на поклоненіе къ какому-нибудь князь-Петръ-Ильичу, а тотъ и притворится больнымъ. „Не могу, дядюшка: то болитъ, другое болитъ, ночь не спалъ“, — хитрилъ молодой человѣкъ. Такого рода забота о карьерѣ уже тогда была противна душѣ Грибоѣдова, и слова Чацкаго, обращенныя къ Фамусову:

. . . . вы . . . меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ, —

безъ сомнѣнія, имѣютъ и автобіографическое значеніе.

Само собою разумѣется, что у Грибоѣдова должно было явиться враждебное отношеніе къ темнымъ сторонамъ окружавшей его среды. „По мѣрѣ того какъ молодой умъ привыкалъ относиться критически къ дѣйствительности, какъ бесѣды съ Буле, серьезныя требованія Іона и многое изъ слышаннаго и читаннаго въ студенческую пору вызывали у юноши привычку уходить въ себя и давать себѣ трезвый отчетъ въ наблюденіяхъ“,—говоритъ Веселовскій [73]), — сравненіе міра Фамусовыхъ и Молчалиныхъ съ той чистой атмосферой, дышавшей трудомъ и мыслью, куда переносился онъ слѣдомъ за своими педагогами, тяжко потрясало его, и горькое разочарованіе глубоко západало

въ его душу. Печаленъ былъ результатъ этого начинавшагося въ немъ анализа. Та среда, на которую онъ недавно смотрѣлъ спокойнымъ, беззаботнымъ взоромъ, проникнутымъ чисто отроческимъ невѣдѣніемъ, выступала передъ нимъ въ безобразной наготѣ. Въ лицахъ, близкихъ ему по родству и связямъ, окружавшихъ его съ колыбели, онъ распозналъ рядъ темныхъ, безнравственныхъ характеровъ; цѣлая эпопея грязныхъ интригъ, искательства, низкопоклонства, чванства — воплощалась въ отталкивающихъ образахъ".

У Л. Майкова [74]) сообщается извѣстіе, идущее отъ одного университетскаго товарища Грибоѣдова, г. N. (Шнейдера? какъ предположительно думаетъ Майковъ), что въ началѣ 1812 г. Грибоѣдовъ прочелъ ему, господину N., и своему воспитателю Іону отрывки изъ задуманной имъ комедіи, носившей уже названіе „Горя отъ ума". Майковъ говоритъ, что извѣстіе это требуетъ, конечно, подтвержденія, но не находитъ его неправдоподобнымъ. Если это такъ, то въ Грибоѣдовѣ рано пробудилось не только враждебное отношеніе къ темнымъ сторонамъ подъ-новинской среды, но и желаніе „воплотить ихъ въ отталкивающихъ образахъ". Майковъ прибавляетъ, что написанное въ 1812 г. было, разумѣется, лишь зародышемъ будущей знаменитой комедіи.

У Грѣбоѣдова была сестра, старше его возрастомъ, Марія (впослѣдствіи г-жа Дурново). Она, также одаренная музыкальными способностями, подобно брату выдѣляется изъ окружавшей ее среды, хотя мы не знаемъ, подъ какими вліяніями она воспитывалась. Біографы Грибоѣдова называютъ Марію единственнымъ другомъ дѣтства его и говорятъ, что братъ всегда встрѣчалъ въ ней сочувствіе ко всѣмъ своимъ замысламъ и къ борьбѣ своей противъ свѣтскаго гнета [75]).

Періодъ времени со второй половины 1812 г. по конецъ лѣта 1818 г.

Причины, заставившія Грибоѣдова поступить въ военную службу. — Характеръ этой службы. — Казарменные готтентоты. — Грибоѣдовъ теряетъ мѣру въ своихъ проказахъ. — Вліяніе С. Н. Бѣгичева и дальнѣйшее отношеніе къ нему Грибоѣдова. — Имя Грибоѣдова впервые появляется въ печати. — Знакомство съ кн. Шаховскимъ и комедія: „Молодые супруги". — Грибоѣдовъ въ Петербургѣ. — Знакомство съ литературнымъ міромъ. — Связь съ масонствомъ. — Остатки прежней шаловливости. — Серьезныя занятія. — Развитіе литературной дѣятельности Грибоѣдова. — Сочиненія, въ которыхъ онъ заступается за своихъ друзей. — Взглядъ Грибоѣдова на критику. — Его отношеніе къ Жуковскому. — Отместка Загоскину. — Комедія: „Студентъ". — Сатирическій элементъ въ ней. — Очеркъ Саблина, какъ одинъ изъ набросковъ типа Скалозуба. — Одна автобіографическая черта. — Работы для театра. — Работа надъ „Горемъ отъ ума".

Въ іюлѣ 1812 г. Грибоѣдовъ былъ зачисленъ корнетомъ въ формировавшійся тогда кн. Салтыковымъ гусарскій полкъ. Но Салтыковъ скоро умеръ, и гусары его были распущены. Грибоѣдовъ въ декабрѣ поступилъ въ Иркутскій гусарскій полкъ, и затѣмъ уѣхалъ изъ Москвы въ провинціальную глушь.

На первый взглядъ можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ этотъ молодой человѣкъ, полюбившій научныя занятія, не только сдѣлался гусаромъ, но и оставилъ Москву и ученыхъ друзей своихъ. Но на это были причины. Прежде всего въ Грибоѣдовѣ было глубокое патріотическое чувство, заставившее его откликнуться на призывъ правительства, обращенный къ молодежи. Мы уже упоминали о свидѣтельствѣ очевидцевъ о томъ, что молодые люди приходили толпами, чтобы записываться въ армію. Въ ряды ея поступили тогда многіе, имена которыхъ или были уже извѣстны, или стали извѣстны впослѣдствіи въ литературномъ мірѣ. Патріотическое движеніе было тогда сильно возбуждено. Но, кромѣ этой причины, была и другая. Настасья Ѳедоровна, строгая блюстительница свѣтскихъ приличій, стѣсняла свободу сына, требовала отъ него какой-то особенной солидности. А между тѣмъ пылкому юношѣ хотѣлось бы подчасъ развернуться, явиться на время „пасынкомъ здраваго разсудка". Приходилось поневолѣ надѣвать на себя маску разсудительности, и это было ему несносно. Такъ можно заключить изъ письма его къ Бѣгичеву 1816 г., гдѣ онъ какъ бы завидуетъ своему другу, что у него нѣтъ матери, которой онъ *обязанъ казаться основательнымъ*, и можетъ быть *такимъ*, *каковъ есть*. Грибоѣдову хотѣлось избавиться отъ семейнаго гнета и въ этомъ отношеніи

Въ дѣйствующую армію, хотя онъ и желалъ этого, попасть ему не удалось, вѣроятно не безъ давленія со стороны матери. Иркутскій полкъ находился въ составѣ резервнаго кавалерійскаго корпуса, начальникомъ котораго былъ генералъ Кологривовъ. Полкъ стоялъ сперва въ Могилевѣ, потомъ въ Слонимѣ, и наконецъ въ Брестѣ. Дѣла почти не было никакого. Захолустная скука, бездѣлье и товарищи-офицеры, главными интересами которыхъ были кутежи, разгулъ, карты—вотъ обстановка, въ которую попалъ Грибоѣдовъ. До какихъ размѣровъ безобразія доходили пошлыя развлеченія окружавшей его военной молодежи, видно ужъ изъ того, что онъ впослѣдствіи назвалъ ее „казарменными готтентотами". Но это впослѣдствіи, а въ то время долго сдерживаемыя молодыя силы искали себѣ исхода—и Грибоѣдовъ тоже сталъ готтентотомъ, въ числѣ которыхъ находился и адъютантъ Кологривова, Степанъ Никитичъ Бѣгичевъ. По разсказамъ этого Бѣгичева, Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ нимъ то появлялся верхомъ на балѣ, во второмъ этажѣ дома, то производилъ безпорядки въ католическомъ монастырѣ [76]), — и все это сходило съ рукъ.

Но Бѣгичевъ, человѣкъ съ прекрасной душой, человѣкъ, въ которомъ были развиты умственные интересы и любовь къ литературѣ и искусству, платилъ только временную дань молодости — и наконецъ одумался. Умнымъ и сердечнымъ словомъ повліялъ онъ и на Грибоѣдова—и остепенился и тотъ. Бѣгичевъ оказался истиннымъ другомъ Грибоѣдова, и съ какимъ глубокимъ чувствомъ уваженія и благодарности сталъ относиться къ нему Александръ Сергѣевичъ — это можно видѣть изъ его писемъ къ своему другу-наставнику, котораго онъ часто любилъ называть „братомъ".—„Ты, мой другъ",—писалъ онъ Бѣгичеву, уѣзжая въ Персію въ 1818 г.,—поселилъ въ меня, или лучше сказать, развернулъ свойства, любовь къ добру; я съ тѣхъ поръ только началъ дорожить честностью и всѣмъ, что составляетъ истинную красоту души, съ того времени, какъ съ тобою познакомился, и—ей Богу!—когда съ тобою нѣсколько побываю вмѣстѣ, становлюсь нравственно лучше, добрѣе. Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ" [77]).

Въ другомъ письмѣ (отъ 31 августа 1824 г. изъ Стрѣльны) мы видимъ необыкновенно нѣжную и горячую любовь Грибоѣдова къ своему другу. „Братъ любезный! не ѣду къ тебѣ и не пишу тебѣ, совѣсть мучитъ. Узнавши о твоей новорожденной, первое мое движеніе было къ тебѣ летѣть, поздравить и обнять крѣпко-

накрѣпко мать, отца и весь домъ: право, ходя по комнатѣ, я уже у васъ былъ, нянчилъ ребенка, шалилъ съ кормилицею, но проклятый недочетъ въ прогонахъ все испортилъ, взять было неоткуда, Левъ и Солнце давно уже покоятся въ ломбардѣ... Не сердись, мой истинный другъ; гдѣ бы я ни затерялся, первый ты на умѣ и на языкѣ. Нѣтъ у меня ни жены ни дочери. Душою принадлежу тебѣ одному" [78]).

Въ письмѣ изъ Петербурга отъ 18 мая 1825 г., по поводу антикритики Бѣгичева противъ М. А. Дмитріева, помѣстившаго статью въ „Вѣстникѣ Европы" (1825 г. № 5) объ отрывкахъ изъ „Горя отъ ума", Грибоѣдовъ писалъ Степану Никитичу: „Безцѣнный другъ и братъ!... Ты съ жаромъ вступился за меня, любезный мой. Благодарю тебя за намѣреніе и за исполненіе. Я твою тетрадку читалъ многимъ пріятелямъ, всѣ ею были очень довольны, а я вдвое, потому что теперь коли отказался ея печатать, такъ, конечно, не оттого, чтобы въ ней чего-нибудь недоставало. Но слушай. Я привыкъ тебя уважать: это чувство къ тебѣ вселяю въ каждаго новаго моего знакомца; какъ же ты могъ думать, что допущу я тебя до личной и публичной схватки... и все это за человѣка, который бы хотѣлъ, чтобы всѣ на тебя смотрѣли какъ на лицо высшаго значенія, неприкосновенное, друга, хранителя, котораго я избралъ себѣ съ ранней молодости, какъ отчасти по симпатіи, такъ равно столько же по достоинству. Ты вспомни, что я себя совершенно поработилъ нравственному твоему превосходству. Ты правилами, силою здраваго разсудка и характера всегда стоялъ выше меня, да и коли я талантомъ и чѣмъ-нибудь сдѣлаюсь извѣстенъ свѣту, то и это глубокое чувство къ тебѣ перелью въ... моего почитателя" [79]).

Вотъ отношенія, которыя установились у Грибоѣдова къ Бѣгичеву. Тѣ чувства, которыя онъ питалъ къ своему другу,— замѣчаетъ А. П. Смирновъ, „свойственны только душамъ самымъ возвышеннымъ" [80]).

Остепенившись, Грибоѣдовъ въ Брестѣ принялся за перо, и въ „Вѣстникѣ Европы" 1814 г. появились первыя печатныя его сочиненія: „Письмо изъ Бреста-Литовска къ издателю Вѣстника Европы", описывающее праздникъ, устроенный офицерами въ честь своего любимаго начальника, генерала Кологривова, и статья: „О кавалерійскихъ резервахъ", знакомившая съ ихъ организаціей и излагавшая краткую ихъ исторію со времени ихъ учрежденія, т.-е. съ октября 1812 г. Статья эта отличается довольно серьез-

нымъ характеромъ: авторъ, хваля Кологривова за то, что резервы обошлись казнѣ сравнительно не дорого, обнаруживаетъ свое вниманіе къ экономическимъ интересамъ государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ уже тутъ высказываетъ, хотя и косвеннымъ образомъ, свой взглядъ на службу. „Хвала чиновнику", — говоритъ онъ, — „точному исполнителю своихъ должностей, радѣющему о благѣ общемъ" [81]). Послѣ мы увидимъ, какъ Грибоѣдовъ самъ выполнялъ свой служебный долгъ.

Во время своей военной службы Грибоѣдовъ познакомился съ кн. Шаховскимъ, и по его совѣту передѣлалъ, еще во время пребыванія въ Брестѣ, комедію Creuzé de Lesser — „Le secret du ménage", назвавъ свою передѣлку: „Молодые супруги". Тема этой одноактной комедіи можетъ быть выражена слѣдующими двумя стихами изъ X-го ея явленія:

Блаженства сущностью они (мужья) не дорожатъ;
Его утративши, по немъ же загрустятъ.

Чтобы судить о стихахъ Грибоѣдова въ этой пьесѣ, приведемъ изъ нея (съ сохраненіемъ правописанія автора) то мѣсто, гдѣ Сафиръ, пріятель молодого супруга, Ариста, даетъ его женѣ, Эльмирѣ, совѣтъ, какъ ей вести себя, чтобы оживить своего мужа, скучающаго именно оттого, что онъ слишкомъ увѣренъ въ своей скромной женѣ (явл. V):

Тотъ мужъ, мы на примѣръ какимъ Ариста знаемъ,
Увѣренный, что онъ женою обожаемъ,
Что ясныхъ дней его ни что не помрачитъ,
Въ безпечности благой живетъ какъ Сибаритъ,
Вседневны ласки онъ съ холодностью пріемлетъ,
Взаимность райская утихнетъ и задремлетъ;
Ему ни что не въ прокъ, и чуждъ сердечный страхъ.
Нѣтъ, постарайтесь быть хотя въ его глазахъ
Вы легкомысленнѣй, и больше прихотливы;
Увидите, какой онъ будетъ боязливый,
Едва опомнится, что можетъ потерять
Блаженство, коимъ сталъ онъ такъ пренебрегать,
Съ супругой ангеломъ въ любви минутахъ тайныхъ,
Онъ въ заблужденіяхъ раскается случайныхъ,
И образумясь, вамъ покоренъ будетъ вновь.

Далѣе есть и такой стихъ:

Самъ будетъ угождать, къ с в о м у привыкнетъ къ дому.

Стихи эти еще очень далеки отъ тѣхъ, которыми позднѣе написано его „Горе отъ ума". „Молодые супруги" впослѣдствіи (въ 1816 г.) были поставлены на сцену.

Изъ пошлой среды „казарменныхъ готтентотовъ“ или „дружины“, какъ иначе называлъ эту среду Грибоѣдовъ, онъ вырвался лишь въ 1815 г., и въ концѣ лѣта пріѣхалъ въ Петербургъ [82]. Проносивъ еще нѣсколько мѣсяцевъ гусарскій мундиръ, вышелъ (въ мартѣ 1816 г.) въ отставку изъ военной службы и, спустя годъ слишкомъ, поступилъ (въ іюлѣ 1817 г.) въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ выборѣ этого министерства главную роль, надо думать, играла мать Грибоѣдова, готовившая для него дипломатическую карьеру. Она наконецъ достигла осуществленія своихъ завѣтныхъ мечтаній: въ 1818 г. Грибоѣдовъ, назначенный секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи, Мазаровичѣ, отправился на Востокъ.

•

Когда Грибоѣдовъ явился въ Петербургъ въ 1815 г., его окружили иные люди. Князь Шаховской ввелъ его въ кружокъ литераторовъ, и Грибоѣдовъ познакомился съ Хмельницкимъ и Катенинымъ. Съ послѣднимъ онъ скоро сошелся очень близко и впослѣдствіи переписывался съ нимъ. Мы остановимся нѣсколько на письмахъ Грибоѣдова къ Катенину, чтобы при помощи ихъ охарактеризовать его отношенія къ этому второму своему другу, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о самомъ Катенинѣ.

Павелъ Александровичъ Катенинъ (1792—1853), человѣкъ весьма образованный, служилъ сперва въ департаментѣ народнаго просвѣщенія, а послѣ 1809 г. перешелъ въ Преображенскій полкъ. На литературное поприще онъ выступилъ стихотвореніями, а затѣмъ сталъ извѣстенъ, какъ переводчикъ Корнеля и Расина и какъ авторъ оригинальной трагедіи: „Андромаха“. Къ нему, какъ къ писателю, относились различно: Батюшковъ въ началѣ литературной дѣятельности Катенина усматривалъ въ немъ дарованіе. „Маленькій Катенинъ что дѣлаетъ? Онъ съ большимъ дарованіемъ“, писалъ онъ Гнѣдичу въ 1809 г. [83]) Но впослѣдствіи (уже въ 1816 г.) въ талантѣ Катенина онъ разочаровался. Н. И. Бахтинъ, издавшій въ 1832 г. его „Сочиненія и переводы въ стихахъ“, предпослалъ изданію хвалебное предисловіе. Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (ч. III, стр. 147) замѣтилъ: „Катенинъ свои трагедіи, стихотворенія безъ мѣры и безъ искусства начинялъ славянизмами. И что это было? Верхъ безвкусія и безсмыслія“. Грибоѣдовъ, напротивъ, жаловалъ произведенія автора „Андромахи“, хотя и отмѣчалъ недостатки его пера.

Не лишнимъ считаемъ привести здѣсь и тѣ строки Вигелевской характеристики молодого Катенина, гдѣ онъ изображенъ не

только какъ литераторъ, но и какъ личность извѣстнаго склада. „Круглолицый, полнощекій и румяный, какъ херувимъ на вербѣ, этотъ мальчикъ"—пишетъ Вигель—„вѣчно кипѣлъ, какъ кофейникъ на конфоркѣ. Онъ былъ довольно хорошъ съ Шаховскимъ, ибо далеко превосходилъ его въ неистощимой хулѣ писателямъ; ни одному изъ нихъ не было отъ него пощады, ни русскимъ ни иностраннымъ, ни древнимъ ни новымъ... Можетъ быть, ему не хотѣлось быть на ряду съ обыкновенными людьми, почтительными къ давно признаннымъ достоинствамъ, и смѣлостью сужденій стать выше ихъ; а скорѣе не было ли это слѣдствіемъ страсти его къ спорамъ?... Катенину много помогали твердая память и сильная грудь; съ ихъ помощью онъ всякаго перекрикивалъ и долго продолжалъ еще спорить, когда утомленный противникъ давно отвѣчалъ ему молчаніемъ... Видалъ я людей самолюбивыхъ до безумія, но подобнаго ему не встрѣчалъ". Академикъ Майковъ называлъ эту характеристику „злою", но „довольно справедливою" [84]).

Это „кипѣніе" Катенина, эта „смѣлостъ сужденій" его, можетъ быть, болѣе всего и нравились Грибоѣдову. Онъ признавалъ въ немъ недюжинный умъ и даже считалъ себя обязаннымъ ему развитіемъ своего таланта. Въ одномъ изъ шести напечатанныхъ у Шляпкина писемъ Грибоѣдова къ Катенину, читаемъ такое заявленіе: „Вообще я не передъ кѣмъ не таился и сколько разъ повторяю (свидѣтельствуюсь Жандромъ, Шаховскимъ, Гречемъ, Булгаринымъ, etc. etc. etc.), что тебѣ обязанъ зрѣлостію, объемомъ и даже оригинальностію моего дарованія, если оно есть во мнѣ [85]). Изъ другого письма Грибоѣдова видно, что трагедіи Катенина онъ считалъ лучшими въ тогдашнемъ нашемъ репертуарѣ (1824 г.) и просилъ своего друга писать ихъ, такъ какъ ему надоѣло слушать дурные стихи въ трагедіяхъ, въ родѣ слѣдующихъ у Лобанова въ его переводѣ Расиновой: „Ифигеніи въ Авлидѣ":

Едва лучъ утренній намъ въ мракѣ свѣтитъ ночи,
Въ Авлидѣ лишь одни отверсты наши очи [86]).

Нѣсколько позднѣе онъ восхищается Катенинскимъ переводомъ Корнелева „Сида" и „Андромахой", хотя указываетъ и отрицательныя стороны этихъ трудовъ, однако съ оговорками, изъ которыхъ видно, что Грибоѣдовъ нѣкоторымъ промахамъ автора не придаетъ значенія. „Ты требуешь"—пишетъ онъ—„моего мнѣнія о твоихъ Сплетняхъ *) и Сидѣ" **). Сплетни, сколько я помню,

*) Комедія изъ Грессе (1821).
**) Сидъ переведенъ въ 1822 г.

не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; онѣ не веселы, и слогъ не довольно натураленъ, хоть и есть иные стихи превосходные. Въ Сидѣ есть одна сцена (особенная), которая мастерски переведена, и читана мною и прочитана сто разъ публично и про себя. Это встрѣча Діега съ Родригомъ въ домѣ Химены... ее безъ слезъ читать нельзя; вообще весь переводъ приноситъ тебѣ много чести, но также попадаются небрежности въ слогѣ, жесткости и ошибки противъ языка (для тѣхъ, кто ихъ замѣчать хочетъ); точно такія же погрѣшности повредили твоему напечатанному отрывку изъ Андромахи *), не въ мнѣніи безпристрастныхъ цѣнителей изящнаго, но тѣхъ, которые давно уже каждый шагъ твой оспариваютъ на поприщѣ трудовъ и славы. Зачѣмъ ты не даешь сыграть Андромахи? Семенова душою этого желаетъ; соединеніе такихъ двухъ талантовъ, какъ она съ Каратыгинымъ, не всегда случается; можетъ быть, онъ въ чужія края отправится, и тогда трагедіи твоей опять лежать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ [87]).

Въ этихъ строкахъ видна даже какая-то особенная заботливость Грибоѣдова о произведеніяхъ своего друга, и желаніе, чтобы тотъ постарался устранить все, что можетъ подавать поводъ къ неблагопріятному о нихъ отзыву. Очевидно, Грибоѣдовъ горячо любилъ Катенина, что и подтверждается разными другими мѣстами его писемъ къ нему, вотъ, напримѣръ, хоть слѣдующими строками изъ Петербурга (1824 г.): „Жаль, что не могу попасть къ тебѣ въ Кострому, а такъ давно собираюсь! Но мнѣ есть утѣшеніе: коли не съ тобою, такъ о тебѣ бесѣдую часто, и съ тѣмъ даже, съ кѣмъ ты не знакомъ и кто тебя не стоитъ. На дняхъ все какъ будто судьбою устроено, чтобы мнѣ сердцемъ и мыслями перенестись къ тебѣ, почтенный другъ“ [88]).

—

Въ первый же пріѣздъ свой въ Петербургъ Грибоѣдовъ познакомился также съ Жандромъ и Гречемъ.

Андрей Андреевичъ Жандръ (1789—1873), человѣкъ благороднѣйшей души, тоже любилъ литературу, и уже въ 1817 г. сдѣлалъ вольный переводъ Шиллеровой „Семелы“; въ томъ же году работалъ вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ надъ переводомъ комедіи Барта (Nicolas Thomas Barthe):—„Les fausses infidelités“; позднѣе, въ 1823 г., появилась на сценѣ его комедія: „Морской разбойникъ“, взятая изъ романа Вальтеръ-Скотта, а въ 1824 г. онъ перевелъ вмѣстѣ съ Шаховскимъ оперу-водевиль: „Волшебная лам-

*) Андромаха писалась съ 1809 по 1818 г.

падка, или кашемирскіе пирожники". Онъ участвовалъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" и въ „Сынѣ Отечества"; въ послѣднемъ велъ полемику съ Бестужевымъ-Марлинскимъ о талантѣ П. А. Каратыгина. Впослѣдствіи онъ былъ директоромъ деп. морского министерства, а затѣмъ сенаторомъ. Въ своей перепискѣ Грибоѣдовъ называетъ Жандра „милымъ, безцѣннымъ существомъ [89]), своимъ „Жандрикомъ" [90]), заявляетъ, что онъ „его какъ душу любитъ" [91]), восхищается его переводомъ отрывка изъ „Гоооліи" (помѣщ. въ „Сѣв. Набл."), называя его „безподобною вещью" [92]), а въ своемъ предисловіи къ переводу „Семелы" расхваливаетъ трудъ переводчика, который иногда нѣсколько строкъ Шиллера развивалъ въ цѣлую сцену [93]).

О Николаѣ Ивановичѣ Гречѣ распространяться здѣсь не будемъ, а скажемъ только, что литературная извѣстность его началась съ 1812 г., когда онъ сталъ издавать журналъ: „Сынъ Отечества", и прибавимъ, что въ 1828 г. соиздателемъ Греча по этому журналу сдѣлался Булгаринъ, съ которымъ онъ еще раньше затѣялъ и другое журнальное предпріятіе: газету „Сѣверная Пчела" (1825—1860).

Въ собраніи писемъ Грибоѣдова переписки его съ Гречемъ нѣтъ; но письмамъ же его къ другимъ лицамъ трудно представить себѣ что-нибудь болѣе или менѣе опредѣленное объ отношеніяхъ его къ этому человѣку. Имя Греча встрѣчается въ перепискѣ Грибоѣдова довольно часто, и на основаніи ея можно сказать, что отношенія между ними были довольно близкія, но ни изъ чего не видно ни той теплоты, ни того желанія свидѣться, которыя такъ очевидны въ Грибоѣдовѣ относительно Бѣгичева, Катенина, Жандра.—Журналомъ Греча онъ интересовался. Въ 1818 г. онъ писалъ Бѣгичеву изъ Новгорода: „Коли случай будетъ заслать или заѣхать къ Гречу, подпишись за меня на полученіе его журнала" [94]).

— —

Въ 1817 г. Грибоѣдовъ познакомился съ А. С. Пушкинымъ, который въ этомъ же году тоже былъ зачисленъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Съ Пушкинымъ онъ коротко не сошелся, но почему—отвѣчать съ увѣренностью трудно. „Могли здѣсь дѣйствовать", — говоритъ Пыпинъ, „во-первыхъ, простыя обстоятельства времени и личныхъ отношеній, напримѣръ, дружескія связи съ кн. Шаховскимъ, съ которымъ онъ раздѣлялъ любовь къ театру: онъ принималъ къ сердцу интересы пріятельскаго круга, вмѣшивался изъ-за нихъ въ полемическіе раздоры, пробо-

валъ даже выводить на сцену легкія насмѣшки надъ литературными противниками и т. п. Во-вторыхъ,—и это было, кажется, главное,—Грибоѣдовъ расходился съ кружкомъ „Арзамаса“ своими литературными вкусами и общественными запросами“. Но къ этимъ предположеніямъ Пыпинъ прибавляетъ: „Къ сожалѣнію, и здѣсь скудные факты не столько объясняютъ, сколько даютъ угадывать“ [95]).

Въ своей перепискѣ Грибоѣдовъ касается Пушкина только въ двухъ мѣстахъ: въ 1826 г., сидя подъ арестомъ, онъ пишетъ маленькую записку къ Булгарину, въ которой между прочимъ говоритъ: „Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки“ [96]). Въ 1827 г. пишетъ къ тому же Булгарину изъ Тифлиса: „Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова»... Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пименъ - старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ“ [97]). Пушкинъ съ своей стороны указалъ, что Грибоѣдову онъ симпатизировалъ, и впослѣдствіи высоко цѣнилъ его, какъ автора комедіи: „Горе отъ ума“. Въ описаніи своего путешествія въ Арзрумъ онъ мимоходомъ замѣтилъ: „Я познакомился съ Грибоѣдовымъ въ 1817 году. Его мелонхолическій характеръ, его озлобленный умъ, его добродушіе, самыя слабости и пороки, неизбѣжные спутники человѣка— все въ немъ было необыкновенно привлекательно... Возвращеніе его въ Москву въ 1824 году было переворотомъ въ его судьбѣ и началомъ безпрерывныхъ успѣховъ. Его рукописная комедія: «Горе отъ ума» произвела неописанное дѣйствіе и вдругъ поставила его на ряду съ первыми нашими поэтами“.

Кругъ знакомыхъ Грибоѣдова долженъ былъ особенно расшириться вслѣдствіе его связи съ масонствомъ. У Пыпина, въ его „Матеріалахъ для исторіи масонскихъ ложъ“ есть извѣстіе, что Грибоѣдовъ уже въ 1816 г. числился членомъ ложи „Des amis réunis“. Это обстоятельство объясняется, конечно, не сочувствіемъ Грибоѣдова масонскому ученію, а просто тѣмъ, что масонскія ложи того времени были своего рода общества, гдѣ сходились люди съ либеральными стремленіями; въ особенности тутъ много было вернувшейся изъ заграничнаго похода молодежи, среди которой, какъ мы знаемъ, было немало людей, весьма серьезно настроенныхъ [98]). Однимъ изъ такихъ былъ кн. Александръ Ивановичъ Одоевскій, съ которымъ Грибоѣдовъ близко сошелся, и который, подобно Бѣгичеву, удерживалъ его отъ излишнихъ увлеченій молодости [99]).

А удерживать Грибоѣдова все-таки еще было отъ чего. Не смотря на то, что Пушкинъ назвалъ характеръ его „меланхолическимъ“, самъ Грибоѣдовъ въ 1817 г. жаловался Бѣгичеву, что послѣ своего пребыванія въ „дружинѣ“ онъ все еще не можетъ „попасть на путь истинный“ [100]).

„Пріѣзжай, пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе!“ — пишетъ онъ въ концѣ 1816 г. Степану Никитичу. — „Въ воскресенье я съ Истоминой *) и съ Шереметевымъ **) ѣду въ Шустерклубъ; кабы ты былъ здѣсь, и ты бы съ нами дурачился. — Сколько здѣсь портеру, и какъ дешево!“ [101]).

Подобныя „дурачества“, конечно, совершались не одинъ разъ, и одно изъ нихъ (въ концѣ 1817 или нач. 1818 г.) явилось даже причиной кровавой катастрофы. Грибоѣдовъ, жившій тогда съ Завадовскимъ, пригласилъ Истомину къ себѣ на чай и тѣмъ возбудилъ ревность въ Шереметевѣ. Въ дѣло вмѣшался будущій декабристъ — Якубовичъ, и затѣялъ дуэль: Шереметевъ долженъ былъ стрѣляться съ Завадовскимъ, а Якубовичъ съ Грибоѣдовымъ. Шереметевъ былъ смертельно раненъ и скоро умеръ. Якубовичъ въ виду обязанности отвезти раненаго домой, отложилъ свою дуэль съ Грибоѣдовымъ. Она состоялась уже на Кавказѣ, куда государь, простившій остальныхъ участниковъ, велѣлъ сослать Якубовича [102]).

Но если Грибоѣдовъ и жаловался, что послѣ пребыванія среди „дружины“ онъ и въ Петербургѣ долго не могъ „попасть на путь истинный“, то жалобу эту нельзя не признать нѣсколько преувеличенной: онъ, такъ сказать, одной ногой уже стоялъ на немъ: тогда именно явилось у него желаніе изучить законы музыки — и онъ сталъ брать уроки у Іоганна Миллера [103]), и тогда же онъ началъ заниматься греческимъ языкомъ, чтобы читать греческихъ авторовъ въ подлинникѣ. Въ одномъ изъ его писемъ къ Катенину (1817 г.) находимъ слѣдующія строки: „Прощай, сейчасъ ѣду со двора: куда ты думаешь? Учиться по-гречески. Я отъ этого языка съ ума схожу, каждый Божій день съ 12-го часа до 4-хъ учусь, и ужъ дѣлаю большіе успѣхи. Но мнѣ онъ вовсе не труденъ“ [104]). Серьезное настроеніе стало являться у Грибоѣдова все чаще и чаще, что, можетъ быть, и подало поводъ Пушкину назвать его характеръ „меланхолическимъ“.

---

*) Знаменитая балерина того времени.

**) Василій Александровичъ Шереметевъ, кавалергардскій офицеръ, обожатель Истоминой.

Въ это же время значительно развилась и литературная дѣятельность Грибоѣдова, къ очерку которой за этотъ періодъ мы и перейдемъ теперь.

Въ Петербургѣ взяться за перо прежде всего побудило Грибоѣдова желаніе заступиться за кн. Шаховского, когда за „Липецкія воды“ посыпались на него эпиграммы. Грибоѣдовъ тогда помѣстилъ въ „Сынѣ Отечества“ (1815 г.) небольшое стихотвореніе, придавъ ему форму пересказа будто полученнаго имъ манифеста „Отъ Аполлона“, въ которомъ этотъ богъ поэзіи заявляетъ о своей несолидарности съ разными толками о „Липецкихъ водахъ“.

На замѣчанье Фебъ даетъ,
Что отъ какихъ-то водъ,
Парнасскій весь народъ
Шумитъ, кричитъ и дѣло забываетъ,
И потому онъ объявляетъ,
Что толки всѣ о Липецкихъ водахъ
(Въ укору, въ похвалу, и въ прозѣ и въ стихахъ)
Написаны и преданы тисненью
Не по его внушенью.

Тутъ кстати указать тѣ отношенія, которыя были у Грибоѣдова къ кн. Шаховскому. Въ одномъ изъ своихъ путевыхъ писемъ къ Бѣгичеву 1819 г. онъ такъ говорилъ о князѣ: „это одно изъ самыхъ пріятныхъ для меня созданій. Не могу довольно нарадоваться, что онъ въ числѣ тѣхъ, которые меня любятъ, и къ кому я самъ душевно привязанъ“ [105]). Въ 1820 г. онъ писалъ къ Катенину изъ Персіи: „Князю почтенному низко поклонись... Часто бывали вмѣстѣ. Славный человѣкъ! Кроткій, ласковый нравъ, пріятный умъ, статура его, чтенье, сочиненія, горячность въ спорахъ о стопахъ и риѳмѣ, нашъ цензоръ всегдашній, и самъ подъ цензурою у Катерины Ивановны... *). Не повѣришь, какъ память обо всемъ этомъ мнѣ весела въ одиночествѣ“ [106]). Позднѣе въ словахъ Грибоѣдова о Шаховскомъ звучитъ какая-то недовольная нотка, и въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1825 г. онъ усмотрѣлъ что-то неладное въ отношеніяхъ князя къ Милорадовичу и писалъ объ этомъ Бѣгичеву. „Милорадовичъ... идолъ Шаховского, который ему подличаетъ“ [107]). Измѣнились отношенія Грибоѣдова къ Шаховскому и какъ къ писателю, когда князь перешелъ къ романтической драмѣ [108]). Въ письмѣ къ Катенину на-

*) Актриса Ежова.

ходимъ слѣдующую насмѣшку его надъ старымъ другомъ: „онъ (Шах.) вообразилъ себѣ, что перешелъ въ романтики, и съ тѣхъ поръ ни одна сказка, ни басня не минуетъ его рукъ. все перекраиваетъ въ пользу Дюръ, Брянскаго и пр.: на дняхъ, кажется, соорудилъ трилогію изъ Медвѣдя и Пустынника Крылова *). Я у него бываю оттого, что всѣ другіе его ругаютъ; это въ моихъ глазахъ придаетъ ему нѣкоторое достоинство" [116]).

—

Въ 1816 г. въ „Сынѣ Отечества" появилась статья Грибоѣдова: „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: Ленора". Переводчикомъ, или, вѣрнѣе, передѣлывателемъ, былъ Катенинъ.

Эта статья также вызвана желаніемъ заступиться за друга, на котораго напалъ Гнѣдичъ. Баллада Катенина, подъ названіемъ: „Ольга", была напечатана и въ „Вѣстникѣ Европы" и въ „Сынѣ Отечества" (1816 г.). Гнѣдичъ нашелъ ее ниже „Людмилы" Жуковскаго, которую онъ такъ высоко цѣнилъ, что даже возмутился смѣлостью Катенина выступать съ „Ольгой" послѣ опыта своего талантливаго предшественника. Не допуская возможности какого-либо сравненія „Ольги" съ ея опасной соперницей, Гнѣдичъ остановился на слогѣ и на стихѣ Катенина, и въ этомъ отношеніи явился критикомъ крайне придирчивымъ. Придирчивость разсердила Грибоѣдова, и онъ написалъ свою антикритику. Вотъ образчики и критики и антикритики.

Катенинъ свою балладу пріурочилъ ко времени Полтавской битвы. Побѣда одержана —

И на родину съ вѣнками,
Съ пѣсньми, съ бубнами, съ трубами,
Рать, *подъ звонъ колоколовъ*,
Шла почить отъ всѣхъ *трудовъ*.

Остановившись на подчеркнутомъ нами выраженіи, Гнѣдичъ пишетъ: „Тутъ бы, кажется, нужно было соединить поэзію съ логикою, а слогъ съ грамматикою, хотя это для поэтовъ довольно трудно. Но что будешь дѣлать съ читателями? — «Когда же это было, — спрашиваетъ одинъ, — чтобы войска входили у насъ въ города *подъ звонъ* колоколовъ?»—«А если бы и было,— говоритъ другой,—то, вѣрно, не *подъ* звонъ, а *при* звонѣ, ибо идти подъ звонъ или при звонѣ такая же разница, какъ идти *при* музыкѣ или *подъ* музыкою».—«Итакъ рать маршировала подъ звонъ колоколовъ!» —кричитъ смѣясь третій.—Перестаньте, неугомонные чи-

*) По догадкѣ Шляпкина, „вѣроятно, намекъ на трилогію Шаховского: «Финнъ» изъ «Руслана и Людмилы» Пушкина [109]).

татели!.. что за великая бѣда! Маленькая ошибка противъ логики и грамматики!—Однакожъ я вижу, что если слушать мнѣ сужденія такихъ строгихъ читателей, то они едва ли не каждый куплетъ станутъ перерывать, крича за оскорбленіе грамматики или логики, вкуса или слуха".

На это замѣчаніе, напоминающее еще Сумароковскую критику, Грибоѣдовъ справедливо возражаетъ: „Грамматика у г. рецензента своя, новая, и съ родни его логикѣ: она, напр., никакъ не допускаетъ, чтобъ

Рать, подъ звонъ колоколовъ,
Шла почить отъ всѣхъ трудовъ.

Вступать въ городъ *подъ* звонъ колоколовъ, плясать *подъ* музыку.—Такъ говорится и пишется и утверждено постояннымъ употребленіемъ; но г. рецензенту это не нравится, стало быть грамматически неправильно."

Еще примѣръ. Гнѣдичъ нашелъ „распрю съ логикой" въ стихахъ Катенина:

Наскакалъ въ стремленіи яромъ
Конь *на каменный заборъ.*

Грибоѣдовъ пояснилъ: „всякій грамотный и неграмотный русскій человѣкъ знаетъ, что наскакалъ на заборъ значитъ — примчался во всю прыть къ забору".

Грибоѣдовъ заступился за Катенина не изъ-за одной дружбы, конечно: баллада „Ольга" ему нравилась, такъ какъ онъ находилъ въ ней простоту и больше „натуры", чѣмъ въ „Людмилѣ" Жуковскаго. Вотъ, напримѣръ, строфа, стихи которой онъ назвалъ „дышащими піитическою простотою":

Такъ весь день она рыдала,
Божій промыселъ кляла,
Руки бѣлыя ломала,
Черны волосы рвала.
И стемнѣло небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Всѣ къ покою улеглись,
Звѣзды яркія зажглись.

Вотъ еще строфа, которую Грибоѣдовъ назвалъ „прекрасной":

Ольга встала, вышла, сѣла
На коня за женихомъ;
Обвила ему вкругъ тѣла
Руки бѣлыя кольцомъ.
Мчатся всадникъ и дѣвица,
Какъ стрѣла, какъ пращъ, какъ птица!
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Искры бьютъ изъ-подъ копытъ.

Признавъ въ балладѣ Катенина много достоинствъ, Грибоѣдовъ въ заключеніе говоритъ: „Если разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно, или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Если ихъ нѣтъ— не стоитъ того, чтобы писать критику; если жъ есть, то разсмотрѣть, какого онѣ рода, много ли ихъ, или мало. Сообразуясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія. Вотъ чего рецензентъ «Ольги» не знаетъ, или знать не хочетъ".

Въ этихъ строкахъ Грибоѣдовъ высказалъ и свой взглядъ на критику вообще [111]).

Въ своей антикритикѣ Грибоѣдовъ между прочимъ задѣлъ и Жуковскаго. Желая показать Гнѣдичу, что „находить одно дурное въ какомъ-либо твореніи — подвигъ не многотрудный",— онъ самъ начинаетъ съ придирчивостью разбирать „Людмилу".

„Читаю — говоритъ Грибоѣдовъ, — и на первомъ стихѣ второго куплета останавливаюсь:

Пыль туманитъ *отдаленье.*

Можно сказать: пыль туманитъ даль, отдаленность, но и то слишкомъ фигурно, а отдаленіе просто значитъ, что предметъ удаляется; если принять, что пыль туманитъ отдаленье, можно будетъ сказать, что она туманитъ *удаленье* и *приближенье.* Но за симъ слѣдуетъ:

Свѣтитъ ратныхъ ополченье.

Теперь я догадываюсь: отдаленье поставлено для риѳмы. О риѳма!..." и т. д.

Хотя издатель „Сына Отечества" и напечаталъ въ выноскѣ: „Читатели не должны быть въ заблужденіи насчетъ этихъ рѣзкихъ замѣчаній: они сдѣланы только въ подражаніе рецензенту Ольги", тѣмъ не менѣе видно было, что авторъ этихъ замѣчаній многимъ недоволенъ въ балладѣ Жуковскаго—и между прочимъ не нравится ему слишкомъ частое повтореніе тамъ словечка: *чу!*

Грибоѣдовъ вообще относился къ Жуковскому нѣсколько отрицательно. Послѣдній былъ арзамасецъ; Грибоѣдовъ же сочувствовалъ „Бесѣдѣ". Жуковскій былъ романтикъ, любившій предаваться мечтаніямъ; Грибоѣдовъ уже въ 1816 г. высказался противъ мечтательности. Въ той же статьѣ о критикѣ Гнѣдича онъ сказалъ: „нынѣ въ какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, пѣснь или посланіе,— вездѣ мечтанія, а натуры ни на во-

лосъ". Зато и почитатели Жуковскаго очень косо взглянули на Грибоѣдова за его отношеніе къ автору „Людмилы". Батюшковъ (въ авг. 1816 г.) писалъ Гнѣдичу: „Я угадалъ птицу по полету *). Свидѣтели тебѣ Вяземскій и Пушкинъ **). При нихъ, прочитавъ критику на Ольгу, сказалъ: это Гнѣдичъ, либо Никольскій, но скорѣе первый. И Вяземскій и Пушкинъ благодарятъ неизвѣстнаго отъ всей души... Грибоѣдову не отвѣчай ни слова; и Катенинъ по таланту не стоилъ твоей прекрасной критики, которую самъ Дмитріевъ хвалилъ очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковскій поэтъ; надобно, говорю, предъ лицомъ свѣта: тогда всѣ Грибоѣдовы исчезнутъ".

Къ письму Батюшкова Василій Львовичъ приписалъ: „Благодарю сердечно любезнаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику... Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто вздоилъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте!" [112]).

Впрочемъ во всей этой исторіи играли, разумѣется, нѣкоторую роль и личныя отношенія: съ одной стороны, имѣла значеніе дружба, а съ другой — у Гнѣдича—личные счеты съ Катенинымъ.

Молодой, пылкій и самолюбивый Грибоѣдовъ не выносилъ, когда и его самого задѣвали.

Въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817 г., въ отдѣлѣ: „Театральная хроника", Загоскинъ помѣстилъ небольшую рецензію на „Молодыхъ супруговъ". Вообще онъ похвалилъ эту комедію, сказавъ, что она даже „гораздо" лучше французскаго оригинала; что „въ ней нѣтъ тѣхъ излишнихъ растянутыхъ сценъ, которыя дѣлаютъ французскую комедію отмѣнно утомительною". Но прибавилъ: „Къ сожалѣнію, въ сей комедіи встрѣчаются стихи дурные, шероховатые, и выраженія, совершенно неприличныя дѣйствующимъ лицамъ". И Загоскинъ указалъ нѣсколько дѣйствительно дурныхъ стиховъ, напр.

Ахъ! убѣгая разъ она домашней *сѣни*,
Тобою занята гораздо будетъ *меньй*.

Въ заключеніе рецензентъ сказалъ: „Читая подобные стихи, поневолѣ вспомнишь слова Мизантропа:

*) Гнѣдичъ подъ статьей не подписался.

**) В. Л. Пушкинъ.

Такіе, графъ, стихи
Противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи".

Грибоѣдовъ разсердился. „Дуракъ Загоскинъ въ журналѣ своемъ намаралъ на меня ахинею", —писалъ онъ къ Катенину въ октябрѣ того же 1817 г.—„Коли ты хочешь, непростительно, точно непростительно этимъ оскорбляться, и я сперва, какъ прочелъ, разсмѣялся; но послѣ, чѣмъ больше объ этомъ думалъ, тѣмъ больше злился. Наконецъ не вытерпѣлъ, написалъ самъ фасесію и пустилъ по рукамъ; вѣришь ли? нынче четвертый день, какъ она сдѣлана, а вчера въ театрѣ во всѣхъ углахъ ее читали, благодаря моимъ пріятелямъ, которые очень усердно разносятъ и развозятъ копіи этой шалости. Я тебѣ ее посылаю, покажи Бѣгичеву, — покажи кому хочешь впрочемъ. Воля твоя, нельзя же молчаньемъ отдѣлываться, когда глупецъ жужжитъ объ тебѣ дурачества. Этимъ ничего не возьмешь; доказательство— Шаховской, который вѣчно хранитъ благородное молчаніе, и вѣчно засыпанъ пасквилями" [113]).

Написанной, но не напечатанной (ее бы не приняли) фасесіей Грибоѣдова былъ памфлетъ, подъ названіемъ: „Лубочный театръ".

Эй! Господа!
Сюда! сюда!
Для дѣловыхъ людей и праздныхъ
Есть тьма у насъ оказій разныхъ:
Есть дикій человѣкъ, безрукая мадамъ...
Войдите къ намъ.
Добро пожаловать... Кто баринъ тароватый,
Извольте видѣть—вотъ
Рогатый, нерогатый
И всякій скотъ.
Вотъ господинъ Загоскинъ,
Вотъ весь его причетъ:
Княгини и
Княжны,
Князь Фольгинъ и
Князь Блесткинъ *).
Они хоть не смѣшны,
Да самъ зато ужъ онъ —
Куда смѣшенъ!
Водиться съ нимъ—ей Богу праздникъ!
Вотъ вамъ его Проказникъ;
Спроказилъ онъ не ловко: разъ упалъ,
Да и не всталъ:

*) Лица въ „Комедіи противъ комедіи" и въ „Богатоновѣ".

Но авторъ таковымъ примѣромъ
Не наученъ—грѣшить передъ партеромъ:
Проказитъ до сихъ поръ, —
Что видитъ и что слышитъ,
Онъ обо всемъ исправно вздоръ
И говоритъ и пишетъ.
Вотъ Богатоновъ вамъ—особенно онъ милъ...
Богатъ чужимъ добромъ—все крадетъ, что находитъ;
Съ Транжирина кафтанъ стащилъ,
Да въ немъ и ходитъ.
и т. д. [114])

Нерасположеніе Грибоѣдова къ Загоскину, а также къ Жуковскому, Батюшкову и къ нѣк. др. литераторамъ, отразилось и въ комедіи: „Студентъ", которую въ 1817 г. сочинилъ Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ Катенинымъ. Комедія написана прозой, въ трехъ дѣйствіяхъ. Суть ея состоитъ въ слѣдующемъ:

Беневольскій, „студентъ изъ Казани", пріѣзжаетъ въ Петербургъ къ генералу Звѣздову. Цѣль его пріѣзда объяснена имъ самимъ въ первомъ же явленіи перваго дѣйствія, въ разговорѣ съ Иваномъ, слугою Звѣздова. На вопросъ Ивана: „какъ прикажете доложить о себѣ?" — Беневольскій отвѣчаетъ:

„Безъ доклада, любезный, безъ доклада; а впрочемъ имя мое — Беневольскій; я здѣсь свой человѣкъ, меня ждутъ давно. Его превосходительство въ бытность свою въ Казани познакомился съ покойнымъ моимъ отцомъ, который предложилъ ему свои услуги, имѣлъ хожденіе за его дѣлами. Съ тѣхъ поръ они другъ другу дали клятву въ дружбѣ неизмѣнной и утвердили между прочимъ вотъ что... Баринъ твой сказывалъ, что его супруга воспитываетъ прелюбезную дѣвицу".

— Варвару Николаевну? Красавица, нечего сказать, замѣчаетъ Иванъ.

Беневольскій продолжаетъ, впадая въ сентиментальный тонъ: „Невинность, ангелъ, существо небесное, такъ ли? И мнѣ назначилъ онъ ее сопутницею жизни: это было положено между имъ и покойнымъ батюшкой, также и то, чтобъ мнѣ, когда пріѣду въ Петербургъ, остановиться у его превосходительства. Я тогда возрасталъ еще въ Минервиномъ храмѣ — въ университетѣ; съ тѣхъ поръ батюшка скончался, и я, сказавъ прости казанскому разсаднику просвѣщенія, поскакалъ сюда, чтобъ воспользоваться приглашеніемъ твоего барина. Въ немъ, конечно, найду я друга, отца, покровителя, однимъ словомъ все".

Въ своихъ надеждахъ Беневольскій однако обманулся: онъ, смѣшной и недалекій, не понравился ни г-жѣ Звѣздовой ни ея воспитанницѣ, Варенькѣ; послѣдняя даже нашла его „противнѣе смерти“ (Д. III, явл. 6); Звѣздовъ же оказался мастеромъ лишь на обѣщанія. Пьеса кончается тѣмъ, что всѣми покинутый и осмѣянный, безъ денегъ и безъ пріюта, Беневольскій, мечтавшій о славной дѣятельности то поэта, то государственнаго человѣка, то даже полководца, принужденъ принять скромную должность корректора при типографіи. Послѣдняя его реплика слѣдующая: „Мечты моей юности! мечты, сопровождавшія меня изъ Казани сюда! сопутницы неизмѣнныя! куда вы исчезли, заманчивыя!“

Академикъ Майковъ появленіе комедіи „Студентъ“ объясняетъ желаніемъ ея авторовъ не столько осмѣять неопредѣленное сентиментально-романтическое направленіе, сколько уронить извѣстный кружокъ писателей: Батюшкова, Гнѣдича, Жуковскаго, Загоскина, Карамзина [115]. Въ пьесѣ настолько видны личности, что она не появилась ни на сценѣ ни въ печати. Студентъ, пріѣхавшій изъ Казани, намекалъ собою на пріѣхавшаго изъ Пензы Загоскина; самое имя „Беневольскій“ взято отъ псевдонима „Ювеналъ Беневольскій“, которымъ подписывался Загоскинъ въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ“; стихи, которые вложены въ уста мечтательнаго студента, взяты изъ стихотвореній Батюшкова и Жуковскаго, иногда въ видѣ пародіи, иногда въ видѣ лишь легкой передѣлки, а иногда и безъ всякаго измѣненія. Такъ, напримѣръ, стихи:

О лары и пенаты!
Вы пестуны мои!
Вы златомъ не богаты;
Но любите свои
Углы и темны кельи,
Гдѣ я на новосельи
Васъ мирно тутъ и тамъ
Разставилъ по мѣстамъ—

стихи, которые произноситъ безпріютный Беневольскій, любуясь своими пожитками, разставленными въ залѣ Звѣздова (Д. II, явл. 11), представляютъ собою лишь небольшое измѣненіе слѣдующаго начала въ стихотвореніи Батюшкова: „Мои пенаты“:

Отечески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златомъ не богаты,
Но любите свои
Норы и темны кельи,
Гдѣ васъ на новосельи

Смиренно здѣсь и тамъ
Разставилъ по угламъ...

Стихи же:

И стукнемъ въ чашу чашей,
И выпьемъ все до дна:
Будь вѣрной дружбѣ нашей
Дань перваго вина,—

съ которыми Беневольскій обращается къ гусару Саблину, приглашающему его въ ресторанъ обѣдать (въ самомъ концѣ II-го д.), цѣликомъ взяты изъ посланія Жуковскаго: „Къ Батюшкову" (1812 г.).

Намеки на Карамзина, какъ представителя сентиментальнаго направленія, разсыпаны въ пьесѣ по разнымъ мѣстамъ. Беневольскій не только восхищается сентиментальными повѣстями Мармонтеля, Жанлисъ (ихъ переводилъ Карамзинъ) и „Бѣдной Молочницей" (вѣроятно, намекъ на „Бѣдную Лизу"), но и говоритъ языкомъ подобныхъ повѣстей, говоритъ „фигурно", какъ отозвался о его рѣчи генералъ Звѣздовъ (Д. I, явл. 12). Такъ, напримѣръ, студентъ заявляетъ, что невѣсту свою ужъ давно знаетъ, потому что видѣлъ ее всегда: „въ часы уединеннаго труда, въ минуты дѣятельной чувствительности, досуга шутливаго, крылатой фантазіи"; что образъ ея „носился въ облакахъ воздушныхъ, выглядывалъ изъ ручейка долиннаго, отражался въ капляхъ росы на листочкахъ утреннихъ" (Д. I. явл. 8). Нѣкоторыя его фразы прямо напоминаютъ то или другое мѣсто изъ произведеній Карамзина. Слушая, напримѣръ, слѣдующую реплику Беневольскаго: „Я проникъ вашу тайну, но я самъ имѣю сердце: законы васъ осуждаютъ, но какой законъ святѣе любви?"— вы невольно вспоминаете повѣсть: „Островъ Борнгольмъ".

Но всѣ эти выходки противъ писателей — дѣло все-таки второстепенное: главный интересъ комедіи — это тѣ разсѣянныя въ ней сатирическія мѣста, гдѣ изображаются черты общества. Въ этомъ отношеніи замѣчательно изображеніе Звѣздова и брата его жены — Саблина.

Въ одномъ мѣстѣ (Д. I, явл. 12) генералъ Звѣздовъ такъ обрисованъ: онъ купилъ у плута-итальянца картинъ на 12 тысячъ. Итальянецъ надулъ. Звѣздовъ говоритъ слугѣ:

„... отнеси назадъ картины этому шельмѣ итальянцу, вотъ что всегда ко мнѣ ходитъ; сказать ему, что онъ плутъ, воръ; я кому ни показывалъ картины, всѣ говорятъ—мерзость, а онъ съ меня сдулъ вексель въ двѣнадцать тысячъ. Чтобъ взялъ назадъ

свою дрянь хоть за половинную цѣну, а то подождетъ же денегъ лѣтъ десять: не у него одного есть вексель на мнѣ.—Да отправить старосту изъ жениной деревни, наказать ему крѣпко-накрѣпко, чтобъ Ѳомка плотникъ не отлынивалъ отъ оброку, и внесъ бы 25 рублей непремѣнно, слышите ль?—25 рублей до копейки. Какое мнѣ дѣло, что у него сынъ въ рекруты отданъ! то рекрутъ для царя, а оброкъ для господина: такъ чтобъ 25 рублей были наготовѣ. Онъ, видно, шутитъ 25-ю рублями; прошу покорно! да гдѣ ихъ сыщешь? кто мнѣ ихъ подаритъ? на улицѣ, что ли валяются? 25 рублей очень дѣлаютъ счетъ въ нынѣшнее время, очень, очень... Говорятъ, что все подешевѣетъ, а между тѣмъ все вздоражало, такъ чтобъ Ѳомка внесъ 25 рублей, слышите ль? сполна 25 рублей; хоть роди, да подай".

Въ другомъ мѣстѣ (того же д. и того же явл.) характерно изображено отношеніе Звѣздова къ просителямъ.

1-й слуга (входитъ).

Анна Васильевна Растабарова прислала напомнить вашему превосходительству о томъ, о чемъ она васъ просила.

Звѣздовъ.

Хорошо, хорошо. Скажи, что хорошо.

2-й слуга (входитъ).

Княгиня Дарья Савишна прислала спросить, изволили ли вы постараться объ ея дѣлѣ.

Звѣздовъ.

Какое дѣло? когда она мнѣ говорила?

2-й слуга.

Вчерашній день.

Звѣздовъ.

Все будетъ исполнено; вели ей доложить, что все будетъ исполнено.

3-й слуга (входитъ).

Левъ Ивановичъ Недосуговъ прислалъ просить ваше превосходительство...

Звѣздовъ.

Чего у меня просить! убирайся къ черту. Мнѣ ни до кого нѣтъ дѣла, а до меня всѣмъ; вели отвѣчать, что все будетъ сдѣлано, непремѣнно все, все, все.

3-й слуга.

Да онъ самъ приказалъ вамъ сказать, что онъ все ужъ сдѣлалъ по вашему дѣлу, только проситъ васъ къ себѣ.

Звѣздовъ.

А!... ну, такъ вели благодарить: очень де, батюшка, благодаренъ. Да никого ко мнѣ не пускать; слышите ль? меня нѣтъ дома: я какъ уѣхалъ во дворецъ, такъ еще не воротился—и не ворочусь во весь день. Слышишь ли?—Тоска въ этомъ городѣ; нѣтъ, скорѣе въ деревню отъ здѣшней суматохи... *).

Не безынтересенъ и взглядъ автора, отразившійся въ слѣдующихъ словахъ Звѣздова (Д. III, явл. 6): пообѣщавъ Беневольскому похлопотать о немъ, а затѣмъ бросивъ его на произволъ судьбы, Звѣздовъ говоритъ: „Ну! да что объ немъ много думать! *дураки въ Петербургѣ не бываютъ безъ мѣста*.

—

Въ пьесѣ есть и характеристика военнаго общества, или—вѣрнѣе—извѣстной его части. На насмѣшку Саблина надъ тѣмъ, что Звѣздова далеко за полночь пробыла на дѣтскомъ балу, она ему отвѣчаетъ: „Хохотать вовсе нечему; гораздо лучше забавляться съ дѣтьми, нежели дѣлать то, что вы всѣ, господа военные; со стороны смотрѣть и смѣшно и стыдно. Пріѣдутъ на вечеръ, обойдутъ всѣ комнаты, иной тутъ же и уѣдетъ; и какъ ему остаться: онъ званъ еще въ три дома, куда также гораздо бы лучше совсѣмъ не ѣхать, если только затѣмъ же; другіе разсядутся стариками, кто за бостонъ, кто за крейсъ, толкуютъ объ лошадяхъ, объ мундирахъ, спорятъ въ игрѣ, кричатъ во все горло, или, что еще хуже, при людяхъ шепчутся; хозяйка хочетъ занять гостей, музыканты цѣлый часъ играютъ попустому, никто и не встанетъ: тотъ не танцуетъ, у того нога болитъ, а все вздоръ; наконецъ иного упросятъ, онъ удостоитъ выборомъ какую-нибудь счастливую дѣвушку, покружится разъ по залѣ — и усталъ до ужина; тутъ, правда, ужъ усталыхъ нѣтъ, наѣдятся, напьются—и уѣдутъ спать“ (Д. II, явл. 2).

Эта молодежь, толкующая о лошадяхъ и мундирахъ и усердно работающая за ужиномъ, вовсе не похожа на ту, которую однажды охарактеризовалъ Пушкинъ [116]): та тоже не танцовала, но по другимъ причинамъ; эта же, по низменности своихъ интересовъ,

*) Ср. эту сцену съ описаніемъ вельможи въ „Почтѣ духовъ“ Крылова (въ п. отъ Буристона).

съ родни той „дружинѣ", среди которой Грибоѣдовъ пробылъ нѣкоторое время. Къ представителямъ этой „дружины" можно отнести и гусара Саблина.

Нѣтъ сомнѣнія, что черты типа Скалозуба Грибоѣдовъ впервые собралъ во время своей службы въ Западномъ краѣ. Послѣ онъ сталъ этотъ типъ обработывать. Однимъ изъ набросковъ этого типа можно считать и обрисовку Саблина. По крайней мѣрѣ Алексѣй Ник. Веселовскій находитъ, что Саблинъ имѣетъ сходство съ Скалозубомъ, прибавляя впрочемъ, что въ первомъ нѣтъ ограниченности и злобы послѣдняго. [117]) — Сходныя черты дѣйствительно есть. Соберемъ ихъ.

Отношеніе Саблина къ литературѣ чисто Скалозубовское: „сочинителей терпѣть не могу", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (Д. I, явл. 6), а въ другомъ: „Я человѣкъ военный, въ стихахъ ничего не понимаю" (Д. II, явл. 4).

Скалозубъ насмѣшливъ и любитъ посплетничать. Саблину Звѣздовъ говоритъ (Д. II. явл. 5): „я насмѣшекъ терпѣть не могу, а ты охотникъ. Скажи по совѣсти, многимъ ли сегодня разскажешь; я чай, ни встрѣчному ни поперечному спуску не будетъ, всѣмъ проблаговѣстишь" (о странностяхъ Беневольскаго).

У обоихъ у нихъ практикуется одинъ и тотъ же пріемъ въ случаѣ надобности кого-нибудь „мигомъ успокоить". Такъ, когда Ѳедька, слуга Беневольскаго, хочетъ въ присутствіи Саблина сказать своему барину „два словца", подпившій гусаръ гонитъ его; а когда Ѳедька все-таки порывается исполнить свое намѣреніе, Саблинъ кричитъ: „Вонъ! сейчасъ, не то пятьсотъ палокъ".— „Пришли его ко мнѣ въ эскадронъ, братецъ",—обращается онъ къ Беневольскому: —„я его научу послушанію" (Д. III, явл. 9).

Наконецъ Саблинъ очень похожъ на Скалозуба, когда въ отвѣтъ Беневольскому, мечтающему о завидномъ жребіи государственнаго дѣятеля, говоритъ: „Послушайте, подите-ка къ намъ, въ полкъ, въ юнкера.—Смотри пожалуй! Онъ еще дуется: вѣдь я не виноватъ, что васъ иначе не примутъ; мнѣ бы, напротивъ, во сто разъ было веселѣе, кабы вы попали прямо въ полковники: вы такъ сухощавы, по всему судить—проживете не долго, скорѣй бы вакансія очистилась" (Д. I, явл. 6).

Есть въ „Студентѣ" и кое-что автобіографическое. Когда Звѣздова закончила свою, приведенную нами выше, характеристику военной молодежи (Д. II, явл. 2), — Саблинъ ей отвѣчаетъ: „А я тебѣ коротко скажу, что, кромѣ ужина, нѣтъ ничего хоро-

шаго ни на одномъ балѣ: я ихъ терпѣть не могу еще съ десяти лѣтъ, когда *дядюшка заставлялъ меня насильно* прыгать со всѣми уродами".

Мы уже говорили о любви Грибоѣдова къ театру. Она выражалась между прочимъ и въ томъ, что онъ охотно писалъ для него пьесы. Такъ въ 1817 г., кромѣ „Студента", онъ написалъ, по просьбѣ кн. Шаховского [118]), пять первыхъ сценъ для второго дѣйствія его комедіи: „Своя семья"; затѣмъ въ томъ же году перевелъ вмѣстѣ съ Жандромъ (вѣрнѣе —передѣлалъ) комедію Барта (Barthe): „Les fausses infidelites", подъ названіемъ: „Притворная невѣрность", въ которой впрочемъ изъ 17-ти явленій Жандру принадлежатъ только два: XII и XIII-е; остальныя написаны Грибоѣдовымъ, хотя и съ поправками Жандра [119]). Лучшее—конечно, сцены въ „Своей семьѣ". Стихъ ихъ, по замѣчанію Веселовскаго, „уже находится въ прямомъ соотношеніи съ стихомъ Горя отъ ума" [120]).

Приведемъ ту сцену (Д. II, явл. 4), гдѣ Наташа, разговаривая съ Мавроіі Савишной *), прикидывается бережливой до скупости и не любящей щегольства, [121]) а затѣмъ — и слѣдующую сцену (Д. II, явл. 5). Обѣ онѣ замѣчательны своимъ простымъ, чисто русскимъ разговорнымъ языкомъ [122]).

Мавра Савишна.

Что это, матушка? неслыханное дѣло!
Кто стряпаетъ теперь?

Наташа.

Къ обѣду не поспѣло;
Хватились поздно мы, такъ какъ-то не пришлось.

Мавра Савишна.

Какое жъ кушанье?

Наташа.

Пирожное одно-съ,
И выдумки моей.

Мавра Савишна.

Твоей?—оно бъ не худо,
Да вѣдь пирожное затѣйливое блюдо.
Насущный хлѣбъ теперь одинъ составитъ счетъ,
Такъ лакомство, ей-ей, на умъ ужъ не пойдетъ.

*) Пять сценъ Грибоѣдова были напечатаны отдѣльно въ „Сынѣ Отечества" (1817 г.) еще раньше выхода въ свѣтъ полной комедіи; въ послѣдней Грибоѣдовская *Мавра* Савишна названа *Ѳеклой* Савишной.

Наташа.

Да-съ, у меня зато все снадобье простое:
Марковка, яицы и кое-что другое,
Да соку положить лимоннаго чуть-чуть.

Мавра Савишна.

Ну, сахаръ входитъ же?
(Наташа качаетъ голову)
Хоть крошечка?

Наташа.

Отнюдь.
Какъ, сахаръ? шутка ли? что вы? побойтесь Бога!
Нѣтъ! и безъ сахару расходовъ нынче много.

Мавра Савишна.

Да! согрѣшили мы, крутыя времена!

Наташа.

Я какъ-то съ малыхъ лѣтъ къ тому пріучена,
Что дорогой кусокъ мнѣ видѣть даже грустно;
Я такъ люблю поѣсть, чтобъ дешево и вкусно.

Мавра Савишна.

Какъ судишь ты умно! не по лѣтамъ, мой свѣтъ;
Въ иной и въ пожилой такого смыла нѣтъ.

Наташа.

Помилуйте...

Мавра Савишна.

Чего помиловать? смотри-ка,
Житье-то сестрино не явная ль улика,
Что прожила весь вѣкъ—не нажила ума?
Расчету ни на грошъ, увидишь ты сама;
Всегда столы у ней,—зачѣмъ? Кому на диво?

Наташа.

А будто трудно жить, какъ надо, бережливо?
Я вотъ и не въ нуждѣ воспитана была.
Хоть матушка моя покойная жила
Куда не роскошно, я чай, и вамъ извѣстно.

Мавра Савишна.

Умна была,—дай Богъ ей царствіе небесно!

Наташа.

Однако странность я одну вамъ разскажу.

Мавра Савишна.

Какъ, другъ мой? что?—Садись.

Наташа.

Вотъ что...

Мавра Савишна.

Да сядь!

Наташа (сѣвши на краешкѣ стула).

Сижу.

Вотъ, что... спросить у васъ позвольте: вы давно ли
Разстались съ матушкой?

Мавра Савишна.

Лѣтъ двадцать пять, поболѣ;
Мы молоды тогда, невѣсты были съ ней.
(Со вздохомъ)
И схоронила я съ тѣхъ поръ ужъ трехъ мужей!

Наташа.

Такъ, можетъ, никогда вамъ слышать не случалось
Объ томъ, что къ Ладовой, графинѣ, я попалась
На воспитаніе?

Мавра Савишна.

Нѣтъ! не слыхала я.

И Наташа придумываетъ цѣлый разсказъ о мотовствѣ и щегольствѣ графини Ладовой, въ домѣ которой то-и-дѣло бывали то концерты, то танцовальные вечера, а шалямъ ея и платьямъ не было и счету.—„Зараза! истинно зараза!“ восклицаетъ Мавра Савишна и удивляется, какъ Наташа не испортилась, живя съ такой мотовкой. Въ отвѣтъ на это Наташа говоритъ:

Позвольте досказать. Мнѣ скоро щегольство
И весь графининъ бытъ: шумъ, пышность, мотовство
И давка вѣчная въ передней за долгами —
Такъ опротивѣли, что рада, между нами,
Была я убѣжать Богъ вѣдаетъ куда!
Такъ опротивѣли, что лучше бы всегда
Я ѣла черный хлѣбъ, въ серпянкѣ бы ходила,
Да лишь бы суетно такъ время не губила.

Мавра Савишна.

Ужли, голубушка? да какъ же это ты?
Я... я свертѣлась бы отъ этой суеты!
Вотъ умъ не дѣвичій!—Къ чему ты наклонилась?
Что потеряла?

Наташа.

Здѣсь булавочка свѣтилась,
Сейчасъ я видѣла. Вотъ тутъ она была,
На этомъ мѣстѣ, здѣсь.—А! вотъ она! нашла.
(Поднявши, прикалываетъ къ косынкѣ).
Вѣдь и булавочка намъ можетъ пригодиться.

Мавра Савишна.

Какъ, изъ булавки ты изволила трудиться?
Чѣмъ больше думаю и на тебя гляжу

И слушаю тебя,—ума не приложу,
Диковинка, мой свѣтъ! Ужъ ты ли не водилась
Съ большими барами? а все съ пути не сбилась!

Наташа.

Напротивъ, многимъ я обязана тому,
Что столько времени жила въ большомъ дому.
Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить что ни попало.
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроятъ и то и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Отрѣзочковъ отъ лентъ, матерьицы кусочковъ,
И, дома запершись, крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите ль, я что угодно шью;
Вы не увидите на мнѣ чужой работы
Вотъ ни на эстолько.
(Показываетъ на кончикъ шемизетки или фартука).

Мавра Савишна.

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій,—и тебѣ подобной не сыскать!

Наташа.

Я шелкомъ, золотомъ умѣю вышивать.
Бывало прочія лишь заняты весельемъ,
На балахъ день и ночь, а я за рукодѣльемъ;
Что вышью, продаю; работою своей
Скопила наконецъ до тысячи рублей.

Мавра Савишна.

Теперь на свѣтѣ нѣтъ вещей невѣроятныхъ.
Скопила!—Чѣмъ? Трудомъ! воспитана у знатныхъ!
Свершилась надъ тобой Господня благодать.
Дай, радость, дай скорѣй себя расцѣловать!
(Обнимаются)
Вотъ, если бъ былъ Любимъ степенный и толковый,
Вотъ счастье! вотъ оно! вотъ! случай здѣсь готовый!
И услужилъ бы всѣмъ роднымъ и самъ себѣ,
Когда женился бы онъ, другъ мой, на тебѣ.
Уму бы разуму его ты научала,
Любила бы его, мотать бы не давала;
А то, слышь, въ Питерѣ онъ сватанье завелъ!
Тамъ русскую мамзель какую-то нашелъ!
Преакуратная головушка, я чаю.

Наташа.

А почему же знать?

Мавра Савишна.

Какъ почему?—Я знаю.

Наташа.

Конечно, это вамъ извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

Мавра Савишна.

Вотъ то-то, видишь ли, что всей его роднѣ
Она не по нутру.—Не можетъ, чай, дождаться,
Когда Любимовы родные всѣ свалятся,
Чтобъ поскорѣй по нихъ наслѣдство получить.
Того не думаетъ, чтобы самой нажить.
Хоть объ себѣ скажу: не безъ труда скопила
Я кое-что. Нѣтъ! тремъ мужьямъ, тремъ угодила!
Легко ли вытерпѣть отъ нихъ мнѣ довелось—
При жизни что хлопотъ! по смерти сколько слезъ!
[Останавливается отъ избытка чувствъ].
Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась.
По волѣ Божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла бъ за него,
Не расточила бы наслѣдства моего.
Да и полюбишься ему ты, вѣроятно:
Свѣжа какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опрятно.
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по-французскому умѣешь говорить?

Наташа.

Умѣю нѣсколько.

Мавра Савишна.

И! вѣрно мастерица.
Имъ только надобно...

Тутъ входитъ Варвара Савишна, и слѣдуетъ явленіе пятое.

Мавра Савишна.

Послушай-ка, сестрица!
Вотъ толкъ объ чемъ у насъ: не правда ли, она
Любиму нашему вѣдь по всему жена?

Варвара Савишна.

Я то же говорю.

Мавра Савишна.

Ты говоришь... Я знаю,
Что это быть должно, я этого желаю,
На этомъ настою. Какъ хочетъ онъ, Любимъ,
Я вразумлю его, и, по словамъ моимъ,
Онъ петербургскія всѣ шашни позабудетъ.
Пожалуй-ка, сестра, когда къ тебѣ онъ будетъ,
Пришли его ко мнѣ. А между тѣмъ прощай!
Къ тебѣ, признаться, я попала невзначай;
Шла къ теткѣ Звонкиной, съ ней перемолвить нужно
Такъ кой объ чемъ.—Прости!
[Обращаясь къ Наташѣ].

Ахъ! жаль, что недосужно,
А то бы мы съ тобой... прошу насъ навѣщать.
Ты говорила мнѣ, что любишь вышивать;
На это мастерство у насъ есть заведенье,
Туда свожу тебя, увидишь:—заглядѣнье.
Отцу Пафнутію какія ризы шьютъ!
[Варвар. Савишнѣ].
Скажи жъ Любимушкѣ, чтобъ на себя взялъ трудъ,
Заѣхалъ бы ко мнѣ.—Быть можетъ, и безъ брани,
Авось!.. загадывать я не хочу заранѣ.
Авось!.. не вѣдаетъ никто, что впереди.
Сестра! безъ проводовъ! останься! не ходи!

Если не считаютъ неправдоподобнымъ, что у Грибоѣдова уже въ 1812 году могли быть начатки „Горя отъ ума", то тѣмъ менѣе можно отвергать достовѣрность показанія Бѣгичева, что Грибоѣдовъ въ 1816 г. приступилъ къ дальнѣйшей работѣ надъ своей комедіей, написалъ нѣсколько сценъ и читалъ ихъ друзьямъ своимъ. Ал-й Ник. Веселовскій, признавая Бѣгичева „свидѣтелемъ вполнѣ авторитетнымъ", даетъ полную вѣру его показанію, и въ своей статьѣ: „Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума" [123]) останавливается на работѣ Грибоѣдова надъ этой комедіей въ 1816 году.

„Въ какомъ отношеніи" — говоритъ Веселовскій, — „должны были находиться всѣ дѣйствующія лица другъ къ другу въ первоначальномъ видѣ комедіи, какова въ точности была роль Чацкаго среди нихъ, совершенно неизвѣстно... въ первообразѣ Горя отъ ума, какъ онъ зачался въ 1816 году, было много лишняго, обременяющаго дѣйствіе и впослѣдствіи (какъ напр. цѣлая роль жены Фамусова, на которую осталось впрочемъ нѣсколько намековъ въ рѣчахъ его самого) вовсе уничтоженнаго. Несомнѣнно только, что главный остовъ комедіи былъ тотъ же, что и впослѣдствіи, что противоположность двухъ міровъ, двухъ вѣрованій, составляла и тогда основную тему пьесы, конечно развитую несравненно неопытнѣе, съ большей горячностью и невѣдѣніемъ мѣры въ выраженіи молодого, страстнаго негодованія. Сравненіе позднѣйшихъ варіантовъ комедіи, непосредственно предшествовавшихъ окончательной ея отдѣлкѣ, съ общеизвѣстнымъ текстомъ, несравненно болѣе сжатымъ и гармоническимъ, даетъ приблизительное понятіе о томъ, чѣмъ долженъ былъ быть набросокъ 1816 года".

Изъ дальнѣйшихъ словъ автора статьи видно однако, что и этотъ набросокъ онъ считаетъ „почти зародышемъ" комедіи. „Но

планъ ея",—говоритъ онъ, -„острота насмѣшки, уже сквозившая и въ неопредѣленномъ ея образѣ, вызвала сочувствіе друзей Грибоѣдова".

О первоначальномъ видѣ своей комедіи Грибоѣдовъ впослѣдствіи и самъ сказалъ кое-что въ одномъ изъ сохранившихся его черновыхъ набросковъ. Написанъ онъ, по отмѣткѣ Шляпкина, уже послѣ 1823 г. Въ немъ читаемъ слѣдующее:

„Первое начертаніе этой сценической поэмы, какъ оно родилось во мнѣ, было гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія, чѣмъ теперь, въ суетномъ нарядѣ, въ который я принужденъ былъ облечь его. Ребяческое удовольствіе слышать стихи мои въ театрѣ, желаніе имъ успѣха заставили меня портить мое созданіе, сколько можно было. Такова судьба всякому, кто пишетъ для сцены: Расинъ и Шекспиръ подвергались той же участи,—такъ мнѣ ли роптать?" [124])

Отсюда Веселовскій дѣлаетъ выводъ, что Грибоѣдовъ сперва не предназначалъ своего произведенія для сцены; что желаніе видѣть его въ театрѣ явилось у автора ужъ позднѣе; что, стало быть, Грибоѣдовъ первоначально задумывалъ „нѣчто въ родѣ комедіи для чтенія",—„быть можетъ, оттого,"—прибавляетъ нашъ ученый,—„что не видѣлъ возможности всенароднаго обличенія съ сценическихъ подмостковъ въ то время; онъ не хотѣлъ заискивать вниманія театральной толпы, но стремился, въ пламенномъ увлеченіи молодости, сказать современному обществу нѣсколько суровыхъ, безпощадныхъ истинъ,—замыселъ, совершенно соотвѣтствующій тому особому *гражданскому* настроенію, которое его охватывало".

Пыпинъ тоже, на основаніи словъ Грибоѣдова о первомъ начертаніи его комедіи, заключаетъ, что общественное значеніе задуманнаго произведенія предполагалось гораздо шире [125]).

Такимъ образомъ, есть основаніе утверждать, что Грибоѣдовъ уже во время своей петербургской жизни былъ занятъ тѣмъ серьезнымъ литературнымъ трудомъ, который впослѣдствіи доставилъ ему славу нашего великаго писателя.

Періодъ времени съ конца лѣта 1818 г. по 30 января 1829 г.

Причины отъѣзда Грибоѣдова на Востокъ. — Начало его трагическаго положенія.— Хронологическій перечень тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ рамкѣ которыхъ развивалось трагическое положеніе Грибоѣдова. — Сущность его трагизма.

Своею петербургскою жизнью Грибоѣдовъ, повидимому, былъ доволенъ: литературныя и вообще умственныя занятія, общеніе съ образованными людьми, посѣщеніе театра, а также и свѣтскихъ гостиныхъ, гдѣ даровитый молодой человѣкъ былъ радушно принимаемъ, наконецъ тѣсный кружокъ друзей—все это служило источникомъ наслажденій, и Грибоѣдовъ, какъ потомъ самъ сказалъ въ письмѣ къ Бѣгичеву, въ Петербургѣ хотя и „имѣлъ многія огорченія, но иногда былъ и счастливъ“ [126]). И эту жизнь ему пришлось покинуть. Давнишняя мечта матери о службѣ сына по дипломатической части наконецъ стала осуществляться: въ апрѣлѣ 1818 г. министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде началъ переговоры съ Грибоѣдовымъ о назначеніи его въ Персію, указывалъ какъ на матеріальныя выгоды этого назначенія, такъ и на то, что въ уединеніи дарованія молодого человѣка усовершенствуются. Грибоѣдову ужасно не хотѣлось принять предложеніе. Въ томъ же апрѣлѣ онъ писалъ своему другу: „жестоко бы было мнѣ цвѣтущія лѣта свои провести между дикообразными азіатцами, въ добровольной ссылкѣ, на долгое время отлучиться отъ друзей, отъ родныхъ, отказаться отъ литературныхъ успѣховъ, которыхъ я здѣсь въ правѣ ожидать, отъ всякаго общенія съ просвѣщенными людьми“ [127]). Изъ этого же письма къ Бѣгичеву видно, что Грибоѣдовъ смотрѣлъ на принятіе сдѣланнаго ему предложенія, какъ на принесеніе себя въ жертву,—и все-таки онъ его принялъ.—Что же побудило его къ тому?

Прежде всего надо знать, что въ Грибоѣдовѣ давно уже начало слагаться высокое понятіе о долгѣ; это отразилось уже въ статьѣ его: „О кавалерійскихъ резервахъ“ [128]). Развитіемъ въ немъ чувства долга вообще и въ частности—долга сыновняго онъ считалъ себя обязаннымъ Бѣгичеву, и въ томъ же письмѣ къ нему, въ которомъ писалъ: „Мать моя тебя должна благодарить, если ей сдѣлаюсь хорошимъ сыномъ“ [129]), онъ говорилъ: „Нѣтъ! я не буду эгоистомъ; до сихъ поръ я былъ только сыномъ и братомъ по названію; возвратясь изъ Персіи, буду таковымъ на дѣлѣ, стану жить для моего семейства“. Слова эти означали

вотъ что: съ 1817 года денежныя дѣла Настасьи Ѳедоровны начали значительно разстраиваться, и Грибоѣдовъ, понимая всю тяжесть жертвы, все-таки жертвуетъ собой во имя сыновняго долга, надѣясь, что служба въ Персіи поможетъ ему стать въ такія матеріальныя условія, при которыхъ онъ будетъ въ состояніи поддерживать свою семью. Это главная причина, заставившая его согласиться на отъѣздъ изъ Петербурга; но къ ней присоединилась еще и другая: онъ мучился совѣстью, что изъ-за его шалости былъ убитъ Шереметевъ; тѣнь покойнаго преслѣдовала его, онъ хотѣлъ избавиться отъ этой пытки и оставить тотъ городъ, гдѣ ему многое напоминало о печальной катастрофѣ, хотя въ то же время очень и очень многое и удерживало отъ поѣздки. Положеніе его было по истинѣ драматическое, или, вѣрнѣе, оно было завязкой той долго длившейся трагедіи, которая окончилась кровавымъ событіемъ 30 января 1829 года.

Мы разсмотримъ столкновеніе силъ, принимавшихъ участіе въ этой глубоко интересной и высоко поучительной трагедіи, но прежде, для удобства изложенія, укажемъ канву тѣхъ внѣшнихъ фактовъ, въ рамкѣ которыхъ она совершалась.

Въ іюлѣ 1818 г. состоялось назначеніе Грибоѣдова секретаремъ при повѣренномъ въ дѣлахъ въ Персіи—К. С. Мазаровичѣ. Въ концѣ лѣта онъ выѣхалъ изъ Петербурга, пробылъ нѣсколько дней въ Москвѣ, и въ октябрѣ былъ уже въ Тифлисѣ, гдѣ его тотчасъ же встрѣтилъ Якубовичъ и предложилъ покончить прежніе счеты [130]). Они стрѣлялись: Грибоѣдовъ далъ промахъ, а Якубовичъ прострѣлилъ ему ладонь лѣвой руки.

Въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ видѣлся съ главнокомандующимъ, А. П. Ермоловымъ, и они полюбили другъ друга. „Что это за славный человѣкъ!“ — писалъ Грибоѣдовъ Бѣгичеву: „мало того, что уменъ, нынче всѣ умны, — но совершенно по-русски: на все годенъ“ [131]). Ермоловъ тоже оцѣнилъ умъ и образованность молодого человѣка.

Въ самомъ концѣ января 1819 г. Грибоѣдовъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Персію, побывалъ въ Эривани, Нахичевани, Тавризѣ и Тегеранѣ, описывалъ свое путешествіе въ письмахъ къ Бѣгичеву, велъ путевыя записки, и въ Персіи много работалъ по дѣламъ миссіи. Жизнь онъ велъ почти въ безпрестанныхъ переѣздахъ изъ одного мѣста въ другое, и между прочимъ пріѣзжалъ по дѣламъ и въ Тифлисъ и возвращался обратно въ Персію. Служба его въ Персіи продолжалась около трехъ лѣтъ; въ февралѣ 1822 г.

онъ, согласно его желанію, былъ уволенъ отъ должности при миссіи съ назначеніемъ состоять по дипломатической части при Ермоловѣ въ Грузіи, гдѣ и пробылъ до марта 1823 г. *) Въ это время Грибоѣдовъ получаетъ отпускъ въ Москву и Петербургъ на 4 мѣсяца, но превращаетъ его въ двухгодичный. Обратно въ Грузію онъ ѣдетъ не прямою дорогою, а черезъ Кіевъ и Крымъ, набрасываетъ путевыя записки, и только въ октябрѣ 1825 г. возвращается на службу къ Ермолову. Въ самомъ началѣ 1826 г. его арестуютъ по подозрѣнію въ связи съ декабристами, привозятъ съ курьеромъ въ Петербургъ, сажаютъ въ зданіе Главнаго Штаба, но по разслѣдованіи дѣла признаютъ невиновнымъ, освобождаютъ и даже награждаютъ чиномъ надворнаго совѣтника.

Между тѣмъ на Кавказъ посланъ былъ Паскевичъ, который вскорѣ смѣнилъ собою Ермолова въ качествѣ главнокомандующаго. Грибоѣдову опять не хотѣлось ѣхать на Востокъ, но мать умолила его отправиться на службу къ Паскевичу, который, какъ уже знаемъ, былъ въ родствѣ съ семьей Грибоѣдовыхъ [132]).

Осенью 1826 г. Грибоѣдовъ былъ уже на Кавказѣ, куда пріѣхалъ для исполненія при Паскевичѣ той же должности по дипломатической части, которую раньше исполнялъ при Ермоловѣ. Тогда уже начались военныя дѣйствія противъ Персіи, и Грибоѣдовъ принималъ участіе въ Эриванскомъ походѣ, работая въ то же время и какъ дипломатъ; былъ опять въ Персіи и много хлопоталъ при заключеніи Туркманчайскаго договора (10 февр. 1828 г.), по которому Россія пріобрѣла Эриванскую область, и Персія должна была уплатить намъ контрибуцію.

Съ донесеніемъ государю о заключеніи договора Паскевичъ отправилъ Грибоѣдова, какъ одного изъ выдающихся дипломатическихъ участниковъ этой войны съ Персіей. Это былъ послѣдній пріѣздъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ скоро, къ великому удовольствію матери, но противъ своего желанія и ожиданія, назначенъ былъ полномочнымъ министромъ въ Персію. Онъ предчувствовалъ, что живымъ изъ Персіи ему ужъ не вернуться, но изъ благороднаго чувства признательности къ государю, оказавшему ему большія милости, какъ награду за его службу, онъ не счелъ возможнымъ отказаться отъ новаго назначенія — и прибылъ въ Персію осенью того же 1828 г. Проѣздомъ черезъ Тифлисъ онъ

*) Изъ Персіи Грибоѣдовъ уѣхалъ еще раньше увольненія отъ службы при миссіи: въ концѣ 1821 г. онъ былъ посланъ Мазаровичемъ въ Тифлисъ къ Ермолову съ извѣстіемъ о началѣ военныхъ дѣйствій между персами и турками, и изъ Тифлиса въ Персію на этотъ разъ уже не возвращался.

женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе. Свадьба была 22 августа, а 30 января 1829 г. Грибоѣдовъ былъ убитъ чернью въ Тегеранѣ.

Вотъ внѣшніе факты, изъ которыхъ видно, что Грибоѣдовъ уѣзжалъ на Востокъ не одинъ разъ, а нѣсколько. Намъ кажется, что на каждую его поѣздку туда можно смотрѣть, какъ на отдѣльный актъ его жизненной трагедіи, и мы увидимъ, что соотвѣтственно этимъ актамъ душевное настроеніе Грибоѣдова, сохраняя все тотъ же основной свой характеръ, измѣняется въ своей напряженности: сила душевныхъ страданій растетъ съ каждымъ актомъ.

Трагизмъ положенія Грибоѣдова обусловливался невозможностью согласить требованій его наклонностей и вкусовъ съ требованіемъ высоко развитого въ немъ чувства долга. Уже въ періодъ своей петербургской жизни Грибоѣдовъ почувствовалъ сильное влеченіе къ умственному труду и литературнымъ занятіямъ. По свидѣтельству Бѣгичева, онъ уже тогда много читалъ и много учился; по его же свидѣтельству, онъ тогда же работалъ и надъ своей знаменитой комедіей, которой придавалъ высокое гражданское значеніе. Влеченіе къ умственному труду и къ творчеству въ людяхъ одаренныхъ, обладающихъ большой умственной энергіей, бываетъ непреодолимо: оно является естественнымъ слѣдствіемъ ихъ мощной духовной организаціи, съ дальнѣйшимъ развитіемъ которой это влеченіе становится все сильнѣе и сильнѣе, такъ какъ накопляющаяся энергія требуетъ себѣ исхода. Между тѣмъ роковыя обстоятельства ставятъ Грибоѣдова именно въ тѣ условія жизни, которыя отнимаютъ у него возможность отдаться любимымъ занятіямъ, забрасываютъ далеко отъ образованнаго міра, разлучаютъ съ друзьями и заставляютъ его дѣлать дѣло, которое ему вовсе не по душѣ, но бросить которое онъ также не въ силахъ, потому что въ немъ необыкновенно твердо убѣжденіе, что добровольно принятая имъ на себя обязанность должна быть свято исполнена. Онъ нѣсколько разъ пытается освободить себя—не своевольно, а законнымъ образомъ—отъ нелюбимаго дѣла, отъ дѣла, къ которому онъ не чувствуетъ влеченія, и даже сомнѣвается въ своихъ способностяхъ для его выполненія,—и все-таки не можетъ отъ него освободиться то въ силу сознанія своего сыновняго долга, то въ силу чувства благодарности къ государю.

I.

Первая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ. — Настроеніе его въ дорогѣ, въ Москвѣ и въ Персіи. – Образъ жизни въ послѣдней и занятія восточными языками.—Желаніе учиться.— Путевыя письма къ Бѣгичеву и минуты оживленія. — Религіозное чувство и чувство народной гордости. — Письмо къ издателю „Сына Отечества“. — Грибоѣдовъ хлопочетъ за русскихъ плѣнныхъ.—Его отношеніе къ русскимъ народнымъ пѣснямъ и къ русской старинѣ.—Сонъ Грибоѣдова.—Грибоѣдовъ въ Тифлисѣ и работа его надъ „Горемъ отъ ума“. — Замѣтки о Петрѣ I. — Планъ драмы: „1812-й годъ“ и одна сцена изъ нея. — Настроеніе Грибоѣдова въ Тифлисѣ и черты его личности. — Продлившійся два года отпускъ. — Опять работа надъ „Горемъ отъ ума“.—Графъ Вьельгорскій распространяетъ извѣстность комедіи. – Восторгъ читателей. — Драматическое положеніе автора и его душевныя страданія.— Послѣдняя отдѣлка „Горя отъ ума“.—Напрасныя хлопоты о постановкѣ его на сцену. — Общество съ комедіей все-таки ознакомилось. — Размолвка съ Булгаринымъ и слѣды душевнаго раздвоенія. — Научныя занятія Грибоѣдова.—Литературные труды его, кромѣ „Горя отъ ума“.—Психологическое значеніе факта перевода „Пролога Фауста“. – Въ настроеніи Грибоѣдова замѣчается уныніе, раздражительность, разочарованіе. — Желаніе ѣхать за границу.

Первымъ актомъ жизненной трагедіи Грибоѣдова мы называемъ его первую поѣздку. Прослѣдимъ за главнымъ лицомъ въ немъ.

Уже изъ Новгорода, 30-го августа, т.-е. въ день своихъ именинъ, Грибоѣдовъ писалъ Бѣгичеву: „Грусть моя не проходитъ, не уменьшается. Вотъ я и въ Новгородѣ, а мысли все въ Петербургѣ... Представь себѣ, что я сдѣлался преужасно слезливъ, ничто веселое и на умъ не входитъ; похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благовѣрный князь, по имени котораго я названъ, здѣсь прославился. Ты помнишь, что онъ на возвратномъ пути изъ Азіи скончался; можетъ, и соименнаго ему секретаря посольства та же участь ожидаетъ“ (Шл. I, 165). „Ахъ, Персія! дурацкая земля!“ восклицаетъ онъ уже въ Москвѣ, при мысли о необходимости ѣхать въ эту страну (I, 167). Въ чрезвычайно интересномъ письмѣ изъ Воронежа къ Бѣгичеву, въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ Грибоѣдовъ заявляетъ другу о своей рѣшимости „жить для семейства“, и гдѣ благодаритъ Бѣгичева за оказанное имъ доброе на него вліяніе [133]), авторъ говоритъ и о своемъ недовольствѣ Москвою: онъ вообще недоволенъ жизнью обитателей Подъ-Новинскаго, но еще больше недоволенъ ихъ привычкой оцѣнивать человѣка чисто съ Фамусовской точки зрѣнія. „Въ Москвѣ все не по мнѣ: праздность, роскошь, не сопря-

женная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему. Прежде тамъ любили музыку, нынче и она въ пренебреженіи; ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному, а притомъ «нѣсть пророка безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, въ сродствѣ и въ дому своемъ»; отечество, сродство и домъ мои въ Москвѣ. Всѣ тамошніе помнятъ во мнѣ Сашу, малаго ребенка, который теперь выросъ, много повѣсничалъ, наконецъ становится къ чему-то годенъ, опредѣленъ въ миссію, и можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше во мнѣ ничего видѣть не хотятъ. Въ Петербургѣ я по крайней мѣрѣ имѣю нѣсколько такихъ людей, которые, не знаю, настолько ли меня цѣнятъ, сколько я думаю, что стою, — но по крайней мѣрѣ судятъ обо мнѣ съ той стороны, съ которой хочу, чтобъ на меня смотрѣли. Въ Москвѣ совсѣмъ другое: спроси у Жандра, какъ однажды, за ужиномъ, матушка съ презрѣніемъ говорила о моихъ стихотворныхъ занятіяхъ, и еще замѣтила во мнѣ зависть, свойственную мелкимъ писателямъ, оттого, что я не восхищаюсь Кокошкинымъ и ему подобными" (I, 169). Но какъ ни больно было Грибоѣдову видѣть такое отношеніе матери къ его литераторству, онъ говоритъ: „Я это ей отъ души прощаю, но впредь себѣ никогда не прощу, если позволю себѣ чѣмъ-нибудь ее огорчить". Въ Персіи иногда тоска до того овладѣвала имъ, что на него находило что-то въ родѣ апатіи (I, 170).

Отдаться любимымъ умственнымъ занятіямъ Грибоѣдовъ почти не могъ: исполняя свой служебный долгъ, онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто. Въ письмѣ къ Катенину изъ Тавриза, написанномъ въ февралѣ 1820 г., читаемъ: „Скажу объ моемъ быту. Вотъ годъ съ нѣсколькими днями, какъ я сѣлъ на лошадь, изъ Тифлиса пустился въ Иранъ, секретарь бродящей миссіи. Съ тѣхъ поръ не нахожу самого себя. Какъ это дѣлается? Человѣкъ по 70-ти верстъ верхомъ скачетъ каждый день, весь день разумѣется, и скачетъ по два мѣсяца съ ряду, подъ знойнымъ персидскимъ небомъ, по снѣгамъ въ Кавказѣ, и промежутки отдохновенія, недѣли двѣ, много три, на одномъ мѣстѣ! — И этотъ человѣкъ будто я? Положимъ однако, что еще я не совсѣмъ съ ума сошелъ, различаю людей и предметы, между которыми движусь" (I, 170—171).

Но если не было времени для литературныхъ занятій, требующихъ болѣе усидчиваго образа жизни, то Грибоѣдовъ все-таки находилъ часы, въ которые ему удалось изучить персидскій языкъ, а затѣмъ и арабскій. Изучалъ онъ ихъ столько же изъ

любознательности, сколько и для пользы при своихъ служебныхъ сношеніяхъ съ восточными людьми. Много читать въ Персіи Грибоѣдовъ также не могъ, потому что книги, отправленныя имъ еще изъ Петербурга, дорогой терялись (I, 172).

Эти условія жизни скоро заставили Грибоѣдова хлопотать о дозволеніи ему уѣхать изъ Персіи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣсколько французскихъ строкъ, написанныхъ Грибоѣдовымъ на оборотѣ черноваго письма къ кн. Шаховскому. Письмо помѣчено: „Табрисъ, 17 ноября 1820 г., часъ по полуночи". Вотъ сдѣланный Шляпкинымъ переводъ этихъ французскихъ строкъ: „Познанія мои заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго *). Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ. Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Ривароль: **) чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству. И я именно для того, чтобы пріобрѣсть познанія, прошу о увольненіи меня отъ службы или объ отозваніи изъ грустной страны, въ которой, вмѣсто того, чтобы чему-нибудь выучиться, еще забываешь то, что знаешь"... (I, 175). Но отозванія изъ „грустной" страны Грибоѣдову пришлось ждать еще долго.

Въ первомъ томѣ изданія Шляпкина особо напечатаны такъ называемыя „Путевыя письма" Грибоѣдова къ Бѣгичеву, относящіяся къ 1819 году (I, стр. 29—51). Въ нихъ онъ набрасываетъ описаніе своего путешествія изъ Тифлиса въ Персію, до самаго Тегерана.—Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ?—Главнымъ образомъ для того, чтобы бесѣдой съ другомъ отгонять свою тоску. Одно изъ этихъ писемъ (п. VII-е) онъ такъ начинаетъ: „Сейчасъ думалъ, что бы со мною было, если бы я бесѣдой съ тобою не сокращалъ мучительныхъ часовъ въ темныхъ закоптѣлыхъ ночлегахъ! Твоя пріязнь и въ отдаленіи для меня благодѣяніе. Часто всматриваюсь, вслушиваюсь въ то, что самъ для себя не сталъ бы замѣчать; но мысль, что наброшу это на бумагу, которая у тебя будетъ въ рукахъ, дѣлаетъ меня внимательнымъ, и все въ глазахъ моихъ украшаетъ надежда, что Богъ дастъ — свидимся, прочтемъ это вмѣстѣ, много добавлю словесно — и тогда сколько удовольствія! Право, мы счастливо созданы" (I, 44).

---

*) Грибоѣдовъ тутъ не упомянулъ о яз. италья нскомъ, латинскомъ, греческомъ.

**) Французскій критикъ и публицистъ конца XVIII вѣка.

Эти послѣднія слова, указывающія, въ чемъ тогда искалъ Грибоѣдовъ утѣшенія, особенно ясно свидѣтельствуютъ о его горькомъ чувствѣ одиночества.

Любя мирныя кабинетныя занятія, Грибоѣдовъ, повидимому, не имѣлъ страсти къ путешествіямъ. Въ томъ же письмѣ изъ Персіи онъ заявляетъ: „Нѣтъ! я не путешественникъ! Судьба, нужда, необходимость можетъ меня со временемъ преобразить въ исправники, въ таможенные смотрители; она желѣзною рукою закинула меня сюда и гонитъ далѣе, но по доброй волѣ, изъ одного любопытства, никогда бы я не разстался съ домашними пенатами, чтобы блуждать въ варварской землѣ въ самое злое время года“ (I, 46).

Однако бывали минуты, когда странствующій по волѣ судьбы секретарь миссіи оживлялся. Грибоѣдовъ, не смотря на шалости своей ранней молодости, былъ человѣкъ религіозный. Въ статьѣ А. П. Смирнова есть такое мѣсто: „По свидѣтельству Кюхельбекера *), Грибоѣдовъ былъ смиренный и строгій христіанинъ и безпрекословно вѣрилъ ученію св. церкви. Грибоѣдовъ имѣлъ большое вліяніе на Кюхельбекера, которому указывалъ на красоты св. Писанія въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Въ своемъ дневникѣ Кюхельбекеръ записалъ: «Прочелъ 30 главъ пророка Исаіи. Они были любимыми моего покойнаго друга Грибоѣдова, и въ первый разъ я познакомился съ нимъ, когда онъ мнѣ ихъ прочелъ въ 1821 г. въ Тифлисѣ»“ [134]). Послѣ этого понятно, что Грибоѣдовъ не могъ остаться равнодушнымъ при видѣ знаменитаго Арарата. „Вдругъ предстали предъ нами въ отдаленіи двѣ горы... это двухолмный Араратъ“,—писалъ онъ изъ Арменіи.—„Кромѣ воспоминаній, которыя трепетомъ наполняютъ душу всякаго, кто благоговѣетъ предъ священными преданіями, одинъ видъ этой древней горы сражаетъ неизъяснимымъ удивленіемъ. Я долго стоялъ неподвиженъ“ (I, 38).

Другимъ оживляющимъ началомъ служило оскорбленное или наоборотъ—польщенное чувство народной гордости Грибоѣдова. Миссія прибыла въ Эривань не по той дорогѣ, откуда ожидали ее персы. Грибоѣдовъ, не видя приличной встрѣчи, негодовалъ, подозрѣвая „неуваженіе къ русскимъ чиновникамъ“. Но когда онъ узналъ, что подозрѣніе его неосновательно; когда увидѣлъ, что персы отнеслись къ представителямъ Россіи до того почти-

*) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, товарищъ Пушкина по лицею и другъ его, впослѣдствіи декабристъ (подробнѣе см. у Шляпкина, I, 105).

тельно, что даже поставили въ приготовленномъ для нихъ домѣ *стулья*, сердце его успокоилось, потому что постановкой этихъ стульевъ персы явно выразили свое „особенное предпочтеніе намъ, русскимъ“ предъ англичанами. И Грибоѣдовъ съ гордостью писалъ Бѣгичеву: „между тѣмъ какъ англичане смиренно сгибаютъ колѣна и садятся на полъ, какъ Богъ велитъ, и разутые,— мы, на возвышенныхъ сѣдалищахъ, беззаботно, толстыми подошвами нашими топчемъ персидскіе многоцѣнные ковры. Ермолову обязаны его соотчичи той степенью уваженія, на которой они справедливо удерживаются въ здѣшнемъ народѣ“ (I, 39).

Насколько Грибоѣдову были дороги интересы Россіи, видно уже изъ слѣдующаго факта. Еще въ январѣ 1819 г. въ Тифлисѣ прочелъ онъ въ одномъ изъ номеровъ „Русскаго Инвалида“ (за декабрь предш. года) такое ложное извѣстіе: „Пишутъ *изъ Константинополя отъ 26 октября, будто бы въ Грузіи произошло возмущеніе, коего главнымъ виновникомъ почитаютъ одного богатаго татарскаго князя*“. По этому поводу онъ написалъ негодующее письмо къ издателю „Сына Отечества“, гдѣ между прочимъ говорилъ: „Скажите, не печально ли видѣть, какъ у насъ о томъ, что полагаютъ происшедшимъ въ народѣ, намъ подвластномъ, и о происшествіи столько значащемъ, не затрудняются заимствовать извѣстія изъ иностранныхъ вѣдомостей, и не обинуясь выдаютъ ихъ по крайней мѣрѣ за правдоподобныя, потому что ни въ малѣйшей отмѣткѣ не изъявляютъ сомнѣнія; а можно бъ было, кажется, усомниться, тѣмъ болѣе, что этотъ слухъ вздорный, не имѣетъ никакого основанія: вѣроятно, что объ истинномъ бунтѣ узнали бы въ Петербургѣ официально, а не чрезъ Константинополь... Я бы впрочемъ не взялъ на себя неблагодарнаго труда исправлять газетныя ошибки, если бы обстоятельство, о которомъ дѣло идетъ, не было чрезвычайно важно для меня собственно по мѣсту, которое мнѣ повелѣно занимать при одномъ азіатскомъ дворѣ. Россійская имперія обхватила пространство земли въ трехъ частяхъ свѣта. Что не сдѣлаетъ никакого впечатлѣнія на германскихъ ея сосѣдей, легко можетъ взволновать сопредѣльную съ нею восточную державу. Англичанинъ въ Персіи прочтетъ ту же новость, уже выписанную изъ русскихъ официальныхъ вѣдомостей, и очень невинно разскажетъ ее кому угодно въ Тавризѣ или Тегеранѣ. Всякому предоставляю обсудить послѣдствія, которыя это за собою повлечь можетъ“ (I, 24—28).

Еще фактъ, который обнаруживаетъ и глубокое національ-

ное чувство Грибоѣдова, и его любовь къ народу, и его пониманіе своего служебнаго долга, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его доброе сердце.

Въ Персіи были русскіе плѣнные солдаты, которыхъ персидское правительство всячески старалось удержать. Грибоѣдовъ употребилъ всѣ усилія къ ихъ освобожденію. „Голову мою положу за несчастныхъ соотечественниковъ“ — такими словами записалъ онъ въ путевыхъ набросках о своей рѣшимости спасти плѣнныхъ (I, 56). Грибоѣдовъ самъ доставилъ ихъ въ Тифлисъ. Дорогой плѣнные пѣли русскія пѣсни. Грибоѣдовъ въ своихъ запискахъ кратко отмѣтилъ: „Пѣсни: «Какъ за рѣченькой слободушка», «Въ полѣ дороженька,» «Солдатская душечка, задушевный другъ». Воспоминанія. Невольно слезы накатились на глаза“ (I, 60).

Интересъ къ русской старинѣ былъ пробужденъ въ Грибоѣдовѣ еще въ университетѣ, и впослѣдствіи фантазія его любила уходить въ наше давно прошедшее. Вотъ примѣръ. Персидскій военный начальникъ въ Эривани, представитель сравнительно мало еще культурной націи, принимаетъ гостей, прибывшихъ изъ гораздо болѣе образованной страны, и притомъ изъ страны, лежащей, относительно Персіи, на западѣ. Грибоѣдову приходитъ на мысль такая параллель: „Я перенесся за двѣсти лѣтъ назадъ въ нашу родину. Хозяинъ представился мнѣ въ видѣ добродушнаго москвитянина, угощающаго пріѣзжихъ изъ нѣмцевъ, фараши *) его — домочадцами, самъ я — Олсарій... и даже увертливый красный человѣчекъ, который хотя и называется англичаниномъ, а право, нельзя ручаться—изъ какихъ онъ, этотъ анонимъ, только разсыпался въ нелѣпыхъ разсказахъ о томъ, что дѣлается за моремъ, — я видѣлъ въ немъ Маржерета, выходца при Дмитріи, прозванномъ Самозванцемъ, и всякаго другого бродящаго иностранца того времени, который въ нашихъ теремахъ пилъ, ѣлъ, разживался и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платилъ русскимъ за русское хлѣбосольство. И эриванскій Маржеретъ, или Дурьгильбредъ **), язвительно отзывается насчетъ персіянъ, которые не допускаютъ его умереть съ голоду“ (I, 41).

Что же дѣлалось съ комедіей Грибоѣдова за время пребыванія его въ Персіи?—Отвѣтить на этотъ вопросъ очень трудно. Булгаринъ, правда, разсказываетъ, что въ Тавризѣ въ 1821 г.

*) Въ Персіи, Афганистанѣ и Индіи *фарашами* называютъ вообще низшихъ слугъ.

**) По объясненію Шляпкина, *дурь, гиль, бредъ*.

Грибоѣдовъ даже во снѣ видѣлъ свою комедію, во снѣ представлялъ себѣ новый планъ ея и будто, руководствуясь этимъ планомъ, написалъ на самомъ дѣлѣ нѣсколько сценъ перваго акта [135]). Грибоѣдовъ дѣйствительно видѣлъ въ Тавризѣ (но въ 1820 г.) сонъ, о чемъ и самъ разсказываетъ въ письмѣ къ Шаховскому (I, 173), но иного характера и безъ всякаго намека на „Горе отъ ума“: онъ говоритъ только, что во снѣ далъ обязательство сѣсть за работу и исполнить ее черезъ годъ, но ничего не говоритъ о томъ, какая это была работа, и началъ ли онъ въ Персіи же приводить свое обѣщаніе въ исполненіе.

Но изъ этого же письма къ Шаховскому видно, что общее настроеніе Грибоѣдова было все то же: онъ тосковалъ, и Персію все продолжалъ называть „скучной Персіей“, а домъ, въ которомъ помѣщалась миссія въ Тегеранѣ, онъ называлъ ея „дипломатическимъ монастыремъ“ (I, 51).

Перейдя на службу въ Грузію, Грибоѣдовъ жилъ большею частію въ Тифлисѣ, сопутствуя иногда Ермолову въ его военныхъ экспедиціяхъ. Теперь у него было больше свободнаго времени, и онъ спѣшилъ имъ воспользоваться. Въ Тифлисѣ онъ усиленно занялся своей комедіей, своимъ любимымъ дѣтищемъ, и, по мнѣнію однихъ, тамъ была имъ написана вся комедія, а по мнѣнію другихъ (Лонгинова и проф. Веселовскаго), только два первыя ея дѣйствія.

Приблизительно къ этому же времени относятъ и замѣтки Грибоѣдова, касающіяся исторіи Петра I-го (Шл. I, 71—75) и вызванныя чтеніемъ книги Голикова. Книгу Голикова подъ названіемъ: „Дѣянія Петра Великаго“ Грибоѣдовъ читалъ и раньше: въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Воронежа (1818 г.) онъ писалъ: Одинъ томъ *) Петровыхъ акцій (т.-е. дѣяній) у меня въ бричкѣ, и я зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь; коли найдешь что-нибудь чрезвычайно забавное въ Дѣяніяхъ, пожалуй напиши: я этимъ воспользуюсь“ (I, 169). Возможно, слѣдовательно, что замѣтки Грибоѣдовъ дѣлалъ и раньше 1822 г., но несомнѣнно также и то, что онъ дѣлалъ ихъ и послѣ своего обстоятельнаго уже знакомства съ персидскими нравами, какъ это видно изъ того мѣста, гдѣ онъ сопоставляетъ Петровскихъ стрѣльцовъ съ персидскими сарбазами **).

*) Томъ первый.

**) *Сарбазы* — тогда еще новоустроенное въ Персіи регулярное войско.

Но какъ бы ни было, насъ интересуетъ не столько время написанія этихъ замѣтокъ, сколько самый ихъ характеръ. Уже выраженіе: „зѣло на него и на его колбасниковъ сержусь“ указываетъ, что Грибоѣдовъ не былъ восторженнымъ поклонникомъ Петра, а замѣтки его на „Дѣянія“ и прямо-таки проникнуты чувствомъ непріязни къ личности преобразователя. Вотъ, для примѣра, нѣсколько замѣтокъ:

„Слуги доносятъ на господъ своихъ, на тѣхъ напр., которые, запершись въ комнатѣ, пишутъ“.

„Безмѣрныя подати“.

„Введеніе рабства чрезъ подушную подать, чрезъ запрещеніе переходить крестьянамъ“.

„Преобращеніе Думы въ Сенатъ. Отмѣна формулы: „Государь указалъ, бояре приговорили“.

„Клевета на Хованскихъ и ихъ казнь не дѣлаетъ чести прозорливости Петра“ и др.

Одна изъ замѣтокъ указываетъ какъ бы на оскорбленное націанальное чувство Грибоѣдова: „Петръ положилъ дѣтямъ боярскимъ жалованье въ-половину противъ иностранныхъ офицеровъ“.

Въ связи съ замѣтками на исторію Петра I находится въ извѣстной степени и другая работа Грибоѣдова, относимая къ 1822 г.: это—планъ драмы подъ названіемъ: „1812-й годъ“. Предполагаемая драма должна была состоять изъ трехъ отдѣленій и эпилога.

Въ первой картинѣ I-го отдѣленія — сцены на Красной площади, относящіяся къ началу войны, и въ нихъ Грибоѣдовъ хотѣлъ между прочимъ обрисовать „народныя черты“.

Вторая картина — въ Архангельскомъ соборѣ. Въ нее внесенъ элементъ чудеснаго. „Трубный гласъ Архангела; на его призывъ возникаютъ тѣни давно усопшихъ исполиновъ — Святослава, Владимира Мономаха, Іоанна, Петра и проч.“ Цѣль появленія этихъ усопшихъ исполиновъ — возбудить въ сынахъ Россіи „огнь неугасимый, рвеніе къ славѣ и свободѣ отечества“.

Третья картина — теремъ царей въ Кремлѣ. Наполеонъ размышляетъ „о юномъ, первообразномъ семъ народѣ, объ особенностяхъ его одежды, зданій, вѣры, нравовъ“. Въ уста Наполеона авторъ влагаетъ слѣдующую знаменательную фразу о русскомъ народѣ: „Самъ себѣ преданный, — что бы онъ могъ произвести?“

Въ первой картинѣ II-го отдѣленія авторъ имѣлъ въ виду

изобразить „сцены звѣрскаго распутства, святотатства и всѣхъ пороковъ“, конечно, людей, занявшихъ Москву.

Вторая картина — село подъ Москвой. „Всеобщее ополченіе безъ дворянъ“. Среди ополченцевъ — выдающееся лицо, крѣпостной человѣкъ, названный у автора буквою М*. Онъ является во всѣхъ отдѣленіяхъ драмы, и характеръ его долженъ обнаружиться уже въ первой ея картинѣ.

Въ III-мъ отдѣленіи, планъ котораго разработанъ всего менѣе, должны быть указаны „подвиги М*.“ Это отдѣленіе относится уже ко времени зимняго преслѣдованія непріятеля.

Эпилогъ — въ двухъ картинахъ; первая — Вильна. „Отличія, искательства, вся поэзія великихъ подвиговъ исчезаетъ. М* въ пренебреженіи у военачальниковъ. Отпускается во-свояси съ отеческими наставленіями къ покорности и послушанію“. Вторая картина эпилога — село или развалины Москвы. „Прежнія мерзости. М* возвращается подъ палку господина, который хочетъ ему сбрить бороду. Отчаяніе..... самоубійство“.

Въ планѣ этой задуманной драмы уже достаточно обнаружены многія мысли и чувства автора.

Проф. Веселовскій въ своей біографіи Грибоѣдова говоритъ (стр. XIX): „Заставивъ въ прологѣ, исполненномъ патріотическаго мистицизма, ночью слетѣться въ Архангельскій соборъ тѣни древнихъ героевъ, онъ (Грибоѣдовъ) въ самой пьесѣ желалъ указать на ужасающій контрастъ прежняго геройства съ нравственнымъ растлѣніемъ своихъ современниковъ“.

Этотъ контрастъ главная руководящая мысль пьесы. Но затѣмъ надо отмѣтить еще слѣдующее.

Хотя Петръ и является у Грибоѣдова въ числѣ „исполиновъ“, тѣмъ не менѣе вложенная въ уста Наполеона фраза о русскомъ народѣ заставляетъ насъ ставить Грибоѣдова въ ряды тѣхъ людей, которые были сторонниками естественнаго хода развитія нашего просвѣщенія, какимъ былъ, напримѣръ, и кн. Шаховской [136]). Этою стороною планъ драмы соприкасается съ замѣтками Грибоѣдова на исторію Петра I. Далѣе: и тутъ и тамъ есть протестъ противъ крѣпостничества. Замѣтка Грибоѣдова: „Изъ письма Петра: *большія бороды нынѣ не въ авантажѣ обрѣтаются*“ *) и въ драмѣ указаніе на желаніе помѣщика сбрить бороду у М* —свидѣтельствуютъ, что Грибоѣдовъ отличалъ европеизмъ отъ европейничанья.

---

*) Курсивъ Грибоѣдова.

Кромѣ того, замѣчателенъ сочувственный взглядъ Грибоѣдова на русскій народъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уважительное отношеніе его къ нашей старинѣ и къ ея представителямъ — къ Святославу, Владимиру Мономаху.

Замѣчательна и самая мысль его взять лучшее лицо драмы, этого героя М*, изъ народа, изъ сословія крѣпостного, и противоположить его, — да не только его, но и всю народную массу, — высшему слою общества, тѣмъ людямъ, искательства которыхъ и погоня за отличіями омрачали въ глазахъ Грибоѣдова всю поэзію подвиговъ.

Если бы драма была написана, финалъ ея производилъ бы сильное впечатлѣніе и былъ бы однимъ изъ сильнѣйшихъ криковъ сердца противъ крѣпостничества.

Планъ драмы проф. Ор. Ѳ. Миллеръ назвалъ „по-шекспировски разностороннимъ“ [137]). Это справедливо, и показываетъ, что Грибоѣдовъ не придерживался никакой стереотипной теоріи составленія драматическихъ произведеній. А какова могла быть его драма: „1812-й годъ“, объ этомъ до извѣстной степени можно судить по сохранившейся одной сценѣ изъ нея *), заключающей въ себѣ разговоръ между отцомъ (Петромъ Ан.) и дочерью (Наташей). Отецъ—человѣкъ, живущій въ „убогомъ домѣ“; дочь была взята на воспитаніе какимъ-то княземъ, во время нашествія французовъ покинувшимъ и ее и Москву. Эту прекрасную сцену нельзя не привести.

Петръ Ан.

Дитя мое любезное, Наташа!
Оставь шитье, узоры кружевные:
Не выряжать тебѣ красы своей
На свѣтлыхъ праздникахъ. Не выѣзжать
Съ боярами, князьями. Было время:
Ласкаютъ и манятъ тебя съ собой
И мчатъ въ богато-убранной каретѣ.
А нынѣ, знать, вельможи,—гдѣ они?..
Тотъ князь, твой воспріемникъ отъ купели?..
Его жена? Родня? Исчезли всѣ!
Ихъ пышные хоромы опустѣли.
Когда слыла веселою Москва,
Они роились въ ней. Палаты ихъ
Блистали разноцвѣтными огнями...
Теперь, когда у стѣнъ ея враги,
Безсчастныя разсыпалися дѣти,
Напрасно ждетъ защитниковъ; сыны,

*) Одна сцена только и извѣстна.

Какъ ласточки, вспорхнули съ теплыхъ гнѣздъ,
И предали ихъ бурямъ въ расхищенье.
Ты изъ жилья роскошнаго обратно
Въ убогій домъ отцовскій отдана,
А мнѣ куда съ тобой?.. Куда укрыться?
И если бъ могъ бѣжать отселѣ я,
Нѣтъ! нѣтъ!... Не оторвался бъ отъ тебя,
О матерь наша, мать Россіи всей,
Кормилица моя, моихъ дѣтей!
Въ тебѣ я мирно пожилъ, видѣлъ счастье,
Въ тебѣ и гробъ найду. Мой другъ, Наташа,
Гроза надъ нами носится, — потерпимъ,
И съ вѣрою вдадимся той судьбѣ,
Которую Господь намъ уготовилъ.
Грустна, грустна!.. О комъ же плачешь ты?
О прежнихъ ли подругахъ и забавахъ?

Наташа.

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора... (Рыдаетъ).

Петръ Ан.

И тѣ ли времена? О братѣ, что ли?
Нашъ Алексѣй... Даруй ему Господь
Со славой устоять на ратномъ полѣ.
Мнѣ все твердитъ,—онъ будетъ живъ.

Наташа.

Нѣтъ, батюшка, я плачу не объ немъ. (Рыдаетъ пуще прежняго).

Петръ Ан.

Когда же ты о родинѣ печальна,
Рыдай, мое дитя,—и для тебя
Отраднаго я слова не имѣю.
Бывало, на душѣ кручинно,—посохъ въ руки,
Съ тобою сердцу легче, все забыто...
Утѣшенный я приходилъ домой.
Бывало посѣтишь и ты меня, отца.
Обнимешь, все осмотришь... уголъ мой
На полгода весельемъ просвѣтится...
А нынѣ вмѣстѣ мы—и намъ не легче!
Москва! Москва! О, до чего я дожилъ!.. (Растворяетъ окно).

Эта сцена, которую, по стиху, языку и мастерству обрисовки настроенія, можно сопоставить со сценами въ „Борисѣ Годуновѣ“ Пушкина, свидѣтельствуетъ о сильномъ и разностороннемъ талантѣ Грибоѣдова. А что драма осталась все-таки ненаписанной, какъ не написано или не дописано Грибоѣдовымъ и многое другое изъ задуманнаго имъ,— это объясняется все тѣми же роковыми обстоятельствами его жизни. Частые разъѣзды, служебныя

обязанности, наконецъ гнетущая тоска — все это было помѣхой. Правда, въ Тифлисѣ Грибоѣдовъ имѣлъ больше досуга, но грустилъ не меньше. Особенно тяготило его ненавистное одиночество. „Я... одинокъ среди населенія, къ которому совершенно равнодушенъ", писалъ онъ сестрѣ Кюхельбекера, Ю. К. Глинкѣ [138]), а самого Кюхельбекера (уже уѣхавшаго изъ Тифлиса въ Смоленскую губ.) извѣщалъ, что „въ поэтическихъ своихъ занятіяхъ довѣряется только однѣмъ стѣнамъ".—„Имъ кое-что читаю изрѣдка свое или чужое; а людямъ—ничего; некому" [139]).

И Грибоѣдовъ сознавалъ себя глубоко-несчастнымъ, хотя и не падалъ духомъ, благодаря религіозному чувству. Въ томъ же письмѣ къ Ю. К. Глинкѣ, писанномъ по-французски, онъ говорилъ, что надо „покориться судьбѣ и смотрѣть на наши страданія, какъ на нравственныя испытанія, изъ которыхъ мы выйдемъ менѣе пылкими, болѣе хладнокровными, съ запасомъ той душевной твердости, которая возбуждаетъ почтеніе и увѣренность, будто мы всю жизнь нашу благоденствовали" (перев. Шл.).

Кромѣ того, надо помнить, что Грибоѣдовъ былъ натура въ высокой степени альтруистическая: чужія страданія онъ принималъ къ сердцу больше собственныхъ. „Пожалѣй обо мнѣ, добрый мой другъ!"—читаемъ въ упомянутомъ выше письмѣ къ Кюхельбекеру:—„помяни Амлиха *), вѣрнаго моего спутника въ теченіе 15-ти лѣтъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ. Потомъ Щербаковъ **) пріѣхалъ изъ Персіи и страдалъ на рукахъ у меня; вышелъ я на нѣсколько часовъ, вернулся: его уже въ гробъ клали. Кого еще скоситъ смерть изъ пріятелей и знакомыхъ? А весною, конечно, привлечется сюда cholera morbus, которую прошлаго года зимній холодъ остановилъ на нашей границѣ. Трезвые умы,— Коцебу, напримѣръ,— обвиняютъ меня въ малодушіи, какъ будто я самъ боюсь въ землю лечь: другихъ жаль сторично пуще себя!" И далѣе Грибоѣдовъ съ горькимъ чувствомъ говоритъ объ эгоистахъ: „Ахъ, эти избалованныя дѣти тучности и пищеваренія, которыя заботятся только о разогрѣтыхъ кастрюлькахъ etc., etc. Переселилъ бы я ихъ въ сокровенность моей души: для нея ничего нѣтъ чужого: страдаетъ болѣзнію ближняго, кипитъ при слухѣ о чьемъ-нибудь бѣдствіи: чтобъ разъ потрясло ихъ сильно, не отъ однихъ только собственныхъ золъ!"

---

*) Слуга Грибоѣдова.

**) Тоже не слуга ли, какъ предполагаетъ Шляпкинъ (I, 419).

Въ началѣ марта 1823 г. Грибоѣдовъ получилъ отпускъ въ Москву и Петербургъ. Отпускъ этотъ продлился два года. Грибоѣдовъ усердно занялся своей комедіей. При первой же встрѣчѣ съ Бѣгичевымъ онъ, выслушавъ замѣчаніе друга на первый актъ, передѣлалъ его заново; затѣмъ много работалъ надъ комедіей въ Москвѣ, часто по ночамъ, возвратясь поздно домой, вѣроятно, съ запасомъ свѣжихъ впечатлѣній, и тогда, по словамъ Булгарина, создавались цѣлыя сцены, такъ сказать, въ одинъ присѣстъ [140]). Лѣтомъ 1823 г. онъ работалъ въ имѣніи Бѣгичева (въ с. Дмитріевскомъ, Ефремовскаго уѣзда Тульской губ.), въ садовой бесѣдкѣ. Писалъ ли онъ тамъ 3-й и 4-й акты впервые, или перерабатывалъ уже раньше написанное — сказать трудно, такъ какъ мнѣнія объ этомъ расходятся [141]).

Но какъ бы ни было, въ 1823 г. часть „Горя отъ ума" была уже извѣстна многимъ: графъ Вьельгорскій, близкій знакомый Грибоѣдовыхъ, перебирая однажды ноты на фортепіано Марьи Сергѣевны, нашелъ рукописные листы комедіи, заинтересовался ими, почти насильно увезъ съ собою, носился съ ними повсюду — и такимъ образомъ первый распространилъ извѣстность „Горя отъ ума". Авторъ скоро услышалъ „восторженные крики сочувствія", и тутъ-то, думаетъ Веселовскій, могло у него родиться желаніе видѣть свою комедію на сценѣ [142]). Послѣ этого онъ и началъ ее передѣлывать, о чемъ мы уже знаемъ изъ одного черноваго его наброска, который приведенъ выше [143]). Затѣмъ Грибоѣдовъ въ 1824 г. хлопочетъ о принятіи его комедіи на сцену, но сталкивается со строгой тогда цензурой, и, въ угоду ей, опять принимается за передѣлку. Это, какъ говоритъ Веселовскій, было настоящей пыткой для автора. „Надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совсѣмъ..., сержусь и возстановляю стертое, такъ что, кажется, работѣ конца не будетъ;... будетъ же, добьюсь до чего-нибудь". Такъ писалъ онъ Бѣгичеву въ августѣ 1824 г. И то, что переживалъ тогда Грибоѣдовъ, было тоже своего рода драмой: портить свое любимое дѣтище тяжело; но сильно и желаніе видѣть его на сценѣ. Послѣднее беретъ перевѣсъ, но зато является въ душѣ автора чувство чего-то похожаго на презрѣніе къ самому себѣ—чувство, которое переживалось Грибоѣдовымъ, должно быть, очень мучительно. Въ томъ же письмѣ къ Бѣгичеву онъ писалъ: „Ты, безцѣнный другъ мой, насквозь знаешь своего Александра; подивись гвоздю, который онъ вбилъ себѣ въ голову, мелочной задачѣ, вовсе не сообразной съ нена-

сытностью души, съ пламенной страстью къ новымъ вымысламъ, къ новымъ познаніямъ... И смѣю ли здѣсь думать и говорить объ этомъ? Могу ли прилежать къ чему-нибудь высшему? Какъ притомъ, съ какой стати, сказать людямъ, что грошовыя ихъ одобренія, ничтожная славишка въ ихъ кругу не могутъ меня утѣшить? Ахъ, прилична ли спесь тому, кто хлопочетъ изъ дурацкихъ рукоплесканій?"—[144]) Грибоѣдовъ мучился тѣмъ, что вбитый имъ въ собственную голову гвоздь, отъ котораго онъ не въ силахъ былъ освободиться, лишалъ его права считать себя выше тѣхъ, которые утѣшаются побрякушками авторскаго самолюбія.

Передѣлывая свою комедію въ виду цензурныхъ требованій, Грибоѣдовъ, весьма строго относившійся къ своему произведенію, пересмотрѣлъ его еще разъ и съ другой цѣлью: съ цѣлью окончательной художественной его отдѣлки. Нѣкоторыя мѣста ему не понравились, и онъ, какъ самъ говоритъ все въ томъ же письмѣ къ Бѣгичеву (Шл., I, 186), перемѣнилъ слишкомъ 80 стиховъ.

„Теперь гладко, какъ стекло", писалъ онъ другу, довольный этими перемѣнами. Сверхъ того, онъ вставилъ въ послѣднемъ актѣ сцену заигрыванья Молчалина съ Лизой, такъ художественно дорисовывающую характеръ этой низкой личности.

Такимъ образомъ, окончательно отдѣлано „Горе отъ ума" было въ 1824 г. Долго, слѣдовательно, и много работалъ Грибоѣдовъ надъ своей комедіей, и тѣмъ сильнѣе было его огорченіе, когда онъ убѣдился, что хлопоты его о постановкѣ „Горя отъ ума" напрасны. Между тѣмъ какъ одни восхищались его комедіей, другіе, затронутые ею за живое, особенно изъ москвичей, старались очернить намѣренія автора, написавшаго будто бы пасквиль на Москву, — и пьеса цензурою не была пропущена. Но публика все-таки знала ее: она разошлась въ тысячахъ списковъ.

— —

Однако авторскому самолюбію Грибоѣдова былъ предѣлъ. Булгаринъ, съ которымъ Грибоѣдовъ въ это время познакомился, и который съ перваго же дня знакомства оказывалъ поэту „ласковости" (Шл., I, 192), напечаталъ въ „Литературныхъ листкахъ" 1824 г. статью подъ названіемъ „Литературные призраки" [145]), гдѣ, подъ именемъ Талантана, былъ выставленъ Грибоѣдовъ, какъ выдающійся писатель и образованный человѣкъ. Это восхваленіе Грибоѣдову не понравилось, и онъ написалъ Булгарину письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его, что знакомства съ нимъ продолжать далѣе не можетъ. „Правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе", — писалъ онъ (въ окт. того же 1824 г.),—

„не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной“ (Шл., I, 192—193).

Грибоѣдовъ гадливо отнесся къ статьѣ Булгарина, заподозривъ въ ней лесть; но изъ письма его видно, что состояніе его духа въ ту пору было вообще тревожное, такъ какъ авторъ письма прямо говоритъ о своемъ душевномъ раздвоеніи, о несогласіи съ самимъ собою. Впослѣдствіи впрочемъ отношенія уладились, и Грибоѣдовъ даже писалъ Булгарину дружественныя письма (см. у Шл., I, 215—221).

Работая надъ „Горемъ отъ ума“, Грибоѣдовъ находилъ время и для научныхъ занятій. Въ Петербургѣ (1824 г.) онъ продолжалъ изучать восточные языки подъ руководствомъ проф. Казембека и Мирзы-Джаффара [146]). Русской исторіей онъ началъ заниматься еще раньше, и хлопоталъ, чтобы добыть „Памятники россійской словесности XII вѣка“ Калайдовича, Русскія древности Успенскаго, сочиненія Арцибашева (вѣроятно, „О первобытной Россіи и ея жителяхъ“, какъ полагаетъ Шляпкинъ; см. у него т. I, стр. 183 и 368). Кромѣ того, имъ прочитано и изучено было много и другихъ историческихъ книгъ, какъ показываютъ относимыя къ этому приблизительно періоду времени его замѣтки подъ заглавіемъ: „Desiderata“ (Шл., I, стр. 75—83 и 358—359). Замѣтки эти относятся главнымъ образомъ къ области исторической географіи, этнографіи, археологіи и генеалогіи и обличаютъ не только обширную и серьезную начитанность Грибоѣдова, но и глубину и значительную широту его научныхъ интересовъ. Для примѣра приведемъ нѣсколько замѣтокъ.

Зам. 3-я. Правда ли, что сѣверная часть Рязанской губерніи, по лѣвому берегу Оки, еще понынѣ удержала названіе „*Мещерской стороны*“ (словарь Геогр. подъ статьею: „Мещерская сторона“). — Откудова это наименованіе? Сохранились ли слѣды *народа*, который нѣкогда въ томъ краю былъ извѣстенъ подъ именемъ *Мещеры?*

Зам. 5-я. Между именами городовъ великаго княжества Рязанскаго, въ исчисленіи русскихъ городовъ (Воскресенск. лѣтопись, стр. 22), иные намъ знакомы, другіе вовсе исчезли. Наша историческая географія много бы свѣту пріобрѣла, кабы кто потрудился опредѣлить ихъ мѣстоположеніе. Напр., гдѣ полагать должно *Торческъ*, *Тешиловъ*, *Крылатескъ*, *Неринскъ*, *Кулатескъ* (Кумтескъ) и тотъ *Рославль*, или лучше *Ярославль-Польскій*, ко-

торый, конечно, далъ имя обширнымъ равнинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *степи Ярославской*, *большой* и *малой*, въ южной части Тамбовской губерніи. Послѣднее имя *Оурюпискъ* показано *Юрюпискъ* въ Шлецеровомъ спискѣ.

Зам. 14-я. Академикъ Фалькъ (Beiträge zur Topographisch. Kennt. des Russ. Reichs) говоритъ о *двухъ городищахъ значительныхъ* возлѣ *Цымлянской* станицы. Онъ самъ ихъ не видалъ, но что казачій атаманъ ему объ нихъ разсказывалъ—всемѣрно заслуживаетъ любопытнаго изслѣдованія имени, фигуры и вещества этихъ развалинъ. Не видать ли тамъ слѣдовъ искусства? Какое свойство грунта? Не раскапывали ли земли, и что въ ней найдено?

Зам. 20-я. Нельзя ли достать словарь языка *Закубанскихъ черкесовъ?* Въ Гильденштедтѣ *) есть словарь кабардинскій; такимъ образомъ можно было бы научиться различать разныя нарѣчія языка черкесскаго.

Въ зам. 49-й, между прочимъ, читаемъ: „Подъ статьею *Горчаковы князья* въ Бархатной книгѣ II, 305, кажется, что отрасль князей Козельскихъ древнѣе Карачевскихъ. Стоило бы справиться въ Рязанскомъ Архивѣ подъ № 202, а для князей Совицкихъ, или Осовицкихъ подъ № 207“.

Зам. 57-я. Нарѣчія русскаго языка и крестьянская одежда гдѣ и какъ перемѣняются?

Всѣхъ замѣтокъ 57 да еще на отдѣльномъ листкѣ 5. Значительное число ихъ имѣетъ форму вопроса или сопровождается вопросами. Отвѣты на многіе изъ этихъ вопросовъ, поставленныхъ вполнѣ научно, даны нашими учеными ужъ гораздо позднѣе, въ годахъ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ [147]).

Къ періоду жизни Грибоѣдова въ отпуску (вѣроятно, къ 1824 г.) относятся и его критическія замѣтки на „Русскую грамматику“ Греча (собственно отрывокъ, касающійся ученія о глаголѣ; см. у Шл., I, 84—87). Замѣтки показываютъ большую вдумчивость ихъ автора и его филологическое образованіе.

Къ этому же періоду относятся и многія литературныя работы Грибоѣдова, кромѣ работы надъ „Горемъ отъ ума“. Такъ, 11 сент. 1824 года въ Петербургѣ,—а въ Москвѣ еще раньше,—была представлена на сценѣ опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи: „Кто братъ, кто сестра, или обманъ за обманомъ“, оригинальное сочиненіе, съ хорами и разнохарактернымъ дивертисментомъ. Музыка

---

*) Въ описаніи путешествія Гильденштедта по Россіи и Кавказу.

Л. Н. Верстовскаго. Эта драматическая бездѣлка написана наскоро Грибоѣдовымъ и кн. Вяземскимъ для бенефиса одной московской актрисы. Вся проза принадлежитъ Грибоѣдову, а куплеты — кн. Вяземскому, за исключеніемъ одного:

Любитъ обновы
Мальчикъ Эротъ;
Стрѣлкѣ перённой,
Знать, не чередъ,—
Вожжи шелковы
Въ руки беретъ,
Плеткой ременной
Хлещетъ и бьетъ.

Этотъ куплетъ тоже написанъ Грибоѣдовымъ.

Эта наскоро изготовленная „водевильная стряпня", какъ называлъ впослѣдствіи пьесу кн. Вяземскій, успѣха не имѣла.

Несравненно интереснѣе другая работа Грибоѣдова: осенью 1823 года онъ задумалъ написать, для открывшагося тогда въ Москвѣ новаго театра, стихотворный прологъ: „Юность вѣщаго", въ двухъ актахъ. Написать его онъ не успѣлъ, а обдумалъ лишь планъ да набросалъ небольшой отрывокъ—въ 25 строкъ. Интересно именно то, что героемъ пьесы избранъ былъ Ломоносовъ,— Ломоносовъ-юноша, томящійся „жаждой познанія" и для удовлетворенія ея убѣгающій изъ отческаго дома. Грибоѣдовъ, самъ томившійся такой же жаждой, конечно, долженъ былъ сочувствовать Ломоносову и понимать всю тягость его положенія среди домашней обстановки. Какъ относился Грибоѣдовъ къ этому вышедшему изъ народа „исполину", видно уже изъ слѣдующихъ стиховъ отрывка:

И тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ
Вослѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ,
Онъ отрокомъ, безвѣстенъ и презрѣнъ,
Сынъ рыбаря, чудовищъ земноводныхъ
Ловитвой жилъ; въ пучинахъ ледяныхъ,
Душой алкая странъ и дѣлъ иныхъ,
Изнемогалъ въ усиліяхъ безплодныхъ!..
(Шл., II, 219).

Далѣе, не останавливаясь на другихъ произведеніяхъ Грибоѣдова, относящихся къ періоду его жизни въ отпуску *), обра-

*) Сюда относятся 4 стихотворенія 1824 г.: 1) романсъ: „Ахъ, точно ль никогда ей въ персяхъ безмятежныхъ желанье тайное не волновало кровь?" 2) „Задача Эрота", 3) „Давидъ", 4) „Телешовой" (балеринѣ); затѣмъ статья: „Частные случаи петербургскаго наводненія" 1824 г., описывающая его ужасы. Кромѣ того, у Грибоѣдова есть еще планъ трагедіи: „Родамистъ и Зенобія", точное время составленія котораго неизвѣстно, а относятъ его къ годамъ 1819 — 1823. Съ трагедіей „Родамистъ и Зенобія" Кребильона, кромѣ именъ, общаго почти ничего нѣтъ. Дѣйствіе у Грибоѣдова въ Закавказьѣ, а дѣйствующія лица—армяне и грузины.

тимъ вниманіе на „Прологъ Фауста“. Это — переводъ, мѣстами вольный, той части Гётевскаго „Введенія къ Фаусту“, гдѣ идетъ разговоръ директора театра и весельчака (die lustige Person) съ поэтомъ. Директоръ театра требуетъ отъ поэта, чтобы онъ имѣлъ въ виду вкусы толпы. Въ театръ, если пьеса пришлась по вкусу, люди ломятся:

Стѣной густѣютъ непреломной,
Толпа растетъ, и рокотъ громный,
А голоса: билетъ! билетъ!
Какъ будто ихъ раждаетъ преисподня;
И это чудо кто творитъ? — Поэтъ!

Поэтъ—человѣкъ, и онъ не чуждъ человѣческихъ слабостей: восторги толпы, обаяніе славы у современниковъ могутъ увлечь его; чувствуя возможность такого увлеченія, онъ говоритъ директору:

О, не тревожь, не мучь суетъ картиной!
Задерни, скрой отъ глазъ народъ,
Толпу, которая пестрѣющей пучиной
Съ собой *противовольно* насъ влечетъ.

И далѣе прибавляетъ, что блескъ у современниковъ обманчивъ; что поэтъ долженъ имѣть въ виду славу у потомства. Тутъ, на помощь директору, выступаетъ весельчакъ и убѣждаетъ поэта думать не о потомкахъ, а о современникахъ.

Потомству? да, и слышно только то,
Что духомъ всѣ парятъ къ потомкамъ отдаленнымъ;
Неужто, наконецъ, никто
Не порадѣетъ современнымъ?

Соблазнительныя рѣчи директора и весельчака терзаютъ душу поэта, но онъ находитъ въ себѣ довольно силы, чтобы не поддаться соблазну и не „обречь себя въ вѣкахъ укорамъ и стыду“. Онъ говоритъ директору:

Поди, ищи услужниковъ другихъ.
Тебѣ ль отдамъ святѣйшее стяжанье,
Свободу въ жертву прихотей твоихъ?

И затѣмъ слѣдуетъ указаніе на высокое значеніе истиннаго поэта, геніальныя произведенія котораго, будучи „превыше всѣхъ земныхъ и суетныхъ честей“, съ вѣками дѣлаются все нетлѣннѣе и свѣжѣе.

Переводъ относятъ къ 1824 г., а А. И. Смирновъ относитъ его даже къ 1825-му [148]); слѣдовательно онъ сдѣланъ Грибоѣдовымъ не раньше того времени, когда онъ „урѣзывалъ“ свою комедію, какъ самъ признавался, ради „ничтожной славишки“ у толпы. Онъ поддался соблазну — и самъ мучился своей слабостью; но

послѣ ему захотѣлось сказать нѣчто въ родѣ Галилеева: „а все-таки она движется!"—и онъ сказалъ это устами Гёте, прибавивъ отъ себя превосходнѣйшій финалъ къ патетической рѣчи поэта,—стихи, которыхъ у Гёте нѣтъ:

Ты (т.-е. директоръ театра) постигаешь ли умомъ
Создавшаго міры и лѣта?
Его престолъ—душа поэта.

Такимъ образомъ, какъ намъ кажется, выборъ для перевода сцены изъ Гёте не былъ случайнымъ: онъ, думается намъ, находился въ связи съ тогдашнимъ настроеніемъ Грибоѣдова, съ тогдашней раздвоенностью его души: онъ поддался соблазну—и самъ же протестовалъ, негодовалъ на свое малодушіе, не дозволившее ему сохранить въ чистотѣ то, что онъ назвалъ „престоломъ" Бога.

Настроеніе Грибоѣдова въ 1824 году и въ началѣ 1825 года отразилось особенно въ его письмахъ. Изъ письма его къ Бѣгичеву въ іюнѣ 1824 г. видно, что имъ овладѣвало иногда уныніе (Шл., I, 184). Осенью въ Петербургѣ онъ былъ какъ-то необыкновенно раздражителенъ, бранилъ его, бранилъ всѣхъ и въ томъ числѣ самого себя. „Было бы о чемъ расписаться, но мелочи, главныя черты Петербурга и его глупцовъ",— писалъ онъ Катенину 17 октября,—„тебѣ болѣе, чѣмъ мнѣ извѣстны... всѣ мы здѣсь ужаснѣйшая дрянь. Боже мой! когда вырвусь изъ этого мертваго города!" (I, 190). Грибоѣдовъ сбирался ѣхать за границу. „Знай однако, что я здѣсь на перепутьи въ чужіе края; попаду ли туда—не ручаюсь, но вотъ какъ располагаю собою: отсюдова въ Парижъ, потомъ въ южную Францію; коли денегъ и времени достанетъ, захвачу нѣсколько приморскихъ городовъ, Италію — и Ѳракійскимъ Воспоромъ въ Черное море и къ берегамъ Колхиды" (I, 190--191). Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4 января 1825 г. раздражительности и недовольства еще больше. „Другъ и братъ! Пишу къ тебѣ въ пятомъ часу утра — не спится. Нынче день моего рожденія,—что же я? На полпути моей жизни, скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники. Вчера я обѣдалъ со всею сволочью здѣшнихъ литераторовъ. Не могу пожаловаться, отовсюду колѣнопреклоненія и ѳиміамъ, но вмѣстѣ съ этимъ—сытость отъ ихъ дурачествъ, ихъ сплетенъ, ихъ мишурныхъ талантовъ и мелкихъ ихъ душишекъ. Не отчаивайся, другъ почтенный: я еще не совсѣмъ погрязъ въ этомъ трясинномъ государствѣ. Скоро отправлюсь — и надолго". Далѣе уже видны слѣды

глубокаго разочарованія. „Братъ! Ты меня зовешь въ деревню. Коли не теперь, не нынѣшнимъ лѣтомъ, такъ вѣрно со временемъ у тебя поищу прибѣжища, не отъ бурсй, не отъ угрызающихъ скорбей, но рѣшительно отъ пустоты душевной. Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!" (I, 193—194).

Въ возникновеніи такого настроенія не малую, конечно, роль играли и неудавшіяся хлопоты о пріемѣ на сцену любимаго дѣтища Грибоѣдова.

II.

Вторая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ.—Причина отъѣзда.—Въ Кіевѣ его охватываетъ обаяніе старины и святости мѣста.—Настроеніе его въ Крыму доходитъ до мрачности. — Путевыя замѣтки о Крымѣ и укоры автора по адресу русскихъ.—Грибоѣдовъ на Кавказѣ.—Свѣтлыя минуты вдохновенія и начало поэмы: „Хищники на Чегемѣ".—Далѣе настроеніе опять ухудшается.—Чтобы „не іовничать"—пускается въ Чечню.—Взглядъ Грибоѣдова на тогдашній нашъ образъ дѣйствія на Кавказѣ.—„Прости, отечество" и „Діалогъ половецкихъ мужей", замѣтки И. А. Шляпкина и наши дополненія къ нимъ.—Поводъ къ аресту и отношеніе Грибоѣдова къ тогдашнему движенію среди молодежи.—Грибоѣдовъ подъ арестомъ.—Жизнь его у Булгарина на дачѣ, недовольство собой, любопытныя черты его личности.—Мысли и чувства, выраженныя въ статьѣ: „Загородная прогулка".—Грибоѣдовъ въ Москвѣ.—Молебенъ у Иверской.

Грибоѣдовъ могъ бы найти значительное облегченіе своего настроенія въ умственныхъ занятіяхъ, умиротворяющую силу которыхъ онъ зналъ: В. Ѳ. Одоевскій сталъ съ увлеченіемъ изучать философію Шеллинга; Грибоѣдовъ писалъ ему: „Милый мой мудрецъ, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ; не охлаждайся: *они всякой жизни придаютъ высокое значеніе*" (I, 203). Но самому ему отдаться умственному труду безъ всякихъ помѣхъ опять было нельзя: онъ долженъ былъ снова ѣхать на Востокъ—и все по той же причинѣ: ради матери, ради семьи. Въ томъ же письмѣ къ Одоевскому изъ Кіева отъ 10 іюня 1825 г. у него вырвались такія слова: „Я почти увѣренъ, что истинный художникъ долженъ быть человѣкъ безродный. Прекрасно быть опорою отцу и матери въ важныхъ случаяхъ жизни; но вниманіе къ ихъ требованіямъ, часто мелочнымъ и нелѣпымъ, стѣсняетъ живое, свободное, смѣлое дарованіе". Но во имя долга онъ все-таки уѣхалъ. Это было въ концѣ мая 1825 г. Отправился онъ на Кавказъ не такъ, какъ предполагалъ: не черезъ Францію, Италію и Босфоръ (заграничное путешествіе не удалось), а черезъ Кіевъ и Крымъ.

Началась вторая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ, второй актъ его жизненной трагедіи.

Въ Кіевѣ, гдѣ Грибоѣдовъ былъ уже въ самомъ началѣ іюня, его охватило обаяніе старины и святости мѣста. „Владимиры и Изяславы совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ",— писалъ онъ В. О. Одоевскому (10-го іюня):—за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе... Природа великолѣпная: съ нагорнаго берега Днѣпра на каждомъ шагу виды измѣняются; прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора, и какъ душѣ просторно, когда потомъ выходишь на бѣлый свѣтъ: зелень, тополи и виноградники—чего нѣтъ у насъ!" (I, 202).

Далѣе, въ Крыму, настроеніе Грибоѣдова уже ухудшается. Изъ Симферополя 9-го сентября онъ писалъ Бѣгичеву: „Ну вотъ почти три мѣсяца я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю: не слишкомъ ли я отъ себя требую? умѣю ли писать? Право, для меня все еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется, что сказать,—за это ручаюсь: отчего же я нѣмъ? Нѣмъ, какъ гробъ!" (I, 204). Безпрестанныя скитанія, мѣшавшія покойно предаться умственному труду, порождаютъ желаніе свить себѣ гдѣ-нибудь постоянное гнѣздо, но непремѣнно въ уединеніи. И онъ пишетъ Бѣгичеву: „Еще игра судьбы *нестерпимая:* весь вѣкъ желаю гдѣ-нибудь найти уголокъ для уединенія, и нѣтъ его для меня нигдѣ".—„Мнѣ невесело, скучно, отвратительно, несносно!" жалуется онъ далѣе своему другу (I, 205). Грибоѣдовъ начинаетъ наконецъ даже сомнѣваться въ своихъ способностяхъ: ужъ не отъ того ли онъ, имѣя „замыслы безпредѣльные", ничего не пишетъ, что способности его, думается ему, „ограниченныя" (I, 205). Дальнѣйшая судьба его представляется ему въ мрачномъ свѣтѣ, и на Кавказъ онъ ѣдетъ съ какими-то дурными предчувствіями. „Отчего я туда пускаюсь что-то скрѣпя сердце. Увидишь, что мнѣ тамъ не сдобровать". Эти предчувствія заставляютъ его думать, что онъ не выдержитъ долго своей страннической жизни и вернется къ Бѣгичеву, въ его уединеніе (I, 205).

Письмо къ тому же Бѣгичеву изъ Ѳеодосіи отъ 12-го сентября указываетъ на еще болѣе мрачное настроеніе Грибоѣдова. Онъ избѣгаетъ людей, ищетъ одиночества, посѣщаетъ кладбища и занимается тамъ „сближеніемъ своей жизни съ судьбою давно отшедшихъ" (I, 207). „А мнѣ, между тѣмъ, такъ скучно, такъ грустно!"—говоритъ онъ въ концѣ этого письма:—„думалъ по-

мочь себѣ, взялся за перо, но пишется нехотя; вотъ и кончилъ, а все не легче. Прощай, милый мой. Скажи мнѣ что-нибудь въ отраду: я съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ до крайности“ (I, 208). И за этими строками, вызывающими глубокое сочувствіе къ страдальцу, слѣдуетъ мѣсто свидѣтельствующее, что Грибоѣдовъ на время дѣйствительно „утратилъ силу характера“, какъ объ этомъ самъ онъ заявилъ въ симферопольскомъ письмѣ къ Бѣгичеву (I, 205): онъ, прежде, въ Тифлисѣ въ 1823 г., говорившій о необходимости твердо переносить страданія, какъ ниспосланныя намъ нравственныя испытанія, теперь отказывается выносить ихъ дольше—и желаетъ смерти. „Пора умереть! не знаю, отчего это такъ долго тянется. Тоска неизвѣстная! Воля твоя, если это такъ долго меня промучитъ, я никакъ не намѣренъ вооружиться терпѣніемъ“ (I, 208).

— —

Въ первое время путешествія по Крыму, Грибоѣдовъ набрасывалъ отрывистыя замѣтки, [149]) относящіяся главнымъ образомъ къ крымскимъ видамъ и топографіи, но есть и замѣтки историческаго характера и археологическаго. Изъ замѣтокъ видно, что у него были въ рукахъ сочиненія: Палласа—„Tableau physique et topographique de la Tauride“ и „Путешествіе по Тавридѣ“ Муравьева-Апостола; приведена одна цитата изъ Нестора (I, 102).

Изъ замѣтокъ останавливаетъ на себѣ вниманіе особенно одна: видя богатую и прекрасную природу, Грибоѣдовъ поражается „лѣнью и бѣдностью татаръ“ и говоритъ: „Нѣтъ народа, который бы такъ легко завоевывалъ и такъ плохо умѣлъ пользоваться завоеваніями, какъ русскіе“ (I, 98). Подобная укорительная же замѣтка есть и въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Ѳеодосіи. „Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ!... На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами—духъ разрушенія; ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города не взрытаго, не перекопаннаго. Что жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными остатками нашего бытія“ (I, 208).

Характеръ этихъ „Путевыхъ записокъ“ о Крымѣ, имѣющихъ форму дневника (веденн. съ 24 іюня по 12 іюля), глав-

нымъ образомъ объективный; но есть одна фраза, въ которой преобладавшее тогда настроеніе Грибоѣдова все-таки сказалось. Путешествовалъ онъ по Крыму не одинъ, а съ слугою своимъ Александромъ Грибовымъ *) да еще съ какимъ-то Бороздинымъ. Однажды онъ пробылъ ночь и слѣдующее утро одинъ. Въ дневникѣ своемъ (12-го іюля) онъ отмѣтилъ: „Одинъ и счастливъ", т.-е. потому и счастливъ, что одинъ (I, 106).

Въ октябрѣ Грибоѣдовъ былъ уже на Кавказѣ и участвовалъ, какъ охотникъ, въ экспедиціи генерала Вельяминова [150]). Тутъ, въ виду непріятеля, у подножія Кавказскихъ горъ, его посѣтило вдохновенье, — рѣдкій гость его въ ту пору, — и онъ началъ поэму: „Хищники на Чегемѣ" **). Началъ онъ ее въ становищѣ близъ каменнаго моста на рѣкѣ Малкѣ, но такъ и не окончилъ. „На Малкѣ я началъ что-то поэтическое, по крайней мѣрѣ самому очень нравилось; обстоятельства прервали — остылъ", писалъ онъ потомъ Бестужеву (I, 209).

О „Хищникахъ на Чегемѣ" Булгаринъ сказалъ: „Видъ подоблачныхъ горъ, гнѣзда хищническихъ, полудикихъ племенъ, возбудили въ воображеніи поэта мысль представить ихъ въ природномъ ихъ характерѣ, пирующихъ послѣ битвы и грозными пѣснями прославляющихъ свои набѣги и свои неприступныя убѣжища" (I, 398). Далѣе Булгаринъ отмѣчаетъ силу и сжатость слога въ этой поэмѣ.

Написано Грибоѣдовымъ всего лишь 10 строфъ, въ 7 стиховъ каждая. Приведемъ строфы 4 — 7.

4.

Наши — камни! наши — кручи!
Русь! зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь ли? — Вотъ подъ тучей —
Двувершинный и могучій ***)
Рѣжется изъ облаковъ
Надъ главой твоихъ полковъ.

5.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ,
Вотъ невидимъ онъ очамъ! —

---

*) Онъ былъ молочнымъ братомъ Грибоѣдова, сыномъ его кормилицы. Онъ былъ очень привязанъ къ своему барину. Забавные анекдоты о немъ см. у Шляпкина, I, 397—399.

**) *Чегемъ* — горная рѣка при сѣверномъ склонѣ Кавказа.

***) Эльбрусъ (примѣч. Булгарина).

Той же тканію свіенной
Такъ же скрыты мы мгновенно,
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два — и сгинулъ слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропою,
Не въ краю вы селъ и нивъ!
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утесъ:—берите съ бою!
Камень, сорванный стопою,
Въ глубь летитъ, разбитый въ прахъ;
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. — Готовы къ новой сѣчѣ...
Но и слухъ о нихъ исчезъ!..
Загарайся, древній лѣсъ!
Лейся, зарево, далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ,
И по ряду, дѣлежомъ
Дѣлимъ взятое ножомъ.

Далѣе въ настроеніи Грибоѣдова видимъ опять поворотъ къ худшему. Въ ноябрѣ онъ былъ въ Екатериноградской станицѣ, куда прибылъ и Ермоловъ со своей свитой. Грибоѣдовъ сталъ тяготиться этимъ непріятнымъ для него многолюдствомъ. „Досугу не имѣю ни на секунду, окруженъ шумнымъ сонмищемъ, даже сплю не одинъ: въ моей комнатѣ находится Мазаровичъ, съ латинскимъ молитвенникомъ и дипломатическими замыслами; одно спасеніе — это изъ постели на лошадь и въ поле“,—писалъ онъ Бестужеву 22 ноября (I. 209). Черезъ нѣсколько дней (27 ноября) изъ той же станицы онъ жаловался Кюхельбекеру, что его и безъ того „слишкомъ лѣниво посѣщаетъ вдохновеніе“, а тутъ еще помѣхи со стороны сонмища (I, 211). А письмо его оттуда же, отъ 7-го декабря, къ Бѣгичеву уже указываетъ на полный возвратъ прежней „ипохондріи“. — „На убѣдительныя твои утѣшенія и совѣты надобно бы мнѣ отвѣчать не словами, а дѣлами, дражайшій мой Степанъ. Ты совершенно правъ, но этого для меня недовольно, ибо, кромѣ голоса здраваго разсудка, есть во мнѣ какой-то внутренній распорядитель; наклоняетъ меня ко мрачности, скукѣ, и теперь я тотъ же, что въ Ѳеодосіи: не знаю, чего хочу, и удовлетворить меня трудно. Жить и не желать ничего, согласись, что это положеніе незавидно. — Ты говоришь мнѣ о талантѣ; надобно бы вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть всегда охоту имъ пользоваться, но тѣ промежутки, когда чувствуешь себя

пустѣйшимъ головою и сердцемъ, чѣмъ прикажешь наполнить? Люди не часы; кто всегда похожъ на себя, и гдѣ найдется книга безъ противорѣчій? (I, 213).

Чтобы разсѣяться и, какъ онъ выразился, „не іовничать". Грибоѣдовъ пускается съ Ермоловымъ въ Чечню! — „Въ Чечню! въ Чечню! Здѣсь война особаго рода: главное затрудненіе въ дебряхъ и ущельяхъ отыскать непріятеля; отыскавши, истребить его ничего не значитъ" (I, 214).

Но интересенъ высказанный въ этомъ же письмѣ къ Бѣгичеву взглядъ Грибоѣдова на тогдашній нашъ образъ дѣйствія на Кавказѣ. Ермоловъ дѣйствовалъ то страхомъ, казня горскихъ ослушниковъ, то щедротами, осыпая ими преданныхъ. Противъ внушенія горцамъ страха Грибоѣдовъ ничего не имѣлъ. „Имя Ермолова",—говорилъ онъ,—„еще ужасаетъ; дай Богъ, чтобы это очарованіе не разрушилось". Но онъ желалъ, чтобы по отношенію къ покореннымъ не было нарушаемо *правосудіе*. „Дѣйствовать страхомъ и щедротами",—заявлялъ онъ, —„можно только до времени; одно строжайшее правосудіе миритъ покоренные народы съ знаменами побѣдителей" (I, 214).

Есть у Грибоѣдова еще два произведенія, — стихотвореніе: „Прости, отечество" и „Діалогъ половецкихъ мужей" (отрывокъ),— время написанія которыхъ (какъ и время составленія плана трагедіи: Родамистъ и Зенобія") [151]) точно не опредѣлено: ихъ относятъ къ годамъ 1819—1825. И. А. Шляпкинъ оба эти произведенія соединяетъ въ одно, относя ихъ приблизительно къ одному времени (къ 1825 г., „если не позднѣе"), и, какъ кажется, основательно считаетъ первое предисловіемъ ко второму. Въ самомъ дѣлѣ, два предпослѣдніе стиха въ стихотвореніи: „Прости, отечество":

> Займемся былью стародавной,
> Какъ люди весело шли въ бой —

имѣютъ прямое отношеніе къ „Діалогу половецкихъ мужей", гдѣ авторъ именно и хотѣлъ изобразить жизнь людей, весело ходившихъ въ бой (II, 519).

Кромѣ того, Шляпкинъ говоритъ: „Д. А. Смирновъ и А. Н. Веселовскій относятъ первый отрывокъ *) къ 1819 г. Намъ кажется, что онъ написанъ позднѣе: этотъ поворотъ Грибоѣдова къ національнымъ темамъ, въ родѣ превосходныхъ, хотя и не окон-

---

¹) Т.-е. стих. „Прости, отечество".

ченныхъ стихотвореній: «Востокъ», «Домовой», вѣроятно, совершился въ 1825 году, если не позднѣе".—На это, пожалуй, можно возразить, что и „1812-й годъ" и „Юность вѣщаго" имѣютъ національныя темы. Но вотъ что: нельзя ли видѣть доказательство позднѣйшаго происхожденія стих. „Прости, отечество" въ самомъ настроеніи его автора? Вѣдь оно очень близко къ тому именно, которое преобладало у Грибоѣдова въ 1825 г.

Не наслажденье жизни цѣль,
Не утѣшенье наша жизнь!
О, не обманывайся, сердце!
О, призраки—не увлекайте!..
Насъ цѣпь угрюмыхъ должностей
Опутываетъ неразрывно;
Когда же въ уголокъ проникъ
Свѣтъ счастья на единый мигъ...
Какъ неожиданно, какъ дивно!..
Но скоро бросишь кисть и прочь
Бѣжишь отъ радужной палитры!
Мы молоды и вѣримъ въ рай,
И гонимся и вслѣдъ и вдаль
За слабо брезжащимъ видѣньемъ...
Постойте! . Нѣтъ его, угасло!
Обмануты, утомлены...
И что жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
Ногой отмѣрили пять стопъ,
Соорудили темный гробъ,
И въ немъ живыхъ себя заклали.

Все это не напоминаетъ ли намъ мрачное настроеніе Грибоѣдова въ упомянутомъ году, его разочарованіе, его жалобы на рѣдкое ощущеніе въ себѣ вдохновенія, на утомленіе жизнью? не напоминаетъ ли наконецъ его тогдашнихъ мыслей о смерти? А то обстоятельство, что, сказавъ:

Займемся былью стародавной,
Какъ люди весело шли въ бой,

онъ сейчасъ же прибавляетъ:

Когда плѣняло ихъ собой
Что такъ обманчиво и славно,—

развѣ эти два стиха не голосъ Грибоѣдова, разочаровавшагося тогда въ томъ, что раньше плѣняло его и казалось славнымъ?

„Діалогъ половецкихъ мужей"—небольшой отрывокъ, состоящій изъ трехъ монологовъ: 1-й изъ нихъ и 3-й произноситъ Серчакъ, а 2-й—Итляръ. Приведемъ 1-й монологъ Серчака.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобой, Итляръ,
На поиски счастливые дерзали,

Съ коней три дня, три ночи не слѣзали;
Имъ тяжко: градомъ потъ и клубомъ паръ,
А мы на нихъ—то вихрями въ пустынѣ,
То вплавь по быстринамъ сердитыхъ рѣкъ...
Кручины, горя не было вовѣкъ,
И мощь руки не та была, что нынѣ.
Зачѣмъ старѣютъ люди и живутъ,
Когда по жиламъ кровь едва струится,
Когда подъять безсильны ратный трудъ,
И темя ихъ снѣгами убѣлится!
Смотри на степь:—что день, то шумный бой:
Духъ вѣтреный, другого превозмогшій,
И самъ гонимъ... сшибутся межъ собой
И завиваютъ пыль и злакъ изсохшій.
Такъ человѣкъ рожденъ гонять врага,
Настичь, убить иль запетлить арканомъ.
Кто на путяхъ не рыщетъ алчнымъ враномъ,
Кому уже конь прыткій не слуга;
Въ осенней мглѣ, съ дрожаньемъ молодецкимъ,
Онъ, притаясь, добычи не блюдетъ,—
Тотъ лягъ въ сыру землю: онъ не живетъ!
Не называйся сыномъ половецкимъ!

Шляпкинъ еще разъ правъ, по нашему мнѣнію, сближая по времени предисловіе съ самымъ діалогомъ, такъ какъ въ послѣднемъ также отразилось настроеніе, господствовавшее у автора въ 1825 г. Заподозрѣвъ въ себѣ упадокъ творческихъ силъ, т.-е. заподозривъ въ себѣ безсиліе дѣлать то, что онъ ставилъ цѣлью своей жизни, Грибоѣдовъ въ письмѣ къ Бѣгичеву говоритъ: „Пора умереть!" [172]) Не ту ли же мысль развиваетъ онъ и устами Серчака, конечно, соотвѣтственно положенію послѣдняго? Серчакъ, почувствовавъ въ себѣ безсиліе вести тотъ образъ жизни, для котораго, по его понятію, человѣкъ рожденъ, говоритъ: надо лечь въ могилу.

Да и въ предисловіи можно видѣть ту же мысль: обманутому и утомленному остается только соорудить себѣ темный гробъ.

Если все это такъ, то замѣчательно то искусство, съ какимъ Грибоѣдовъ умѣлъ перелить собственную душу въ Серчака и въ то же время сохранить черты „сына половецкаго". А этотъ выразительный, сжатый и величавый эпическій языкъ! И не только въ 1-мъ монологѣ, но и въ остальныхъ двухъ. Вотъ, напримѣръ, четыре начальные стиха 2-го монолога Серчака:

Въ твоихъ сынахъ твой духъ отцовскій внѣдренъ!
Гордись, Итляръ! Тебя ихъ мужественный видъ,
Какъ въ зимній день лучъ солнечный, живитъ.
Я отъ небесъ лишь дочерью ущедренъ...

Все это свидѣтельствуетъ о крупномъ и разностороннемъ талантѣ Грибоѣдова.

— —

Въ декабрѣ Грибоѣдовъ, какъ мы видѣли, собирался въ Чечню; но воевать ему на этотъ разъ не пришлось: благодаря аресту, онъ въ началѣ 1826 г. очутился въ Петербургѣ и былъ посаженъ въ зданіи Главнаго Штаба [153]).

Тутъ слѣдуетъ указать какъ поводъ къ аресту, такъ и отношеніе Грибоѣдова къ тому движенію, которое закончилось 14-мъ декабря.

Поводомъ къ аресту послужили не только знакомство, но и переписка съ будущими декабристами, съ нѣкоторыми изъ которыхъ Грибоѣдовъ особенно сблизился во время пребыванія въ Петербургѣ въ 1824—1825 г.г. (съ Бестужевымъ [154]), Рылѣевымъ). Онъ во многихъ изъ нихъ цѣнилъ личныя ихъ дарованія и, какъ выразился А. П. Смирновъ, „раздѣлялъ съ ними недовольство нестроеніями въ общественной жизни“. Въ особенности возмущало его крѣпостничество. Въ своемъ экспромптѣ 1826 г. онъ сказалъ:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ —
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу.

Но онъ вовсе не раздѣлялъ желанія декабристовъ прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ. По словамъ Д. А. Смирнова, Грибоѣдовъ относился къ такимъ мѣрамъ иронически и говорилъ смѣясь: „сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи“ [155]). Позднѣе, въ 1828 г., онъ писалъ уже несшему наказаніе А. И. Одоевскому: „Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ!.. Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи, въ 1825 году. Она была мгновенна, и ты, вѣрно, теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ... Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Не тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать!“ (I, 253—254).

Всѣмъ этимъ достаточно опредѣляется отношеніе Грибоѣдова къ тому, что вызвало событіе 14-го декабря.

—

Что же дѣлалъ Грибоѣдовъ подъ арестомъ?—Онъ проводилъ время въ чтеніи. Въ своихъ письмахъ къ Булгарину, относящихся къ этому періоду, онъ безпрестанно просилъ его о книгахъ и журналахъ—и какъ разнообразны были его требованія: Чайльдъ-

Гарольдъ, стихотворенія Пушкина, атласъ къ „Анахарсису", сочиненію аббата Бартелеми, „Апологи" И. И. Дмитріева, календари Шуберта, къ которымъ были приложены астрономическія и историческія статьи, „Тавриду" Боброва (опис. Крыма въ стих.), Дифференціальное счисленіе Франкёра (Francoeur), „Опыты науки изящнаго" Галича (I, 215—221). Научныя занятія Грибоѣдовъ продолжалъ и по освобожденіи изъ-подъ ареста: тогда его особенно занимали такія сочиненія, какъ путешествіе въ Татарію Планъ-Карпина (въ 1246 г.), исторія монголовъ и татаръ арабскаго писателя Абуль-Гази, и т. п. (I, 221).

По разслѣдованіи дѣла Грибоѣдовъ былъ, по собственнымъ словамъ его, „оправданъ начисто, какъ стекло" (I, 217), и весну и часть лѣта провелъ на дачѣ Булгарина, въ уединенномъ домикѣ на Выборгской сторонѣ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ" [15б]) Булгаринъ сообщаетъ, что Грибоѣдовъ тогда видался только съ близкими людьми, проводилъ время въ чтеніи, въ дружеской бесѣдѣ, въ прогулкахъ, и занимался музыкою. Въ настроеніи его, повидимому, не было мрачности, но въ музыкальныхъ импровизаціяхъ его звучало глубокое чувство меланхоліи, и часто онъ бывалъ недоволенъ собою вслѣдствіе мысли, что мало еще сдѣлалъ для словесности. И Грибоѣдовъ говорилъ въ увлеченіи: „Но я долженъ что-нибудь сдѣлать... сдѣлаю!.." Далѣе Булгаринъ свидѣтельствуетъ о слѣдующихъ любопытныхъ чертахъ личности автора „Горя отъ ума". Грибоѣдовъ любилъ простой народъ и любилъ ходить въ церковь. „Любезный другъ! говорилъ онъ: только въ храмахъ Божіихъ собираются русскіе люди; думаютъ и молятся по-русски. Въ русской церкви я въ отечествѣ, въ Россіи. Меня приводитъ въ умиленіе мысль, что тѣ же молитвы читаны были при Владимирѣ, Димитріи Донскомъ, Мономахѣ, Ярославѣ, въ Кіевѣ, Новѣгородѣ, Москвѣ; что то же пѣніе одушевляло набожныя души. Мы—русскіе только въ церкви, а я хочу быть русскимъ".

Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится одно мѣсто въ статьѣ Грибоѣдова: „Загородная прогулка", относящейся къ лѣту того же 1826 г. Грибоѣдовъ съ товарищемъ отправился въ Парголово. Побродивъ нѣсколько времени, вдругъ услышали они звучные плясовые напѣвы, голоса женскіе и мужскіе. Это былъ хоръ крестьянскихъ дѣвушекъ, въ лентахъ и бусахъ, и мальчиковъ. „Родныя пѣсни!" — восклицаетъ авторъ названной статьи:—„куда занесены вы съ священныхъ береговъ Днѣпра и Волги?" Явились и слушатели не изъ народа. „Прислонясь къ дереву",—гово-

ритъ Грибоѣдовъ, — „я съ голосистыхъ пѣвцовъ невольно свелъ глаза на самихъ слушателей-наблюдателей, тотъ поврежденный классъ полу-европейцевъ, къ которому и я принадлежу. Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, эти наряды для нихъ странны. Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими! Финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше собратство, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами — и навѣки! Если бы какимъ-нибудь случаемъ сюда занесенъ былъ иностранецъ, который бы не зналъ русской исторіи за цѣлое столѣтіе, онъ конечно бы заключилъ изъ рѣзкой противоположности нравовъ, что у насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ, которыя не успѣли еще перемѣшаться обычаями и нравами (I, 108—109).

Въ концѣ іюля Грибоѣдовъ былъ въ Москвѣ. По разсказу сестры его, Маріи Сергѣевны, сохраненному Д. А. Смирновымъ [157]), мать сумѣла заставить сына снова отправиться на службу, но уже не къ Ермолову, а къ бывшему съ Грибоѣдовыми въ родствѣ Паскевичу, который въ томъ же 1826 г. былъ назначенъ на Кавказъ. Разсказъ Марьи Сергѣевны слѣдующій: „Матушка никогда не понимала глубокаго, сосредоточеннаго характера Александра, а всегда желала для него только блеска и внѣшности. Вотъ что она съ нимъ сдѣлала: братъ рѣшительно не хотѣлъ ѣхать служить къ Паскевичу. Матушка какъ-то пригласила его съ собой помолиться къ Иверской Божіей Матери. Пріѣхали, отслужили молебенъ... Вдругъ матушка упала передъ братомъ на колѣни и стала требовать, чтобы онъ согласился на то, о чемъ она будетъ просить... Растроганный, взволнованный, онъ далъ слово... Тогда она объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Дѣлать было нечего, онъ поѣхалъ“.

Начался третій актъ жизненной трагедіи Грибоѣдова.

III.

Третья поѣздка Грибоѣдова на Востокъ. — Настроеніе, въ которомъ онъ уѣзжалъ, и письмо его къ Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г.—Напряженная работа по службѣ, исполняемая вопреки влеченію, но по чувству долга.—Радуется успѣхамъ русскаго оружія и ревниво относится къ его славѣ.—Трагизмъ положенія Грибоѣдова между тѣмъ все усиливается. Работы его, связанныя съ научными и общественными интересами.—Что веселило его русское сердце.—Трагедія: „Грузинская ночь" и связь ея съ протестомъ Чацкаго противъ возмутительныхъ явленій крѣпостничества.—Поэма: „Кальянчи".—Переговоры съ Аббасъ-Мирзою и Туркманчайскій миръ.—Грибоѣдовъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію.

Легко можно представить себѣ то настроеніе, въ которомъ Грибоѣдовъ уѣзжалъ теперь на Востокъ. Онъ, связавъ себя даннымъ матери обѣщаніемъ ѣхать на службу къ Паскевичу, не только опять жертвовалъ собой, какъ писателемъ, отрываясь отъ мирныхъ занятій, но и клалъ на свою душу тяжелый камень, понимая, что Ермолова огорчитъ переходъ его къ Паскевичу, на котораго этотъ старый и заслуженный генералъ смотрѣлъ, какъ на своего соперника. Это мучительное настроеніе Грибоѣдова отразилось и въ письмѣ его къ Бѣгичеву отъ 9-го декабря 1826 г., гдѣ онъ говоритъ: „Буду ли я когда-нибудь независимъ отъ людей? Зависимость отъ семейства, другая отъ службы, третья отъ цѣли въ жизни, которую себѣ назначилъ и, можетъ статься, наперекоръ судьбы. Поэзія! люблю ее безъ памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконецъ, что слава? По словамъ Пушкина:

Лишь яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.

Кто насъ уважаетъ, пѣвцовъ истинно вдохновенныхъ, въ томъ краю, гдѣ достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ? Все-таки Шереметевъ у насъ затмилъ бы Омира" (I, 222). Тутъ же Грибоѣдовъ жалуется, что люди вообще стали мелки, и противопоставляетъ имъ характеры древнихъ грековъ, описанные у Плутарха (I, 223). И тутъ же намеки на отношенія между Ермоловымъ и Паскевичемъ: „Два старшіе генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ", и вообще говоритъ, что ему теперь „житье плохое" (I, 221).

Когда въ началѣ 1827 г. Ермоловъ былъ отрѣшенъ отъ должности, и главнокомандующимъ назначенъ Паскевичъ, — послѣдній предписалъ Грибоѣдову принять въ свое вѣдѣніе заграничныя

сношенія съ Турціей и Персіей. Съ этого времени служба Грибоѣдова дѣлается серьезнѣе, тѣмъ болѣе, что начался эриванскій походъ, участіе въ которомъ принималъ и онъ. Ему приходилось заниматься весьма сложной и обширной офиціальной перепиской Паскевича, составлять донесенія и тому подобныя служебныя бумаги. Своимъ положеніемъ онъ ужасно недоволенъ. „Горцы, персіяне, турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Недолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмевается, и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему. Я рожденъ для другого поприща". Такъ писалъ Грибоѣдовъ Булгарину въ апрѣлѣ 1827 г. (I, 226). Но чувство долга все-таки заставляло его работать, иногда до глубокой ночи, даже до самаго разсвѣта (I, 228—229). Приходилось ему вести и личные переговоры съ представителями Персіи—и тутъ онъ дѣйствовалъ, какъ умный дипломатъ, и твердо отстаивалъ интересы Россіи (I, 235—251). Успѣхи русскаго оружія чрезвычайно его радовали, и онъ очень ревниво относился къ его славѣ. Такъ, недовольный описаніемъ въ печати побѣды Паскевича надъ персами при Елисаветполѣ (13 сентября 1826 года), Грибоѣдовъ писалъ съ Кавказа Булгарину (11 декабря): „Отчего вы такъ мало пишете о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 русскихъ разбили 35,000 персіянъ? Самое дерзкое то, что мы врѣзались и учредили наши батареи за 300 саж. отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ обхвачены съ обоихъ фланговъ, и самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена внѣ пушечныхъ выстрѣловъ; но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія" (I, 224).

Трагизмъ положенія Грибоѣдова между тѣмъ все усиливался. Заваленный работою, которая была ему не по душѣ, онъ, какъ самъ сказалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, службу свою „ненавидѣлъ отъ всего сердца" (I, 252). Ему не разъ приходило въ голову бросить ее и уѣхать, „не смотря ни на что, что бы она ни обѣщала ему въ будущемъ" (I, 252). Но мысль, что онъ долженъ жить для семьи, денежныя дѣла которой все болѣе и болѣе приходили въ разстройство, заставляла оставаться на службѣ; а оставаясь на ней, онъ подчинялъ себя служебному долгу и работалъ съ напряженіемъ силъ.

Но когда работа выходила за предѣлы офиціальной переписки и имѣла либо научный, либо живой общественный интересъ, Грибоѣдовъ брался за нее очень охотно. Такъ, 16 апрѣля 1827 г., онъ писалъ Булгарину изъ Тифлиса: „Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ... Я бы извлекъ изъ этого таблицу не столь многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ. При Алексѣѣ Петровичѣ *) у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу“ (I, 225—226). Лѣтомъ того же 1827 г., по поводу распоряженія Паскевича о приведеніи Тифлиса въ лучшее устройство, Грибоѣдовъ составилъ „Записку“ о лучшихъ способахъ вновь построить этотъ городъ (I,116—118). Затѣмъ онъ, кромѣ путевыхъ записокъ объ эриванскомъ походѣ, сжато набросанныхъ въ видѣ дневника (I, 110—116), составилъ прекрасное описаніе тогда уже нами завоеванной Эриванской области (I, 118—127), главнымъ образомъ въ топографическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Въ запискахъ авторъ между прочимъ отмѣчаетъ, что эриванскій походъ велся самымъ гуманнымъ образомъ. Іюня 25-го онъ записалъ: „День хорошо начатъ; избавляемъ деревенскихъ жителей отъ утѣсненія. Имъ платятъ на привалѣ по 6-ти реаловъ лишнихъ на быка; они благословляютъ непріятеля. Вообще война самая человѣколюбивая“ (I, 115). Въ „Путешествіи“ читаемъ такой разсказъ о возвращаемыхъ изъ русскаго плѣна эриванцахъ: „Они не могли нахвалиться великодушіемъ русскихъ и, обвороженные привлекательнымъ обращеніемъ генерала Красовскаго, были тронуты до умиленія, которое, вѣроятно, въ первый разъ въ жизни ощущали. «Не мудрено, что вы побѣждаете насъ», сказалъ Измаилъ-ханъ: «конечно, и у насъ есть добрые люди, хорошіе начальники, но, узнавши вашихъ, я долженъ сознаться, что мы далеко отъ васъ отстали»“ (I, 125). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о развалинахъ караванъ-сарая, авторъ съ восторгомъ

*) Ермоловѣ.

восклицаетъ: „Свидѣтели временъ минувшихъ!... вы видѣли борьбы народовъ; видѣли гибель племенъ, плачъ, порабощеніе, — и послѣднія минуты жизни вашей видятъ славу русскихъ, видятъ невиданное прежде: радость покоренныхъ“ (I, 124). Есть разсказъ и о персіянахъ, характеризующій личность разсказчика. „Въ Гумры пріѣхали два сарбаза, взятые военно-плѣнными въ Аббасъ-Абадѣ, которыхъ изъ Тифлиса возили въ Петербургъ. Они съ восторгомъ говорятъ о представленіи своемъ государю императору и государынямъ императрицамъ, о наслѣдникѣ, о великихъ князьяхъ, и съ удивленіемъ разсказываютъ о всемъ, что видѣли. Они ѣдутъ въ Персію, куда призываютъ ихъ связи родства. Когда слушаешь ихъ, чувство живѣйшей радости наполняетъ душу, а искренняя любовь къ русскимъ каждаго изъ тѣхъ, которые имѣли случай узнать нашихъ, веселитъ сердце русское“ (I, 125—126).

Наконецъ въ 1828 г., хотя неизвѣстно, въ какое именно время этого года, Грибоѣдовъ принималъ участіе въ очень важной работѣ: въ составленіи вмѣстѣ съ грузинскимъ гражданскимъ губернаторомъ Завилейскимъ проекта для дѣйствій учреждаемой тогда въ Тифлисѣ Закавказской Торговой Компаніи (I, 135—153). Редакція „Тифлисскихъ Вѣдомостей“, печатая въ 1831 г. этотъ проектъ, замѣтила отъ себя между прочимъ, что въ немъ всѣ предположенія „основаны на самыхъ ясныхъ доводахъ, почерпнутыхъ изъ фактовъ, глубокаго изслѣдованія края и теоретическаго сравненія будущихъ надеждъ съ результатами, происшедшими отъ одинаковыхъ данныхъ въ другихъ частяхъ свѣта“ (I, 135).

Изъ поэтическихъ произведеній Грибоѣдова ко времени его третьей поѣздки на Востокъ съ достовѣрностью можно отнести его замѣчательную трагедію: „Грузинская ночь“, отъ которой однако сохранились только отрывки (II, 403—411), а цѣлое погибло въ Тегеранѣ вмѣстѣ съ авторомъ. Въ основу трагедіи, по объясненію Булгарина, взятъ фактъ изъ исторіи рабства. Одинъ грузинскій князь за выкупъ любимаго коня отдалъ другому князю отрока, своего раба, сына своей бывшей кормилицы, а потомъ няни его дочери. Мать требуетъ или возврата сына, или позволенія быть рабою одного съ нимъ господина. Князь сперва гнѣвается, затѣмъ обѣщаетъ выкупить отрока, но впослѣдствіи обѣщаніе свое забываетъ. Кормилица при помощи злыхъ духовъ Грузіи, мститъ князю [158]). Для образца приводимъ одинъ изъ монологовъ

кормилицы. Послѣ того, какъ она объявила уже князю свою просьбу о возвращеніи сына и свою печаль, князь ей отвѣчаетъ:

Но самъ я развѣ радъ твоей печали?
Вини себя и старость лѣтъ своихъ.
Давно съ тебя и платы не бирали.

Вотъ эти слова князя и вызываютъ слѣдующую рѣчь несчастной матери:

Ругаться старостью—то въ лютыхъ вашихъ нравахъ.
Стара я, да;—но не отъ лѣтъ однихъ!
Состарилась не въ играхъ, не въ забавахъ,
Твой домъ блюла, тебя, дѣтей твоихъ.
Какъ ринулся въ мятежъ ты противъ русской силы,
Укрыла я тебя живого отъ могилы,
Моимъ же рубищемъ отъ тысячи смертей.
Когда жъ былъ многія годины въ заточеньи,
Безславью преданный въ отеческомъ краю,
И вѣтеръ здѣсь свисталъ въ хоромахъ опустѣлыхъ,
Вынашивала я, кормила дочь твою.
Такъ знай же повѣсть ты волосъ сихъ посѣдѣлыхъ,
Колѣнъ моихъ согбенныхъ и морщинъ,
Которыя въ щекахъ моихъ изрыты
Трудами о тебѣ. Виною ты одинъ.
Вотъ въ подвигахъ какихъ младые дни убиты!..
А ты? Ты, совѣсти и Богу вопреки,
Полсердца вырвалъ изъ утробы!
Что мнѣ твой гнѣвъ? гроза твоей руки?
Пылай, гори огнемъ несправедливой злобы...
И кочетъ, если взять его птенца,
Кричитъ, крылами бьетъ съ свирѣпостью борца,
Онъ похитителя зоветъ на бой неравный;
А мнѣ передъ тобой не можно умолчать.—
О сынѣ я скорблю: я человѣкъ, я мать...
Гдѣ громъ Твой, власть твоя, о Боже Вседержавный!

Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ, Грибоѣдовъ привозилъ съ собой эту трагедію, и отрывки изъ нея читалъ наизусть своимъ друзьямъ. Сцены, читанныя въ Петербургѣ, читалъ потомъ и Бѣгичеву при послѣднемъ свиданіи съ нимъ, но ни за что не хотѣлъ прочесть всей трагедіи. „Я теперь еще къ ней страстенъ“, — говорилъ онъ, —„и далъ себѣ слово не читать ее пять лѣтъ; а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту, какъ чужое сочиненіе, и если буду доволенъ, то отдамъ въ печать“ (II, 534). Булгаринъ и Гречъ, слышавшіе только отрывки, дали такой отзывъ о новомъ произведеніи Грибоѣдова: первый говорилъ, что оно могло бы составить украшеніе не только одной русской, но всей европейской лите-

ратуры; что, слушая жалобы матери, требующей возврата сына, были растроганы и самые холодные люди (II, 404). Гречъ замѣтилъ: „Грибоѣдовъ только попробовалъ перо на комедіи: «Горе отъ ума», которое останется далеко позади «Грузинской ночи». Онъ займетъ такую степень въ литературѣ, до которой еще никто не приближался у насъ; у него, сверхъ ума и генія творческаго, есть душа, а безъ этого нѣтъ поэзіи“ [159]).

Трагедія: „Грузинская ночь“ уясняетъ намъ личность ея автора, какъ врага рабства и крѣпостничества, и проливаетъ свѣтъ на извѣстный монологъ Чацкаго, гдѣ тоже идетъ рѣчь о распродажѣ и промѣнѣ крѣпостныхъ. На тему о продажѣ дѣтей у Грибоѣдова есть еще одно произведеніе — поэма: „Кальянчи“ *). время написанія которой пока неизвѣстно. Сохранился только небольшой отрывокъ (II, 411—414). Въ немъ авторъ затрогиваетъ явленіе еще болѣе возмутительное: продажу дѣтей родителями (на Востокѣ). Въ одномъ мѣстѣ поэмы красавецъ-отрокъ, кальянчи, говоритъ о себѣ такъ:

На Ріона берегахъ,
Въ дальнихъ я рожденъ предѣлахъ,
Гдѣ горитъ огонь въ сердцахъ,
Тверже скалъ окаменѣлыхъ;
Росъ—едва не изъ пеленъ
Матерью, отцомъ, безвинный,
Въ чужу проданъ, обмѣненъ
За сосудъ цѣнинный. **).

Послѣ взятія нашими войсками крѣпости Аббасъ-Абада въ іюлѣ 1827 г. Грибоѣдовъ велъ съ Аббасъ-Мирзою, наслѣдникомъ персидскаго шаха, переговоры о мирѣ, о которыхъ подробно доносилъ Паскевичу (I, 235—251). Переговоры эти обнаруживаютъ большія дипломатическія способности Грибоѣдова и полное знаніе характера персіянъ. Затѣмъ онъ ѣздилъ въ Персію и много хлопоталъ при заключеніи Туркманчайскаго договора. Когда наконецъ мирный договоръ былъ заключенъ [160]), Грибоѣдовъ былъ отправленъ Паскевичемъ въ Петербургъ съ донесеніемъ государю, куда онъ и прибылъ 14-го марта 1828 г. Произведенный уже за первые переговоры съ Аббасъ-Мирзою въ коллежскіе совѣтники, онъ теперь былъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника, орденомъ св. Анны 2-й ст. съ алмазами и 4000 чер-

*) *Кальянчи*—слуга, заботамъ котораго ввѣрены кальяны.

**) *Цѣнинный*, по объясненію И. А. Шляпкина — финифтевый, эмалевый (II, 412).

воиныхъ, а затѣмъ, неожиданно для себя, былъ назначенъ полномочнымъ министромъ въ Персію. Отказаться отъ назначенія Грибоѣдовъ не счелъ возможнымъ. „Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-либо ему неусердствовать", говорилъ онъ въ письмѣ къ Булгарину (I, 255). Совершилась четвертая и послѣдняя поѣздка Грибоѣдова на Востокъ, на этотъ разъ — для него роковая.

IV.

Четвертая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ. — Трагическое положеніе его усиливается.—Предчувствіе и крайне пониженный тонъ настроенія.—Женитьба.—Трагическая развязка.—Мѣсто изъ рѣчи Ор. Миллера.—Параллель Е. В. Пѣтухова. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ писемъ Грибоѣдова.—Его стихотворенія: „Домовой" и „Востокъ".

Столкновеніе силъ, обусловливавшихъ трагическое положеніе Грибоѣдова, и въ этотъ періодъ его жизни оставалось все такимъ же, но каждая отдѣльная сила работала напряженнѣе.

Влеченіе и къ научнымъ занятіямъ и къ поэтическому творчеству стало сильнѣе. „Все, чѣмъ я до сихъ поръ занимался", — говорилъ онъ Бѣгичеву въ мартѣ 1828 г., разумѣя свою служебную дѣятельность, — „для меня дѣла постороннія. Призваніе мое—кабинетная жизнь. Голова моя полна, и я чувствую необходимую потребность писать" (I, XXXVIII). Отправляясь въ послѣднее свое путешествіе на Востокъ, онъ спѣшитъ запастись книгами—и между прочимъ всеобщимъ атласомъ Іордена, „Географіей Азіи" Гасселя, новѣйшими сочиненіями о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ и „двойною или десятерною бухгалтеріею" (I, 255—256).

Но если сильнѣе сказалась потребность отдаться кабинетному труду, то съ другой стороны увеличилась и необходимость продолжать службу: ужъ не говоря о деликатномъ чувствѣ благодарности къ государю, Грибоѣдовъ въ это время особенно нуждался въ средствахъ: „Дѣла матери моей разстроены; деньги мнѣ нужны", заявлялъ онъ тогда же тому же Бѣгичеву (I, XXXVIII). Собираясь устроить свое собственное семейное гнѣздо, онъ увидѣлъ еще больше причинъ оставаться на службѣ. „Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить", писалъ онъ Булгарину съ турецкой границы въ іюлѣ того же 1828 г. (I, 267).

А мы знаемъ уже, какъ относился Грибоѣдовъ къ своимъ служебнымъ обязанностямъ. „Всякій чиновникъ долженъ грудью

стоять за ввѣренную ему порученность“, сказалъ онъ однажды (I, 285), и это не были слова только: онъ оправдалъ ихъ на самомъ дѣлѣ.

—

И четвертая поѣздка Грибоѣдова на Востокъ, какъ и первыя три, была совершена имъ „противъ воли“, о чемъ имѣется его собственное свидѣтельство (I, 257). Съ необыкновенной грустью прощался онъ со своими друзьями и говорилъ: „О Боже мой! неужели проведу я всю мою жизнь тамъ, въ странѣ чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ...“ (I, 254). Къ тому же Грибоѣдовъ предчувствовалъ трагическую развязку: тотчасъ же послѣ полученнаго назначенія онъ сказалъ Жандру: „Насъ тамъ непремѣнно перерѣжутъ: Аллаяръ-ханъ *) — личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркманчайскаго трактата“ (I, XLI). Спустя нѣкоторое время то же самое говорилъ онъ Бѣгичеву при послѣднемъ свиданіи съ нимъ, и прибавилъ: „предчувствую, что живой изъ Персіи не возвращусь“ (I, XLIII—XLIV). Онъ, говоритъ Бѣгичевъ, былъ очень мраченъ. И этотъ крайне пониженный тонъ настроенія сталъ у Грибоѣдова преобладающимъ. „Какъ тошно въ этой Персіи!“ читаемъ въ одномъ изъ октябрьскихъ его писемъ (I, 304); въ декабрѣ опять слышимъ горькую жалобу: „У насъ здѣсь скучно, гадко, скверно. Нѣтъ! ужъ не испытать мнѣ на томъ свѣтѣ гнѣва Господня! Я и здѣсь вкушаю прелести тьмы кромѣшной“ (I, 326).

Въ число „прелестей тьмы кромѣшной“ входили и хлопоты по взысканію контрибуціи, что Грибоѣдовъ назвалъ „египетской работой“. Иногда онъ просто приходилъ въ отчаяніе, и ему начинало казаться, что онъ непригоденъ для выполненія возложенныхъ на него обязанностей. Въ ноябрѣ онъ писалъ въ Тифлисъ къ одной изъ своихъ знакомыхъ: „Мнѣ кажется, что я не вполнѣ на своемъ мѣстѣ; нужно бы побольше житейскаго такта, побольше хладнокровія. Дѣла портятъ мой характеръ. Я дѣлаюсь угрюмымъ; иной разъ нападаетъ на меня охота остепениться, и тутъ уже я дѣйствительно глупѣю. Нѣтъ, я вовсе не гожусь для службы. Меня назначать не слѣдовало. Мнѣ кажется, что я неспособенъ выполнить, какъ слѣдуетъ, служебныя обязанности. Многіе другіе исполнили бы ихъ во сто тысячъ разъ лучше“ (I, 308). Но Грибоѣдовъ клеветалъ на себя: въ декабрѣ онъ пи-

*) Зять шаха, первый министръ Аббасъ-Мирзы, врагъ Россіи и Грибоѣдова.

салъ изъ Тавриза уже иное: „Взимаю контрибуцію довольно успѣшно. Друзей не имѣю никого и не хочу: должны прежде всего бояться Россіи и исполнять то, что велитъ Государь Николай Павловичъ, и я увѣряю васъ, что въ этомъ поступаю лучше, чѣмъ тѣ, которые затѣяли бы дѣйствовать мягко и втираться въ персидскую будущую дружбу. Всѣмъ я грозенъ кажусь, и меня прозвали ***сахтиръ***, coeur dur“ (I, 330).

Эти дипломатическіе успѣхи радовали Грибоѣдова, но въ общемъ настроеніе его было мрачно. Единственнымъ свѣтлымъ лучомъ, отрадно блеснувшимъ ему, была его женитьба на горячо и нѣжно любимой дѣвушкѣ, но и тутъ счастье омрачалось предчувствіемъ близкой смерти: онъ говорилъ молодой женѣ своей, стараясь прикрыть шутливымъ тономъ горечь своей просьбы: „Не оставляй костей моихъ въ Персіи; если умру тамъ, похорони меня въ Тифлисѣ, въ монастырѣ св. Давида“ (I, XLVI).

Нинѣ Александровнѣ скоро пришлось исполнить эту просьбу мужа. По договору, персы обязаны были освободить всѣхъ плѣнныхъ русскихъ подданныхъ, которые пожелаютъ возвратиться въ Россію. Грибоѣдовъ твердо настаивалъ на исполненіи этой статьи, и многіе изъ плѣнныхъ уже находились въ русскомъ посольствѣ, готовясь быть отправленными на родину. Возмущенная духовенствомъ и врагами Грибоѣдова тегеранская чернь стала требовать выдачи укрывавшихся. Грибоѣдовъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда мятежники убили немногочисленную свиту посланника, и самого его изрубили такъ, что тѣло его можно было узнать между другими убитыми только по мизинцу лѣвой руки [161]).

Грибоѣдовъ,—говоритъ Ор. Ѳ. Миллеръ въ своей прекрасной рѣчи,—„не соглашаясь выдать тѣхъ, которые нашли прибѣжище въ его помѣщеніи, поступилъ, какъ нашъ мудрый преобразователь, не выдавшій Дм. Кантемира. Грибоѣдовъ, какъ и Петръ Великій, съ дѣломъ совѣсти связывалъ и государственную честь Россіи. *Онъ держалъ имя русское «честно и грозно по старинѣ» и сложилъ за него свою, пожалуй, и буйную голову!»* [162]).

Е. В. Пѣтуховъ провелъ слѣдующую параллель между Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ:

„Оба они были въ высокой степени художественныя натуры, оба страстно любили свое поэтическое призваніе, возвышенно, свято и необыкновенно добросовѣстно къ нему относились; оба видѣли въ трудѣ необходимый спутникъ таланта и геніальности, постоянно стремились къ пополненію и расширенію своего образованія: оба носили въ душѣ горячія національныя симпатіи, оба

стремились побывать въ чужихъ краяхъ — и не побывали; оба испытали тяжелый нравственный гнетъ близкой среды, которая была ихъ ниже, не понимала ихъ возвышенныхъ стремленій и легкомысленно и эгоистично толкала ихъ на путь мишурныхъ служебныхъ или свѣтскихъ успѣховъ; оба лелѣяли въ душѣ идеалъ тихаго семейнаго счастья и мирнаго кабинетнаго труда; оба предчувствовали свою необыкновенную развязку *), и наконецъ оба они дѣйствительно пали жертвою разлада своихъ внутреннихъ стремленій съ тѣми, которыя были имъ извнѣ навязаны внезапно и насильственно трагически отошедши отъ этой жизни, и оставили послѣ себя хотя поздній, но назидательный урокъ тѣмъ, кто могъ считать себя въ этомъ близко заинтересованнымъ" [163]).

Остановимся еще на нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ писемъ Грибоѣдова. Обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія.

Въ одномъ изъ нихъ онъ проявляетъ свою заботу о научныхъ интересахъ: онъ проситъ Паскевича, чтобы тотъ завоеванныя въ Баязетѣ восточныя рукописи отослалъ въ Академію, „гдѣ профессора Френъ и Сеньковскій извлекутъ изъ сего пріобрѣтенія пользу для ученаго свѣта" (I, 302).

Въ другомъ—къ Булгарину—онъ выражаетъ свой патріотическій восторгъ по поводу взятія Карса. „Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу не прыгать отъ радости" (I, 260).

Строго требуя выполненія Туркманчайскаго договора со стороны персовъ, Грибоѣдовъ въ то же время протестовалъ и въ томъ случаѣ, когда видѣлъ нарушеніе его съ нашей стороны. Такъ полковнику Ренненкампфу, назначенному для опредѣленія на мѣстѣ границъ между Россіей и Персіей, онъ писалъ (5-го дек. 1828 г. изъ Тавриза), что будетъ поддерживать передъ шахомъ всѣ наши справедливыя требованія, но проситъ „отступиться отъ всякаго притязанія на увеличеніе нашихъ владѣній противъ условій договора" (I, 331).

Возмущаясь всякимъ несправедливымъ поступкомъ, онъ въ длинномъ письмѣ къ Паскевичу указывалъ на необходимость

*) Намекъ на предчувствіе у Грибоѣдова встрѣчается уже въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 30 авг. 1818 г. (см. выше, стр. 117).

удовлетворять справедливыя жалобы жителей присоединенныхъ тогда областей (I, 283—287).

Есть у Грибоѣдова два неоконченныхъ стихотворенія: „Востокъ" и „Домовой", время написанія которыхъ неизвѣстно, но которыя, какъ думаютъ, относятся во всякомъ случаѣ къ послѣднимъ годамъ жизни ихъ автора. Второе изъ нихъ (II, 418), подобно нѣкоторымъ произведеніямъ Пушкина, отличается чисто-народнымъ колоритомъ.

Дѣтушки матушкѣ жаловались,
Спать ложиться закаивались:
Больно тревожитъ насъ дѣдъ-непосѣдъ,
Зла творитъ много, много и множество бѣдъ,
Ступней топочетъ, столами ворочитъ,
Душитъ, навалится, щиплетъ, щекочитъ.

Въ стихотвореніи: „Востокъ" (II, 416 — 417) также есть народныя черты, но намъ кажется, что оно находится къ народнымъ пѣснямъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся къ нимъ и пѣсни Кольцова. Вотъ, напримѣръ, какъ изображена тутъ восточная красавица — княжая дочь:

Теремъ златъ, а въ немъ душа-дѣвица,
Красота, княжая дочь:
Блещетъ взоръ, какъ яркая зарница,
Раздираетъ черну ночь.
Если жъ кровь ея зажжется,
Если вспыхнетъ на лицѣ,
То забудь о матери, отцѣ;
Съ кѣмъ душой она сольется,
Станомъ гибкимъ, гибкими руками
Друга мила обвиваетъ,
Крѣпко жметъ, румяными устами
Жизнь до капли испиваетъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) См. выпускъ VI, стр. 188—190.

[2]) „Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова" (Спб., изд. 1886 г.), т. III, стр. 257.

[3]) „Сочиненія М. Н. Загоскина" (Спб., изд. 1889 г.), т. VI, стр. 23.

[4]) „Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова", т. III, стр. 252—304.

[5]) „Сочиненія М. Н. Загоскина", т. I, стр. III—CXII.

[6]) Тамъ же, стр. VIII-ая.

[7]) Аксаковъ, III, 255.

[8]) Тамъ же.

[9]) См. „Сочиненія М. Н. Загоскина", т. I, стр. VIII-ая.

[10]) См. выпускъ VI, стр. 197—199.

[11]) Аксаковъ, III, 257.

[12]) „Сочиненія М. Н. Загоскина", т. I, стр. LII.

[13]) Аксаковъ, III, 268.

[14]) Тамъ же, 255 и 301.

[15]) Выписки изъ „Путешественника", равно какъ и изъ другихъ произведеній Загоскина, приводимъ по изданію его сочиненій 1889 г. — „Путешественникъ" помѣщенъ въ VII-мъ томѣ.

[16]) „Сѣверный Наблюдатель", ч. I, стр. 195—196.

[17]) Аксаковъ, III, 260.

[18]) Тамъ же.

[19]) „Театральныя сѣни" помѣщены въ VII-мъ т. сочиненій Загоскина.

[20]) Аксаковъ, III, 261.

[21]) См. выпускъ VI, стр. 171—174.

[22]) „Сочиненія М. Н. Загоскина", т. I, стр. LIII.

[23]) Аксаковъ, III, 263.

[24]) См. выпускъ V, стр. 46—47.

[25]) Аксаковъ, III, 265—267.

[26]) См. выпускъ II, стр, 118—119.

[27]) Странно, что о комедіи: „Недовольные" ни Аксаковъ, ни другой біографъ Загоскина ничего не говорятъ, кромѣ заявленія, что она успѣха не имѣла.

[28]) Въ написаніи фамиліи: Хмельницкій (а не Хмѣльницкій) слѣдуемъ Н. Добротворскому, помѣстившему въ декабрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1889 г. свою статью о Хмельницкомъ (главнымъ образомъ его біографію). На первой же страницѣ этой статьи есть слѣдующая выноска:

„Мы пишемъ фамилію Хмельницкій черезъ е, а не черезъ ѣ, потому что такъ писалъ ее самъ Н. И. Хмельницкій, въ чемъ мы могли убѣдиться, просмотрѣвши массу бумагъ, писанныхъ имъ собственноручно во время его губернаторствованія въ Смоленскѣ. Также черезъ е писали эту фамилію: В. Г. Бѣлинскій (Соч., т. IX, 470), И. И. Срезневскій («Историч. обозр. слободской Украины», Харьковъ, 1839 г.), Н. И. Костомаровъ («Руина», «Богданъ Хмельницкій» и проч.); также пишетъ теперь и «Кіевская Старина», авторитетность которой по части южно-русской исторіи можетъ быть принята безспорно. Въ первый разъ буква ѣ появилась въ этой фамиліи въ Смирдинскомъ изданіи «Сочиненій Хмельницкаго» (Спб., 1849 г.), и съ тѣхъ поръ всѣ стали писать въ этомъ словѣ букву ѣ, хотя это рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправдано".

Кромѣ статьи Добротворскаго, есть еще біографія Хмельницкаго, написанная Сергѣемъ Дуровымъ (псевдонимъ дѣвицы-кавалериста Александровой). Она помѣщена при 1-мъ томѣ „Сочиненій Хмельницкаго", изд. Смирдинымъ въ 1849 г. (въ трехъ томахъ). Этимъ изданіемъ мы и пользуемся.

[29]) Статья Добротворскаго, стр. 579.

[30]) Тамъ же, 577.

[31]) Статья Дурова, стр. XX-я.

[32]) Статья Добротворскаго, 578.

[33]) „Исторія русской словесности" И. Порфирьева, ч. II, отдѣлъ 3-й, стр. 241 (Казань, 1891 г.).

[34]) См. выпускъ IV, 36—39.

[35]) „Исторія русской словесности", ч. II, отдѣлъ 3-й, стр. 243.

[36]) Статья Дурова, стр. XXI-я.

[37]) Тамъ же, XVII—XVIII.

[38]) Статья Добротворскаго, 563.

[39]) Тамъ же, 573.

[40]) Тамъ же, 565.

[41]) Статья Дурова, стр. XIII-я.

[42]) Источникомъ для біографіи А. И. Писарева служатъ свѣдѣнія, переданныя о немъ въ „Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ" С. Аксакова, гдѣ они отчасти разбросаны по разнымъ мѣстамъ воспоминаній, а отчасти собраны группами, напримѣръ, въ самомъ концѣ записокъ, на послѣднихъ пяти страницахъ.

[43]) „Литературныя и театральныя воспоминанія" С. Аксакова, стр. 84—85 (Изд. Мартынова, 1886 г. Спб. Томъ IV).

[44]) Тамъ же, 71.

[45]) Тамъ же, 142.

[46]) С. Аксаковъ годъ рожденія Писарева указываетъ—1803-й (стр. 139-я); но едва ли это вѣрно, ибо самъ же онъ на 138-й стр. тѣхъ же воспоминаній говоритъ, что Писаревъ умеръ на 27-мъ году, относя день его смерти къ 15-му марта 1828 года. А днемъ рожденія Писарева было, по указанію Аксакова же, 14-е іюля. Поэтому мы, вмѣстѣ съ Н. Энгельгардтомъ („Исторія русской литературы XIX столѣтія", т. I, 607), относимъ рожденіе Писарева къ 1801-му году.

[47]) „Русскій Архивъ" 1871 г., кн. I, статья: „Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума", стр. 1562.

[48]) См. „Милльонъ терзаній".

[49]) См. статью о Грибоѣдовѣ въ „Очеркахъ по исторіи русской литературы XIX вѣка“ Евг. Соловьева (Андреевича). Спб., 1902 г., стр. 72.

[50]) Біографическій очеркъ Грибоѣдова, написанный проф. Алексѣемъ Николаевичемъ Веселовскимъ и помѣщенный при сочиненіяхъ Грибоѣдова, изданныхъ въ V-мъ томѣ „Русской Библіотеки“. Спб., 1875 г. Типографія Стасюлевича. Второе изд. было въ 1878 г.

[51]) Свѣдѣнія о предкахъ Грибоѣдова напечатаны въ „Москвитянинѣ“ 1856 г., т. III, № 12, въ статьѣ Семевскаго: „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ“.

[52]) Помѣщены въ „Сборникѣ, издан. студентами С.-Петербургскаго университета“, 1860 г., вып. II.

[53]) См. біографическій очеркъ Грибоѣдова, написанный Семевскимъ („Русская Старина“ 1874 г., т. X, № 5, очерка гл. I; окончаніе очерка—въ № 6).

[54]) См. „Біографическія извѣстія о Грибоѣдовѣ“ Д. А. Смирнова въ „Бесѣдахъ въ Общ. Любит. Рос. Словесности“, Москва, 1867 г., вып. I, отд. 2-е, стр. 24—25.

[55]) „Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова“ подъ редакціей Н. А. Шляпкина, т. I, стр. 154.

[56]) См. статью А. И. Смирнова: „А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его: Горе отъ ума“ (въ Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ, 1895 г., т. VI, стр. 3).

[57]) „Сочиненія Батюшкова“, т. I, 109 (изд. 1887 г.) и то же самое въ т. III, 77 (изд. 1886 г.).

[58]) См. выпускъ II, стр. 23.

[59]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 1518.

[60]) У Шляпкина, т. I, „Частная и служебная переписка“, письмо X-е.

[61]) Веселовскій („Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 1518).

[62]) „Сборникъ, издан. студентами С.-Петербургскаго университета“. 1860 г., вып. II.—Что Грибоѣдовъ „зналъ совершенно нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій языки“, объ этомъ говоритъ и Булгаринъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ о Грибоѣдовѣ“ („Сынъ Отечества“ 1830 г., ч. CXXXI, № 1)

[63]) „Русская Старина“ 1874 г., т. X, № 5, очерка гл. II.

[64]) Веселовскій (см. выше примѣч. 50-е).

[65]) „Русская Старина“ (см. выше примѣч. 63-е).

[66]) У Шляпкина, I, письмо VII-е, стр. 165.

[67]) А. И. Смирновъ (см. выше примѣч. 56-е).

[68]) Веселовскій (см. выше примѣч. 50-е).

[69]) Тамъ же.

[70]) У Шляпкина, I, п. XLI, стр. 216.

[71]) Е. В. Пѣтуховъ: „А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея со дня рожденія поэта 5 января 1795 года“. Отдѣльный оттискъ, Кіевъ, 1895 г. (стр. 4).

[72]) Тамъ же.

[73]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I, стр. 1529.

[74]) „Сборникъ, издан. студентами С.-Петербургскаго университета“ 1860 г., вып. II, стр. 236.

[75]) Веселовскій (см. примѣч. 50-е).

[76]) См. у Шляпкина, I, стр. VIII-я.

[77]) У Шляпкина, I, п. X, стр. 169.

[78]) Тамъ же, п. XXII, стр. 189.

[79]) Тамъ же, п. XXIX, стр. 200—201.

[80]) Статья, указанная въ примѣч. 56-мъ, стр. 7.

[81]) У Шляпкина, I, 12.

[82]) Указаніе на *конецъ льта* есть у Семевскаго („Русская Старина" 1874 г., т. X, № 5, очерка гл. I).

[83]) „Сочиненія Батюшкова" 1886 г., т. III, стр. 43.

[84]) Тамъ же, стр. 615.

[85]) У Шляпкина, I, п. XXVII, стр. 197.

[86]) См. тамъ же, п. XXIII, стр. 192.

[87]) Тамъ же, п. XXVIII, стр. 198—199.

[88]) Тамъ же, п. XXIII, стр. 190.

[89]) Тамъ же, п. XIV, стр. 176.

[90]) Тамъ же, п. XII, стр. 172.

[91]) Тамъ же, п. IV, стр. 161.

[92]) Тамъ же, стр. 161—162.

[93]) См. у Шляпкина, т. I, стр. 24 и затѣмъ 350—351.

[94]) Тамъ же, п. VII, стр. 165.

[95]) „Исторія русской литературы", т. IV, стр. 299.

[96]) У Шляпкина, I, п. XXXIX, стр. 215.

[97]) Тамъ же, п. LV, стр. 226.

[98]) См. выпускъ III, гл. III.

[99]) Веселовскій, стр. XXX-я (см. выше примѣч. 50-е).

[100]) У Шляпкина, I, п. III, стр. 160.

[101]) Тамъ же, п. I, стр. 158.

[102]) Подробнѣе см. въ „Хронологической канвѣ" Шляпкина, а также въ біографіяхъ Грибоѣдова, напр. у Веселовскаго, Семевскаго и др. Всѣ онѣ разсказываютъ о дуэли Шереметева со словъ Д. А. Смирнова (см. „Бесѣды въ Общ. Любит. Рос. Слов.", II, 17).

[103]) См. выше, стр. 79.

[104]) У Шляпкина, I, п. IV, стр. 162.

[105]) Тамъ же, стр. 47—48.

[106]) Тамъ же, п. XII, стр. 172.

[107]) Тамъ же, п. XXV, стр. 194.

[108]) См. выпускъ VI, стр. 199 и д.

[109]) У Шляпкина, I, 370.

[110]) Тамъ же, п. XXIII, стр. 190.

[111]) Подробнѣе о критической статьѣ Гнѣдича и объ антикритикѣ Грибоѣдова см. у Шляпкина, т. I, стр. 341—349 и стр. 13—23. Тамъ же помѣщена и самая баллада: „Ольга", стр. 338—341.

[112]) „Сочиненія Батюшкова" 1886 г., т. III, стр. 390—391.

[113]) У Шляпкина, I, п. IV, стр. 161. У него же и рецензія Загоскина (I, 364).

[114]) Весь памфлетъ этотъ помѣщенъ у Шляпкина, II, стр. 41—42.

[115]) См. статью, указанную нами въ примѣч. 52-мъ, или см. у Шляпкина, II, 515—517.

[116]) См. выпускъ III, стр. 48.

[117]) Біографія Грибоѣдова, стр. XVIII (см. выше примѣч. 50-е).

[118]) См. выпускъ VI, стр. 193—194.

[119]) См. у Шляпкина, т. II, стр. 518.

[120]) Біографія Грибоѣдова, стр. XXVI.

[121]) См. выпускъ VI, стр. 194.

[122]) Эти сцены приводимъ по изд. Шляпкина (т. II), какъ и вообще все изъ Грибоѣдова приводимъ по этому изданію.

[123]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., кн. I.

[124]) У Шляпкина, т. I, 83.

[125]) „Исторія русской литературы“, IV, 313.

[126]) У Шляпкина, I, п. VII, стр. 165.

[127]) Тамъ же, п. V, стр. 163.

[128]) См. выше, стр. 87.

[129]) См. выше, стр. 85.

[130]) См. выше, стр. 93.

[131]) У Шляпкина, I, „Путевыя письма“, стр. 30.

[132]) См. выше. стр. 76.

[133]) См. выше, стр. 85 и 113.

[134]) Ст. А. И. Смирнова, стр 89 (помѣщена въ „Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ“; см. выше примѣч. 56-е).—Дневникъ Кюхельбекера (1832—1845 г.) напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1875 г., т. XIII и XIV.

[135]) „Сынъ Отечества“ 1830 г., № 1, стр. 12.

[136]) См. выпускъ VI, стр. 166—167.

[137]) См. у Шляпкина, II, 520.

[138]) Тамъ же, I, п. XVI, стр. 182.

[139]) Тамъ же, I, п. XV, стр. 178.

[140]) У Шляпкина, I, стр. XVII.

[141]) См. выше, стр. 123. Расходятся показанія и относительно мѣста работы Грибоѣдова въ Тульской губерніи: по Лонгинову и Веселовскому, онъ работалъ въ с. Дмитріевскомъ Ефремовскаго уѣзда; между тѣмъ у Шляпкина (I, 383) есть и другое указаніе: имѣнье Бѣгичева — *Екатерининское*. Епифановскаго уѣзда.

[142]) „Русскій Архивъ“ 1874 г., I, стр. 1560.

[143]) См. выше, стр. 112.

[144]) У Шляпкина, I, п. XXI, стр. 185—186.

[145]) У Шляпкина перепечатана вся эта статья (I, 370—376).

[146]) Семевскій, „Русская Старина“ 1874 г., № 6, гл. IV.

[147]) См. у Шляпкина, I, 359.

[148]) См. стр. 19-ю статьи, указанной выше, въ примѣч. 56-мъ.

[149]) См. у Шляпкина, I, 93—107.

[150]) „Русская Старина“ 1874 г., статья Семевскаго, гл. IV.

[151]) См. выше, стр. 133.

[152]) См. выше, стр. 138.

[153]) Разсказы о подробностяхъ ареста передаются не всѣми одинаково (см. у Шляпкина, I, XXIX). Николай Викторовичъ Шимановскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ („Русскій Архивъ“, 1875 г., кн. II, стр. 339—341) между прочимъ говоритъ: „Все, что мнѣ удалось читать печатнаго объ арестѣ Грибоѣдова, все совершенно не такъ. Видно, что это пересказанныя рѣчи. Я буду говорить, какъ очевидный свидѣтель и ручаюсь за сказанное“ (стр. 341).

[154]) О первой встрѣчѣ Грибоѣдова съ Бестужевымъ можно прочесть у Шляпкина, I, XX—XXIII.

155) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Рос. Словесности", II, 20.

156) „Сынъ Отечества" 1830 г., № 1.

157) „Бесѣды въ Обществѣ Любителей Рос. Словесности", II, 27.

158) Подробнѣе см. у Шляпкина, II, 403—404.

159) Статья А. Н. Смирнова, стр. 28 (см. выше примѣч. 56-е).

160) См. выше, стр. 115.

161) См. выше, стр. 114.

162) „Въ память А. С. Грибоѣдова". Рѣчь на актѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ 8 февраля 1879 г. (стр. 1).

163) „А. С. Грибоѣдовъ", стр. 18—19 (см. выше примѣч. 71-е).

5 87

П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VIII.

XVII. А. С. Грибоѣдовъ.

(Окончаніе).

Комедія: „Горе отъ ума“.

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго учебнаго Магазина“: Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.
1904.

П. Смирновскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

Выпускъ VIII.

XVII. А. С. Грибоѣдовъ.

(Окончаніе).

Комедія: „Горе отъ ума“.

Цѣна 80 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе „Петербургскаго Учебнаго Магазина“: Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.
1904.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

		напечатано:	читай:
Стр. 31	строка 23 снизу:	monvements	mouvements
„ 64	„ 13 „	свояченицы	свояченицы
„ 67	„ 17 сверху:	по балетамъ	по билетамъ
„ 120	„ 10 снизу:	Горе отъ	„Горе отъ

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

—

XVII. А. С. Грибоѣдовъ.

(Окончаніе).

Комедія: „Горе отъ ума".

I.

„Горе отъ ума" — не только важнѣйшее произведеніе Грибоѣдова, но и вообще выдающееся. — Самое цѣнное въ немъ — протестующая личность Чацкаго. — Великое воспитательное значеніе комедіи Грибоѣдова. — Ея вѣчный интересъ.

Изъ приведеннаго выше очерка жизни и литературной дѣятельности Грибоѣдова [1]) видно, что это былъ писатель съ большимъ и разностороннимъ дарованіемъ, но обстоятельства дозволили ему оставить потомству только одно крупное и вмѣстѣ съ тѣмъ законченное и художественно-отдѣланное произведеніе. Его по-шекспировски задуманный планъ драмы: „1812-й годъ", которая могла бы имѣть большое общественное и историческое значеніе, а по всей вѣроятности—также и художественное, остался не выполненнымъ; его трагедія: „Грузинская ночь", которой такъ восторгался Гречъ [2]), погибла вмѣстѣ съ нимъ въ Тегеранѣ. Такимъ образомъ, съ именемъ Грибоѣдова приходится связывать представленіе почти исключительно, какъ объ авторѣ комедіи: „Горе отъ ума"; но и ея одной было достаточно, чтобы Грибоѣдовъ могъ стать въ ряды самыхъ выдающихся писателей. Бойкій, живой разговорный языкъ

комедіи, въ которомъ, по выраженію Гончарова, „проза и стихъ слились во что-то нераздѣльное“ [3]), необыкновенная соль сатиры, широкая и въ высокой степени художественная картина нравовъ и превосходная галлерея типовъ, важное историческое значеніе комедіи—все это дѣлаетъ „Горе отъ ума“ чрезвычайно замѣчательнымъ произведеніемъ, справедливо пользующимся большой популярностью. Но самымъ цѣннымъ въ немъ является протестующая горячая и благородная личность Чацкаго. Пока для насъ не важенъ вопросъ, реаленъ ли, или не реаленъ Чацкій, умно ли, или не умно поступаетъ онъ, высказывая свои чувства и мысли передъ такими людьми, какъ Фамусовъ и его окружающіе: важно именно то, что онъ ихъ высказываетъ, важно то, что съ его рѣчами знакомится и читатель и зритель комедіи и поддается ихъ огню и искренности.

Въ комедіи Грибоѣдова все облечено красками времени. Теперь, конечно, нѣтъ людей, выражающихъ желаніе „забрать всѣ книги бы да сжечь“, нѣтъ уже крѣпостныхъ, которыхъ можно продавать или вымѣнивать на борзыхъ собакъ; „никакой Фамусовъ“—какъ сказалъ Гончаровъ—„не станетъ теперь приглашать въ шуты и ставить въ примѣръ Максима Петровича, по крайней мѣрѣ такъ положительно и явно; Молчалинъ, даже передъ горничной, втихомолку, не сознается теперь въ тѣхъ заповѣдяхъ, которыя завѣщалъ ему отецъ“. Но еще есть люди, которые охотнѣе пойдутъ не по той дорогѣ, гдѣ стоитъ столбъ съ надписью, пророчащей путнику: будешь честенъ, но не будешь ни богатъ ни знатенъ, а по той, которая обѣщаетъ всякія внѣшнія блага, хотя и нужно заплатить за нихъ гдѣ низкопоклонствомъ и лестью, гдѣ низкимъ притворствомъ, а гдѣ и прямо крупной сдѣлкой съ своею совѣстью. Или скажемъ еще общнѣе: исчезли тѣ именно Фамусовы и Молчалины, которые были во время Грибоѣдова, но вовсе не исчезла въ людяхъ способность легко поддаваться низменнымъ стремленіямъ и, подъ вліяніемъ увлеченія благами міра сего, забывать о свѣтлыхъ и высокихъ идеалахъ.

Роль Чацкаго тѣмъ и важна, что онъ своимъ протестомъ напоминаетъ объ этихъ идеалахъ. Заявляетъ ли онъ, что ему „прислуживаться тошно“, возмущается ли онъ проповѣдью Фамусова о пользѣ низкопоклонства, говоритъ ли съ негодованіемъ о людяхъ, „грабительствомъ богатыхъ“ и „разливающихся въ пирахъ и мотовствѣ“, — во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ мы становимся на его сторону, чувствуя въ немъ борца за правду, за честное отношеніе къ дѣлу, за права человѣческой личности,

словомъ сказать, чувствуя въ его рѣчахъ то, что Пушкинъ называлъ „божественнымъ глаголомъ“.

Рѣчи Чацкаго, какъ „божественный глаголъ“, не могутъ не имѣть великаго воспитательнаго значенія. „Рѣзкій протестъ его“— говоритъ одинъ изъ нашихъ ученыхъ [4]) — „будетъ воспитывать грядущія русскія поколѣнія, какъ онъ воспитывалъ и ободрялъ насъ и отцовъ нашихъ“. Этотъ же ученый, назвавъ проповѣдь Чацкаго „призывнымъ колоколомъ“ по отношенію къ двадцатымъ годамъ XIX-го столѣтія, высказываетъ въ другомъ мѣстѣ [5]) мысль, что Чацкіе, какъ освѣжающій дождь, были бы особенно полезны для насъ теперь, „въ дни малокровія, равнодушія и безпринципности“. Благодѣтельны они были бы (замѣтимъ мы отъ себя) даже въ томъ случаѣ, если бы выводили хоть только изъ равнодушія къ отступленіямъ отъ свѣтлыхъ идеаловъ, ибо „отъ равнодушія не далеко до порока“, и „кому порокъ не гадокъ, тотъ самъ понемногу втянется“,—говоритъ одинъ изъ героевъ Островскаго [6]).

Рѣчи Чацкаго, понимаемыя въ общемъ ихъ значеніи, т.-е. понимаемыя вообще какъ протестъ противъ темныхъ стремленій, никогда не утратятъ интереса, а съ ними вмѣстѣ не утратитъ его и вся комедія, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока въ людяхъ не исчезнетъ способность отличать свѣтъ отъ мрака. Эту мысль поэтически выразилъ Алексѣй Веселовскій, назвавши „Горе отъ ума“ вѣчно юной красавицей, вдохновенный блескъ очей которой влечетъ за собой впередъ, къ свѣту, всѣхъ, въ комъ не заглохли еще чистыя стремленія [7]).

II.

Чацкій прежде всего — самъ Грибоѣдовъ. — Чацкій вмѣстѣ съ тѣмъ и типъ своего времени. — Какъ слѣдуетъ понимать національзмъ Чацкаго.—Приложимо ли къ Чацкому названіе „декабриста“.

На кого бы изъ своихъ современниковъ ни походилъ Чацкій, онъ прежде всего есть отраженіе личности самого Грибоѣдова.

Почти съ самаго же появленія на сценѣ Чацкій высказываетъ свое недовольство Москвою, начавъ стихами:

Что новаго покажетъ мнѣ Москва?
Вчера былъ балъ, а завтра будетъ два;
Тотъ сватался — успѣлъ, а тотъ далъ промахъ.
Все тотъ же толкъ и тѣ жъ стихи въ альбомахъ—

и затѣмъ продолжая свои насмѣшливые вопросы и замѣчанія относительно знакомыхъ ему лицъ изъ общества и чертъ изъ ихъ быта (Д. I, явл. 7-е.). Грибоѣдовъ, какъ знаемъ, тоже отрицательно относился къ московской жизни: „Въ Москвѣ все не по мнѣ,"—писалъ онъ Бѣгичеву въ августѣ 1818 года:—„праздность, роскошь, не сопряженная ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему,... ни въ комъ нѣтъ любви къ чему-нибудь изящному." Чацкій подробнѣе, конечно, отмѣчаетъ передъ Софьей, отрицательныя черты высшаго московскаго общества и въ свое, какъ выразилась Софья, „гоненье" на Москву включаетъ, между прочимъ, извѣстную выходку противъ нѣмцевъ, которая, какъ опять-таки знаемъ изъ біографіи Грибоѣдова, является вполнѣ въ духѣ автора „Горя отъ ума," однажды заявившаго тому же Бѣгичеву, что онъ „зѣло сердитъ на Петра и его колбасниковъ" [8]).

Выраженіе Чацкаго: „служить бы радъ — прислуживаться тошно," его рѣчи о службѣ „дѣлу, а не лицамъ", его заявленіе, что онъ не мастеръ смѣшивать дѣло съ дурачествомъ,—все это напоминаетъ намъ отношеніе къ службѣ самого Грибоѣдова и его высокій взглядъ на служебный долгъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвращеніе его ко всякому искательству и низкопоклонству — отвращеніе, которое онъ проявилъ еще въ юныхъ годахъ, уклоняясь отъ непрошеныхъ заботъ дяди. Вопросъ Чацкаго, обращенный къ Фамусову (Д. II, явл. 5):

Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?

заключаетъ въ себѣ отзвукъ пережитого самимъ Грибоѣдовымъ, и жаръ, съ которымъ Чацкій возстаетъ противъ низкопоклонства, есть жаръ самого автора комедіи, отличавшагося характеромъ правдивымъ и независимымъ. А. А. Бестужевъ, знавшій Грибоѣдова, даетъ такую его характеристику: „Узы ничтожныхъ приличій были ему несносны потому даже, что онѣ узы. Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать насмѣшки надъ позлащенною и самодовольною глупостью, ни презрѣнія къ низкой искательности, ни негодованія при видѣ счастливаго порока. Кровь сердца всегда играла у него въ лицѣ. Никто не похвалится его лестью; никто не дерзнетъ сказать, будто слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать—никогда. Твердость, съ которою онъ обличалъ порочныя привычки, не смотря на знатность особы, показалась бы инымъ катоновскою суровостью, даже дерзостью" [9]).

Когда Молчалинъ хвалится, что, числясь по архивамъ, онъ получилъ ужъ три награжденья (Д. III, явл. 3), — Чацкій отвѣчаетъ ему насмѣшливымъ вопросомъ:

Взманили почести и знатность?

Далѣе, въ 14-мъ явленіи IV-го дѣйствія, обращаясь съ негодующею рѣчью къ Фамусову, Чацкій на этотъ разъ выставляетъ на видъ не иное что, какъ именно его страстность къ чинамъ *). И это враждебное отношеніе Чацкаго къ чинолюбію, къ погонѣ за внѣшними отличіями, выражающееся у него то ѣдкой насмѣшкой, то негодованіемъ, опять напоминаетъ намъ Грибоѣдова, испытавшаго на себѣ гнетъ заботъ матери и дяди о его чиновничьей карьерѣ и съ горькимъ чувствомъ видѣвшаго, что въ окружавшемъ его обществѣ люди оцѣнивались не по ихъ внутреннимъ достоинствамъ, а по ихъ внѣшнему положенію. Еще въ 1818 г. онъ жаловался, что въ Москвѣ смотрѣли на него тогда лишь какъ на хорошо пристроившагося чиновника, который можетъ со временемъ попасть въ статскіе совѣтники, а больше въ немъ ничего видѣть не хотѣли [10]). Мысль, что среди Фамусовыхъ, Скалозубовъ и Молчалиныхъ „достоинство цѣнится въ прямомъ содержаніи къ числу орденовъ и крѣпостныхъ рабовъ,“ высказанная Грибоѣдовымъ въ 1826 г. [11]), была у него, конечно, и раньше.

Горячее сочувствіе Чацкаго тѣмъ молодымъ людямъ, которые, будучи „врагами исканій, не требуя ни мѣстъ ни повышенья въ чинъ, вперяли въ науки свой алчущій познаній умъ,“ или проникались „жаромъ къ искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ“ (Д. II, явл. 5),—это сочувствіе было характерной чертой и самого автора комедіи. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ радовался онъ, когда узналъ, что В. Ѳ. Одоевскій сталъ увлекаться философіей Шеллинга, и какъ старался подогрѣвать это увлеченіе своего друга, напоминая ему, что умственныя занятія „всякой жизни придаютъ высокое значеніе“ [12]). Вспомнимъ и взглядъ его на поэзію, выраженный имъ въ заключительныхъ стихахъ къ „Прологу Фауста,“ въ которыхъ душа поэта названа имъ „престоломъ“ Бога [13]).

Чацкій близокъ къ Грибоѣдову и по своему отношенію къ крѣпостничеству.

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово: рабъ,—

---

*) А вы, сударь, отецъ, вы, страстные къ чинамъ...

сказалъ Грибоѣдовъ въ своемъ извѣстномъ экспромтѣ [14]). Финалъ его драмы: „1812-й годъ,“ если бы она была написана, былъ бы, какъ мы уже говорили, однимъ изъ сильнѣйшихъ криковъ сердца противъ крѣпостничества [15]). Врагомъ рабства является Грибоѣдовъ и въ своей трагедіи: „Грузинская ночь“ [16]). Чацкій, правда, заводитъ рѣчь о крѣпостныхъ лишь мимоходомъ, но тѣмъ не менѣе видно, что онъ глубоко возмущается такими явленіями, какъ промѣнъ людей на борзыхъ собакъ или распродажа поодиночкѣ „отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей“ (Д. I, явл. 5).

Но особенно близокъ Чацкій къ Грибоѣдову, когда онъ произноситъ свой монологъ въ концѣ третьяго дѣйствія: „Французикъ изъ Бордо...“ и пр. Грибоѣдовъ, называя верхній слой русскаго общества „поврежденнымъ классомъ полу-европейцевъ,“ любилъ простой народъ нашъ и противополагалъ его тѣмъ, кого называлъ людьми испорченными, какъ это видно и изъ его плана драмы: „1812-й годъ“ и изъ его „Загородной поѣздки“ [17]). Чацкій тоже симпатизируетъ простому народу, называетъ его „умнымъ“ и „добрымъ“ и тоже, очевидно, противополагаетъ его тому такъ называемому образованному классу, въ которомъ заѣзжій французикъ „ни звука русскаго ни русскаго лица не встрѣтилъ.“ Грибоѣдовъ, какъ ясно изъ той же „Загородной поѣздки“ и изъ свидѣтельства Булгарина [18]), скорбѣлъ о той розни, которая легла между народомъ и образованнымъ классомъ. Отзвуки этой скорби слышны и въ рѣчи Чацкаго, когда онъ говоритъ:

Воскреснемъ ли когда отъ чужевластья модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ
Хотя по языку насъ не считалъ за нѣмцевъ.

Грибоѣдовъ, какъ извѣстно и изъ писемъ его и изъ сочиненій, любилъ и уважалъ нашу старину; она производила на него какое-то особенное обаяніе [19]). Отношеніе Чацкаго къ нашей старинѣ достаточно характеризуется уже тѣмъ, что онъ называетъ ее „святою.“ Даже пресловутому сѣтованію Чацкаго на обмѣнъ старинной „величавой“ одежды на другую „по шутовскому образцу“—есть нѣчто соотвѣтствующее у самого Грибоѣдова: въ „Загородной поѣздкѣ“ есть одно мѣсто, изъ котораго можно усмотрѣть симпатичное отношеніе автора къ русской старинной одеждѣ. Мы напомнимъ читателю это мѣсто: „я“—говоритъ Грибоѣдовъ—„съ голосистыхъ пѣвцовъ свелъ глаза на слушателей—наблюдателей... Имъ казалось дико все, что слышали, что видѣли: ихъ сердцамъ эти звуки невнятны, *эти наряды для нихъ странны.*

Какимъ чернымъ волшебствомъ сдѣлались мы чужіе между своими!“ [20])

Нельзя также не видѣть самого Грибоѣдова въ Чацкомъ и тогда, когда этотъ послѣдній осмѣиваетъ вздорное либеральничанье „пустомели“ Репетилова и его сотоварищей по „секретнѣйшему союзу“ (Д. IV, явл. 4). Грибоѣдовъ, говорившій съ насмѣшкой: „сто человѣкъ прапорщиковъ хотятъ измѣнить весь государственный бытъ Россіи,“ [21]) а позднѣе написавшій свое отчасти укорительное письмо къ декабристу А. И. Одоевскому [22]), ужъ конечно не могъ спокойно выслушивать болтовню такихъ либераловъ, какъ Репетиловъ.

Наконецъ желаніе Чацкаго въ минуту острой душевной боли бѣжать отъ людей и искать уединенія — желаніе, выразившееся въ его восклицаніи (Д. IV, явл. 24):

Бѣгу, не оглянусь, пойду искать по свѣту,
Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!

и эта черта напоминаетъ Грибоѣдова: по крайней мѣрѣ письмо его изъ Ѳеодосіи отъ 12 сентября 1825 года и нѣкоторыя мѣста изъ другихъ его писемъ и путевыхъ записокъ указываютъ, что онъ, вообще не любившій одиночества, стремился уходить отъ людей въ минуты сильныхъ душевныхъ страданій [23]). Замѣтимъ еще, что какъ у Чацкаго, такъ и у самого Грибоѣдова такія страданія могли сопровождаться чѣмъ-то похожимъ на мизантропію. Чацкій въ предпослѣднемъ явленіи IV-го дѣйствія говоритъ, что онъ готовъ

И на *весь міръ* излить всю желчь и всю досаду.

Въ письмѣ къ Бѣгичеву отъ 4 января 1825 г. Грибоѣдовъ, подъ вліяніемъ чрезвычайнаго обостренія страданій, восклицаетъ: „Какой міръ! Кѣмъ населенъ! И какая дурацкая его исторія!“ [24])

Такимъ образомъ между Чацкимъ и Грибоѣдовымъ замѣчательное сходство: сходны какъ ихъ воззрѣнія и чувства, ихъ симпатіи и антипатіи, такъ и многія черты самой ихъ духовной организаціи. Поэтому-то проф. Веселовскій имѣлъ основаніе сказать: „Да, Чацкій дѣйствительно точный портретъ Грибоѣдова. Его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ“ [25]).

Въ другомъ мѣстѣ Веселовскій прибавляетъ: „Современное намъ поколѣніе свыкается наконецъ съ мыслью о субъективномъ значеніи „Горя отъ ума“; замолкаютъ недоумѣвающіе вопросы: развѣ въ жизни самого Грибоѣдова было что-нибудь похожее на

соперничество съ Молчалинымъ, столкновеніе съ Фамусовымъ, сплетню о сумасшествіи; какъ будто необходимо буквальное сходство фабулы съ личною жизнью!—Нѣтъ, *не было* этого эпизода въ жизни Грибоѣдова, хотя сотни разъ долженъ былъ онъ лично испытывать и видѣть, что «Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ;» не говорилъ онъ «собору всѣхъ сѣдыхъ» въ салонѣ дяди именно того, что бѣситъ Фамусовскую клику, но всю жизнь говорилъ правду въ глаза людямъ... Въ рѣчахъ Чацкаго трепещетъ такое искреннее волненіе, какое, при всемъ умѣньѣ автора вживаться въ характеры дѣйствующихъ лицъ, могла вдохнуть въ героя комедіи лишь страстная личная убѣжденность самого писателя. Иной разъ безотчетно мы поддаемся этой искренности, словно заслушавшись горячихъ, блестящихъ, часто нетерпимыхъ рѣчей сатирика и испытавъ очарованіе, о которомъ говорятъ Пушкинъ, Бестужевъ, Полевой. Намъ дороги даже преувеличенія, полемическій задоръ, поспѣшные приговоры сгоряча, скачки и быстрые переходы въ темпѣ рѣчи, то чувствительной, то насмѣшливой,—вѣдь и это личныя свойства творца Чацкаго“ [26]).

Имѣя субъективное значеніе, какъ отраженіе личности самого Грибоѣдова, Чацкій вмѣстѣ съ тѣмъ является и типомъ извѣстной части молодежи его времени,—той части, мысли и чувства которой отразились въ уставѣ „Союза Благоденствія“.

Этотъ уставъ, какъ и Чацкій, проникнутъ враждой ко всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые вредятъ „благу общему“. Изъ нихъ уставъ отмѣчаетъ между прочимъ „предпочтеніе личныхъ выгодъ общественнымъ“, „лихоимство“, „жестокость съ подвластными“. Онъ обязываетъ членовъ Союза искоренять „духъ раболѣпствія и властолюбія многихъ согражданъ“, „склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію“, „истреблять продажу крѣпостныхъ людей“, особенно „продажу ихъ поодиночкѣ“. Уставъ Союза указываетъ на необходимость добросовѣстнаго служенія своему отечеству и укоряетъ тѣхъ, кто смотритъ на службу лишь какъ на средство „для полученія только званій въ обществѣ“ или „для постыднаго насчетъ ближняго обогащенія“. Уставъ предлагаетъ членамъ Союза „дѣятельное злу противоборствіе“, при чемъ средствами для этого противоборствія служатъ, по указанію устава, не только извѣстнаго рода дѣятельность и личный примѣръ, но и живое, горячее слово, обращенное къ людямъ, зараженнымъ пороками, а иногда и посмѣяніе“ [27]).

Мы говорили, что Чацкій особенно близокъ къ Грибоѣдову, когда онъ произноситъ свой монологъ: „Французикъ изъ Бордо...“ Этотъ же монологъ чрезвычайно сближаетъ Чацкаго и съ духомъ устава Союза Благоденствія. Въ уставѣ рекомендуется членамъ Союза „быть особеннымъ образомъ привержену ко всему отечественному“. Нѣсколько далѣе говорится, что членъ Союза долженъ „показывать всю нелѣпую приверженность къ чужеземному и худыя сего слѣдствія“.

Дѣйствительно, сопоставьте выраженіе устава: „быть особеннымъ образомъ привержену ко всему отечественному“ съ словами Чацкаго:

Пускай меня отъявятъ старовѣромъ,
Но хуже для меня нашъ Сѣверъ во сто кратъ
Съ тѣхъ поръ, какъ отдалъ все въ обмѣнъ на новый ладъ:
И нравы, и языкъ, и старину святую,
И величавую одежду на другую
По шутовскому образцу...

и вы увидите, что и то и другое проникнуто однимъ и тѣмъ же духомъ.

Но какое же истинное значеніе этихъ словъ? И неужели въ рѣчи Чацкаго слѣдуетъ видѣть проповѣдь *полнаго* разобщенія нашего съ Западомъ, какъ это предполагали нѣкоторые, подкрѣпляя свою мысль ссылкой на желаніе Чацкаго:

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ?

Чтобы добраться до истиннаго смысла этихъ рѣчей, надо брать ихъ не отдѣльно, а въ связи со многимъ другимъ.

Начнемъ съ просмотра писемъ и записокъ самого Грибоѣдова. Просматривая ихъ, мы видимъ, что авторъ комедіи вовсе не былъ доволенъ *всѣмъ* отечественнымъ. Вотъ его замѣчанія, приводимыя нами въ хронологическомъ порядкѣ (по изданію Шляпкина).

„Что происходитъ въ вашемъ ученомъ и неученомъ мірѣ?“ (пишетъ онъ Катенину изъ Тавриза, въ 1820 г.). „Въ мое время, если бы возможность была массу свѣдѣній нашихъ литераторовъ, академиковъ, студіозовъ и профессоровъ раздѣлить поровну нашимъ людямъ съ *талантомъ*, врядъ ли бы на каждаго пришлось постольку, чему Ланкастеръ учитъ: читать и писать — и то плохо“ (I, 172).

Бѣгичеву, 1825 г.: „Скоро буду старъ и глупъ, какъ всѣ мои благородные современники“ (I, 193). Тутъ же Грибоѣдовъ называетъ современную ему Россію „трясиннымъ государствомъ“, конечно, въ томъ смыслѣ, что пошлая жизнь общества могла легко засасывать молодыхъ людей. Но авторъ письма прибавляетъ: „Не отчаивайся, другъ почтенный, я еще не совсѣмъ погрязъ“...

Катенину, 1825 г.: „Сдѣлай одолженіе, рѣшись обратиться съ просьбою прямо къ государю. Кромѣ собственной его души, ни на чью здѣсь не надѣйся, никто за брата родного не похлопочетъ“ (I, 199).

В. Ѳ. Одоевскому, 1825 г.: „Охота же такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости; между тѣмъ тебѣ отвѣчать будутъ и самого вынудятъ за брань отплатить бранью. Борьба ребяческая, школьная. Какое торжество для тѣхъ, которые отъ души желаютъ, чтобы отечество наше оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ!!!“ (I, 203).

Въ письмѣ къ Бѣгичеву изъ Екатериноградской станицы того же 1825 г. наше просвѣщеніе Грибоѣдовъ называетъ „барабаннымъ“: „пускаюсь въ Чечню... Теперь это меня нѣсколько занимаетъ—борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ“ (I, 213).

Въ итогѣ выходитъ, что Грибоѣдовъ недоволенъ умственнымъ и нравственнымъ состояніемъ современнаго ему русскаго общества. Онъ, повидимому, съ большой невыгодой для этого общества сопоставлялъ его съ западнымъ. Слѣды такого сопоставленія въ отношеніи внѣшней культуры и образованности есть въ письмахъ и запискахъ Грибоѣдова. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ изъ Ѳеодосіи 1825 г. онъ сопоставляетъ прочныя сооруженія прежней Кафы съ нашими однодневными мазанками (I, 208). Въ письмѣ къ Катенину 1824 г. есть фраза, характеризующая взглядъ автора на степень образованности въ Германіи: „нѣмецъ—слѣдовательно ученый человѣкъ“ (I, 191). Что же касается западной нравственности, — правда, — у Грибоѣдова встрѣчаются кое-гдѣ мѣста съ отрицательнымъ къ ней отношеніемъ, какъ, напримѣръ, въ его путевыхъ запискахъ 1819 г., гдѣ онъ съ негодованіемъ говоритъ объ англичанинѣ Дур-гиль-бредѣ и о тѣхъ бродящихъ иностранцахъ стараго времени, которые въ нашихъ теремахъ пили, ѣли, разживались и, возвратясь къ своимъ, ругательствомъ платили русскимъ за русское хлѣбосольство (I, 41). Но въ общемъ Грибоѣдовъ, какъ видно изъ тѣхъ же записокъ,

вовсе не склоненъ былъ соглашаться съ тѣми моралистами, которые слишкомъ пессимистически смотрѣли на европейскіе нравы (I, 47).

Въ концѣ концовъ современное ему русское общество Грибоѣдовъ называлъ „поврежденнымъ классомъ полу-европейцевъ" (I, 108), и такимъ названіемъ онъ хотѣлъ сказать, конечно, что оно и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи ниже общества европейскаго.

Теперь интересенъ вопросъ: не видѣлъ ли Грибоѣдовъ какихъ-либо средствъ для поднятія умственнаго и нравственнаго уровня нашего общества?—Судя по всему, такимъ средствомъ онъ прежде всего находилъ *образованность*—и былъ недоволенъ слишкомъ малою степенью распространенія ея въ современномъ ему обществѣ. Даже о самой Москвѣ онъ говоритъ, что тамъ царили „праздность, роскошь, несопряженныя ни съ малѣйшимъ чувствомъ къ чему-нибудь хорошему" (I, 168). Затѣмъ Грибоѣдовъ требовалъ того, что слѣдуетъ, кажется намъ, назвать *возвращеніемъ общества къ единенію съ своимъ народомъ*. Такъ надо думать во-первыхъ на основаніи той жалобы Грибоѣдова на нашу рознь съ народомъ, которая высказана имъ въ „Загородной поѣздкѣ" (I, 108), а во-вторыхъ на основаніи сохраненныхъ Булгаринымъ словъ его: „Я хочу быть русскимъ" (I, XXXIV).

Требованіе единенія съ народомъ, предъявляемое человѣкомъ, который говорилъ, что „финны и тунгусы скорѣе пріемлются въ наше общество, становятся выше насъ, дѣлаются намъ образцами, а народъ единокровный, нашъ народъ разрозненъ съ нами" (I, 108), весьма понятно: оно вызвано крайностями нашего тогдашняго отношенія къ иностранцамъ и иностранному, съ одной стороны, и крайностями отношенія къ народу и народному — съ другой стороны.

А на умственныя и нравственныя силы русскаго народа Грибоѣдовъ смотрѣлъ очень высоко и любилъ противополагать народную массу тому высшему слою, который онъ называлъ поврежденнымъ классомъ полу-европейцевъ. Вспомните его планъ драмы: „1812-й годъ". Вотъ еще доказательство высокаго взгляда Грибоѣдова на духовныя силы нашего народа: характеризуя Ермолова (въ п. къ Кюхельбекеру 1825 г.), онъ говоритъ: „какой нашъ старикъ чудесный... ты не повѣришь, какъ онъ занимателенъ, сколько свѣжихъ мыслей, глубокаго познанія людей всякаго разбора; остроты разсыпаются полными горстями; ругатель безжалостный, но патріотъ, высокая душа; замыслы и способности точно государственные — истинно русская, мудрая голова" (I, 211).

Итакъ, Грибоѣдовъ съ одной стороны желалъ, чтобы въ русскомъ обществѣ какъ можно больше распространялась европейская образованность, а съ другой, чтобы оно знало и понимало свой народъ—и „хотѣло быть русскимъ", какъ хотѣлъ того по отношенію къ себѣ самъ Грибоѣдовъ.

Ни въ сочиненіяхъ ни въ письмахъ Грибоѣдова нѣтъ прямыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы ясно видѣть, какъ именно представлялъ онъ себѣ соединеніе въ русскомъ человѣкѣ европейскаго съ національнымъ. Напротивъ, у Грибоѣдова есть много такого, что, будучи сопоставлено одно съ другимъ, трудно примиряется другъ съ другомъ. Какъ, напримѣръ, примирить желаніе его, чтобы отечество не оставалось въ вѣчномъ младенчествѣ, съ отрицательнымъ отношеніемъ его къ Петру I, котораго онъ же въ другомъ мѣстѣ причисляетъ къ числу „исполиновъ" нашей исторіи? Очевидно, что Грибоѣдовъ говорилъ часто или въ раздраженіи, или сгоряча, увлекаясь. Онъ, напримѣръ, очень любилъ нашу старину, изучалъ ее. Подъ вліяніемъ ненависти къ окружавшей его галломаніи, эта любовь къ старинѣ легко могла доходить тоже до крайности, до идеализаціи. Такъ, въ „Загородной поѣздкѣ" онъ идеализируетъ жизнь нашихъ прежнихъ разбойниковъ.

„Пѣсни не умолкали; затянули: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ*; молодые пѣвцы присѣли на дернъ и дружно грянули въ ладоши, подражая мѣрнымъ ударамъ веселъ; двое на ногахъ оставались: атаманъ и есаулъ. Былыя времена! какъ живо воскрешаетъ васъ въ моей памяти эта народная игра: тотъ вѣкъ необузданной вольности, въ которой нѣсколько удальцовъ бросались въ легкіе струги, спускались внизъ по протоку Ахтубѣ, по Бузанъ-рѣкѣ, дерзали въ открытое море, брали дань съ прибрежныхъ городовъ и селеній, не щадили ни красоты дѣвичьей ни сѣдины старческой, а, по словамъ Шардена *), въ роскошномъ Фирузъ-Абатѣ угрожали блестящему двору шаха Аббаса. Потомъ, обоготясь корыстями, несмѣтнымъ числомъ тканей узорчатыхъ, серебра и золота, и жемчуга окатнаго, возвращались домой, гдѣ ожидали ихъ любовь и дружба; ихъ встрѣчали съ шумною радостью и славили въ пѣсняхъ" (I, 109).

Всѣ подобныя проникнутыя лиризмомъ мѣста, равно какъ и такія выраженія, какъ „нѣмецкіе колбасники" или „быть нѣмцемъ—очень глупая роль на семъ свѣтѣ"—все это есть свое

*) Путешественникъ XVII-го вѣка.

образный протестъ той „жалкой тошнотѣ по старинѣ чужой", на которую указываетъ Чацкій. Выходкамъ противъ нѣмцевъ не мѣшаетъ оставаться таковымъ протестомъ предположеніе, что нелюбовь къ нимъ (нѣмцамъ) имѣетъ свое начало еще въ обстоятельствахъ дѣтской жизни Грибоѣдова [28]).

Но какъ ни много у Грибоѣдова мѣстъ, сказанныхъ сгоряча, должны же мы предположить, что у него былъ какой-нибудь болѣе или менѣе опредѣленный идеалъ такого русскаго человѣка, который былъ бы полною противоположностью тѣмъ, кого онъ называлъ поврежденными полу-европейцами. Можно, кажется намъ, остановиться на слѣдующемъ предположеніи. Идеаломъ человѣка, стоящаго вполнѣ на уровнѣ современной ему европейской образованности и въ то же время отличающагося чисто русскою душою, человѣка, проникнутаго глубокимъ и разумнымъ чувствомъ патріотизма, человѣка не оторваннаго отъ своего народа, — идеаломъ такого человѣка можно признать Ломоносова. Замѣчательно, что въ самую ту пору, когда Грибоѣдовъ усиленно работалъ надъ своей комедіей, воображеніе его было занято тѣмъ исполиномъ,

Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ [29]).

Передъ этимъ исполиномъ, очевидно, благоговѣлъ и самъ Грибоѣдовъ. Отсюда недалеко до предположенія, что Ломоносовъ могъ быть его идеаломъ. А если это такъ, то всякій, кто знакомъ съ личностью знаменитаго „сына рыбака", характеръ національзма Грибоѣдова можетъ представить себѣ съ достаточной ясностью. Этотъ національзмъ вовсе не исключалъ нашего общенія съ Европой, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы русскій образованный человѣкъ оставался въ такой же степени русскимъ, въ какой былъ Ломоносовъ, умѣвшій совмѣстить въ себѣ и европейскаго ученаго и горячаго патріота, хорошо знавшаго Россію и радѣвшаго о ея интересахъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ.

Такъ какъ Чацкій есть отраженіе личности Грибоѣдова, то понятно, что національзмъ его такой же точно, какъ и національзмъ автора комедіи. Чацкій тоже негодуетъ на нашу современную ему „жалкую тошноту по сторонѣ чужой", соединенную съ „нечистымъ духомъ пустого, рабскаго, слѣпого подражанья". На его глазахъ французикъ изъ Бордо приходитъ въ восторгъ, что въ русскомъ обществѣ не встрѣтилъ „ни звука русскаго ни рус-

скаго лица"; въ его ушахъ раздаются оханья и стоны: „Ахъ! Франція! Нѣтъ въ мірѣ лучше края!" — и онъ въ раздраженіи рекомендуетъ хоть у китайцевъ занять намъ нѣкоторую долю ихъ незнанья иноземцевъ. Все это чувства самого Грибоѣдова, но выражены они устами Чацкаго съ большею горячностью, съ большимъ раздраженіемъ. Источникомъ ихъ служитъ то же желаніе, чтобы русское общество было русскимъ..

Но, совѣтуя намъ занять у китайцевъ только *нѣкоторую* долю изъ консерватизма, является ли Чацкій проповѣдникомъ полнаго нашего отчужденія отъ Европы? — Конечно, нѣтъ. Чацкій недоволенъ не только слѣпою и рабскою подражательностью современнаго ему русскаго общества, но и „подлѣйшими чертами" его житья. Эти черты имѣли своимъ корнемъ ту степень невѣжества, при которой любая книга наводитъ сонъ, или, что еще хуже, на книги смотрятъ, какъ на нѣчто вредное, почему Фамусовъ и говоритъ: „забрать всѣ книги бы да сжечь". Чацкій, горячій поклонникъ наукъ и искусствъ, конечно, какъ и самъ Грибоѣдовъ, лѣкарствомъ противъ „подлѣйшихъ чертъ" житья признавалъ образованіе, и именно то образованіе, которое шло къ намъ съ Запада. Онъ самъ причисляетъ себя къ числу той молодежи, которая алчетъ познаній и находитъ наслажденіе въ занятіяхъ науками. Отсюда можно придти къ заключенію, что и у Чацкаго идеаломъ русскаго человѣка былъ типъ, который всего легче характеризовать сравненіемъ его съ Ломоносовымъ.

Національзмъ Чацкаго былъ типичнымъ для извѣстнаго кружка его времени. Уставъ „Союза Благоденствія", требуя отъ членовъ „приверженности ко всему отечественному", предписывалъ имъ въ то же время „всѣми силами попирать невѣжество и, обращая умы къ полезнымъ знаніямъ, стараться водворить истинное просвѣщеніе" [30]). Какъ то, такъ и другое требованіе вытекало изъ глубокаго чувства патріотизма. Лучшіе представители молодого поколѣнія десятыхъ и двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія имѣли случай сравнивать наше общество съ западнымъ: въ послѣднемъ они находили и гораздо большую образованность и несравненно большую степень народнаго самосознанія. Побывавшую за границей молодежь особенно раздражала готовность тогдашняго русскаго общества жертвовать своей самобытностью въ угоду модѣ и обезличиваться ради того, чтобы уподобиться французамъ; ее раздражала наша готовность не только слѣпо преклоняться предъ всѣмъ иностраннымъ, но и отречься

отъ всего національнаго. А между тѣмъ эта молодежь побѣдоносно вступила въ Парижъ и считала себя и вообще Россію освободительницей Европы. Ей больно было видѣть, какъ русское общество само себя принижало и не умѣло оцѣнить Россіи, не интересовалось ни ея исторіей, ни ея стариною, держало свой народъ въ рабствѣ и смотрѣло на него съ презрѣніемъ. Патріотизмъ этой молодежи отличался возвышеннымъ характеромъ: Союзъ Благоденствія „въ святую себѣ вмѣнялъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена". Патріотизмъ этотъ былъ разумный, но горячій. Горячность, повышаемая еще досадой при видѣ нашей тогдашней „жалкой тошноты по сторонѣ чужой" и вообще всего того, что дѣлало русское общество нерусскимъ, разумѣется, могла вызывать крайности и въ самой этой молодежи: она идеализировала нашу старину, сгоряча говорила, что слѣдуетъ быть привержену ко *всему* отечественному, а иногда доходила, какъ Чацкій, даже до нападокъ на фраки *). Но откиньте всѣ тѣ крайности, которыя говорились сгоряча и въ раздраженіи,—и вы и въ самомъ Грибоѣдовѣ, и въ Чацкомъ, и въ той

---

*) Впрочемъ, нападки на фраки имѣли тогда нѣкоторое основаніе. Изъ „Воспоминаній Ю. К. Арнольда" (помѣщ. въ „Рус. Архивѣ" 1891 г., кн. II, № 7) узнаемъ слѣдующее. Вернувшимся изъ заграничнаго похода офицерамъ гвардейскаго корпуса дано было разрѣшеніе носить внѣ службы статское платье. Очень многіе изъ нихъ нарядились во фраки. Это тотчасъ же повліяло на другихъ — и фракъ сдѣлался единственной приличной одеждой. Особенно защеголяли „петиметры". „Фраковъ"—говоритъ Арнольдъ—„надлежало петиметру имѣть не менѣе трехъ: одинъ для утренняго выхода по дѣламъ или съ визитами; это было «habit pour aller en ville». Принятымъ для него цвѣтомъ, по законамъ моды, считался зеленый... Къ dîner en ville нельзя было иначе явиться, какъ во фракѣ синяго (indigo) или темно-лазуреваго цвѣта (azur de Naples). Для баловъ, а равно для траурныхъ церемоній, были обязательны фраки чернаго цвѣта... Формою своею фраки не походили уже на придворные кафтаны времени императора Павла Петровича. Фалды сзади, правда, были довольно широкія, но заднія пуговицы помѣщались немного выше естественной таліи, а начало рукава отдѣлялось отъ плеча нѣсколько возвышавшимся буффомъ. Суживавшіеся къ концу рукава доходили только до кистей рукъ и застегивались тамъ тремя мелкими пуговицами. Довольно широкій отворотный воротникъ прикрывалъ почти плотно всю заднюю часть шеи... Спереди фракъ доходилъ не ниже діафрагмы, такъ что изъ-подъ прямой линіи его обрѣза виднѣлся, вершка на три, изъ свѣтлой шелковой матеріи жилетъ"...

молодежи, которая была проникнута духомъ устава „Союза Благоденствія“, увидите такихъ разумныхъ и благородныхъ патріотовъ, какихъ пожелаете, конечно, видѣть побольше и въ наше время.

Правда, изъ рядовъ передовой молодежи двадцатыхъ годовъ вышли декабристы, но не вся же она обратилась въ декабристовъ, и намъ кажется, что проф. Веселовскій, говоря, будто Грибоѣдовъ въ лицѣ Чацкаго изобразилъ декабриста, допускаетъ неточность [31]). Это названіе не приложимо къ Чацкому, какъ не приложимо оно ни къ самому Грибоѣдову, ни къ тѣмъ изъ числа передовой молодежи, которые остались вѣрными духу устава „Союза Благоденствія“. Послѣдній, какъ мы знаемъ, оставался на совершенно мирной почвѣ и даже запрещалъ членамъ „Союза“ вступать въ какія бы то ни было общества, правительствомъ не одобренныя [32]). Что Грибоѣдовъ не былъ декабристомъ, объ этомъ мы уже говорили и въ его біографіи и въ этой книжкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сопоставляли его личность съ личностью Чацкаго [33]). А такъ какъ Чацкій есть, съ одной стороны, выразитель личности Грибоѣдова, а съ другой — онъ представитель той именно молодежи, мысли и чувства которой отразились въ уставѣ уже не разъ упомянутаго „Союза“—то стало быть и онъ не могъ быть декабристомъ. Да и гдѣ же въ комедіи, въ какомъ ея мѣстѣ тѣ рѣчи Чацкаго, за которыя его можно причислить къ декабристамъ, къ членамъ общества Сѣвернаго или Южнаго, или общества „Соединенныхъ славянъ?“ [34]).

Проф. Веселовскій замѣчаетъ, что въ 4-мъ явленіи IV-го дѣйствія Чацкій, осмѣивая Репетилова, „нападаетъ собственно на наивность пріемовъ *хора* конспираторовъ въ родѣ князь-Григорія, Левона, Бореньки и остальной *умной* компаніи Репетилова“, и прибавляетъ, что въ этой сценѣ „нѣтъ ни одного намека на главныя личности союза, и насмѣшка распространяется лишь на «рѣшительныхъ людей», которые шумятъ, шумятъ — и только“. Этимъ проф. Веселовскій какъ бы хочетъ сказать, что тѣмъ „конспираторамъ“, которые не только шумѣли, но и собирались дѣйствовать, Чацкій сочувствовалъ. Вотъ съ этимъ-то и нельзя согласиться. Во-первыхъ, отсутствіе намека на главныхъ заговорщиковъ еще не есть доказательство сочувствія ихъ намѣреніямъ; а во-вторыхъ,—и это самое важное,—мы имѣемъ письмо Грибоѣдова къ А. И. Одоевскому, изъ котораго совершенно ясно, какъ относился авторъ комедіи къ событію 14-го декабря. А самъ же

проф. Веселовскій сказалъ, что „Чацкій точный портретъ Грибоѣдова“, и что „его рѣчей, его стремленій и понять нельзя безъ помощи постояннаго сличенія съ оригиналомъ“.

III.

Чацкій и Альцестъ Мольера. — Первое явленіе перваго дѣйствія комедіи „Мизантропъ“—Дальнѣйшее содержаніе этой комедіи.—Указаніе проф. Веселовскаго, какъ надо понимать слово „мизантропъ“ въ примѣненіи къ Альцесту. — Его же общая характеристика типа мизантропа-печальника.— Сходство между Альцестомъ и Чацкимъ. — Причина этого сходства.—Черты изъ жизни Мольера, сходныя съ чертами изъ жизни Грибоѣдова. — Альцестъ, какъ и Чацкій, имѣя субъективное значеніе, является вмѣстѣ съ тѣмъ и извѣстнымъ типомъ своего времени. — Вліяніе Мольера на Грибоѣдова.— Степень оригинальности „Горя отъ ума“.—Особенности, отличающія Чацкаго отъ Альцеста. Мысль о нѣкоторомъ сходствѣ Чацкаго съ Гамлетомъ.

Чацкаго обыкновенно сопоставляютъ съ Альцестомъ, главнымъ героемъ комедіи Мольера: „Мизантропъ“. И дѣйствительно, между ними много сходства, но объясняется оно не заимствованіемъ, а тѣмъ, что авторы обоихъ произведеній находились въ сходныхъ обстоятельствахъ — и внѣшнихъ и внутреннихъ. Мольеръ (1622—1673) жилъ въ эпоху, когда французское общество было нравственно очень испорчено. Онъ, прекрасно для своего времени образованный и начитанный, проникнутый высокими нравственными убѣжденіями, не могъ, подобно нашему Грибоѣдову, не возмущаться окружавшими его пороками, особенно пороками придворнаго общества, его мелкими интригами, его фальшивостью и нравственной неразборчивостью,—и свой страстный протестъ онъ излилъ въ знаменитой комедіи: „Мизантропъ“, въ которой Альцестъ прежде всего имѣетъ такое же субъективное значеніе, какъ и протестующая личность Чацкаго.

Обратимся къ комедіи Мольера. Вотъ дѣйствующія въ ней лица:

Альцестъ, влюбленный въ Селимену.
Филэнтъ, другъ Альцеста.
Оронтъ, влюбленный въ Селимену.
Селимена.
Эліанта, кузина Селимены.
Арсиноя, подруга Селимены.
Акастъ, *Клитандръ* — маркизы.
Баска, служанка Селимены.
Чиновникъ маршальскаго вѣдомства Франціи.
Дюбуа, слуга Альцеста.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, въ домѣ Селимены.

Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Характеръ Альцеста обнаруживается въ первомъ же явленіи перваго дѣйствія; это явленіе,

кстати сказать, представляетъ собою одно изъ лучшихъ мѣстъ „Мизантропа"; мы приведемъ его цѣликомъ, въ переводѣ П. В. Пальтеля [35]).

Филэнтъ и Альцестъ.

Фил. Что съ вами?
Альц. Ахъ, оставьте, надоѣло!
Фил. Да въ чемъ, скажите, дѣло?
Альц. Оставьте, говорю, и дайте мнѣ покой!
Фил. Но не мѣшаетъ выслушать порой
Безъ гнѣва...
Альц. Нѣтъ, я гнѣву волю дамъ
И слушать не хочу!..
Фил. Но наконецъ и самъ
Готовъ изъ первыхъ я, хоть мы друзья...
Альц. (*быстро вскакивая съ мѣста*).
Друзья!? И я вашъ другъ! Прошу забыть меня;
Изъ списковъ вычеркните *это* слово:
Я *былъ* вашъ другъ, любилъ васъ, какъ родного,
И дружбой вашею гордился я.
Васъ разгадавъ теперь, я знать васъ не хочу—
Въ сердцахъ порочныхъ мѣста не ищу!
Фил. Но въ чемъ моя вина? Чѣмъ согрѣшилъ? когда?
Альц. Да вамъ сгорѣть бы со стыда!
Нельзя не осудить такого поведенья,
И честный человѣкъ къ нему питать
Лишь можетъ чувство отвращенья!
Помилуйте! Едва по имени назвать
Вы мнѣ могли того,
Кого сейчасъ въ объятьяхъ вы душили
И цѣловали вы кого;
Кому услуги предложили
И въ дружбѣ вѣчной горячо клялись!
И не было конца восторгамъ и хваламъ;
Потокомъ, лавою слова лились...
Вотъ другъ! подумалъ я. И что жъ? Едва онъ вамъ
Знакомъ; едва ушелъ—
И ужъ забытъ, весь пылъ къ нему прошелъ.
Постыдно, чертъ возьми, душою такъ кривить
И лицемѣріемъ себя позорить и клеймить!
Когда бы, по несчастію, хоть разъ
Я нравственно такъ низко палъ,—
Подобно вамъ притворствовалъ бы, лгалъ,
Я съ горя бы повѣсился тотчасъ.
Фил. Позвольте, случай вовсе не таковъ,
Чтобъ висѣлицу заслужить;
Вашъ безпощаденъ приговоръ, суровъ—
Прошу слегка его смягчить.
Казнь смертную хоть ссылкой замѣнить.

Альц. Не остроумно вы изволите шутить!
Фил. Хотѣлось бы однако знать,
Какъ вообще людей, знакомыхъ какъ встрѣчать?
Альц. Быть искреннимъ во всемъ, и никогда
Словъ не ронять пустыхъ, правдивымъ быть всегда.
Фил. Но развѣ за привѣтъ, приличіемъ согрѣтый,
Не слѣдуетъ платить такою же монетой?
И за готовность намъ услуги оказать—
Своихъ не предлагать? *)
Альц. Невыносимы для меня
Манеры, тонъ всѣхъ свѣтскихъ модниковъ
И раболѣпство всѣхъ угодниковъ.
Я ненавижу ихъ кривлянья,
Объятія, лобзанья, изліянья,
Игру лица, бровей и глазъ,
Потокъ трескучихъ пошлыхъ фразъ.
Будь честный человѣкъ, плутъ или мотъ—
Одинъ и тотъ же всѣмъ пріемъ, почетъ!
Что пользы въ томъ, что васъ ласкаютъ,
Клянутся въ вѣрности и въ дружбѣ увѣряютъ?
Не оскверненіе ль то чувствъ всѣхъ дорогихъ,
Завѣтныхъ, чистыхъ и святыхъ?
И на словахъ кому та преданность нужна?
Какая дружбѣ той цѣна,
Когда мы ею безъ разбора
Мошенника, отъявленнаго вора,
Равно какъ и людей почтеннѣйшихъ даримъ,
Имъ одинаково и руки жмемъ и льстимъ?
Гдѣ преимущество заслуги, гдѣ оно?
И въ чемъ искать его?
Когда мы уважаемъ всѣхъ равно,
То въ сущности мы въ грошъ не ставимъ никого.
За вѣкомъ *вы* идете, несомнѣнно,
И, какъ болото, васъ онъ засосалъ;
Скажу вамъ откровенно—
Другъ круга *вашего* не есть мой идеалъ.
Фил. Но въ обществѣ живя большого свѣта,
Должны же мы приличья соблюдать,
Обычаемъ...
Альц. Кто станетъ отрицать!
Но мнѣ противна ложь и дружба эта.
Я лицемѣрье осуждаю;

*) Въ подлинникѣ:

Philinte. Lorsqu'un homme vous vient embrasser avec joie,
Il faut bien le payer de la même monnoie,
Répondre, comme on peut, à ses empressements,
Et rendre offre pour offre et serments pour serments.

Коль честный человѣкъ—презрѣнье негодяю!
Вѣдь низко чувствами играть,
Ихъ комплиментами, какъ маской, прикрывать!
Фил. Но откровенность иногда смѣшна;
Всегда ли позволительна она?
Мы ею озадачимъ, удивимъ;
Вѣрнѣй, когда на днѣ души таимъ,
Что думаемъ о ближнемъ, о родныхъ.
Какъ это съ вашей строгою моралью
Не шло бъ въ разрѣзъ! Сказать, примѣрно, вралю,
Что гадокъ онъ, а тысячѣ другихъ
Все то, что думаешь о нихъ?
Альц. Ну да!
Фил. Эмиліи рискнете вы сказать,
Что страсть бѣлилами лицо разрисовать,
Въ ея года, лишь возбуждаетъ смѣхъ?
Альц. Всенепремѣнно!
Фил. Сказали бъ Дориласу откровенно,
Что онъ въ гостиныхъ, при дворѣ, въ народѣ
Разсказами о знатномъ своемъ родѣ,
О храбрости своей—давно всѣмъ надоѣлъ,
Намъ уши всѣ пропѣлъ?
Альц. Ну, разумѣется!
Фил. Вы шутите!
Альц. Ничуть.
Кого щадить, о комъ жалѣть?
И при дворѣ и внѣ его, какъ поглядѣть,
Все оскорбляетъ глазъ, терзаетъ грудь,
И желчь кипитъ во мнѣ... Измученъ я тоской,
Когда среди мерзавцевъ нахожу
Людей съ умомъ и съ честью и съ душой *).
Терпѣть нѣтъ силъ, я въ ярость прихожу:
Вездѣ встрѣчаю лесть, измѣну, плутовство
И кривосуда торжество.
Съ порокомъ сдѣлокъ нѣтъ; я не мирюсь съ судьбой,
Весь міръ готовъ на смертный вызвать бой!

---

*) Въ подлинникѣ:

Alceste. Je ne me moque point;
Et je vais n'épargner personne sur ce point.
Mes yeux sont trop blessés, et la cour et la ville,
Ne m'offrent rien qu'objets à m'échauffer la bile;
J'entre en une humeur noire, en un chagrin profond,
Quand je vois vivre entre eux les hommes comme ils font;
Je ne trouve partout que lâche flatterie,
Qu'injustice, intérêt, trahison, fourberie;
Je n'y puis plus tenir, j'enrage; et mon dessein,
Est de rompre en visière à tout le genre humain.

Фил. Скажу—философъ вы довольно дикій;
Вашъ сильный гнѣвъ, негодованья крики
Меня смѣшатъ. Одни и тѣ же вѣдь начала,
Одна наука насъ обоихъ воспитала —
А смотримъ разно мы на жизни всѣ явленья;
Мы словно братья тѣ, что „Школою мужей..."
Альц. Нелѣпое сравненье!.. *)

---

*) *Примѣчаніе переводчика.* Мольеръ цитируетъ свою собственную пьесу: „Ecole des maris"—„Школа мужей". Въ этой комедіи выведены два различныхъ типа, противоположные характеры двухъ братьевъ. Старшій, Сганарель, отличается нетерпимостью, ворчливъ, деспотъ, эгоистъ и скряга; младшій, Аристъ, уступчивъ, щедръ и гуманенъ. Между Сганарелемъ и Альцестомъ глубокая пропасть. Правда, оба недовольны, но чѣмъ и какъ? Альцестъ искрененъ, прямодушенъ, всѣми силами души ненавидитъ ложь, развратъ, низкопоклонство, интригу, лесть, бездарность, дутый успѣхъ, карьеризмъ. Его скорбь законна. Онъ глубоко страдаетъ, какъ мыслитель, какъ человѣкъ и гражданинъ. Одинъ лучъ освѣщаетъ густой окружающій его мракъ—его любовь къ Селименѣ. Своимъ чувствомъ онъ надѣется очистить, возродить эту умную красавицу-кокетку. Его любовь — единственное звено, удерживающее его отъ разрыва съ жизнью. Въ семьѣ онъ мнитъ найти удовлетвореніе, покой, быть можетъ,—и счастье, котораго онъ напрасно искалъ при дворѣ и въ свѣтѣ. Сганарель — пошлякъ, скаредный старикъ, который держитъ въ затворничествѣ свою молодую воспитанницу и котораго всѣ дѣйствія и помыслы направлены къ одной грязной цѣли: во что бы то ни стало жениться на этой дѣвушкѣ, питающей къ нему неодолимое отвращеніе. „Нелѣпое сравненье!" замѣчаетъ Альцестъ, — и оскорбительное, прибавимъ отъ себя. Въ этихъ двухъ словахъ Мольеръ высказываетъ свое глубокое сочувствіе къ герою комедіи. Альцестъ... да это самъ Мольеръ, только возведенный въ общій, безсмертный типъ, опередившій столѣтіями свой вѣкъ—Мольеръ, рафинированный, очищенный въ горнилѣ униженій и страстей, не знающій никакихъ сдѣлокъ съ жизнью, ненавидящій своей великой душой блестящій дворъ деспота Людовика XIV, всѣ торжествовавшія въ литературѣ бездарности. Альцестъ—это Мольеръ, глубокій мыслитель, критикъ и поэтъ; это вѣчный укоръ, вызовъ всей тогдашней богатой интеллигентной Франціи, да и всему міру, за тѣ нравственныя страданія и униженія, которыя, въ историческомъ ходѣ событій, претерпѣвалъ человѣкъ, отмѣченный печатью свыше, претерпѣвалъ геній. Альцестъ — это олицетвореніе тонкой мести, протестъ передъ потомствомъ, передъ человѣчествомъ истиннаго величія духа противъ мишуры и позолоченной грязи вѣка. Недаромъ Вольтеръ называлъ „Мизантропа" „le chef d'oeuvre du haut comique", а величайшій геній Германіи — Гёте — дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о Мизантропѣ: „Ernstlich beschaue man den Misanthrope und frage sich, ob jemals ein Dichter sein Inneres vollkommener und liebenswürdiger dargestellt hat."—И какъ ничтоженъ въ сравненіи съ Альцестомъ Филэнтъ съ его покладистой натурой, съ его холоднымъ анализомъ, эгоистическимъ, расчетливымъ умомъ и житейской мудростью, выражающейся въ золотомъ принципѣ посредственности—„laisser faire, laisser passer".

Фил. Безсмысленъ вашъ задоръ,
И не смутите имъ вы совѣсти ничьей!
Своимъ стараніямъ наперекоръ,
Какъ ни браните нравы вѣка,
Ни одного вамъ не исправить человѣка.
Посмѣшищемъ ужъ стали вы людей
Съ гражданской скорбію своей.
Альц. Тѣмъ лучше, чертъ возьми! Я этого желаю;
Я очень радъ, и такъ людей я презираю,
Что я съ досады бы завылъ,
Когда бъ у нихъ я умникомъ прослылъ.
Фил. И противъ всѣхъ людей такое озлобленье?
Альц. Я ненавижу страстно всѣхъ.
Фил. И ненависть свою, безъ исключенья,
Распространили также вы на тѣхъ,
Которые ни въ чемъ...
Альц. Я отвращенье
Ко всѣмъ рѣшительно питаю,
Всѣхъ ненавижу, презираю:
Тотъ золъ, а этотъ злымъ кадитъ,
Иль равнодушно, безъ негодованья,
Безъ ужаса, безъ содроганья
На подлости людей, на злобу ихъ глядитъ.
Вотъ вамъ примѣръ.
Вы тяжбу знаете мою. Противникъ мой
Извѣстный плутъ и темныхъ дѣлъ герой,
Разбойникъ, лицемѣръ;
Но вкрадчивость его манеръ
И голосъ ласковый всѣмъ въ душу проникаетъ,
Да кто его не знаетъ!
Въ обманъ ввести онъ можетъ лишь того,
Впервые видитъ кто его *).
И этотъ негодяй,—его бы задушить,
Какъ гада раздавить,—
Путемъ интригъ нашелъ секретъ
Пробраться ко двору, въ большой втереться свѣтъ.
Онъ роскошью и блескомъ окруженъ;
Наружно всѣми онъ почтенъ;
Въ заслугѣ ропотъ возбуждаетъ,
Краснѣть невинность заставляетъ.
Порока полное мы видимъ торжество.
И именемъ, какимъ хотите,
Его пятнайте и клеймите:
Зовите подлецомъ,
Канальей, наглецомъ,—

*) Въ подлинникѣ:
Et ses roulements d'yeux et son ton radouci
N'imposent qu'à des gens qui ne sont pas d'ici.

Никто за честь не вступится его,
Никто не возразитъ,
Не защититъ;
Согласенъ всякій съ отзывомъ такимъ —
И все-таки заигрываютъ съ нимъ!
Его вездѣ съ поклонами встрѣчаютъ,
Ему улыбки расточаютъ.
Глядишь—сумѣлъ онъ обойти
Достойнѣйшихъ людей, и новый путь найти
Къ отличьямъ и чинамъ,
Почетнымъ званіямъ, мѣстамъ.
Душа болитъ, и гнѣвъ растетъ въ груди моей,
И хочется бѣжать мнѣ отъ людей
Въ пустыню, въ глушь искать забвенья
Отъ мерзости, отъ жизни треволненья! *)

Фил. Какъ строго судите вы нравы вѣка!
Забыли вы природу человѣка.
Къ ихъ слабостямъ явите снисхожденье,
Участіе и кротость и терпѣнье.
Къ намъ добродѣтели суровый идеалъ
Глубокой древности куда какъ не присталъ,
И совершеннымъ смертный долженъ быть,
Чтобы въ согласьи, въ мирѣ съ нею жить:
Намъ добродѣтель мягкая нужна,
И ярко лишь тогда свѣтъ мудрости сіяетъ,
Когда трезва, умѣренна она
И крайностей не знаетъ.
Безумьемъ было бы мечтать—
Исправить міръ, его пересоздать.
Неладнымъ кое-что и я вѣдь нахожу;
Но въ ярый гнѣвъ не прихожу:
Къ погрѣшностямъ людскимъ я привыкаю,
И думаю—моя и флегма и терпѣнье
Разумнѣй вашей желчи раздраженья.

Альц. И вы бъ остались равнодушны
И правиламъ своимъ послушны,
Когда бы изъ друзей вамъ лучшій измѣнилъ;
Когда бы вашу честь пятналъ кто и чернилъ,
Иль на добро бы ваше посягали,
Васъ бы опутали и обобрали?

Фил. Я говорю—пороки вѣка
Присущи волѣ слабой человѣка.
И то, что васъ такъ въ людяхъ возмущаетъ:
Неправосудіе и пошлости глупцовъ,

---

*) Въ подлинникѣ:

Et parfois il me prend des mouvements soudains
De fuir dans un désert l'approche des humains.

Подлогъ, корысть—меня не больше оскорбляетъ,
Чѣмъ коршуновъ голодныхъ плотоядность,
Злость обезьянъ и бѣшенство волковъ
Иль тигра кровожадность.
Альц. Ну что за вздоръ! Терпѣть измѣну долженъ я,
И съ равнодушіемъ взирать,
Какъ будутъ обирать
И мучить и терзать меня!
И мнѣ не смѣть... Нѣтъ, спорить не хочу,
Я замолчу!
Фил. И въ добрый часъ!
Молчанье—золото для васъ.
Поменьше вы противника браните,
Побольше времени вы тяжбѣ удѣлите.
Альц. Къ чему?
Фил. Ходатай есть? И кто же онъ?
Альц. Смыслъ здравый, право и законъ.
Фил. Ни одного судьи не посѣтите?
Альц. Нѣтъ! Дѣло правое мое.
Фил. Какой надеждою себя вы льстите!
Противникъ вашъ хитеръ, и происки его...
Альц. Для выигрыша дѣла моего
Ни шагу. Правъ я, или нѣтъ...
Фил. Напрасно!
Альц. Я съ честью дѣйствую согласно.
Фил. Но сторона противная сильна;
Пронырствомъ, подкупомъ она
Рѣшится смѣло...
Альц. Пускай!
Фил. Но проиграете вы дѣло!
Альц. Такой исходъ порадуетъ меня.
Фил. Но наконецъ...
Альц. Поздравлю я себя!
Я буду знать, что люди такъ подлы,
Испорчены, безбожны и наглы,
Что съ грязью истину смѣшали,
Что совѣстью своей публично торговали!
Фил. Вотъ человѣкъ!
Альц. Радъ дѣло проиграть,
Я разориться радъ, лишь только бъ доказать—
Я въ ненависти правъ своей,
И вѣренъ взглядъ мой на людей.
Фил. Но ваша логика странна,
Ее всѣ осмѣютъ.
Альц. Тѣмъ хуже для того, кому она смѣшна!
Фил. Но эту прямоту,
Корректность, простоту,
Которой идеалъ вы носите въ себѣ
И ищете во всемъ, вездѣ—

Вы обрѣли въ возлюбленной своей?!
Дивлюсь, какъ это вы, живя среди людей,
Которыхъ низменной считаете толпой
И ненавидите душой—
Дивлюсь, что вы у нихъ какъ-разъ
Заимствовали то, что вашъ чаруетъ глазъ!
А выборъ? Эліанта къ вамъ склонна,
Добра и искренна она,
Васъ цѣнитъ, уважаетъ.
Къ вамъ чувство нѣжное Арсиноэ питаетъ,
Такъ ласково на васъ, умильно такъ глядитъ;
Но ваше сердце къ нимъ обѣимъ не лежитъ:
Запуталось оно въ тенетахъ Селимены,
Чей колкій умъ и острый язычокъ
Такъ безпощадны, *современны*,
Такъ къ нравамъ нашимъ подошли... *)
Громите вы, бичуете порокъ
И недостатки всѣхъ другихъ—
Не видите лишь ихъ
Вы въ той, кого прелестною нашли!
Или считаете возможнымъ ихъ прощать,
Забыть и извинять?
Альц. Нѣтъ! Страсть меня не ослѣпляетъ,
На слабости ея глаза не закрываю:
Я первый вижу ихъ—и первый осуждаю.
Меня одно лишь обвиняетъ:
Я человѣкъ, я слабъ—
И красоты ея ничтожный рабъ.
Я недостатки всѣ ея браню—
И противъ воли я ее люблю.
Но чувство сильное мое, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
Ее переродитъ.
И въ пламени любви моей сгоритъ
Порочность милой, вѣка наслоенье.
Фил. Любовь возвыситъ Селимену,
Въ ней вызоветъ такую перемѣну?!
Вы подвигъ истинный свершите.
Но не мечтой себя вы льстите?
Увѣрены вы въ томъ, что любитъ *васъ* она,
И что любовь ея сильна,
Что дороги вы ей?
Альц. Ее бы я любилъ,
Когда бы самъ ей не былъ милъ?!
Фил. Но почему
Поклонниковъ толпа васъ такъ тревожитъ?
Ошибся я, быть можетъ?

---

*) Въ подлинникѣ:

De qui l'humeur coquette et l'esprit médisant
Semblent si fort donner dans les moeurs d'à présent.

Альц. Да просто потому,
Что безраздѣльно одному
Любовь должна принадлежать.
Фил. Что до меня, когда бъ хотѣлъ себя связать
Я узами святыми Гименея,
То ужъ, конечно, въ ней я
Не сталъ бы счастія искать.
На Эліанту палъ бы выборъ мой,
По ней вздыхалъ бы я одной.
Альц. Все это такъ, безспорно:
Разсудокъ каждый день мнѣ то же говоритъ,
Но сердце бѣдное страдаетъ и молчитъ...
Увы, любовь разсудку не покорна!
Фил. Боюсь...

Уже въ этомъ первомъ явленіи мы видимъ въ Альцестѣ горячаго поборника правды. Но тутъ Альцестъ только высказываетъ свои взгляды; въ слѣдующемъ явленіи онъ уже дѣйствуетъ. Оронтъ, имѣющій большое значеніе при дворѣ, обращается къ нему заискивающимъ образомъ и проситъ прослушать сочиненный имъ сонетъ, посвященный одной дамѣ. Сонетъ очень дуренъ, но Филэнтъ, чтобы угодить придворному, расхваливаетъ его произведеніе, а Альцестъ рѣзко критикуетъ его и возмущается поступкомъ Филэнта. Оронтъ уходитъ разозленный.

Въ этой сценѣ есть между прочимъ указаніе на литературные вкусы Альцеста. Критикуя сонетъ Оронта, онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: „Этотъ образный слогъ, которымъ такъ тщеславятся, лишенъ оригинальности и правды. Это только игра словъ, чистая аффектація. Такъ природа никогда не говоритъ. Дурной вкусъ нашего времени въ этомъ отношеніи заставляетъ меня пугаться. Наши предки были совсѣмъ грубы, но куда какъ превосходили насъ въ этомъ смыслѣ! Все, чѣмъ такъ восхищаются въ наше время, я ставлю гораздо ниже старинной пѣсни, которую сейчасъ вамъ (т.-е. Оронту) прочту“. Альцестъ читаетъ эту пѣсню и затѣмъ, сопоставивъ ея искренность, простоту, естественность съ искусственностью и напыщенностью сонета, прибавляетъ: „мнѣ это больше нравится, чѣмъ блескъ фальшивыхъ брилліантовъ“.

Въ третьемъ явленіи Филэнтъ упрекаетъ Альцеста за его откровенность, говоря, что ею онъ „навязалъ себѣ на шею непріятное дѣло“. Слова и образъ мыслей Филэнта вызываютъ сильнѣйшее раздраженіе въ поборникѣ правды.

Эти три явленія составляютъ содержаніе перваго дѣйствія. Во второмъ выступаетъ на сцену Селимена. На словахъ она

увѣряетъ Альцеста, что онъ ею любимъ, а на дѣлѣ кокетничаетъ со всѣми, и между прочимъ—съ Клитандромъ и Акастомъ. Альцестъ укоряетъ ее въ кокетствѣ и легкомысліи. „Скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, сударыня",—спрашиваетъ онъ Селимену,—„благодаря чему собственно вашъ Клитандръ имѣетъ счастіе такъ нравиться вамъ? На какихъ большихъ заслугахъ, на какой высокой добродѣтели основана честь, которую вы ему дѣлаете, относясь къ нему съ уваженіемъ? Не благодаря ли длинному ногтю на его маленькомъ пальцѣ онъ обязанъ вниманіемъ, которымъ вы его дарите? Или вы заодно съ высшимъ свѣтомъ признаете блестящія заслуги за его бѣлокурымъ парикомъ? Не огромные ли ботфорты заставляютъ васъ любить его? Не привлекаетъ ли онъ васъ множествомъ своихъ лентъ? Можетъ быть, онъ плѣнилъ ваше сердце своими панталонами? Или, быть можетъ, тайна побѣды надъ вами кроется въ его способѣ смѣяться, въ его фистулѣ?"—На всѣ эти ѣдкіе вопросы, которыми однако прекрасно характеризуется пустота Клитандра, Селимена отвѣчаетъ: „Какъ несправедливо вы его подозрѣваете! Развѣ вы не знаете, что я должна его щадить, такъ какъ онъ обѣщалъ расположить въ пользу моего процесса всѣхъ своихъ друзей?" — Это притворство, это расточеніе ласки изъ-за корыстныхъ цѣлей бѣситъ Альцеста, а все-таки онъ не можетъ справиться съ своимъ сердцемъ, и съ досадой говоритъ Селименѣ: „Чертъ возьми, слѣдуетъ ли мнѣ васъ любить? Да если бы мнѣ можно было вырвать свое сердце изъ вашихъ рукъ, я благодарилъ бы небо за это рѣдкое счастіе! Я этого не скрываю, я дѣлаю все возможное для того, чтобы освободить свое сердце отъ страшныхъ узъ. Однако всѣ мои необычайныя усилія ни къ чему не привели до сихъ поръ, и я васъ люблю — въ наказаніе за свои грѣхи". Далѣе свое вниманіе къ Акасту Селимена объясняетъ желаніемъ пріобрѣсти его благосклонность. „Благосклонность такихъ людей, какъ онъ (Акастъ), — говоритъ она Альцесту, — имѣетъ большое значеніе. Это именно тѣ люди, которые — не знаю почему—пріобрѣли право громко говорить при дворѣ. Они вмѣшиваются во всякіе разговоры. Принести вамъ пользу они не принесутъ, но повредить вамъ могутъ. Какова бы ни была поддержка, которую могутъ оказать другіе, никогда не слѣдуетъ ссориться съ этими необычайными болтунами". Такимъ образомъ практическая философія Селимены нѣсколько роднитъ ее съ Филэнтомъ. — Затѣмъ слѣдуетъ сцена, въ которой Селимена, Клитандръ и Акастъ, какъ говорится, перебираютъ косточки своимъ

знакомымъ: всѣмъ достается. Альцестъ, слушая эту злую болтовню, наконецъ замѣчаетъ: „Ну-ка, еще, ненадежные друзья! Вы никого не щадите, и каждому достается отъ васъ на орѣхи. Тѣмъ не менѣе пусть кто-нибудь изъ нихъ покажется вамъ на глаза, и вы тотчасъ поспѣшно броситесь ему на встрѣчу, вы протянете ему руки и льстивыми поцѣлуями подтвердите клятву въ готовности оказывать ему услуги".

Въ концѣ дѣйствія входитъ чиновникъ маршальскаго вѣдомства и проситъ Альцеста явиться къ маршаламъ по дѣлу съ Оронтомъ, стихи котораго Альцестъ не похвалилъ. Альцестъ уходитъ, но говоритъ, что онъ никогда не будетъ подлъ и угодливъ. Филэнтъ, вѣрный своей житейской морали, совѣтуетъ ему быть нѣсколько уступчивѣе.

Третье дѣйствіе посвящено главнымъ образомъ обрисовкѣ придворныхъ лицъ. Такъ, въ первомъ его явленіи, въ лицѣ Акаста, очерчено глупое самодовольство одного изъ типовъ высшаго круга. Клитандръ, обращаясь къ Акасту, говоритъ: „Дорогой маркизъ, я вижу, что ты въ хорошемъ настроеніи духа. Все тебѣ нипочемъ, и ничто тебя не безпокоитъ. Скажи-ка пожалуйста, безъ самообмана, есть ли у тебя серьезное основаніе быть веселымъ". — Акастъ на это отвѣчаетъ:

„Поразмысливъ, я, право, не вижу, что собственно должно меня печалить. Я богатъ, молодъ, принадлежу къ дому, могущему нѣкоторымъ образомъ считать себя знатнымъ, а благодаря рангу, доставляемому мнѣ моимъ именемъ, очень мало найдешь должностей, которыхъ мнѣ нельзя было бы занять. Что касается мужества, представляющаго для насъ особенно большую цѣну, то нечего скрывать, въ немъ у меня нѣтъ недостатка. Люди видѣли, съ какою смѣлостью я исполнилъ довольно серьезное и смѣлое дѣло. Что до ума, то онъ у меня есть, безъ всякаго сомнѣнія; есть также хорошій вкусъ, чтобы судить и разсуждать обо всемъ, не вдаваясь въ подробное изученіе дѣла; чтобы сидѣть на театральныхъ новинкахъ, которыя обожаю; съ ученымъ видомъ знатока критиковать ихъ въ общихъ чертахъ и рукоплескать всѣмъ красивымъ мѣстамъ, заслуживающимъ рукоплесканій. Я довольно ловокъ. У меня приличная внѣшность, въ особенности—хорошіе зубы и очень изящная фигура. Что касается искусства хорошо одѣваться, то, безъ всякой для себя лести, скажу, что довольно странно было бы оспаривать его у меня. Ко мнѣ относятся съ величайшимъ уваженіемъ, я любимъ женщинами и даже самимъ королемъ. Думаю, мой дорогой мар-

кизъ, что въ виду этого можно быть довольнымъ самимъ собою, гдѣ угодно".

Этотъ очеркъ Акастова самодовольства указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и то, каковы были идеалы того круга, къ которому принадлежалъ Акастъ.

Далѣе у Мольера приведенъ примѣръ фальши и притворства. Селимена, въ разговорѣ съ Акастомъ, описываетъ Арсиною въ самыхъ темныхъ краскахъ и такъ заканчиваетъ свое описаніе: „Это — наглая въ высшей степени женщина". Но едва произнесла она эти слова, входитъ Арсиноя—и Селимена расточаетъ передъ ней свои любезности. „Ахъ",—говоритъ она,—„что за счастливый случай приводитъ васъ сюда? Скажу безъ притворства, сударыня, я о васъ безпокоилась... Ахъ, Боже мой, какъ я рада васъ видѣть!"

Въ слѣдующей сценѣ, въ которой остаются только Арсиноя и Селимена, изображено тонкое умѣнье женщинъ-соперницъ, подъ видомъ самаго теплаго участія, высказывать все то, чѣмъ хочется уязвить соперницу, бросить ей въ лицо десятки упрековъ, указать ей ея недостатки — и все это въ видѣ дружескаго предостереженія, якобы „продиктованнаго привязанностью къ ея интересамъ". Однако притворный тонъ, подъ вліяніемъ задѣтаго самолюбія, не выдерживается до конца, и обѣ соперницы мало-помалу переходятъ къ открытой войнѣ. Сцена эта такъ хороша, что мы приводимъ ее въ переводѣ и въ подлинникѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Арсиноя, Селимена.

. . . .

Арсиноя. Сударыня, дружба обнаруживается больше всего въ такихъ вещахъ, которыя могутъ намъ принести ущербъ. И такъ какъ для насъ нѣтъ ничего болѣе значительнаго, чѣмъ честь и доброе имя, то я совѣтомъ, касающимся вашей чести, хочу доказать чувства дружбы, которыя питаю къ вамъ. Я была вчера у весьма почтенныхъ людей, гдѣ между прочимъ зашла рѣчь и

Arsinoé. Madame, l'amitié doit surtout éclater
Aux choses qui le plus nous peuvent importer;
Et comme il n'en est point de plus grande importance
Que celles de l'honneur et de la bienséance,
Je viens, par un avis qui touche votre honneur,
Témoigner l'amitié que pour vous a mon coeur.
Hier j'étois chez des gens de vertu singulière,

о васъ, и тамъ, къ несчастію, не похвалили вашего страннаго поведенія. Всѣ эти люди, окружающіе васъ, сударыня, ваша любезность съ ними, шумъ, вызываемый вами, — все это нашло больше порицателей, чѣмъ было бы нужно, и подверглось значительно болѣе строгому сужденію, чѣмъ мнѣ бы это хотѣлось. Вы легко можете себѣ представить, на чью сторону я стала! Я сдѣлала все возможное для того, чтобы защитить васъ. Я оправдывала вашъ образъ мыслей и хотѣла поручиться за ваше сердце. Но вамъ извѣстно, что есть въ жизни вещи, которыхъ даже при лучшемъ желаніи нельзя извинить, и мнѣ пришлось согласиться, что вашъ образъ жизни вамъ нѣсколько вредитъ, что онъ бросаетъ на васъ тѣнь въ глазахъ свѣта, что о васъ ходятъ повсюду непріятные слухи и что, если бы вы только захотѣли, ваше поведеніе могло бы давать меньше поводовъ къ дурнымъ сужденіямъ. Не то, чтобы я считала вашу порядочность нарушенною! Да хранитъ меня Богъ отъ подобной мысли! Но если есть хотя бы тѣнь преступленія, то ужъ ему легко вѣрятъ. Недостаточно жить въ свое удовольствіе. Сударыня, я считаю васъ слишкомъ разсудительною женщиною для того, чтобы вы истолковали мой совѣтъ

Où sur vous du discours on tourna la matière;
Et là votre conduite, avec ses grands éclats,
Madame, eut le malheur qu'on ne la loua pas.
Cette foule de gens dont vous souffrez visite,
Votre galanterie, et les bruits qu'elle excite
Trouvèrent des censeurs plus qu'il n'auroit fallu
Et bien plus rigoureux que je n'eusse voulu.
Vous pouvez bien penser quel parti je sus prendre;
Je fis ce que je pus pour vous pouvoir défendre.
Je vous excusai fort sur votre intention,
Et voulus de votre ame être la caution.
Mais vous savez qu'il est des choses dans la vie
Qu'on ne peut excuser quoiqu'on en ait envie;
Et je me vis contrainte à demeurer d'accord
Que l'air dont vous vivez vous faisoit un peu tort;
Qu'il prenoit dans le monde, une méchante face;
Qu'il n'est conte fâcheux que partout on n'en fasse;
Et que, si vous vouliez, tous vos déportements
Pourroient moins donner prise aux mauvais jugements.
Non que j'y croie au fond l'honnêteté blessée;
Me préserve le ciel d'en avoir la pensée!
Mais aux ombres du crime on prête aisément foi,
Et ce n'est pas assez de bien vivre pour soi.
Madame, je vous crois l'ame trop raisonnable,
Pour ne pas prendre bien cet avis profitable,

въ дурную сторону и не усмотрѣли въ немъ тайнаго порыва души, продиктованнаго привязанностью къ вашимъ интересамъ.

Селимена. Сударыня, мнѣ остается принести вамъ глубочайшую благодарность. Подобный совѣтъ меня обязываетъ къ признательности, и, далекая отъ мысли истолковать его въ дурную сторону, я въ свою очередь отблагодарю васъ совѣтомъ, касающимся вашей чести. Такъ какъ я вижу, что вы выдаете себя за мою подругу, сообщая о распространяемыхъ относительно меня слухахъ, то я, съ своей стороны, могу послѣдовать вашему прекрасному примѣру и сообщу вамъ также, что говорятъ о васъ. Въ одномъ мѣстѣ, куда я однажды пришла съ визитомъ, было нѣсколько чрезвычайно почтенныхъ людей. Они говорили о настоящемъ благочестіи и коснулись при этомъ также и васъ, сударыня. Эти люди не отнеслись къ вашему благочестію и порывамъ души, какъ къ образцовымъ. Вашъ искусственно-серьезный видъ, ваши постоянные разговоры о цѣломудріи и чести, ваши гримасы и восклицанія даже при одномъ намекѣ на двусмысленность, которую можетъ имѣть самое невинное слово; высокое мнѣніе, котораго вы о себѣ держитесь, и полные страданія взгляды, бросаемые вами на всѣхъ и каждаго; ваши вѣчныя проповѣди, ваши рѣзкіе отзывы относительно совершенно невинныхъ, непо-

---

Et pour l'attribuer qu'aux mouvements secrets
D'un zèle, qui m'attache à tous vos intérêts.

Célimène. Madame, j'ai beacoup de graces à vous rendre;
Un tel avis m'oblige, et, loin de le mal prendre
J'en prétends reconnaître à l'instant la faveur
Par un avis aussi qui touche votre honneur;
Et comme je vous vois vous montrer mon amie
En m'apprenant les bruits que de moi l'on publie,
Je veux suivre, à mon tour, un exemple si doux,
En vous avertissant de ce qu'on dit de vous.
En un lieu, l'autre jour, où je faisois visite,
Je trouvai quelques gens d'un très rare mérite,
Qui parlant de vrais soins d'une âme qui vit bien,
Firent tomber sur vous, madame, l'entretien.
Là, votre pruderie et vos éclats de zèle
Ne furent pas cités comme un fort bon modèle;
Cette affectation d'un grave extérieur
Vos discours éternels de sagesse et d'honneur,
Vos mines et vos cris aux ombres d'indécence
Que d'un mot ambigu peut avoir l'innocence,
Cette hauteur d'estime où vous êtes de vous,
Et ces yeux de pitié que vous jetez sur tout,
Vos fréquentes leçons et vos aigres censures

рочныхъ вещей,—все это, если позволите, сударыня, сказать вамъ откровенно, подверглось единогласному порицанію. „Зачѣмъ"— говорили тамъ—„это скромное выраженіе лица и эта цѣломудренная внѣшность, съ которыми все прочее находится въ такомъ противорѣчіи? Въ молитвахъ она соблюдаетъ необычайную пунктуальность, а людей своихъ бьетъ и ничего имъ не платитъ. Во всѣхъ храмахъ она обнаруживаетъ большое усердіе, но бѣлится и хочетъ казаться красивою. Если на картинахъ встрѣчается голое тѣло, она его закрываетъ, а въ дѣйствительности питаетъ къ нему большую слабость". Что касается меня, то я защищала васъ противъ каждаго и страстно увѣряла ихъ, что все это клевета; но всѣ выступили противъ меня и пришли къ заключенію, что вы поступали бы гораздо лучше, если бы менѣе заботились о поступкахъ другихъ и болѣе занимались собственными; что каждый долженъ долгое время думать сначала о себѣ, прежде чѣмъ рѣшиться осудить другого; что нужно вести образцовую жизнь, если хочешь проповѣдывать о необходимости исправиться другимъ людямъ, и что гораздо лучше предоставить это дѣло тѣмъ, которымъ оно поручено самимъ небомъ. Сударыня, я, съ своей стороны, также считаю васъ достаточно разсудительною для того, чтобы вы истол-

---

Sur des choses qui sont innocentes et pures,—
Tout cela, si je puis vous parler franchement,
Madame, fut blâmé d'un commun sentiment.
A quoi bon, disoient-ils, cette mine modeste
Et ce sage dehors que dément tout le reste?
Elle est à bien prier exacte au dernier point;
Mais elle bat ses gens et ne les paye point.
Dans tous les lieux dévots elle étale un grand zèle;
Mais elle met du blanc et veut paroître belle.
Elle fait des tableaux couvrir les nudités;
Mais elle a de l'amour pour les réalités.
Pour moi, contre chacun je pris votre défense,
Et leur assurai fort que c'étoit médisance;
Mais tous les sentiments combattirent le mien;
Et leur conclusion fut que vous feriez bien
De prendre moins de soin des actions des autres,
Et de vous mettre un peu plus en peine des vôtres;
Qu'on doit se regarder soi-même un fort long temps
Avant que de songer à condamner les gens;
Qu'il faut mettre le poids d'une vie exemplaire
Dans les corrections qu'aux autres on veut faire;
Et qu'encor vaut-il mieux s'en remettre, au besoin,
A ceux à qui le ciel en a commis le soin.
Madame, je vous crois aussi trop raisonnable

ковали этотъ добрый совѣтъ и не усмотрѣли въ немъ тайнаго порыва души, продиктованнаго привязанностью къ вашимъ интересамъ.

Арсиноя. Къ чему бы ни былъ готовъ тотъ, кто порицаетъ, но подобнаго отвѣта отъ васъ, сударыня, я не ожидала. Изъ горечи, сквозящей въ вашихъ словахъ, я вижу, что мой искренній совѣтъ вы приняли за оскорбленіе.

Селимена. Наоборотъ, сударыня. И если бы люди были разумны, они принимали бы къ свѣдѣнію взаимные совѣты. Относясь другъ къ другу добросовѣстно, они тѣмъ самымъ разсѣяли бы сильное заблужденіе, въ которомъ находится каждый относительно себя. Отъ васъ только зависитъ, чтобы мы продолжали оказывать другъ другу милыя услуги съ тѣмъ же усердіемъ и заботливо обмѣнивались съ глазу на глазъ свѣдѣніями обо всемъ, что мы услышимъ — вы обо мнѣ, а я о васъ.

Арсиноя. Ахъ, сударыня, относительно васъ я ничего не могу услышать дурного! Только во мнѣ можно находить вещи, достойныя большого порицанія.

Селимена. Сударыня, я думаю, что можно хвалить и порицать все—и каждый будетъ правъ, смотря по возрасту и вкусу. Для любовныхъ вздоховъ есть одна пора, для недоступности — другая, и къ этой недоступности можно изъ политики прибѣгать

Pour ne pas prendre bien cet avis profitable,
Et pour l'attribuer qu'aux mouvements secrets
D'un zèle, qui m'attache à tous vos intérêts.

Arsinoé. A quoi qu'en reprenant on soit assujettie,
Je ne m'attendois pas à cette repartie,
Madame; et je vois bien, par ce qu'elle a d'aigreur,
Que mon sincère avis vous a blessée au coeur.

Célimène. Au contraire, madame; et, si l'on étoit sage,
Ces avis mutuels seroient mis en usage.
On detruiroit par là, traitant de bonne foi,
Ce grand aveuglement où chacun est pour soi.
Il ne tiendra qu'à vous qu'avec le même zèle
Nous ne coutinuions cet office fidèle,
Et ne prenions grand soin de nous dire, entre nous,
Ce que nous entendrons, vous de moi, moi de vous.

Arsinoé. Ah! madame, de vous je ne puis rien entendre;
C'est en moi que l'on peut trouver fort à reprendre.

Célimène. Madame, on peut, je crois louer et blâmer tout;
Et chacun a raison suivant l'âge ou le goût.
Il est une saison pour la galanterie,
Il en est une aussi propre à la pruderie.

тогда, когда блескъ нашей молодости миновалъ. Этимъ скрываютъ досадные недостатки. Не скажу, чтобы современемъ я не поступала такъ же, какъ и вы. Возрастъ все сдѣлаетъ, а въ двадцать лѣтъ, сударыня, какъ вамъ извѣстно, вовсе не время быть недоступною.

Арсиноя. Но вы хвастаете довольно слабымъ преимуществомъ и слишкомъ трезвоните о своемъ возрастѣ. Если кто и старше васъ, то это вовсе не имѣетъ большого значенія, и я, сударыня, не понимаю, что заставляетъ васъ нападать на меня такимъ страннымъ образомъ.

Селимена. И я, сударыня, также не понимаю, почему вы такъ обрушиваетесь на меня вездѣ и всюду. Почему это вы на мнѣ вымещаете свою злобу? При чемъ я, если къ вамъ не относятся съ прежнею предупредительностью? Если люди находятъ меня достойною любви, если они мнѣ оказываютъ ежедневно вниманіе, которому вы въ душѣ завидуете, мнѣ тутъ ничѣмъ нельзя помочь, и не моя это вина. Предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій и не буду мѣшать, если вы станете привлекать ихъ къ себѣ своими прелестями.

Арсиноя. Неужели вы думаете, что кто-нибудь станетъ безпокоиться изъ-за этой толпы поклонниковъ, которыми вы

On peut, par politique, en prendre le parti
Quand de nos jeunes ans l'éclat est amorti;
Cela sert à couvrir de fâcheuses disgraces.
Je ne dis pas qu'un jour je ne suive vos traces,
L'âge amènera tout; et ce n'est pas le temps,
Madame, comme on sait, d'être prude à vingt ans.

Arsinoé. Certes, vous vous targuez d'un bien foible avantage,
Et vous faites sonner terriblement votre âge.
Ce que de plus que vous on en pourroit avoir
N'est pas un si grand cas pour s'en tant prévaloir;
Et je ne sais pourquoi votre âme ainsi s'emporte,
Madame, à me pousser de cette étrange sorte.

Célemene. Et moi, je ne sais pas, madame, aussi pourquoi
On vous voit en tous lieux vous déchainer sur moi.
Faut-il de vos chagrins sans cesse à moi vous prendre?
Et puis-je mais des soins qu'on ne va pas vous rendre?
Si ma personne aux gens inspire de l'amour,
Et si l'on continue à m'offrir chaque jour
Des voeux que votre coeur peut souhaiter qu'on m'ôte,
Je n'y saurois que faire et ce n'est pas ma faute;
Vous avez le champ libre, et je n'empêche pas
Que, pour les attirer, vous n'ayez des appas.

Arsinoé. Helas! et croyez-vous que l'on se mettre en peine
De ce nombre d'amants dont vous faites la vaine?

хвастаете? Неужели вамъ кажется, что намъ такъ ужъ трудно узнать, какой цѣною можно пріобрѣтать ихъ въ наше время? Неужели вы хотите заставить думать, при нынѣшнемъ положеніи вещей въ свѣтѣ, что вы привлекаете ихъ къ себѣ одними своими достоинствами, что они пылаютъ къ вамъ только цѣломудренною любовью и, если ухаживаютъ за вами, то только изъ-за вашихъ добродѣтелей? Такими безполезными увертками никого не обманешь. Свѣтъ не глупъ. Я знаю женщинъ, которыя какъ бы созданы для того, чтобы внушать нѣжныя чувства, и тѣмъ не менѣе вовсе не собираютъ вокругъ себя толпы поклонниковъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что если кто-нибудь старается завоевать сердце красавицы, то далеко не безъ расчета, что никто не станетъ вздыхать только изъ-за нашихъ глазъ, и что если хочешь пріобрѣтать чью-либо благосклонность, то ее нужно покупать? Зачѣмъ же вамъ гордиться своей громкой извѣстностью, если побѣды ваши такъ сомнительны и ничтожны? Укротите нѣсколько гордость, которую внушаетъ вамъ ваша красота, и откажитесь отъ привычки смотрѣть на людей сверху внизъ. Если бы мы завидовали вашимъ побѣдамъ, то повѣрьте, могли бы такъ же, какъ и другія, не щадить своего добраго имени и доказать вамъ воочію, что поклонники вовсе не такая рѣдкость, когда, конечно, хочешь ихъ имѣть.

Et qu'il ne nous soit pas fort aisé de juger
A quel prix aujourd'hui l'on peut les angager?
Penser-vous faire croire, à voir comme tout roule,
Que votre seul mérite attire cette foule?
Qu'ils ne brûlent pour vous que d'un honnête amour,
Et que pour vos vertus ils vous font tous la cour?
On ne s'aveugle point par de vaines défaites,
Le monde n'est point dupe; et j'en vois qui sont faites
A pouvoir inspirer de tendres sentiments.
Qui chez elles pourtant ne fixent point d'amants;
Et de là nous pouvons tirer des consequences
Qu'on n'acquert point leurs coeurs sans de grandes avances;
Qu'aucun pour nos beaux yeux n'est notre soupirant,
Et qu'il faut acheter tous les soins qu'on nous rend.
Ne vous enflez donc pas d'une si grande gloire
Pour les petits brillants d'une foible victoire,
Et corriger un peu l'orgueil de vos appas
De traiter pour cela les gens de haut en bas:
Si nos yeux envioient les conquêtes des vôtres,
Je pense qu'on pourroit faire comme les autres,
Ne se point ménager, et vous faire bien voir
Que l'on a des amants quand on en veut avoir.

Селимена. Постарайтесь же обзавестись ими, сударыня. Посмотримъ, какой вы будете имѣть успѣхъ. Пустите-ка въ ходъ вашъ удивительный секретъ, чтобы привлечь ихъ къ себѣ безъ...

Арсиноя. Оставимъ, сударыня, этотъ разговоръ. Онъ можетъ только далеко завести насъ обѣихъ. Повѣрьте, моей ноги давно бы ужъ здѣсь не было, если бы только не экипажъ, который заставляетъ ждать себя.

Селимена. Вы можете, сударыня, оставаться здѣсь, сколько угодно. Не желая однако утомлять васъ своимъ присутствіемъ, я вамъ дамъ болѣе пріятнаго собесѣдника. Вотъ онъ. Этотъ господинъ, который какъ-разъ идетъ сюда, сумѣетъ занять васъ гораздо лучше.

Слѣдуетъ бесѣда Арсинои съ Альцестомъ. Арсиноя выражаетъ сожалѣніе, что Альцестъ не служитъ при дворѣ. „Вамъ стоитъ“—говоритъ она—„только сдѣлать намъ намекъ, и, чтобы оказать вамъ услугу, мы пустимъ въ ходъ всѣ пружины. У меня имѣются подъ рукою люди, которые охотно проложатъ вамъ прекрасную дорогу“. Альцестъ рѣшительно отказывается отъ предложенія Арсинои. „Я“ — отвѣчаетъ онъ ей — „не нахожу въ себѣ никакихъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы исполнять тамъ (при дворѣ) свои обязанности и дѣлать успѣхи. Главный мой талантъ заключается въ томъ, чтобы быть искреннимъ и откровеннымъ. Обманывать людей я не умѣю, а для того, кто не одаренъ способностью скрывать свои мысли, тамъ не мѣсто“. Послѣ этого Арсиноя, оставя рѣчь о придворной службѣ, заговариваетъ о любви Альцеста къ Селименѣ и пытается увѣрить его, что Селимена его не любитъ, а лишь притворяется любящей. Альцестъ не хочетъ вѣрить словамъ, а требуетъ доказа-

---

Célimène. Ayez-en donc, madame, et voyons cette affaire;
Par ce rare secret efforcez-vous de plaire:
Et sans...
Arsinoé. Brisons, madame, un pareil entretien.
Il pousseroit trop loin votre esprit et le mien;
Et j'aurois pris déjà le congé qu'il faut prendre,
Si mon carrosse encor ne m'obligeoit d'attendre.
Célimène. Autant qu'il vous plaira vous pouvez arrêter,
Madame, et là-dessus rien ne doit vous hâter.
Mais, sans vous fatiguer de ma cérémonie,
Je m'en vais vous donner meilleure compagnie;
Et monsieur, qu'à propos le hasard fait venir,
Remplira mieux ma place à vous entretenir.

тельства. Арсиноя обѣщаетъ представить требуемое. Этимъ оканчивается третье дѣйствіе.

Изъ перваго явленія четвертаго дѣйствія мы узнаемъ, что Альцестъ въ дѣлѣ съ Оронтомъ стоялъ на своемъ и ни за что не хотѣлъ признать его стиховъ хорошими, вслѣдствіе чего Филэнтъ порицаетъ его за упрямство, а Эліанта, отличающаяся благороднымъ характеромъ, сочувствуетъ Альцесту. Она говоритъ: „Сознаюсь, что отношусь къ нему съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ искренность, къ которой такъ сильно тяготѣетъ его сердце, заключаетъ въ себѣ нѣчто благородное и героическое". Далѣе мы тутъ же узнаемъ, что Эліанта вообще очень расположена къ Альцесту и умѣетъ цѣнить его высокія качества, но она не желаетъ становиться между нимъ и Селименой и мѣшать ихъ сближенію; она, правда, очень сомнѣвается, чтобы Альцестъ могъ найти счастье съ этой вѣтреницей; но съ другой стороны, — такъ какъ сомнѣнье не есть увѣренность, — она рѣшилась держаться вдали отъ Альцеста, пока между нимъ и Селименой не произойдетъ полнаго разрыва. Тутъ же узнаемъ мы и то, что Филэнтъ и въ самомъ дѣлѣ любитъ Эліанту.

Въ слѣдующей сценѣ Альцестъ, уже имѣющій въ рукахъ доказательство вѣроломства Селимены, хочетъ отомстить ей. Орудіемъ мести онъ избираетъ женитьбу на Эліантѣ. „Сударыня", — говоритъ онъ послѣдней: „вамъ теперь предстоитъ совершить подвигъ. Къ вамъ именно взываетъ мое сердце, чтобы освободиться отъ своего мучительнаго горя. Отомстите за меня своей неблагодарной и коварной родственницѣ, которая подло измѣняетъ человѣку, проникнутому къ ней искренней любовью; отомстите за этотъ поступокъ, который долженъ внушать вамъ ужасъ". — „Мнѣ—мстить за васъ! Какимъ образомъ?" спрашиваетъ изумленная Эліанта. — „Принявъ мое сердце", отвѣчаетъ Альцестъ. „Возьмите его, сударыня, вмѣсто невѣрной. Только этимъ путемъ я могу ей отомстить. Я хочу наказать ее искренними обѣтами, глубокой любовью, почтительными заботами, старательнымъ исполненіемъ долга и готовностью служить. Все это я страстно хочу повергнуть къ вашимъ стопамъ!" — Эліанта отклоняетъ предложеніе, говоря: „Повѣрьте мнѣ, я сочувствую вашимъ страданіямъ и не отрицаю цѣны за сердцемъ, которое вы мнѣ предлагаете. Но, можетъ быть, зло не такъ велико, какъ вы думаете, и вы еще откажетесь отъ своего желанія мести. Когда оскорбленіе наносится очаровательной женщиной, то Богъ знаетъ, что хочешь сдѣлать, а между тѣмъ не дѣлаешь. Казалось бы,

разрывъ необходимъ, но разъ любишь виновную, она дѣлается въ очень скоромъ времени невинной. Всякія проклятія, которыми осыпаешь ее, легко берутся назадъ. Знаю, что такое гнѣвъ влюбленнаго". Но Альцесту въ эту минуту кажется, что онъ окончательно рѣшилъ вырвать изъ своего сердца Селимену, и ему только хочется „осыпать ее пламенными упреками по поводу гнуснаго поведенія".

И вотъ появляется Селимена. Въ душѣ Альцеста цѣлая буря. Онъ начинаетъ свое объясненіе съ ней, и между прочимъ говоритъ: „Не думайте однако, что я не отомщу за нанесенное мнѣ оскорбленіе! Я знаю, что надъ душевными влеченіями нѣтъ власти, что любовь заявляетъ о себѣ добровольно, безъ всякаго принужденія, что насильно никогда милъ не будешь, и что сердце свободно выбирать себѣ побѣдителя. Я никогда бы не дерзнулъ жаловаться, если бы только вы говорили со мною безъ притворства. Когда бы вы отвергли мою любовь съ перваго же разу, сердцу моему ничего другого не оставалось бы, какъ подчиниться своей участи; но отвѣтить съ живымъ признаніемъ на страсть моей души — это измѣна, это — коварство, для котораго нѣтъ достаточнаго наказанія, и я ничѣмъ не хочу сдержать своего желанія мести. Да, да, опасайтесь всего. Послѣ такого оскорбленія я больше собой не владѣю, я весь—негодованіе!.." Но и послѣ этого Альцестъ все-таки любитъ Селимену, онъ ждетъ, что она оправдается въ его глазахъ, и тогда онъ примирится съ ней. Онъ умоляетъ ее: „Защищайтесь, по крайней мѣрѣ!.. Если можете, убѣдите меня... Моя любовь слишкомъ велика, чтобы я не протянулъ вамъ руки, если вамъ удастся убѣдить меня. Постарайтесь же показать, что вы не нарушили вѣрности. Повѣрьте, я перемѣню тогда свое мнѣніе о васъ". Селимена однако оправдаться не можетъ. Между тѣмъ входитъ слуга Альцеста и уговариваетъ его скорѣе скрыться, такъ какъ ему грозитъ опасность быть арестованнымъ. Альцестъ уходитъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и говоритъ Селименѣ, что онъ сегодня же вечеромъ докончитъ прерванное съ ней объясненіе.

Дѣйствіе пятое. Процессъ свой Альцестъ проигралъ. Филэнтъ что-то хочетъ сказать ему по этому поводу, но Альцестъ перебиваетъ его и произноситъ длинный монологъ, характеризующій его настроеніе.

„Нѣтъ", — говоритъ онъ: — „вы можете дѣлать и говорить, что угодно, но я никоимъ образомъ не откажусь отъ своихъ

словъ. Развращенность нравовъ слишкомъ велика въ наше время, и мнѣ хочется порвать всякія сношенія съ людьми. Какъ! Честь, благородство, нравственность и законъ — все это на моей сторонѣ; повсюду только и разговоровъ, что о справедливости моего дѣла; мое убѣжденіе покоится на сознаніи того, что право на моей сторонѣ, — и тѣмъ не менѣе результатъ дѣла меня обманулъ: справедливость говоритъ въ мою пользу, а я проигрываю свой процессъ! Предатель, пользующійся скандальнымъ престижемъ, вышелъ побѣдителемъ съ помощью лжи! Безусловная добросовѣстность отступаетъ назадъ передъ его предательствомъ. Схвативъ меня за горло, онъ тѣмъ самымъ создаетъ себѣ средство сдѣлаться правымъ! Съ помощью интригъ, въ которыхъ онъ достигъ такого искусства, ему удается разстроить несомнѣнное право и играть со справедливостью! И еще этотъ приказъ объ арестѣ, которымъ онъ заставилъ увѣнчать свое преступленіе! Но мало того, что по отношенію ко мнѣ учинена несправедливость: по рукамъ пустили еще книгу, одно чтеніе которой заслуживаетъ порицанія, книгу, стоящую того, чтобы отнестись къ ней съ наибольшей строгостью! И плутъ имѣетъ еще дерзость утверждать, что я—ея авторъ. Съ своей стороны Оронтъ,

Non, vous avez beau faire et beau me raisonner,
Rien de ce que je dis ne peut me détourner;
Trop de perversité règne au siècle où nous sommes,
Et je veux me tirer du commerce des hommes.
Quoi! contre ma partie on voit tout à la fois:
L'honneur la probité, la pudeur et les lois;
On publie en tous lieux l'équité de ma cause;
Sur la foi de mon droit mon âme se repose;
Cependant je me vois trompé par le succès:
J'ai pour moi la justice et je perds mon procès!
Un traître, dont on sait la scandaleuse histoire,
Est sorti triomphant d'une fausseté noire!
Toute la bonne foi cède à sa trahison!
Il trouve en m'égorgeant moyen d'avoir raison!
Le poids de sa grimace, où brille l'artifice,
Renverse le bon droit et tourne la justice!
Il fait par un arrêt couronner son forfait!
Et non content encor du tort que l'on me fait,
Il court parmi le monde un livre abominable,
Et de qui la lecture est même condamnable,
Un livre à mériter la dernière rigueur,
Dont le fourbe a le frond de me faire l'auteur!
Et là-dessus on voit Oronte qui murmure
Et tâche méchamment d'appuyer l'imposture!

который въ тайнѣ точитъ на меня зубы, злостно старается поддерживать эту ложь! Онъ, слывущій порядочнымъ человѣкомъ при дворѣ, онъ, которому я не сдѣлалъ ничего, кромѣ развѣ того, что былъ съ нимъ искрененъ и правдивъ; который съ жаромъ заставляетъ меня, противъ моей воли, высказать мнѣніе относительно его стиховъ, позволяетъ себѣ поступать такимъ образомъ! Только потому, что я отношусь къ нему честно, что не хочу играть роль предателя ни по отношенію къ нему, ни по отношенію къ истинѣ, — онъ помогаетъ обвинять меня въ проступкѣ, котораго я никогда не дѣлалъ! Теперь онъ мнѣ злѣйшій врагъ. Онъ никогда не проститъ мнѣ того, что я не нашелъ его сонетъ хорошимъ. Да что я? Люди всѣ таковы! Честолюбіе заставляетъ ихъ поступать такимъ образомъ! Такъ вотъ каковы ихъ добросовѣстность, высокіе нравы, справедливость и честь! Нѣтъ, это уже слишкомъ! Прочь отсюда, изъ этого дикаго лѣса и разбойничьяго притона! Не какъ люди живете вы, предатели, а какъ волки! Больше вы меня не увидите въ своей средѣ".

Филэнтъ замѣчаетъ Альцесту, что онъ можетъ подать апелляцію на приговоръ; Альцестъ отвѣчаетъ ему: „Нѣтъ, я хочу его оставить въ силѣ. Какъ бы ни было велико горе, которое причиняетъ мнѣ этотъ приговоръ, я никоимъ образомъ не буду требовать его кассаціи. Изъ него ясно видно, какъ нарушено несомнѣнное право, и я хочу, чтобы онъ остался для потомства любопытнымъ фактомъ, остался великолѣпнымъ доказательствомъ того, какъ ужасны люди въ наше время. Пусть онъ стоитъ мнѣ

Lui, qui d'un honnête homme à la cour tient le rang,
A qui je n'ai rien fait qu'être sincère et franc,
Qui me vient malgré moi, d'une ardeur empressée,
Sur des vers qu'il a fait demander ma pensée;
Et parce que j'en use avec honnêteté,
Et ne le veux trahir, lui ni la verité
Il aide à m'accabler d'un crime imaginaire!
Le voilà devenu mon plus grand adversaire!
Et jamais de son coeur je n'aurai de pardon,
Pour n'avoir pas trouvé que son sonnet fût bon!
Et les hommes, morbleu, sont faits de cette sorte!
C'est à ces actions que la gloire les porte!
Voilà la bonne foi, le zèle vertueux,
La justice et l'honneur que l'on trouve chez eux!
Allons, c'est trop souffrir les chagrins qu'on nous forge;
Tirons-nous de ce bois et de ce coup-gorge.
Puisque entre humains ainsi vous vivez en vrais loups,
Traîtres! vous ne m'aurez de ma vie avec vous.

двадцать тысячъ франковъ, но за то я за эти двадцать тысячъ франковъ буду въ правѣ проклинать человѣческую натуру за ея несправедливость и питать къ ней вѣчную ненависть!“

Альцестъ хочетъ еще разъ попытаться узнать отъ Селимены, любитъ ли она его. Она входитъ въ сопровожденіи Оронта. Послѣдній предлагаетъ ей рѣшить вопросъ, кого она предпочитаетъ: его, Оронта, или Альцеста. Альцестъ присоединяется и говоритъ: „Требую того же. Будьте безусловно откровенны!.. Довольно продолжать неопредѣленное положеніе!“ Селимена рѣшительно отказывается высказаться. Ея личность ясно обрисовывается въ ея обращеніи къ вошедшей Эліантѣ: „Кузина, здѣсь меня преслѣдуютъ люди, которые, повидимому, сговорились заранѣе относительно этого. Они оба требуютъ съ одинаковымъ жаромъ, чтобы я имъ сообщила, кого изъ нихъ выбрало мое сердце. Имъ хочется, видите ли, чтобы я открыто произнесла приговоръ и затѣмъ запретила кому-нибудь изъ нихъ ухаживать за мною. Скажите, слыханное ли это дѣло“. Правдивая Эліанта держится иного взгляда. „Не обращайтесь лучше ко мнѣ за совѣтомъ“,—говоритъ она Селименѣ:—„можетъ случиться, что совѣтъ мой врядъ ли вамъ придется по вкусу. Я стою за тѣхъ, у которыхъ что на душѣ, то и на языкѣ“.

Наконецъ наступаетъ развязка. Акастъ, въ присутствіи всѣхъ, читаетъ письмо Селимены къ какому-то господину, гдѣ она признается ему въ любви, а объ Акастѣ, Оронтѣ и Клитандрѣ говоритъ съ насмѣшкой и презрѣніемъ. Объ Альцестѣ же она выражается такъ: „А господинъ съ зелеными лентами забавляетъ меня иногда своими грубыми выходками и страстью къ спорамъ, но чаще всего онъ совершенно невыносимъ“.

Послѣ этого слѣдуетъ послѣднее объясненіе Альцеста съ Селименой.

Альцестъ *(Селименѣ)*. Вы видите, я молчалъ, не смотря на все, что происходило передо мною; я далъ всѣмъ высказаться раньше. Не достаточно ли власти я показалъ надъ собою? А теперь могу ли я...

Селимена. Да, вы можете все сказать. Вы въ правѣ жаловаться и упрекать меня, въ чемъ хотите. Я неправа, сознаюсь, и не стану разсыпаться передъ вами въ безполезныхъ извиненіяхъ. Когда всѣ остальные негодовали, я не обращала на это ни малѣйшаго вниманія; но относительно васъ признаю себя виновною. Вы въ правѣ возмущаться: я знаю, что являюсь въ вашихъ глазахъ большой преступницею, что все свидѣтельствуетъ

о возможности измѣны съ моей стороны, что у васъ есть полное основаніе меня ненавидѣть. Негодуйте же, я ничего не буду имѣть противъ этого.

Альцестъ. О, но хватитъ ли у меня силъ негодовать, измѣнница! Какъ мнѣ одержать побѣду надъ своимъ сердцемъ? И если бы я даже хотѣлъ обратить противъ васъ весь пылъ своего негодованія, то развѣ сердце мое дало бы мнѣ исполнить мое намѣреніе? *(Эліантѣ и Филэнту).* Вы видите, къ чему ведетъ недостойная любовь. Будьте же оба свидѣтелями моей слабости. Да это еще не все. Вы увидите, чѣмъ я кончу дѣло, увидите, что насъ несправедливо называютъ благоразумными людьми, что всѣмъ намъ свойственны человѣческія слабости. *(Селименѣ).* Да, коварная, я забуду ваши поступки, прощу въ глубинѣ души ваши выходки и стану смотрѣть на нихъ, какъ на слабость, къ которой ведутъ молодыхъ женщинъ пороки нашего времени, если только вы согласитесь на принятое мною рѣшеніе—бѣжать отъ людей и послѣдовать за мною тотчасъ въ мое уединеніе, въ которомъ отнынѣ буду проводить свои дни. Только этимъ путемъ вы можете исправить зло, вызванное вашими письмами, и искупить скандалъ, внушающій ужасъ всякому человѣку съ благородною душою. Только тогда я буду въ состояніи любить васъ попрежнему.

Селимена. Чтобы я до старости отреклась отъ міра и похоронила себя въ вашей пустынѣ!

Альцестъ. Ну, что жъ? Если вы можете мнѣ отвѣчать на мою любовь, то что вамъ до свѣта? Развѣ одного меня недостаточно для того, чтобы вы чувствовали себя довольной?

Селимена. Одиночество въ двадцать лѣтъ пугаетъ. Я не чувствую себя настолько великою, чтобы рѣшиться на подобный шагъ. Если вы хотите моей руки, то я могу вамъ ее дать, и Гименей...

Альцестъ. Нѣтъ, сердце мое исполнено теперь презрѣнія къ вамъ; этотъ отказъ огорчаетъ меня больше, чѣмъ все прочее. Такъ какъ, выйдя за меня замужъ, вы не можете меня считать для себя всѣмъ, какъ я бы васъ считалъ, то нѣтъ, я не принимаю вашего предложенія. Чувствительное оскорбленіе, которое вы мнѣ теперь наносите, навсегда освобождаетъ меня отъ недостойныхъ узъ, связывавшихъ до сихъ поръ съ вами. *(Селимена уходитъ).*

Послѣ разрыва съ Селименой Альцестъ отказывается и отъ Эліанты, говоря ей, что только въ ней одной подмѣчалъ онъ

искреннее отношенiе къ ближнему и давно уже ставилъ ее очень высоко; но онъ находитъ, что любовь его разбитаго сердца была бы для нея слишкомъ плохой наградой. „Преданный всѣми",— заявляетъ онъ въ концѣ комедiи,—„измученный несправедливостями, я вырвусь изъ этой бездны, въ которой господствуютъ пороки, и поищу на землѣ уединенный уголокъ, гдѣ можно быть свободно честнымъ человѣкомъ!"

Элiанта замѣчаетъ Альцесту, что ее вовсе не безпокоитъ вопросъ о замужествѣ, такъ какъ если бы она захотѣла, то Филэнтъ охотно взялъ бы ея руку. Филэнтъ дѣйствительно искренно любитъ Элiанту. Онъ любитъ и Альцеста, и когда послѣднiй заявилъ о своемъ намѣренiи разстаться съ обществомъ, Филэнтъ, обращаясь къ Элiантѣ, восклицаетъ съ жаромъ: „За нимъ, сударыня, за нимъ! Сдѣлаемъ все, чтобы онъ отказался отъ своего намѣренiя!"

Альцеста Мольеръ назвалъ *мизантропомъ*. Въ своей монографiи, посвященной Мольеру, профессоръ Веселовскiй [36]) указываетъ, какъ именно надо понимать это слово въ примѣненiи къ Альцесту.

Терминъ „мизантропъ" происходитъ отъ греческихъ словъ: μισεῖν — *ненавидѣть*, и ἄνθρωπος — *человѣкъ*, и означаетъ: *человѣконенавистникъ*. Истинные человѣконенавистники, мизантропы въ прямомъ смыслѣ слова, представляютъ собою явленiе рѣдкое и всегда болѣзненное. Такого человѣка вывелъ Шекспиръ въ своемъ „Тимонѣ Аѳинскомъ". „Мизантропiя въ точномъ смыслѣ слова, какъ чисто болѣзненное явленiе, можетъ"—говоритъ Веселовскiй— „постигнуть безразлично всякую натуру и особенно рѣзко выразиться у людей неразвитыхъ, непосредственныхъ, у которыхъ несчастiе вызоветъ наружу всѣ плохо сдерживаемыя страсти... У людей въ родѣ Тимона нѣтъ никакой завѣтной программы... Тимонъ безполезенъ для своихъ гражданъ" [37]).

Отъ этихъ истинныхъ мизантроповъ Веселовскiй отличаетъ лица, которыя тоже *ненавидятъ*, но не людей, а ихъ пороки. Ихъ тоже называютъ мизантропами, но только потому, что „непонятное равнодушiе къ филологической точности въ данномъ случаѣ не дало творческой силѣ новыхъ языковъ создать соотвѣтствующiй терминъ" [38]). Личности подобнаго рода, по мнѣнiю профессора Веселовскаго, удачнѣе назвать *печальниками* о людяхъ, чѣмъ врагами человѣчества [39]).

Этотъ оттѣнокъ мизантропіи „свойственъ скорѣе натурамъ тонко организованнымъ, болѣе чуткимъ, превышающимъ свою среду образованіемъ и цѣлями жизни. Ихъ настроеніе можетъ быть порождено не разореніемъ, не крушеніемъ карьеры или подобными личными невзгодами; для нихъ нерѣдко общее, народное горе несравненно ближе; оно ихъ горячо задѣваетъ за живое, и если они подъ конецъ все-таки доходятъ до разрыва, то лишь послѣ того какъ изо всѣхъ силъ пробовали плыть противъ теченія... У людей этой категоріи помыслы о чужой судьбѣ доходятъ нерѣдко до необыкновенно развитого альтруизма; ихъ раздраженныя рѣчи становятся часто настоящими проповѣдями честности, уваженія къ уму, заступничествомъ за поруганный здравый смыслъ“ [40]). Представителемъ такихъ мизантроповъ-печальниковъ является Альцестъ.

Продолжая характеристику этого типа, профессоръ Веселовскій говоритъ: „Подобную личность нельзя характеризовать обветшавшимъ свойствомъ *ненависти* къ людямъ: презрѣніе ея къ современному уровню нравственности велико, но для этихъ же людей и для будущихъ поколѣній она желала бы исправленія и возрожденія *); этого не желаешь тому, кого ненавидишь; раздраженіе, повидимому непримиримое, внушено скорѣе какимъ-то страннымъ чувствомъ любви къ людямъ, въ которомъ, конечно, данное лицо ни за что не захотѣло бы сознаться“ [42]). Напротивъ,—прибавимъ мы отъ себя,—въ минуты сильнаго раздраженія эти лица говорятъ, что они ненавидятъ *всѣхъ* людей, и тогда они поверхностному наблюдателю могутъ показаться дѣйствительными мизантропами. Но это состояніе у нихъ лишь временное.

Профессоръ Веселовскій указываетъ еще на способность этихъ мизантроповъ-печальниковъ страстно привязываться къ той или другой отдѣльной личности, высоко дорожить любовью женщины, вѣрностью друга [43]). Крупною отличительною чертою ихъ является необыкновенная *горячность*, а изъ нея вытекаютъ и многія другія особенности ихъ: „постоянная горячность, возбуждающая мгновенно и дѣлающая всю нервную систему донельзя щекотливою, не можетъ не вовлекать человѣка въ промахи, дѣлая его порою даже смѣшнымъ. Онъ можетъ обратиться иногда съ

*) Слѣдовательно мизантропы-печальники вѣрятъ въ возможность возрожденія, тогда какъ мизантропы въ прямомъ смыслѣ считаютъ людей навѣки потерянными: для нихъ они—„громадное скопище животныхъ со всѣми стадными свойствами, съ низкими инстинктами, грязное, до мозгу костей порочное, лишенное всякой возможности исправленія“ [41]).

своими рѣчами къ слушателямъ, неспособнымъ понять его, можетъ нарушить тѣ или другія приличія, въ запальчивости договориться до рѣзкостей" [44]).

Въ минуты глубокой горечи эти люди стремятся уйти въ уединеніе. Окружающей ихъ порочной средѣ они любятъ противополагать ту, которая кажется имъ болѣе нравственною, напримѣръ — простонародье или людей временъ прошедшихъ.

Наконецъ Веселовскій говоритъ: „Въ людяхъ такого рода скрыты въ необработанномъ видѣ элементы общественнаго дѣятеля, но арена ихъ дѣйствій слишкомъ узка, или же условія времени, степень развитія общества и т. д. становятся поперекъ ихъ дороги. Оттого-то они и встрѣчаются всего чаще именно въ такія эпохи, когда ничто не благопріятствуетъ общественной самодѣятельности, когда и личность подавлена, а между тѣмъ паденіе общества дошло до крайней степени, и близость борьбы чувствуется. Это-то сознаніе своего безсилія завязать ее единоличнымъ своимъ отпоромъ наполняетъ отчаяніемъ душу такого человѣка — „и если въ довершеніе всего случай раскроетъ ему лживость даже самыхъ близкихъ ему людей, онъ можетъ поддаться этому отчаянію и бросить людей на произволъ ихъ судьбы; но онъ и ушелъ-то инымъ человѣкомъ, чѣмъ Тимонъ; вырвавшись изъ свѣтской суеты, очутившись въ своей желанной *пустынѣ*, онъ еще можетъ ожить въ здоровой атмосферѣ народной жизни, очнуться въ трезвой, трудовой деревенской дѣйствительности, тотъ же случай можетъ послать ему вѣрную дружескую руку, и къ нему можетъ снова вернуться и стремленіе къ труду и вѣра въ человѣка, если не во всѣхъ людей" [45]).

Подъ эту общую характеристику того типа, представителемъ котораго являетея Альцестъ, вполнѣ подходитъ и нашъ Чацкій. Онъ—мизантропъ въ томъ же именно смыслѣ, въ какомъ это слово примѣнено къ Альцесту; онъ тоже натура тонко организованная, чуткая, превышающая свою среду образованіемъ и нравственнымъ развитіемъ; онъ такой же горячій поборникъ правды, способный доходить до рѣзкостей, доводитъ свою рѣчь до запальчиваго тона, необычнаго въ великосвѣтскомъ обществѣ; его сердцу, какъ и сердцу Альцеста, доступна страстная и глубокая привязанность къ женщинѣ; подобно Альцесту, онъ можетъ доходить до того состоянія, которое поверхностному наблюдателю покажется истинной мизантропіей, и, подобно ему же, онъ, въ минуты горечи, выражаетъ желаніе уйти подальше отъ людей въ то уединеніе, гдѣ онъ на-

дѣется найти нравственный покой. Наконецъ Чацкій сходится съ Альцестомъ и въ своей любви къ простонародью, къ старинѣ. Словомъ сказать, Альцестъ и Чацкій очень похожи другъ на друга: оба они—люди одного и того же типа [46]).

Только что указанное сходство нисколько не удивительно, такъ какъ Альцестъ прежде всего—самъ Мольеръ, подобно тому, какъ Чацкій прежде всего—самъ Грибоѣдовъ. А мы уже говорили, что авторы „Мизантропа" и „Горя отъ ума" находились въ сходныхъ обстоятельствахъ—и внѣшнихъ и внутреннихъ. Отсюда сходство между Мольеромъ и Грибоѣдовымъ должно было неминуемо породить сходство и между Альцестомъ и Чацкимъ.

Остановимся на нѣкоторыхъ фактахъ біографіи Мольера—и мы увидимъ, какъ много было общаго и въ личности и въ судьбѣ обоихъ писателей [47]).

Мольеръ принадлежалъ къ самымъ образованнымъ и начитаннымъ людямъ своего времени. Знакомый въ совершенствѣ съ французской литературой, онъ изучалъ итальянскую и испанскую; въ его пьесахъ есть слѣды вліянія на него Плавта, Теренція и Плутарха. То умственное и нравственное вліяніе, которое имѣли на Грибоѣдова профессора Московскаго университета, можно сравнивать съ той школою, которую проходилъ Мольеръ, слушая уроки философа Гассенди, отличавшагося большой нравственной силой, строгостью къ самому себѣ и уваженіемъ къ идеѣ долга. Подъ вліяніемъ Гассенди Мольеръ „выработалъ въ себѣ то созерцательное настроеніе, привычку къ обобщеніямъ и философскимъ думамъ, которыя побудили Буало дать Мольеру прозвище *созерцателя* (contemplateur)". Въ той же школѣ Гассенди онъ могъ усвоить и отличавшій его возвышенный взглядъ на дѣятельность писателя. Есть указанія, что Мольеръ, подобно нашему Грибоѣдову, былъ большимъ альтруистомъ и такъ же свято смотрѣлъ на сыновній долгъ. Нравственная личность его прекрасно характеризуется въ разсказѣ, напримѣръ, о томъ, какъ онъ тайно помогалъ своему отцу, когда дѣла старика, бывшаго когда-то зажиточнымъ столичнымъ обойщикомъ, запутались. Еще поучительнѣе разсказъ о томъ, какъ 17-го февраля 1673 г. совершенно больной Мольеръ выходитъ на сцену, играетъ главную роль въ своемъ „Мнимомъ больномъ", играетъ потому, что непоявленіе его отозвалось бы на заработкѣ его товарищей-актеровъ, надрываетъ свои послѣднія силы и платится за это жизнью.

Мольеру, подобно Грибоѣдову, носившему въ своей душѣ возвышенные идеалы, пришлось, какъ и нашему писателю, не мало видѣть людской пошлости и неправды—и возмущаться ими. Еще десятилѣтнимъ ребенкомъ лишился онъ матери, мѣсто которой заступила мачеха; „мужъ очутился совершенно въ ея власти, ея дѣти стали въ семьѣ привилегированными членами; начались раздоры и непріятныя сцены, въ которыхъ слабый характеромъ отецъ исполнялъ волю жены; наконецъ безцеремонно сталъ тратиться дѣтскій капиталъ, оставленный покойною матерью. Даже поверхностнаго знакомства съ Мольеровскими комедіями достаточно, чтобъ увидать, какъ живуче было потомъ впечатлѣніе, произведенное на поэта тяжелыми семейными сценами. Онъ никогда не пропуститъ случая, чтобы не выступить ходатаемъ за лучшее устройство семейнаго быта, за признаніе человѣческой личности въ дѣтяхъ, и часто рисуетъ или трагикомическое зрѣлище семьи, гдѣ всѣ, отъ мала до велика, принуждены обманывать отца, или характеръ сварливой мачехи“.

Посвятивъ себя театру и странствуя съ своей труппой по Франціи, онъ имѣлъ возможность познакомиться и съ другими разнообразными темными сторонами жизни, а потомъ хорошо узналъ и высшее парижское общество со всею его тогдашнею испорченностью. Этому испорченному классу, въ особенности придворнымъ Людовика XIV-го, раболѣпнымъ и ничтожнымъ передъ высшими и гордымъ передъ низшими, любилъ онъ, какъ и нашъ Грибоѣдовъ, противополагать старину и простонародье.

Наблюдались Мольеромъ и темныя стороны современныхъ ему женскихъ характеровъ, ихъ сердечная пустота и легкомысліе—пороки, которые со времени его несчастной женитьбы на Армандѣ стали источникомъ его душевныхъ мукъ. Увлекшись ея красотою, онъ думалъ, что своею горячей любовью переродитъ Арманду, мечтавшую лишь о томъ, чтобы блестѣть въ свѣтѣ и быть окруженною толпою поклонниковъ; ему казалось, что онъ сумѣетъ заставить ее полюбить идеалъ тихой семейной жизни,— но онъ ошибся, и нѣтъ сомнѣнія, что воображаемая Селимена обязана своимъ происхожденіемъ дѣйствительной Армандѣ.

Подобно Грибоѣдову, Мольеръ по временамъ впадалъ въ состояніе, похожее на мизантропію, и тогда тоже убѣгалъ отъ людей, искалъ уединенія, и, подобно же Грибоѣдову, могъ сильно привязываться къ отдѣльнымъ личностямъ, нѣжно и горячо любить ихъ.

Всего этого достаточно для пониманія причинъ сходства между Альцестомъ и Чацкимъ. Но надо напомнить еще объ

одномъ обстоятельствѣ. Оба писателя въ лицѣ своихъ героевъ отразили самихъ себя, но въ то же время ихъ герои имѣютъ и историческое значенiе: они вмѣстѣ съ тѣмъ и типы своего времени. Что Чацкiй является представителемъ передовой молодежи русскаго общества во вторую половину царствованiя императора Александра I,—объ этомъ мы уже говорили. Альцестъ въ извѣстной степени тоже представитель небольшого числа лучшихъ людей времени Людовика XIV-го. Этихъ людей любили называть тогда *Катонами*, и чаще всего встрѣчались они среди потомковъ гугенотовъ. Къ такимъ Катонамъ принадлежалъ, напримѣръ, герцогъ Монтозье. Воспитанный своей матерью, протестанткой, женщиной съ твердой волей и высоко-нравственными принципами, онъ сталъ рѣзкимъ и горячимъ правдолюбомъ. „Онъ съ неудовольствiемъ является въ первый разъ ко двору; притворство, жеманство салонное его бѣситъ; онъ вспыльчивъ, и въ гнѣвѣ перечисляетъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ всѣ его прошлыя низости и проступки. Единственнымъ прибѣжищемъ и отдохновенiемъ для него служатъ занятiя литературой и въ особенности поэзiей, но и тутъ въ значительной степени его привлекаютъ произведенiя сатирическiя, особенно соотвѣтствующiя его настроенiю" [48]). Монтозье не стѣснялся и въ своихъ разговорахъ съ самимъ королемъ и смѣло укорялъ Людовика XIV за его увлеченiя и излишества. Другимъ суровымъ правдолюбомъ былъ дядя г-жи Савинье, Hugues de Rabutin, великiй прiоръ Мальтiйскаго ордена. „Весьма неглупый и мужественный, по словамъ современниковъ, онъ былъ крутъ и рѣзокъ въ своихъ рѣчахъ, а г-жа Савинье недаромъ называла его: «мой дядя-пиратъ», что почти равнялось прозвищу мизантропа, которое всѣ придавали тогда Монтозье, не умѣя иначе опредѣлить особенности его направленiя" [49]). Къ типу поборника правды принадлежалъ и Буало, такъ высоко цѣнившiй Мольеровскаго „Мизантропа".

Мольеру прiятно, конечно, было встрѣчать людей съ такимъ же, какъ у него самого, негодующимъ настроенiемъ, и онъ изучалъ ихъ, провѣрялъ свои собственныя ощущенiя по чертамъ, подмѣченнымъ имъ въ этихъ людяхъ, и, работая такимъ образомъ, вынашивалъ своего Альцеста, какъ позднѣе съ такими же прiемами вынашивалъ и Грибоѣдовъ своего Чацкаго.

Но если Чацкiй не есть простой сколокъ съ Альцеста, какъ не былъ сколкомъ съ Мольера и самъ Грибоѣдовъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что этотъ мiровой писатель не имѣлъ на Гри-

боѣдова никакого вліянія. Вліяніе было, и прежде всего вотъ какого рода. Грибоѣдовъ, страстно желавшій высказаться, заявить свой горячій протестъ противъ темныхъ сторонъ окружавшей его среды, могъ видѣть въ „Мизантропѣ“ Мольера подбодряющій примѣръ, окрилявшій его на литературный подвигъ. Такая догадка принадлежитъ проф. Веселовскому, который говоритъ: „Для человѣка съ убѣжденіями и настроеніемъ Грибоѣдова найти такое замѣчательно близкое сродство съ художественнымъ созданіемъ міроваго писателя должно было, конечно, казаться настоящимъ кладомъ. Первоначальный, полу-дѣтскій замыселъ его комедіи, которая должна была просто набросать нѣсколько обличительныхъ картинокъ московской барской жизни, долженъ былъ переродиться и созрѣть не только подъ вліяніемъ бо̀льшаго опыта, долгаго уединенія въ Персіи и на Кавказѣ, но, думается намъ, и подъ вліяніемъ превосходнаго литературнаго образца. Въ самомъ признаніи его, что онъ имѣлъ сначала въ виду написать нѣчто въ родѣ комедіи для чтенія, и что тогда «начертаніе этой сценической поэмы было *гораздо великолѣпнѣе и высшаго значенія*», мы видимъ какъ бы прямое тому подтвержденіе. Назначеніе комедіи было такъ высоко и серьезно, что автору не приходило и мысли о возможности сценическаго ея исполненія, при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ; потомъ уже, «поддаваясь ребяческому удовольствію слышать стихи свои въ театрѣ», онъ сталъ *портить* свое созданіе, приспособляя его къ театральнымъ приличіямъ. Такимъ образомъ, перевѣсъ насмѣшливости, остроумія, легкости стиха замѣнилъ собою болѣе серьезный или, какъ выражается самъ авторъ, великолѣпный складъ его пьесы, въ чемъ насъ убѣждаютъ уцѣлѣвшіе отрывки первоначальной редакціи «Горя отъ ума», гдѣ мизантропическое настроеніе Чацкаго подчеркнуто гораздо ярче (напр., въ монологѣ его въ послѣднемъ актѣ, явленіе 10-е: «о праздный, жалкій, мелкій свѣтъ» и т. д. *).

---

*) О праздный, жалкій, мелкій свѣтъ!
Не надо пищи: сказку, бредъ
Имъ лжецъ отпуститъ въ угожденье,
Глупецъ повѣритъ, передастъ;
Старухи, кто во что гораздъ,
Тревогу бьютъ... и вотъ общественное мнѣнье!
И вотъ Москва!... Я былъ въ краяхъ,
Гдѣ съ горъ верховъ комъ снѣга вѣтеръ скатитъ,
Вдругъ—глуба этотъ снѣгъ, въ паденьи все охватитъ,
Съ собой влечетъ, дробитъ, стираетъ камни въ прахъ;
Гулъ, рокотъ, громъ, вся въ ужасѣ окрестность...

При этомъ-то серьезномъ взглядѣ на свое произведеніе, которое должно было подойти къ идеалу «высокой комедіи», примѣръ Мизантропа могъ быть въ особенности полезенъ". [1]).

Затѣмъ вліяніе Мольера слѣдуетъ видѣть въ построеніи комедіи на романической основѣ, подобной той, на которой построилъ свою пьесу авторъ „Мизантропа": любовь Чацкаго къ Софьѣ, предпочитающей ему Молчалина, и любовь Альцеста къ Селименѣ, предпочитающей ему глупца,—темы, несомнѣнно, сходныя. При этомъ нашъ писатель сохранилъ и нѣкоторыя подробности развитія Мольеровской темы, напримѣръ: Чацкій, какъ и Альцестъ, желаетъ, во что бы то ни стало, добиться отъ Софьи признанія, кто ей милъ; подобно Альцесту же, онъ узнаетъ любовную тайну Софьи случайно (тамъ письмо Селимены, а здѣсь неожиданная сцена въ швейцарской); какъ Альцестъ Селимену, такъ Чацкій Софью упрекаетъ, зачѣмъ она его „надеждой завлекла", хотя, сказать по правдѣ, Чацкій не имѣлъ основанія для такого упрека. Селимана дѣйствительно завлекала Альцеста надеждой: въ первомъ явленіи второго дѣйствія у нихъ идетъ между прочимъ такой разговоръ:

Селимена.... вы ревнуете меня ко всему свѣту.

Альцестъ. Потому что вы относитесь благосклонно ко всему свѣту!

Селимена. Если я отношусь благосклонно ко всѣмъ, ваше встревоженное сердце и должно успокоиться. У васъ было бы больше основанія чувствовать себя оскорбленнымъ, если бы вы видѣли, что благосклонность моя сосредоточивается на комъ-нибудь одномъ.

Альцестъ. Но, сударыня, какимъ преимуществомъ пользуюсь я въ сравненіи съ ними, я, котораго вы упрекаете въ слишкомъ большой ревности?

Селимена. *Счастіемъ сознавать, что вы любимы.*

Ничего подобнаго не говорила Чацкому Софья: напротивъ, встрѣтивъ его такъ холодно, что Чацкій не могъ не сказать ей: „Удивлены? И только? Вотъ пріемъ!... Ни на волосъ любви!"—она и послѣ отвѣчала на его рѣчи такими словами, которыя отнюдь не указывали на сколько-нибудь теплое отношеніе къ

---

[1] Но что это въ сравненьи съ быстротой,
Съ которой, чуть возникъ, ужъ пріобрѣлъ извѣстность
Московской фабрики слухъ вредный и пустой!
И вотъ та родина!...
(«Рус. Архивъ» 1874 г., кн. I, стр. 1574—1575).

нежданно пріѣхавшему и не желанному гостю, и наконецъ на горячее заявленіе Чацкаго:

Велите жъ мнѣ въ огонь — пойду, какъ на обѣдъ

сказала:

Да, хорошо — сгорите, если жъ нѣтъ?

Наконецъ вліяніе Мольера сказалось въ нѣсколькихъ заимствованіяхъ его выраженій—заимствованіяхъ, какъ говоритъ проф. Веселовскій, невольныхъ и неизбѣжныхъ, „коль скоро для человѣка извѣстное чтеніе стало издавна привычнымъ, любимымъ“ [51]). Такъ, напримѣръ, слова: „искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ“ тѣ же, съ которыми сходитъ со сцены и Альцестъ: „chercher sur la terre un endroit écarté, où être homme d'honneur on ait la liberté.“ Платонъ Михайловичъ, по поводу отношенія свѣтскаго общества къ Загорѣцкимъ, говоритъ Чацкому: „Охъ, нѣтъ, братецъ! у насъ ругаютъ вездѣ, а всюду принимаютъ“; то же самое говоритъ Альцестъ Филэнту о порочной снисходительности свѣта къ отъявленнымъ плутамъ.

Есть кое-какія заимствованія и изъ другихъ произведеній Мольера, не только изъ „Мизантропа“. Они указаны Веселовскимъ. „Такъ, когда въ послѣднемъ актѣ (явл. 12-е),—говоритъ профессоръ,—Молчалинъ развиваетъ передъ Лизой свою житейскую философію, объясняя, что, по совѣту отца, онъ угождаетъ всѣмъ безъ изъятья: начальнику, слугѣ, швейцару, дворнику, «собакѣ дворника—чтобъ ласкова была»,—это прямой переводъ стиха изъ Femmes savantes (сцена третья):... «jusqu' au chien du logis il s'efforce de plaire»“. Но, указывая это заимствованіе, Веселовскій дѣлаетъ такую оговорку: „заимствуя этотъ стихъ, Грибоѣдовъ совершенно измѣнилъ его примѣненіе и придалъ ему необыкновенную мѣткость. Въ подлинникѣ его произноситъ женщина (Генріетта), полу-иронически объясняя, до какой степени простирается угодливость любовника, который хочетъ, во что бы то ни стало, достичь своей цѣли и свидѣться съ любимой женщиной; у Грибоѣдова же эта черта выразила всю мѣру лакейскаго низкопоклонства, на которое способенъ человѣкъ въ родѣ Молчалина“ [52]).

Но всѣ эти слѣды вліянія Мольера не умаляютъ достоинствъ нашего „Горя отъ ума“. Грибоѣдовъ вложилъ въ свою комедію вполнѣ русское содержаніе, и если она во многомъ сходна съ „Мизантропомъ“, то зато многимъ и отличается отъ него. Сходство объясняется только отчасти заимствованіями и подражаніемъ,

а главнымъ образомъ сходствомъ положенія обоихъ авторовъ и принадлежностью ихъ къ одному и тому же типу „мизантропа-печальника“. Различіе же вытекаетъ изъ того, что оба писателя самостоятельно наблюдали окружавшую ихъ жизнь—одинъ французскую, а другой русскую. Картина нравовъ, галлерея типовъ въ „Горѣ отъ ума“ даже шире и богаче, чѣмъ въ „Мизантропѣ“. Чего стоитъ одинъ Фамусовъ, для котораго образца у Мольера нѣтъ! Да и тѣ лица, которыя можно сопоставлять съ Мольеровскими, какъ Софья и Молчалинъ, очень отличаются отъ выведенныхъ въ „Мизантропѣ“ — одна отъ Селимены, другой отъ Филэнта. Самъ Чацкій, столь сходный съ Альцестомъ, какъ личность одного съ нимъ общаго типа, имѣетъ свои особенности.

Профессоръ Веселовскій, занимавшійся изученіемъ и сравненіемъ той и другой комедіи, въ концѣ своей работы говоритъ: „Кончая сравненіе обѣихъ пьесъ, намъ кажется, что результатъ его можно назвать утѣшительнымъ. Въ виду несомнѣннаго сходства двухъ произведеній, пришлось провѣрить главныя ихъ черты, одну за другой,—и когда постепенно отпадали случайные, наружные признаки этой близости, обнаруживалось все яснѣе высшее, духовное сродство двухъ писателей съ одинаковыми задатками характера, одинаковымъ положеніемъ среди общества и типической субъективностью творчества. Потомокъ прошелъ по пути, проложенному его великимъ предкомъ, но на основѣ, завѣщанной ему, сумѣлъ возвести свое, самобытное зданіе“ [53]).

Чтобы покончить съ Чацкимъ, мы теперь же отмѣтимъ тѣ важнѣйшія особенности, которыя отличаютъ его отъ Альцеста.

Альцестъ — лицо негодующее, и иронія является у него только изрѣдка; у Чацкаго же орудіемъ обличенія служитъ преимущественно насмѣшка, часто легкая и бойкая, и лишь по временамъ рѣчи его звучатъ глубокимъ негодованіемъ. И въ этомъ преобладаніи насмѣшливости надъ негодованіемъ слѣдуетъ, кажется, видѣть нашу національную черту.

Альцестъ заявилъ себя человѣкомъ съ хорошимъ литературнымъ вкусомъ, но Чацкаго оттѣняетъ присутствіе не только вкуса, но и горячей любви къ наукѣ и искусству.

Въ Чацкомъ мы не замѣчаемъ той непріятной грубости по отношенію къ своей прислугѣ, какая проявляется у Альцеста. „Да я размозжу тебѣ голову, бездѣльникъ, если не объяснишься яснѣе“,—говоритъ онъ своему слугѣ—Дюбуа (Д. IV, явл. 4).

Наконецъ между Альцестомъ и Чацкимъ, какъ обличителями, есть извѣстная доля различія, обусловленная соотвѣтствующей долей различія между французскимъ обществомъ временъ Людовика XIV-го и обществомъ русскимъ въ Александровскую эпоху съ его крѣпостничествомъ, галломаніей и съ его—съ одной стороны Репетиловскимъ либеральничаньемъ, а съ другой — Фамусовскимъ и Скалозубовскимъ обскурантизмомъ. Отсюда-то и является извѣстное различіе въ содержаніи обличительныхъ рѣчей Альцеста и Чацкаго, характеризующихъ ихъ, какъ типы *своего* врёмени, какъ людей, возвышающихся надъ средой, именно *ихъ* окружавшей.

О сходствѣ Чацкаго съ Альцестомъ мы уже говорили. Но однимъ изъ нашихъ театральныхъ критиковъ шестидесятыхъ годовъ [54]) была высказана мысль о нѣкоторомъ сходствѣ Чацкаго съ Гамлетомъ. Чацкій, по словамъ этого критика, — та же „страстная, нѣжная душа, ищущая любви, и выходящая изъ себя потому, что на любовь свою не встрѣчаетъ отвѣта“.

Впрочемъ намекъ на возможность сопоставлять Грибоѣдовскаго героя съ Шекспировскимъ есть и у Веселовскаго, который въ своихъ „Этюдахъ о Мольерѣ“ между прочимъ говоритъ: „Ревность, любовь, зависть, притворство можно скорѣе возсоздать усиліями воображенія, не испытавъ самому всѣхъ ихъ тревогъ,— но мизантропію, какъ учитъ насъ опытъ, можно понять и изучить лишь тому, кто способенъ выстрадать ее. Оттого-то мы въ правѣ искать въ соотвѣтствующихъ пьесахъ Шекспира, Мольера, Грибоѣдова отголоска личной жизни ихъ авторовъ, ихъ собственныхъ признаній“ [55]).

IV.

„Горе отъ ума“, какъ картина нравовъ, противъ которыхъ возстаетъ Чацкій, и какъ галлерея отрицательныхъ типовъ. — Самостоятельность Грибоѣдова въ изображеніи этихъ нравовъ и типовъ.—Московскій Сенъ-Жерменъ.— Московскія звѣзды первой величины.—Онѣ становились образцами для звѣздъ второй величины, за которыми тянулась и „мелкая сошка“.—Фамусовъ—представитель звѣздъ второй величины.—Черты Фамусова.—Скалозубъ и скалозубовщина Александровской эпохи.—Молчалинъ; сходство и различіе между нимъ и Филэнтомъ; Молчалинскія черты въ русскомъ обществѣ. — Репетиловъ, какъ Фамусовъ - неудачникъ, какъ жуиръ и какъ либералъ.—Загорѣцкій и другіе гости на вечерѣ у Фамусова.—Хлестова по окончательной редакціи и по первоначальной.—Софья.—Лиза.

Въ началѣ этой книги мы сказали, что самое цѣнное въ комедіи Грибоѣдова — протестующая личность Чацкаго. Важенъ

Чацкій потому, что онъ имѣетъ не только историческое, но и общее значеніе. Затѣмъ цѣнны въ этой комедіи картина нравовъ и галлерея типовъ. Какъ Чацкій не есть сколокъ съ Альцеста, такъ и изображенные въ „Горѣ отъ ума" нравы и типы не списаны съ Мольеровскихъ и вообще съ французскихъ произведеній: изображеніе ихъ является плодомъ личной наблюдательности Грибоѣдова. Это удостовѣряется, во-первыхъ, тѣмъ, что существуютъ указанія на тѣ дѣйствительныя лица, которыя послужили или могли послужить поводомъ для Грибоѣдовскихъ типовъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что поводомъ для изображенія Фамусова послужилъ родной дядя поэта — Алексѣй Ѳедоровичъ; въ Скалозубѣ видятъ одни—бригаднаго генерала Фролова, другіе—Римскаго-Корсакова, иные же — самого Аракчеева; Молчалинъ—это секретарь того архива, начальникомъ котораго былъ Алексѣй Ѳедоровичъ; въ Горичевѣ узнаютъ Огарева, служившаго вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ въ военной службѣ, и т. д. Всѣ эти указанія на оригиналы для Грибоѣдовскихъ типовъ собраны у Шляпкина (въ его „Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова", II, 523—526). Во-вторыхъ, изображенные въ „Горѣ отъ ума" нравы могутъ быть провѣрены по многочисленнымъ запискамъ современниковъ или по крайней мѣрѣ по такому труду, въ которомъ, на основаніи этихъ записокъ и другихъ документовъ, уже представлена характеристика современной Грибоѣдову эпохи. Такой трудъ принадлежитъ нашему академику Н. Ѳ. Дубровину [56]).

Конечно, между нравами, изображенными у Грибоѣдова и у Мольера, найдется много общаго; но это объясняется опять-таки не подражаніемъ, а тѣмъ, что многія отрицательныя стороны какъ русскаго общества времени Грибоѣдова, такъ и французскаго времени Мольера были однѣ и тѣ же. Въ особенности много сходныхъ чертъ можно было найти между высшимъ парижскимъ обществомъ эпохи Людовика XIV-го и тѣмъ, которое во время Грибоѣдова населяло Подъ-Новинское. Недаромъ же проф. Веселовскій сопоставляетъ эту часть Москвы съ Сенъ-Жерменомъ. А Грибоѣдовъ для своей комедіи главнымъ образомъ и бралъ подъ-новинскихъ героевъ. По словамъ Зотова [57]), только одинъ Репетиловъ имѣетъ своимъ оригиналомъ лицо, долго жившее въ Петербургѣ.

Итакъ въ „Горѣ отъ ума" изображено главнѣйшимъ образомъ московское общество, и преимущественно общество высшее.

Въ Москвѣ, — читаемъ въ трудѣ академика Дубровина, — „жило большое число нашихъ знаменитѣйшихъ и старѣйшихъ родовъ и высшее дворянство. Большею частью это были люди, занимавшіе прежде высшія государственныя должности и потомъ отдыхавшіе на склонѣ дней въ пышномъ бездѣйствіи" [58]). Изъ нихъ наиболѣе сановитые и богатые, видавшіе пышный дворъ Екатерины и старавшіеся подражать ему, были звѣздами первой величины. Такою звѣздою былъ, напримѣръ, Александръ Семеновичъ Васильчиковъ—вельможа, бывшій „въ случаѣ" при упомянутой императрицѣ. О московской жизни его одинъ изъ современниковъ разсказываетъ такъ: „Домъ у него былъ сущій замокъ или какой дворецъ. Подъѣздъ былъ съ навѣсомъ: выѣдешь—какъ будто прямо въ парадныя сѣни въѣхалъ. Швейцары встрѣчаютъ, звонятъ въ верхъ, а тамъ ливрейныхъ лакеевъ высыплетъ съ дюжину и начнутъ дверь отворять и провожать съ поклонами и 10-ю церемоніями, по-китайски; ведутъ черезъ всѣ парадныя комнаты, убранныя драгоцѣнными картинами, мебелью, фарфорами и проч.". Въ самой же отдаленной небольшой комнаткѣ сидѣлъ хозяинъ, въ бархатномъ халатѣ, темнозеленомъ, опушенномъ соболями, „при двухъ звѣздахъ непремѣнно" [59]).

Свои звѣзды, ленты, брилліантовой ключъ и всѣ свои блестящіе доспѣхи носилъ не снимая и бывшій оберъ-камергеръ императрицы Екатерины — князь Голицынъ; да такъ дѣлали и многіе другіе отставные вельможи „минувшаго вѣка".

Роскошная жизнь этихъ вельможъ доходила иногда до ужасающихъ размѣровъ. Графъ Алексѣй Орловъ „своимъ богатствомъ превосходилъ всѣхъ владыкъ образованнаго міра и утопалъ среди чисто азіатской роскоши" [60]). „Князь N", — пишетъ Волкова, — „пока мы были въ деревнѣ, давалъ ужины, на которые истратилъ 120 тысячъ рублей" [61]). Домъ фельдмаршала графа Михаила Өедотовича Каменскаго былъ переполненъ разнымъ людомъ, составлявшимъ, какъ и во многихъ другихъ богатыхъ домахъ, прислугу и свиту графа. Няни, мамы, плѣнныя турчанки, крещеныя въ православную вѣру и кое-какъ воспитанныя, калмыки, карлицы, горничныя и сѣнныя дѣвушки — все это сливалось со всѣми утонченностями западной роскоши и свѣтскости [62]). Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ всѣми силами поддерживалъ свою сановитость: ѣздилъ всегда въ четырехмѣстномъ ландо, запряженномъ четверкою лошадей, цугомъ, съ двумя гайдуками на запяткахъ и любимымъ калмыкомъ на козлахъ, возлѣ кучера. Князь самъ не выходилъ изъ кареты, а его вынимали и выносили гайдуки" [63]).

Звѣзды первой величины давали тонъ и руководили общественной жизнью Москвы. За ними тянулись и звѣзды второй величины, ставили ихъ себѣ за образецъ и по мѣрѣ силъ старались имъ подражать. Къ звѣздамъ этой величины принадлежали дворяне тоже богатые, но менѣе сановитые. Эти люди очень дорожили мнѣніемъ звѣздъ первой величины и боялись ихъ осужденія. За второстепенными здѣздами тянулись дворяне помельче; купцы также тянулись за дворянами и за вельможами, смотря по своему карману, и даже слуги старались подражать своимъ господамъ. Слова басни Крылова:

. . . жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитый гражданинъ,
А сошка мелкая, какъ знатный дворянинъ —[64]).

вполнѣ относились къ своему времени.

Грибоѣдовскій Фамусовъ принадлежалъ, конечно, къ высшему московскому обществу, какъ дворянинъ и богатый помѣщикъ; его домъ посѣщали представители княжескихъ и графскихъ фамилій,— но все же онъ не былъ сановитымъ Екатерининскимъ вельможей, не обладалъ богатствомъ Орлова или Каменскаго, не покоился въ „пышномъ бездѣйствіи", а служилъ, занимая сравнительно скромную должность управляющаго казеннымъ мѣстомъ. Словомъ сказать, онъ — звѣзда второй величины.

Какъ второстепенная звѣзда, Фамусовъ не былъ въ числѣ законодателей свѣтскихъ приличій и вообще уклада жизни того общества, къ которому онъ принадлежалъ: это право оставалось за звѣздами первой величины; онѣ задавали тонъ, а остальные его подхватывали и чутко прислушивались къ мнѣнію властныхъ „старичковъ". Хотя Фамусовъ въ разговорѣ съ Софьей и употребилъ выраженіе: „себѣ я господинъ" (I, 4), но это надо относить къ его семейному, а не общественному положенію. Въ общественномъ отношеніи онъ былъ лицо зависимое, — конечно, въ томъ смыслѣ, что долженъ былъ подчиняться строю жизни, установленному тѣми „столбовыми", которые „въ усъ никому не дули". Но кажется, еще большая зависимость Фамусовыхъ была отъ женъ этихъ столбовыхъ. Эти дамы тоже по-своему „въ усъ никому не дули". Павелъ Аѳанасьевичъ о нихъ говоритъ (II, 5):

Судьи всему, вездѣ, надъ ними нѣтъ судей,—

и поэтому неудивительно, что онъ такъ боится уронить себя во мнѣніи княгини Марьи Алексѣвны. Женщины относительно вы-

полненія всякихъ приличій бываютъ обыкновенно требовательнѣе мужчинъ, и въ запискахъ и письмахъ современниковъ Грибоѣдова мы не отъ мужчинъ, а именно отъ женщины,— Волковой, — слышимъ такую фразу: „коль скоро попадаютъ въ наше общество, мы хотимъ, чтобы дѣйствовали по-нашему“ [65]).

Но зависимость Фамусова отъ „старичковъ“ не тяжела для него, такъ какъ онъ совершенно солидаренъ съ ними въ ихъ взглядѣ на жизнь; онъ смотритъ на нихъ съ сочувствіемъ и съ какимъ-то особеннымъ благоговѣніемъ.

Что за тузы въ Москвѣ живутъ и умираютъ!

восклицаетъ Фамусовъ подъ вліяніемъ воспоминанія о „похвальномъ“ житьѣ того „почтеннаго“ камергера, на погребеніе котораго онъ приглашенъ (II, 1). Житье Кузьмы Петровича названо похвальнымъ, а самъ онъ почтеннымъ потому во-первыхъ, что онъ дослужился до званія камергера, а во-вторыхъ — умѣлъ и сыну ключъ доставить, былъ богатъ и взялъ богатую жену, и наконецъ переженилъ дѣтей и внучатъ — и тоже, конечно, не безъ денежнаго расчета.

Еще съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ и даже съ гордостью, какъ о своемъ дядѣ, говоритъ Фамусовъ о другомъ вельможѣ — о Максимѣ Петровичѣ (II, 2):

. . . онъ не то на серебрѣ —
На золотѣ ѣдалъ; сто человѣкъ къ услугамъ;
Весь въ орденахъ; ѣзжалъ-то вѣчно цугомъ;
Вѣкъ при дворѣ, да при какомъ дворѣ!
Тогда не то, что нынѣ,—
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
А въ тѣ поры всѣ важны, въ сорокъ пудъ!..
Раскланяйся — тупеемъ не кивнутъ.
Вельможа въ случаѣ, тѣмъ паче,
Не какъ другой, и пилъ и ѣлъ иначе.
А дядя! что твой князь, что графъ!
Серьезный взглядъ, надменный нравъ!

Эта ѣда на золотѣ, эти сто человѣкъ къ услугамъ, ордена и вѣчная торжественность обстановки, словомъ сказать — богатство и знатность, и отсюда возможность держать себя надменно, не отвѣчать на поклоны людей положеніемъ пониже — вотъ что производило обаяніе на Фамусова. Такимъ образомъ, ясно, въ чемъ полагалъ онъ высшее благо жизни, ясно, какіе были у него идеалы. И міровоззрѣніе Фамусова не было чѣмъ-то особеннымъ, выдѣляющимся, на что указываютъ слѣдующія слова, приводимыя академикомъ Дубровинымъ изъ одной безыменной записки, по-

данной въ 1826 г. императору Николаю Павловичу: „Въ Россіи“ — говоритъ авторъ записки—„всѣ стремятся къ *знати* и *богатству*, все приносится въ жертву симъ кумирамъ, сердца всѣхъ къ нимъ только прилѣплены“[66]). И такое положеніе критически смотрѣвшими современниками объяснялось отсутствіемъ въ обществѣ истиннаго просвѣщенія[67]).

Лучшимъ средствомъ для добыванія того, что Фамусовъ признавалъ верховнымъ блаженствомъ, онъ считалъ умѣнье „подслужиться“. Но справедливо ли обвинять за выборъ такого средства только одного Фамусова? — Конечно, нѣтъ: въ распространеніи убѣжденія, что низкопоклонствомъ и угодливостью можно достичь желаемаго положенія, виноваты прежде всего сами же звѣзды первой величины. Лучшія мѣста онѣ предоставляли своимъ родственникамъ или своимъ любимцамъ. Одинъ изъ современниковъ очень жаловался на тогдашнюю „удобность къ достиженію чиновъ и почестей, такъ сказать, наслѣдственно, безъ заслугъ“[68]). Не будучи же родственникомъ „туза“, оставалось попасть въ его любимцы — путемъ „подслуживанья“. Важно также было имѣть то, что тогда называли „случаемъ“. Комментаріемъ къ этому „случаю“ можетъ служить слѣдующій разсказъ тогда еще только начинавшаго службу Жихарева. Однажды, въ 1806 г., Державинъ, принимавшій участіе въ молодомъ человѣкѣ, далъ ему рекомендательное письмо къ министру — князю Лопухину, и настоятельно требовалъ, чтобы Жихаревъ сходилъ съ этимъ письмомъ къ князю. Жихаревъ исполнилъ требованіе — и вотъ его разсказъ о посѣщеніи имъ министра.

„*21 декабря.* Въ 10 часу явился я къ князю П. В. Лопухину... Какой-то молодой человѣкъ подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: «Что вамъ угодно?» — «Ничего», отвѣчалъ я: «хочу только вручить его свѣтлости вотъ это письмо отъ Г. Р. Державина». Юноша предложилъ мнѣ отнести письмо къ князю, но, увидѣвъ, что оно за открытою печатью, спохватился и сказалъ, что князь занимается съ директоромъ Салтыковымъ и экспедиторами, но черезъ полчаса будетъ свободенъ, и тогда онъ обо мнѣ доложитъ. Я покамѣстъ сѣлъ на истертый, вѣроятно просителями, диванъ и прождалъ около часу. По выходѣ директора съ экспедиторами, молодой человѣкъ побѣжалъ доложить обо мнѣ и, тотчасъ же возвратившись назадъ, объявилъ мнѣ съ улыбкою и чрезвычайно ласково, что князь проситъ меня пріѣхать къ нему въ часъ пополудни. Я отправился покамѣстъ въ Коллегію, и ровно въ часъ былъ опять въ той же пріемной залѣ. Вскорѣ

меня пригласили въ кабинетъ министра. Князь сидѣлъ на диванѣ, опершись обѣими руками на столъ и поддерживая ими голову — прекрасную голову мужчины лѣтъ 55-ти съ чѣмъ-нибудь, и читалъ книгу, кажется – французскую энциклопедію. Я подалъ ему письмо, которое прочитавъ и положивъ на столъ, «Садись, братецъ», сказалъ онъ: «что дѣлаетъ Г. Р., и давно ли ты знакомъ съ нимъ?» Я разсказалъ ему исторію нашего знакомства и прибавилъ, что я никогда бы не осмѣлился безпокоить его свѣтлость, если бъ Г. Р. настоятельно того не требовалъ. «Почему жъ и не такъ?» сказалъ онъ. «Да ты опредѣлился ужъ куда-нибудь?» Я отвѣчалъ, что опредѣлился въ Иностранную Коллегію. «Похлопочи, чтобы тебя перевели въ канцелярію министра, а то въ Коллегіи столько васъ, что ни до чего не добьешься». — «Но у меня нѣтъ никакого случая», сказалъ я. «*Да, нечего таить грѣха*», молвилъ онъ со вздохомъ: «*безъ случая всегда и вездѣ плохо*». Тутъ доложили ему о приходѣ какого-то толстенькаго г. Розенкампфа, который и вошелъ вслѣдъ за докладчикомъ, раскланиваясь и прижимая къ груди шляпу. Князь, кажется, былъ радъ его приходу, потому что, сколько я замѣтилъ, едва ли онъ не тяготился мной“ [69]).

Что касается Фамусова, то передъ глазами его былъ живой примѣръ успѣшнаго подслуживанья, и, благодаря отсутствію истиннаго просвѣщенія, онъ не могъ, подобно Чацкому, отнестись критически къ льстивой угодливости: напротивъ, онъ считаетъ ее въ житейскомъ отношеніи благоразумной, ведущей прямо къ тому, что, по его понятіямъ, составляетъ благо жизни, и искренно сожалѣетъ о тѣхъ легкомысленныхъ, — опять-таки по его мнѣнію,— „гордецахъ“, которые пренебрегаютъ такимъ въ его кружкѣ всѣми признаннымъ средствомъ. Изъ желанія добра этимъ гордецамъ, понимаемаго имъ по-своему, онъ убѣжденно и горячо проповѣдуетъ имъ низкопоклонство, стараясь повліять на нихъ примѣромъ Максима Петровича (II, 2), а словами:

Да... Вы, нынѣшніе, ну-тка!

хочетъ показать имъ всю негодность ихъ несогласнаго съ его убѣжденіями образа мыслей, хочетъ выразить полную свою увѣренность въ невозможности съ этимъ образомъ мыслей „выйти въ люди“, что на языкѣ его значило быть знатнымъ и богатымъ или по крайней мѣрѣ—имѣть видное мѣсто и солидное обезпеченіе.

Угодливость Максима Петровича есть, конечно, своего рода лакейство, а сочувствіе ему Фамусова указываетъ, что оно съ

родни и его душѣ. Тѣмъ смѣшнѣе его гордое сознаніе своего дворянства. Дворянскую честь онъ понимаетъ не такъ, какъ понимали ее, напримѣръ, герои Карамзинской повѣсти [70]) — Громиловъ, Буриловъ и Прямодушинъ, которые взаимно клялись „поступать всегда великодушно, не бояться ни знатныхъ ни сильныхъ, а только Бога и Государя; смѣло говорить правду губернаторамъ и воеводамъ; никогда не быть ихъ прихлебателями и не такать противъ совѣсти". Фамусовъ дворянскую честь полагалъ не въ нравственныхъ достоинствахъ, а въ ѣдѣ на золотѣ, въ огромномъ штатѣ прислуги, въ торжественныхъ выѣздахъ цугомъ и тому подобныхъ отличіяхъ богатаго барства. Этими отличіями и дорожило московское барство, а потому Фамусовъ и расхваливаетъ такъ Москву (II, 5).

Изъ идеаловъ Фамусова и вообще изъ его міровоззрѣнія вытекаютъ и его оцѣнка людей и его отношеніе къ нимъ. Онъ громко заявляетъ, что для него ровнехонько — хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ; уваженіемъ его пользуются люди не за честность, а за тѣ выгоды, которыхъ отъ нихъ можно ожидать. Онъ раболѣпно ухаживаетъ за Скалозубомъ, потому что тотъ

И золотой мѣшокъ и мѣтитъ въ генералы (I, 5) —

слѣдовательно, является выгоднымъ женихомъ для Софьи, для которой, по словамъ Фамусова, не пара тотъ, кто бѣденъ (I, 4). За то

Будь плохонькій, да если наберется
Душъ тысячки двѣ родовыхъ,
Тотъ и женихъ (II, 5).

Съ другой стороны —

. . . хоть прытче будь, надутый всякимъ чванствомъ,
Пускай себѣ разумникомъ слыви,
А въ семью не включатъ, на насъ не подиви, —

говоритъ Фамусовъ (II, 5) и самой формой своей рѣчи указываетъ, что въ вопросѣ о бракѣ онъ держится общепринятаго въ его кружкѣ воззрѣнія — воззрѣнія, которое, по его заявленію, и свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ умѣютъ еще „дорожить дворянствомъ".

Расхваливая Москву, Фамусовъ между прочимъ говоритъ о ея хлѣбосольствѣ (II, 5):

. . . . Возьмите вы хлѣбъ-соль:
Кто хочетъ къ намъ пожаловать — изволь,
Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ.

Въ этой чертѣ тогдашней московской жизни отчасти можно видѣть отголосокъ вообще русскаго гостепріимства, которое у богатыхъ людей было развито въ широкихъ размѣрахъ и сдѣлалось традиціоннымъ. У нихъ, — разсказываетъ академикъ Дубровинъ, — „ворота всегда были настежь, сосѣди и мелкіе дворяне такъ и валили попировать на счетъ хозяина. У графа Чернышова, въ его имѣніи Точино, въ торжественные дни собиралось до 500 лошадей въ конюшняхъ, и гости жили по нѣскольку недѣль.— Тайный совѣтникъ П. И. Юшковъ самъ зазывалъ къ себѣ гостей. Получивъ въ наслѣдство 10.000 душъ крестьянъ, два дома въ Москвѣ, подмосковную дачу, 40 пудовъ серебра и брилліантовъ на 200.000, онъ прожилъ все свое состояніе на угощеніе и разныя затѣи. Въ 80 верстахъ отъ Москвы, въ Калужской губерніи, онъ имѣлъ деревню Чечково, изъ которой хотѣлъ сдѣлать чудеса. Прежде всего онъ построилъ тамъ паровую баню, что было въ то время рѣдкостью, въ которой самъ исполнялъ обязанности банщика: мылъ и парилъ своихъ гостей. Для встрѣчи ихъ въ двухъ мѣстахъ были выставлены подставы, при чемъ на каждой станціи жилъ дворецкій съ поварами... Гостей своихъ въ Чечковѣ онъ закармливалъ, исполняя обязанности повара. Онъ превосходно варилъ борщъ, жарилъ особымъ образомъ индѣйку безъ костей и телятину, въ четверти которой было до двухъ пудовъ вѣсомъ. — Домъ и столъ у богатыхъ помѣщиковъ Гончаровыхъ былъ всегда открытъ для многочисленныхъ сосѣдей, которые пріѣзжали цѣлыми семействами, проводили по двѣ, по три недѣли и пользовались всѣмъ готовымъ вмѣстѣ съ прислугою и лошадьми. Необходимо замѣтить, что въ то время ни хозяинъ ни гости не стѣсняли другъ друга: случалось, что бѣдные дворяне гурьбою пріѣзжали къ богатому сосѣду и жили, не показываясь ему на глаза. — Съ прибытіемъ князя Куракина на лѣто въ село Надеждино, все закипало шумной жизнью, полной всякаго довольства, не подчиненной строгому этикету и порядку. Зато и князь не церемонился съ своими многочисленными нахлѣбниками. Чтобы не стѣснять себя и другихъ, князь Куракинъ вывѣсилъ въ разныхъ комнатахъ своего дома и во многихъ мѣстахъ парка слѣдующее объявленіе:

Обрядъ и правила для здѣшняго образа жизни въ селѣ Надеждинѣ.

1) Хозяинъ, удаляясь отъ суетъ и пышностей мірскихъ, желаетъ и надѣется обрѣсти здѣсь уединеніе совершенное, а отъ онаго проистекающее счастливое и ничѣмъ непоколебимое спокойствіе духа.

2) Хозяинъ почитаетъ хлѣбосольство и гостепріимство основаніемъ взаимнаго удовольствія въ общежитіи, слѣдственно видитъ въ оныхъ пріятныя для себя должности.

3) Всякое здѣсь сдѣланное посѣщеніе хозяину будетъ имъ принято съ удовольствіемъ и признаніемъ совершеннымъ.

4) Хозяинъ, наблюдая предметъ и пользу своего сюда пріѣзда, опредѣляетъ въ каждый день раздѣлить свое время съ жалующими къ нему гостьми — отъ часа пополудни до обѣда, время обѣда, и все «послѣ обѣда» до семи часовъ вечера.

5) Хозяинъ, по вышесказанному наблюденію, опредѣляетъ утро каждаго дня отъ семи часовъ до полудня для разныхъ собственныхъ его хозяйственныхъ объѣздовъ, осмотровъ и упражненій, а вечеръ каждаго дня до десяти часовъ опредѣляетъ онъ для уединеннаго своего чтенія или письма.

6) Хозяинъ проситъ тѣхъ, кои могутъ пожаловать къ нему на одинъ, или на два, или на многіе дни, чтобъ, будучи въ его домѣ, почитали сами себя хозяевами, никакъ не помня о немъ, единственно въ семъ качествѣ приказывали бъ его людямъ всѣ надобныя для нихъ услуги, и однимъ словомъ — распоряжались своимъ временемъ отъ самаго утра, какъ каждый привыкъ и какъ каждому удобно, отнюдь не сноровливая къ провожденію времени самого хозяина, который черезъ то, съ новою къ нимъ благодарностію, получитъ свою свободу имъ принятое безостановочно и съ продолжительнымъ тщаніемъ выполнить.

7) Хозяинъ никогда не ужинаетъ, но всякій день въ девять часовъ вечера будетъ у него ужинъ готовъ для всѣхъ пріобыкшихъ къ оному, и онъ, прося дозволенія отъ онаго всегда отлучаться, проситъ также своихъ случающихся гостей, не смотря на его отсутствіе, за оный садиться и за онымъ самимъ хозяйничать.

Вообще въ старину принимали гостей такъ, чтобы имъ захотѣлось пріѣхать въ другой разъ. У графа Чернышова гости угощались съ утра и до вечера; ѣли фрукты до обѣда и послѣ него; каждый, кто хотѣлъ, шелъ въ оранжерею или фруктовый сарай и срывалъ самъ съ деревъ плоды. Въ настоящее время, говоритъ современникъ (Бутеневъ — въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщ. въ Рус. Арх. 1881 г., кн. III), трудно понять, до какихъ широкихъ размѣровъ простиралось это старинное гостепріимство“ [71]).

Само собой разумѣется, что широкое гостепріимство соблюдалось и въ Москвѣ. Конечно, обычаи — обычаемъ, но въ этомъ, можно сказать, необузданномъ гостепріимствѣ,—если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ многихъ широко жившихъ хозяевъ,— была и

значительная доля тщеславія. Фамусовы же, сверхъ того, имѣли и еще причину быть гостепріимными: они, какъ сказалъ Ор. Ѳ. Миллеръ, „имѣли въ виду не только тѣшить свое тщеславіе широкой молвой объ ихъ «открытомъ столѣ», но и зажимать этимъ рты всѣмъ тѣмъ, кто бы вздумалъ коснуться ихъ собственной закулисной жизни. Фамусовы должны были сохранять свой prestige въ смыслѣ отсутствія съ ихъ стороны не *грѣха*, а *молвы о грѣхѣ*, такъ какъ такая молва пожалуй бы помѣшала имъ устоять въ выгодномъ для нихъ мнѣніи княгини Марьи Алексѣевны“ [72]).

Но, принимая всѣхъ, — и званыхъ и незваныхъ, — Фамусовы не подражали князю Куракину: они не одинаково относились къ своимъ гостямъ; особеннымъ вниманіемъ ихъ пользовались только люди „замѣтные“ да „золотые мѣшки“. Съ ними Фамусовы старались быть до того любезны, что даже названіе чина ихъ употребляли не въ единственномъ числѣ, а во множественномъ, придавая тѣмъ своей рѣчи что-то лакейское. Такъ, Павелъ Аѳанасьевичъ, обращаясь къ Скалозубу, говоритъ (III, 5):

Вы повели себя исправно:
Давно *полковники*, а служите недавно.

А какимъ подобострастнымъ тономъ, конечно, разсыпался онъ передъ Скалозубомъ въ похвалахъ его двоюродному брату и съ какой, — это можно живо представить себѣ, — особенной улыбкой произносилъ онъ свой вопросъ:

Имѣетъ, кажется, въ петличкѣ орденокъ? (II,5).

Совсѣмъ не тѣмъ тономъ и не тѣмъ голосомъ разговариваетъ Фамусовъ съ Хлестовой или, напримѣръ, съ Загорѣцкимъ. Какая слышится увѣренность, какая авторитетность, когда онъ на реплику Загорѣцкаго возражаетъ (III, 21):

Ну, вотъ! великая бѣда,
Что выпьетъ лишнее мужчина! и т. д.

Есть въ „Горѣ отъ ума“ указаніе, что знакомства съ людьми, отъ которыхъ не ждали никакихъ матеріальныхъ выгодъ, и вовсе избѣгали. Вспомните это знаменитое:

Князь, князь! назадъ!

которое громогласно раздается изъ устъ княгини Тугоуховской, когда она узнаетъ, что Чацкій и не камеръ-юнкеръ и не богатъ (III, 7).

Фамусовъ, говоря вообще, человѣкъ не злой: правда, у него всегда на умѣ пословица: „своя рубашка ближе къ тѣлу“, но онъ

не чуждъ нѣкотораго доброжелательства. Мы уже видѣли, что онъ способенъ искренно сожалѣть о людяхъ, не умѣющихъ оцѣнить то, что онъ считаетъ высшимъ благомъ жизни, онъ горячо имъ проповѣдуетъ свою лакейскую мораль, хочетъ убѣдить ихъ живыми примѣрами. Свое доброжелательство къ Чацкому Фамусовъ проявилъ еще тогда, когда тотъ былъ ребенкомъ: онъ уже и тогда заботился о его карьерѣ (II,5); онъ сожалѣетъ о двоюродномъ братѣ Скалозуба, вдругъ оставившемъ службу, на которой могъ бы далеко пойти. Да наконецъ самая форма его урока Чацкому, начинающагося словами: „Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!“ — указываетъ, что Павелъ Аѳанасьевичъ имѣетъ въ виду не одного Александра Андреевича, а вообще всѣхъ „гордецовъ“, не признающихъ Фамусовскаго средства добывать себѣ земныя блага.

Въ виду того, что Фамусовъ способенъ къ доброжелательству, можно и выраженіе его:

Ну, какъ не порадѣть родному человѣчку! (II,5)

толковать въ смыслѣ искренней доброжелательности родственникамъ. Однако это „радѣнье о родномъ человѣчкѣ“ нельзя объяснять только одной сердечностью: были для этого радѣнья причины болѣе сильныя и опять-таки совершенно эгоистическія: дворянская гордость, дворянская честь требовали, чтобы вышедшіе „въ люди“ члены рода тянули наверхъ своихъ родственниковъ. Кузьма Петровичъ прославляется Фамусовымъ не только за то, что достигъ камергерскаго званія, но и за то, что

и сыну ключъ умѣлъ доставить (II,1).

Вотъ главнымъ образомъ почему при Фамусовѣ

служащіе чужіе очень рѣдки:
Все больше сестрины, свояченицы дѣтки (II,5).

Конечно, такая забота о родственникахъ имѣла вредную сторону, ибо она именно и представляла „удобность къ достиженію чиновъ и почестей безъ заслугъ“, а часто и прямо давала возможность занимать служебное мѣсто человѣку рѣшительно неспособному. Но Фамусовы блюли *свои* интересы, а не интересы службы. Татищевъ въ своей „Исторіи Россіи“ указывалъ, что современное ему общество „ученіемъ и разумомъ не просвѣщено и болѣе за страхъ, нежели отъ собственнаго благонравія въ должности содержится“ [73]). Тѣ же рѣчи слышимъ и отъ современниковъ Александровской эпохи. Нѣтъ въ обществѣ „истиннаго просвѣщенія и любви къ общему благу“, говорится въ указанномъ уже выше номерѣ „Русскаго Вѣстника“ Глинки [74]). Не было этой любви

и даже понятія о ней и у Фамусова: служба для него была лишь средствомъ къ повышенію, къ чинамъ и прочимъ внѣшнимъ отличіямъ. Словомъ, и тутъ Фамусовъ смотрѣлъ съ чисто эгоистической точки зрѣнія. Отсюда и то отношеніе его къ службѣ, которое такъ мѣтко характеризуется его же словами:

А у меня, что дѣло, что не дѣло, —
Обычай мой такой:
Подписано, такъ съ плечъ долой (I.4).

До чего неправильно смотрѣли тогда многіе на службу, видно ужъ изъ того характернаго письма, которое приводитъ Жихаревъ въ своихъ „Запискахъ". Иванъ Петровичъ Архаровъ, братъ извѣстнаго въ свое время петербургскаго оберъ-полицмейстера, а потомъ московскаго губернатора, рекомендуя на службу завѣдомаго глупца и неуча, писалъ: „Любезный другъ Петръ Степановичъ! Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, *а потому и нужно ему покровительство*. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дуракѣ: запиши его въ свою канцелярію и, при случаѣ, не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь — мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стоитъ; да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей". Приведя это письмо, которое въ наше время всѣмъ показалось бы крайне циничнымъ, Жихаревъ замѣчаетъ: „Вслѣдствіе этой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина" [75]).

Награждая чинами „простофилю", не боялись того, что онъ со временемъ можетъ попасть и въ „управляющіе казеннымъ мѣстомъ",—не боялись этого потому, что простофили въ подобныхъ случаяхъ, равно какъ и Фамусовы, запасались „дѣловыми" секретарями. Фамусову, не желавшему слишкомъ углубляться въ служебныя дѣла, знающій дѣло секретарь былъ нуженъ; онъ, конечно, и искалъ такого—нашелъ, пригрѣлъ и, очевидно, дорожилъ имъ, потому что зналъ, что за плечами дѣльнаго секретаря, да еще отличающагося „умѣренностью и аккуратностью", онъ можетъ быть совершенно покоенъ. Ему только оставалось понукать секретаря, чтобы дѣла не накоплялись и скорѣе спускались съ рукъ.

Фамусовъ съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ представителемъ того темнаго міра, гдѣ царило грубое невѣжество,—

и принадлежность его къ этому міру обнаруживается уже въ началѣ комедіи, въ той сценѣ съ Лизой, гдѣ онъ заявляетъ, что въ чтеніи не видитъ проку, и книга на него лишь наводитъ сонъ (I, 2). Въ этомъ отношеніи Фамусовъ не ушелъ дальше Скотинина, который чтеніе считалъ дѣломъ великой скуки. Презрительное отношеніе Фамусова къ книгѣ выражено и въ 4-мъ явленіи перваго дѣйствія, гдѣ книжныя лавки онъ ставитъ наравнѣ съ бисквитными и считаетъ книгу такой же модной затѣей, какъ французскія шляпки, булавки и шпильки. Такое отношеніе къ просвѣщенію также является въ Фамусовѣ типической чертой, унаслѣдованной отъ стараго вѣка, и въ запискахъ современниковъ встрѣчаются указанія на такихъ вельможъ, которые отличались „закоренѣлымъ презрѣніемъ къ произведеніямъ ума и художествъ". Одинъ изъ такихъ вельможъ Екатерининскаго времени до того ненавидѣлъ живопись и стихотворство, что всѣхъ ни къ чему не годныхъ людей своихъ называлъ живописцами и стихотворцами [76]).

Впрочемъ въ рѣчахъ Фамусова есть и отголосокъ реакціоннаго движенія, которое въ такихъ людяхъ, какъ Павелъ Аѳанасьевичъ, должно было находить себѣ сочувствіе.

Ученье — вотъ чума, ученость — вотъ причина,
Что нынче пуще чѣмъ когда
Безумныхъ развелось людей, и дѣлъ, и мнѣній —

говоритъ Фамусовъ (III, 21), и прибавляетъ:

. . . ужъ коли зло пресѣчь,—
Забрать всѣ книги бы да сжечь.

Относясь внѣшнимъ образомъ къ службѣ, Фамусовъ такъ же относился и къ воспитанію своей дочери. Формальное отношеніе къ воспитанію дѣтей въ Фамусовскія времена было явленіемъ заурядныкъ, и если существовали очерченныя Крыловымъ матери-кукушки, то были и соотвѣтствующіе имъ отцы. „Въ простотѣ душевной, сами не искусившись въ наукѣ, родители" говоритъ акад. Дубровинъ — „думали, что, заплативъ хорошо за присмотръ и ученье дѣтей своихъ, они исполнили свою обязанность, чисты предъ Богомъ, совѣстью и отечествомъ. Полагая, что можно пріобрѣсти чувство дѣтей къ родителямъ за деньги, они предавались сами шумной и веселой жизни" [77]). Фамусовъ тоже былъ убѣжденъ, что, „принанявъ мадамъ", онъ достаточно порадѣлъ о воспитаніи Софьи—и затѣмъ, не зная, „какой у дочки

тайный томъ дремалъ до утра подъ подушкой“, не зная ничего о ночныхъ ея свиданіяхъ съ Молчалинымъ, съ спокойною совѣстью приказывалъ Петрушкѣ отмѣчать дни, въ которые онъ званъ то на форели, то на погребенье какого-нибудь московскаго „туза“, при чемъ иногда отмѣчалось и такое обстоятельство, какъ крестины у вдовы-докторши.

Отношеніе Фамусова къ иностранцамъ и иностранному не вполнѣ установившееся. Съ одной стороны — мы слышимъ отъ него жалобу (I, 4):

А все Кузнецкій мостъ и вѣчные французы,
Откуда моды къ намъ, и авторы, и музы,
Губители кармановъ и сердецъ!
Когда избавитъ насъ Творецъ
Отъ шляпокъ ихъ, чепцовъ, и шпилекъ и булавокъ,
И книжныхъ, и бисквитныхъ лавокъ!

Далѣе онъ еще съ большей досадой говоритъ:

Беремъ же побродягъ, и въ домъ и по балетамъ,
Чтобъ нашихъ дочерей всему учить, всему—
И танцамъ, и пѣнью, и нѣжностямъ, и вздохамъ,
Какъ будто въ жены ихъ готовимъ скоморохамъ!

Съ другой стороны, расхваливая Москву (II, 5), Фамусовъ ставитъ ей въ честь ея особенную готовность принять всякаго иностранца, и тутъ же восхищается московскими дѣвицами именно потому, что онѣ

Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки...

Но это не установившееся отношеніе къ своему и чужому было одной изъ характерныхъ чертъ московскаго общества временъ Фамусова. Она проглядывала даже въ обстановкѣ московскихъ баръ: старинныя няни, мамы, карлицы, калмыки и калмычки, сѣнныя дѣвушки, распѣвавшія русскія народныя пѣсни — все это указывало на любовь къ старинѣ и на желаніе сохранить ее, а между тѣмъ французскій языкъ, французскія моды, иностранные гувернеры и гувернантки, западная роскошь и свѣтскость, открытыя двери всякому иностранцу—это все говорило о желаніи жить на европейскую стать, о стремленіи уйти какъ можно дальше отъ старины, и указывало на пристрастіе къ иностранцамъ и

всему иностранному—всему, за исключеніемъ однако того, въ чемъ выражалось *истинное* просвѣщеніе.

Въ Грибоѣдовской галлереѣ отрицательныхъ типовъ Фамусовъ, несомнѣнно, центральная личность. Существенныя черты его настолько раздѣляютъ съ нимъ другія лица, что профессоръ Ор. Миллеръ нашелъ возможнымъ всѣхъ Грибоѣдовскихъ героевъ служилой барствующей среды раздѣлить на такіе три разряда: одинъ изъ нихъ—Фамусовы, другой—кандидаты въ Фамусовы, третій—Фамусовы-неудачники [78]).

Типомъ, ближайшимъ къ Фамусову, является Скалозубъ. Проф. Миллеръ даже называетъ его „Фамусовымъ въ армейскомъ мундирѣ" [79]). И дѣйствительно между Павломъ Аоанасьевичемъ и Скалозубомъ много общаго: послѣдній—тоже человѣкъ, котораго „ученостью не обморочишь"; который враждебно относится къ распространившимся тогда между молодежью „новымъ правиламъ", совершенно не похожимъ на Фамусовскія, и для котораго существуютъ лишь одни внѣшнія блага.

> Мнѣ только бы досталось въ генералы—

говоритъ Скалозубъ (II, 5), и, какъ Фамусовъ упрекаетъ Чацкаго, зачѣмъ тотъ не служитъ, такъ онъ недоволенъ своимъ двоюроднымъ братомъ по тому поводу, что

> Чинъ слѣдовалъ ему—онъ службу вдругъ оставилъ,
> Въ деревнѣ книги сталъ читать.

Но Скалозубъ гораздо ограниченнѣе Фамусова: „онъ слова умнаго не выговорилъ съ роду", „рѣчистъ, а больно не хитеръ"; къ тому же онъ сплетникъ, мастеръ „прибавить сто прикрасъ", да подчасъ и не безъ злобы, какъ это показываетъ разсказъ его о княгинѣ Ласовой (II, 9).

Однако эти черты, отдѣляющія Скалозуба отъ Фамусова, не составляютъ еще того, что слѣдуетъ назвать скалозубовщиной: быть одностороннимъ, тупымъ и грубымъ фронтовикомъ, одностороннимъ до того, что даже не умѣть иначе выражаться, какъ уснащая свою рѣчь терминами, употребляемыми въ военной службѣ, и перемѣшивая ихъ съ хлесткими казарменными выраженіями—вотъ что значитъ быть истиннымъ Скалозубомъ. „Дистанція огромнаго размѣра"; „Онъ въ три шеренги васъ построитъ, а пикнете, такъ мигомъ успокоитъ"; „Взглянуть, какъ треснулся онъ—грудью или въ бокъ"—вотъ образчики Скалозубовскаго краснорѣчія.

Существованіе подобныхъ типовъ въ Александровскую эпоху весьма понятно. Мы уже имѣли случай говорить, что императоръ Александръ I былъ личностью чрезвычайно сложной:[80]) съ одной стороны онъ былъ другомъ гуманности и просвѣщенія, былъ представителемъ широкаго либерализма, а съ другой — въ немъ никогда не исчезалъ ученикъ гатчинскаго плацпарада. На воспитаніе его имѣли вліяніе не только сама императрица Екатерина и Лагарпъ, но и императоръ Павелъ. Послѣдній, какъ говоритъ Шильдеръ, „съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе привлекалъ Александра и Константина къ экзерциціямъ созданныхъ имъ гатчинскихъ войскъ". Гатчинская кордегардія, развивъ въ Александрѣ двойственность характера, привила къ нему, — пишетъ тотъ же авторъ,—еще другое зло: „увлеченіе фронтомъ, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцирмейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ выправкѣ существенную сторону военнаго дѣла и свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, онъ перещеголялъ впослѣдствіи въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ выправку до небывалаго совершенства" [81]).

Въ 1816 г. государь въ Варшавѣ на смотру войскъ восторгался выправкой солдатъ, и цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ по этому поводу генералъ-адъютанту Сипягину слѣдующее: государь „изволилъ замѣтить и хвалить, что въ построеніи колоннъ и деплоядахъ, равно и въ другихъ построеніяхъ, гдѣ движеніе происходило рядами, то люди во всѣхъ трехъ шеренгахъ такъ вѣрно держали плечи и равнялись взаимно на передовыхъ, что слѣды на землѣ означали три черты, совершенно прямыя и параллельныя, чѣмъ доказывалось, что не было никакого волненія въ сторону и отрыванія и толканія локтями, а отъ соблюденія вѣрности въ плечахъ не происходило никакого криволинейнаго направленія" [82]).

Цесаревичъ даже посмѣивался надъ тогдашнимъ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ экзерцирмейстерствомъ. Въ 1817 г. онъ писалъ тому же Сипягину: „я такихъ теперь мыслей о гвардіи, что ее столько учатъ и даже за десять дней приготовляютъ приказами, какъ проходить колоннами, что вели гвардіи стать на руки ногами вверхъ, а головою внизъ и маршировать,—такъ промаршируютъ" [83]).

Понятно послѣ этого, что и между офицерами и начальниками должны были явиться любители выправки—и притомъ умѣвшіе достигать того, чтобы солдаты держали равненіе. Въ этомъ равненіи они видѣли сущность военнаго искусства, отдавались

ему цѣликомъ и въ немъ только одномъ признавали серьезное дѣло. Гуманность, просвѣщеніе—словомъ сказать, все то свѣтлое, что занимало императора Александра помимо фронта, ихъ какъ бы вовсе не касалось.

Къ безспорнымъ кандидатамъ въ Фамусовы принадлежитъ Молчалинъ. Его идеалъ весьма опредѣленно указанъ имъ въ извѣстномъ обращеніи его къ Чацкому (III, 3):

Ну, право, что бы вамъ въ Москвѣ у насъ служить?
И награжденья брать и весело пожить?

Чѣмъ этотъ идеалъ не Фамусовскій, если онъ даже и болѣе скромныхъ размѣровъ?

Для достиженія своего идеала у Молчалина имѣется и готовый образъ дѣйствія, завѣщанный ему отцомъ:

Мнѣ завѣщалъ отецъ:
Во-первыхъ, угождать всѣмъ людямъ безъ изъятья—
Хозяину, гдѣ доведется жить,
Начальнику, съ кѣмъ буду я служить,
Слугѣ его, который чиститъ платье,
Швейцару, дворнику, для избѣжанья зла,
Собакѣ дворника, чтобъ ласкова была—

говоритъ Молчалинъ Лизѣ (IV, 12), и это желаніе угодить сближаетъ его съ Фамусовымъ, но только Молчалинская угодливость принимаетъ болѣе отталкивающую форму.

Эта въ такой мѣрѣ неприглядная форма объясняется отчасти положеніемъ Молчалина: Фамусовъ — баринъ, обезпеченный помѣщикъ, своего рода московская звѣзда, между тѣмъ какъ Молчалинъ — мелкій чиновникъ, прежде „коптѣвшій“ въ Твери, а потомъ попавшій въ секретари къ Фамусову, который,— не равенъ часъ,— можетъ его и съ двора прогнать; отчасти же она объясняется и значительно болѣе глубокой степенью низменности самой натуры Молчалина, способной на такіе поступки, за которые Чацкій назвалъ его „подлецомъ“ (IV, 12). Фамусовъ и въ своей лжи, въ своихъ заблужденіяхъ, въ своемъ открытомъ высказываніи взглядовъ — остается бариномъ; Молчалинъ же, по мѣткому выраженію проф. Веселовскаго, своего рода — *дворовый*, который, „остался навсегда съ типическими особенностями крѣпостного слуги, съ его наружнымъ раболѣпіемъ и потаеннымъ обманомъ“ [84]).

Въ „Мизантропѣ“ Мольера, въ противоположность Альцесту, не желающему входить ни въ какія сдѣлки со своею совѣстью, выведенъ Филэнтъ, какъ представитель умѣренности и практи-

ческой житейской мудрости. Какъ таковой, Филэнтъ имѣетъ сходство съ Молчаливымъ, который также отличается умѣренностью и достаточно практиченъ. Подобно тому, какъ Молчалинъ говоритъ Софьѣ:

Не повредила бы намъ откровенность эта (II, 11),—

такъ Филэнтъ упрекаетъ Альцеста за его отношеніе къ сонету Оронта (I, 3):

„Вотъ видите! Желая быть слишкомъ откровеннымъ, вы навязали себѣ на шею непріятное дѣло".

Въ другомъ мѣстѣ (II, 7) онъ уговариваетъ своего друга быть уступчивѣе.

Молчалинъ изъ желанія угодить Хлестовой, расхваливаетъ ея собачку (III, 12); Филэнтъ, изъ угожденія Оронту, восторгается его сонетомъ (I, 2). Молчалинъ совѣтуетъ Чацкому съѣздить къ Татьянѣ Юрьевнѣ (III, 3); Филэнтъ удивляется, что Альцестъ, имѣя тяжебное дѣло, не хочетъ забѣжать къ судьямъ, чтобы расположить ихъ въ свою пользу (I, 1).

И при всемъ томъ Филэнтъ все-таки выше Молчалина: онъ способенъ къ искренней любви, онъ умѣлъ отличить и оцѣнить благородную Эліанту; онъ даже уважаетъ въ извѣстной мѣрѣ честныя убѣжденія Альцеста, хотя, держась своей „практической мудрости", не признаетъ ихъ житейски полезными; наконецъ ему вовсе не чужды добрые порывы: когда его другу грозитъ непріятность, онъ волнуется и старается отвратить ее отъ него. Въ Молчалинѣ же нѣтъ этихъ свѣтлыхъ чертъ; да и самое угодничество его, имѣющее цѣлью выслужиться, пріобрѣсти „покровительство", гораздо отвратительнѣе тѣхъ похвалъ Оронту, которыя расточаетъ Филэнтъ не изъ-за корысти, а скорѣе изъ желанія „соблюдать нѣкоторыя гражданскія приличія, которыхъ требуетъ обычай" *).

Конечно, Филэнтъ и Молчалинъ могутъ быть возведены къ одному общему типу — типу, совершенно противоположному тому, къ которому принадлежатъ Альцестъ и Чацкій: люди этого общаго типа не станутъ вести борьбу съ ложью и неправдой; напротивъ, они не только мирятся съ ними, оправдывая ихъ или житейскими выгодами, или принятыми приличіями, но и сами способны солгать или покривить душой. Но относящіяся къ этому общему типу

*) Онъ говоритъ:
Mais, quand on est du monde, il faut bien que l'on rende
Quelques dehors civils que l'usage demande.

личности, имѣя общія черты, отличаются чрезвычайно разнообразными видовыми особенностями, въ зависимости и отъ историческихъ условій жизни того общества, къ которому онѣ принадлежатъ, и отъ ихъ общественнаго положенія, и отъ свойствъ ихъ духовной организаціи.

Филэнтъ, взятый изъ французской жизни извѣстной эпохи, представляетъ собою одинъ видъ общаго типа „практическихъ мудрецовъ", Молчалинъ является представителемъ иного вида. Грибоѣдовъ взялъ его, несомнѣнно, изъ русской жизни. Еще Сумароковъ въ одной изъ своихъ сатиръ приводитъ наставленіе отца сыну, которое очень напоминаетъ завѣщаніе, оставленное Молчалину его родителемъ.

Богатыхъ почитай, чтобъ съ нихъ имѣти дань;
Случайныхъ похвалять, ихъ выся, не устань!
Великимъ господамъ ты, ползая, покорствуй!
Со всѣми ты людьми будь скроменъ и притворствуй!
Коль сильный господинъ бранитъ ково,
И ты съ бояриномъ брани ево!
Хвали ты тѣхъ, кого бояре похваляютъ,
И умаляй, они которыхъ умаляютъ [85]).

Другой нашъ писатель, гораздо позднѣйшій,— Гоголь,— указываетъ подобнаго же рода наставленіе Чичикова-отца своему Павлушѣ. Еще позднѣе Гончаровъ говоритъ слѣдующее: „Пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и «награжденья брать и весело пожить»,... до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Молчалиныхъ" [86]).

О Молчалинскихъ чертахъ говорится то тамъ, то сямъ въ запискахъ современниковъ. Вотъ, для примѣра, одно мѣсто изъ „Воспоминаній А. М. Фадѣева", относящееся къ 1815-му году: „Губернаторомъ тогда въ Екатеринославлѣ былъ нѣкто Гладкій, сынъ простого малороссійскаго крестьянина; выучившись читать и писать, онъ пошелъ въ приказное званіе, и въ нѣсколько десятковъ лѣтъ достигъ губернаторства, посредствомъ угодливости и чрезъ нее покровительства начальствующихъ лицъ, начиная отъ секретарей. Чиновничество, почти все такого же происхожденія, разумѣется, раболѣпствовало предъ Гладкимъ" [87]).

Если Грибоѣдовъ, изображая Молчалина и имѣлъ въ виду опредѣленное лицо, то во всякомъ случаѣ изображеніе это отличается характеромъ типичности, чѣмъ впрочемъ отличается и вся галлерея лицъ въ „Горѣ отъ ума".

Прекраснымъ представителемъ Фамусовыхъ-неудачниковъ служитъ Репетиловъ. Его тоже „взманили почести и знатность", и онъ хотѣлъ добиться ихъ тѣми пріемами, о которыхъ съ такою откровенностью разсказываетъ Чацкому (IV, 5):

По статской я служилъ. Тогда
Баронъ фонъ-Клокъ въ министры мѣтилъ,
А я
Къ нему въ зятья
Шелъ напрямикъ, безъ дальней думы;
Съ его женой и съ нимъ пускался въ реверси,
Ему и ей такія суммы
Спустилъ, что Боже упаси!
Онъ на Фонтанкѣ жилъ, я возлѣ домъ построилъ,
Съ колоннами, огромный. Сколько стоилъ!...

Но Репетиловъ — неудачникъ, прежде всего потому, что не было въ немъ умѣнья дѣйствовать обдуманно и осторожно, онъ шелъ „напрямикъ" и „безъ дальней думы"; да не было у него, какъ видно, и тѣхъ качествъ, которыя помогли секретарямъ фонъ-Клока „выйти въ знать",— тѣмъ секретарямъ, которыхъ Репетиловъ называетъ „хамами" и „продажными людишками"; отчасти помѣшали и свойства тестя, боявшагося упрека за слабость къ роднѣ. Во-вторыхъ, виновата была и самая взбалмошная натура Репетилова, благодаря которой тесть, если онъ и дѣйствительно боялся указаннаго упрека, не находилъ оправдывающей причины для повышенія зятя по службѣ.

Взбалмошность Репетилова является весьма типичной для его времени. Богатые люди, которыхъ вовсе не коснулось то, что называется *истиннымъ* просвѣщеніемъ, прожигали жизнь — и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и вездѣ, гдѣ представлялась къ тому возможность. Высшее московское общество веселилось даже и тогда, когда городъ былъ еще въ развалинахъ. „Баламъ здѣсь нѣтъ числа, нѣтъ физической возможности вездѣ бывать", писала Волкова въ 1815 г. [88]). Она же разсказываетъ, какъ пріѣхавшій тогда въ Москву кн. Яковъ Лобановъ, еще не видавшій города послѣ его разоренія и попавшій прямо на балъ къ генералъ-губернатору, былъ изумленъ, видя веселящееся и танцующее общество. Вотъ еще мѣсто изъ письма Волковой (отъ 28 дек. 1814 г.):

„Я едва ноги таскаю отъ вчерашняго бала. Мы танцовали у Ѳедора Голицына безъ отдыху до 4-хъ часовъ утра... Москва оживилась болѣе, чѣмъ когда-либо... Голицынъ хочетъ, чтобы у него танцовали по воскресеньямъ и даже по средамъ. Въ четвергъ

мы будемъ плясать у гр. Маркова, въ субботу у Оболенскихъ, а въ понедѣльникъ отправимся на костюмированный балъ къ г-жѣ Рябининой. Весь городъ занятъ приготовленіями къ этому дню“ [89]).

Если лучшая и образованнѣйшая личность того времени, какою была Волкова, замучивала себя танцами, то не удивительно, что пустой Репетиловъ „бредилъ цѣлый вѣкъ обѣдомъ или баломъ“.

Безконечные и безчисленные балы и маскарады хотя и могутъ свидѣтельствовать о пустотѣ общества, — все же сами по себѣ они — вещи не зазорныя. Но молодежь стараго добраго времени, какъ его иногда называютъ, не довольствовалась ими: она любила разгулъ, и нравы ея были часто очень разнузданные. И эта расшатанность нравовъ была чѣмъ-то моднымъ, чѣмъ-то общепринятымъ въ средѣ богатой молодежи, которой подражали и молодые люди средняго состоянія. Начало этого явленія нисходитъ еще въ глубь XVIII-го вѣка. Вотъ страница изъ записокъ Жихарева:

„22 іюля (1806 г.). Почтенный старикъ Н. А. Алферьевъ разсказывалъ, что въ молодыхъ зажиточныхъ людяхъ, жившихъ въ Москвѣ въ совершенной праздности, было какое-то стремленіе къ разврату всякаго рода, и что онъ самъ вовлеченъ былъ этимъ потокомъ въ непростительныя шалости. «Какъ Богъ вынесъ изъ этой бездны, въ которую мы погружались», говорилъ старикъ, — «я до сихъ поръ постигнуть не могу. Кто повѣритъ теперь, любезный, чтобъ молодой человѣкъ, который не могъ представить очевиднаго доказательства своей развращенности, былъ принимаемъ дурно, или вовсе не принимаемъ въ обществѣ своихъ товарищей и долженъ былъ ограничиться знакомствомъ съ одними пожилыми людьми; да и тѣ иногда — прости имъ Господи — бывало суются туда же! Кто не развратенъ былъ на дѣлѣ, хвасталъ развратомъ и наклепывалъ на себя такіе грѣхи, какимъ никогда и причастенъ быть не могъ; а всему виною были праздность и французскіе учителя. Да и какъ было не быть празднымъ? Молодой человѣкъ, записанный въ пеленкахъ въ службу, въ двадцать лѣтъ имѣлъ уже чинъ майора и даже бригадира, выходилъ въ отставку, имѣлъ достаточные доходы, жилъ бариномъ, привольно, и заниматься, благодаря воспитанію, ничѣмъ не умѣлъ. Такъ по неволѣ приходила въ голову какая-нибудь блажь“ [90]).

Далѣе вспомните появившійся на рубежѣ XIX вѣка романъ А. Измайлова: „Евгеній“ [91]), вспомните петербургское общество

подъ именемъ „Галера“ [92]), вспомните черты той молодежи, которая окружала самого Грибоѣдова во время его военной службы, прочтите нѣкоторыя страницы работы академика Дубровина [93]),— и вы увидите, что начавшееся въ XVIII-мъ вѣкѣ явленіе долго не прекращалось и захватило и Александровскую эпоху. Въ статьѣ: „Русскій театръ въ царствованіе Александра I“, взятой изъ журнала артиста А. В. Каратыгина, находимъ указаніе на тѣ же нравы, о которыхъ говорилъ Алферьевъ: „Держать пѣвицу или танцовщицу почиталось признакомъ высшаго тона“ [94]).

Репетиловъ и удерживаетъ этотъ признакъ „высшаго тона“: встрѣтивъ неудачи на пути пролѣзанія въ чины, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ не отстать отъ высшаго общества хотя въ прожиганіи жизни — и въ этомъ отношеніи онъ является типичнымъ представителемъ жуировавшей молодежи его времени.

Но Репетиловъ не только жуиръ: онъ и извѣстнаго рода либералъ.— Что же заставило его либеральничать?

Мы уже встрѣчались съ либерализмомъ князя Радугина и сына его—Владимира [95]). Оба они залиберальничали съ тѣхъ поръ, какъ лишились мѣста: первый—за то, что большую часть службы провелъ въ отпуску, а второй довелъ себя до увольненія съ „прескверпымъ аттестатомъ“ вслѣдствіе того, что слишкомъ ужъ „пилъ изъ чаши наслажденій“. И отецъ и сынъ записались въ число „недовольныхъ“ и стали бранить Россію и ея правительство. Подобные либералы были и въ Александровскую эпоху: это тѣ, по выраженію Фамусова, „прямые канцлеры въ отставкѣ по уму“, которые, перейдя изъ вѣка минувшаго въ вѣкъ новый, остались не у дѣлъ и жили на покоѣ въ Москвѣ,—конечно, тоже недовольные правительствомъ, считавшіе себя обиженными и все ждавшіе, что рано или поздно, а „безъ нихъ не обойдется дѣло“.

Досадовалъ на служебныя неудачи и Репетиловъ, и винилъ, разумѣется, не себя. Отсюда у него и недовольство нѣкоторыми сторонами существующаго порядка. Это недовольство онъ выражаетъ рѣчью съ чужого голоса (IV, 5):

Тфу! служба и чины, кресты—души мытарства.
Лохмотьевъ Алексѣй чудесно говоритъ,
Что радикальныя потребны тутъ лѣкарства,
Желудокъ больше не варитъ.

Эти толки о „радикальныхъ лѣкарствахъ“ вынесены изъ тайныхъ обществъ, которыя въ послѣдніе годы царствованія Александра I такъ распространились и сдѣлались настолько модными, что въ члены ихъ шли даже такіе люди, которые сами не знали,

зачѣмъ они туда идутъ. Зачѣмъ, напримѣръ, очутились тамъ Левонъ и Боренька, „чудесные ребята“—чудесные потому, можетъ быть, какъ догадывается Водовозовъ, что „безъ труда выпиваютъ по дюжинѣ бутылокъ шампанскаго“? [96]). Что могъ сказать тамъ Удушьевъ, Ипполитъ Маркелычъ, авторъ отрывка: „Взлядъ и Нѣчто“? Какіе опредѣленные планы могли имѣть такіе люди, какъ русскій итальянецъ Воркуловъ Евдокимъ и пустой чудакъ-англоманъ кн. Григорій или наконецъ тотъ „крѣпко нечистый на руку“ ночной разбойникъ и дуэлистъ, который умѣлъ со слезами на глазахъ говорить о высокой честности?

Репетиловъ, который, по собственному признанію, всю жизнь дорожилъ лишь людьми пустыми, и на этотъ разъ, записавшись въ число недовольныхъ, выбралъ себѣ такой кружокъ изъ дюжины головъ, гдѣ только умѣли безъ толку кричать о „матерьяхъ важныхъ“, пить шампанское и въ заключеніе — въ шестеромъ слѣпить водевильчикъ.

Репетиловъ этихъ пустыхъ людей называетъ „рѣшительными“. Если оно и такъ, то это не противорѣчитъ дѣйствительности. Декабристъ Якушкинъ, характеризуя въ своихъ запискахъ различные кружки въ тайныхъ обществахъ, упоминаетъ и о такихъ, гдѣ члены отличались, какъ насмѣшливо выражается авторъ, „не очень обширною грамотностью“, но были люди рѣшительные [97]).

Въ комедіи выведенъ еще цѣлый рядъ гостей на вечерѣ у Фамусова. Изъ нихъ остановимся прежде всего на Загорѣцкомъ.

Платонъ Михайловичъ Горичевъ характеризуетъ его очень опредѣленно (III, 9):

. . . Человѣкъ онъ свѣтскій,
Отъявленный мошенникъ, плутъ—
Антонъ Антонычъ Загорѣцкій.
При немъ остерегись: переноситъ гораздъ!
И въ карты не садись: продастъ!

Старуха Хлестова въ свою очередь отзывается о Загорѣцкомъ такъ (III, 10):

Лгунишка онъ, картежникъ, воръ;
Я отъ него было и двери на запоръ,
Да мастеръ услужить...

Загорѣцкій — также лицо исторически вѣрное. Подобнаго плута-услужника мы уже встрѣчали въ комедіи Загоскина: „Добрый малый“, гдѣ Вельскій, главный герой пьесы, представляетъ собою личность одного тона съ Загорѣцкимъ: оба они, отличаясь

одинъ отъ другого деталями, принадлежатъ къ одному общему типу плутовъ-услужниковъ [98]).

У Загорѣцкаго есть сходство и съ Молчалинымъ, и Чацкій не даромъ говоритъ о послѣднемъ въ одномъ мѣстѣ комедіи (III, 13), что

Въ немъ Загорѣцкій не умретъ.

Въ упомянутомъ выше романѣ А. Измайлова есть одно лицо — Подлянковъ, — которое очень напоминаетъ собою черты обоихъ Грибоѣдовскихъ героевъ.

Но у Загорѣцкаго есть одна крупная и важная черта, отличающая его, какъ современника реакціи послѣднихъ годовъ Александровской эпохи. Вставляя свое замѣчаніе на предложеніе Фамусова „забрать всѣ книги бы да сжечь“, Загорѣцкій говоритъ, что если бы онъ назначенъ былъ цензоромъ,—

На басни бы налегъ. Охъ, басни—смерть моя!
Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами!
Кто что ни говори,
Хоть и животныя, а все-таки цари (III, 21).

Впрочемъ Загорѣцкій, мастеръ угодить, не фанатикъ мысли: заслышавъ либеральныя рѣчи, онъ, изъ угожденія, не прочь выдать себя и за либерала. Такъ, лишь только Репетиловъ заговорилъ о „радикальныхъ лѣкарствахъ“, онъ тотчасъ же спѣшитъ заявить (IV, 6):

Извольте продолжать: вамъ искренно признаюсь,
Такой же я, какъ вы, ужасный либералъ!
И оттого, что прямъ и смѣло объясняюсь,
Куда какъ много потерялъ!..

Теперь — о другихъ гостяхъ Фамусова. Комедія Грибоѣдова—широкая картина московскихъ нравовъ того времени: Фамусовъ, Скалозубъ, Молчалинъ, Репетиловъ, Загорѣцкій—всѣ эти типы уже даютъ достаточное понятіе о такъ называемой Грибоѣдовской Москвѣ. Картина нравовъ расширится, если мы прибавимъ еще то, что указывается въ монологахъ Чацкаго и вообще въ его рѣчахъ, направленныхъ къ осужденію „вѣка минувшаго“. Но тѣ сцены, гдѣ выступаютъ такіе типы, какъ Тугоуховскіе, Хрюмины, Горичевы и проч., доводятъ общую картину до замѣчательной полноты.

Начнемъ хоть съ семейныхъ отношеній. Въ одномъ изъ своихъ монологовъ (IV, 24) Чацкій указываетъ, каковъ былъ идеалъ мужа въ московскомъ обществѣ:

Мужъ-мальчикъ, мужъ-слуга, изъ женниныхъ пажей—
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.

Мужемъ-мальчикомъ, которымъ можно командовать и отъ котораго можно требовать рабскаго угожденія, является въ комедіи Платонъ Михайловичъ Горичевъ; мужъ-слуга, состоящій у жены на посылкахъ—это кн. Тугоуховскій. Прибавьте къ этому типъ жены Фамусова, о которой Павелъ Аѳанасьевичъ говоритъ (IV, 14):

Бывало я съ дражайшей половиной
Чуть врозь—ужъ гдѣ-нибудь съ мужчиной;

прибавьте интрижки самого Фамусова, отца взрослой дочери,—и передъ вами довольно полный очеркъ семейныхъ нравовъ.

Перейдемъ къ московскимъ дѣвицамъ. Онѣ уже охарактеризованы Фамусовымъ (II, 5), который говоритъ о нихъ:

Умѣютъ же себя принарядить
Тафтицей, бархатцемъ и дымкой;
Словечка въ простотѣ не скажутъ, все съ ужимкой;
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому что—патріотки.

Въ сценахъ на вечерѣ у Фамусова эти дѣвицы выступаютъ въ живыхъ образахъ. Удивительно пусты всѣ эти Зизи и Мими, которыхъ больше всего на свѣтѣ занимаетъ какой-нибудь барежевый эшарпъ.

Вопросъ о нарядахъ былъ важнымъ вопросомъ у московскихъ щеголихъ, о чемъ свидѣтельствуетъ М. А. Волкова въ своихъ письмахъ [99]), гдѣ она между прочимъ жалуется и вообще на пустоту современнаго ей московскаго общества.

Чацкій, при первой же встрѣчѣ съ Софьей, смѣется надъ господствовавшимъ тогда „смѣшеньемъ языковъ французскаго съ нижегородскимъ“ (I, 7). Это смѣшеніе мы видимъ во-очію на вечерѣ у Фамусова. Но у Грибоѣдова приводятся примѣры такого смѣшенія еще не достаточно рѣзкіе, хотя, безъ сомнѣнія, онъ зналъ и такіе образчики, какъ, напримѣръ, приведенный въ „Вѣстникѣ Европы“ 1810 г. (№ 6, стр. 145), которымъ и воспользовался акад. Дубровинъ. Это слѣдующая записка: „Billet въ партеръ, начало à six heures. Особы qui не могутъ s'y rendre сами, sont priées возвратить les billets“. Уважаемый академикъ замѣчаетъ при этомъ, что происхожденіе подобнаго смѣшенія объясняется убѣжденіемъ тогдашняго общества, будто говорить

и писать сплошь по-русски, не примѣшивая кстати и некстати французскихъ словъ,—неприлично [100]).

Затѣмъ передъ нами выступаютъ дамы. Раньше другихъ появляется Наталья Дмитріевна, командующая своимъ Платономъ Михайловичемъ, въ гостяхъ называющая его „прелестнымъ мужемъ“, „единственнымъ“ и „безцѣннымъ“, а a parte только „изволитъ гнѣваться“ на него, даже не стѣсняясь присутствіемъ лакеевъ. Наряды, атласные тюрлюрлю — для нея тоже важный вопросъ жизни. Далѣе—княгиня Тугоуховская, прекрасная представительница тогдашнихъ московскихъ матушекъ-аристократокъ: она приглашаетъ въ свой домъ только тѣхъ молодыхъ людей, которые или богаты, или, какъ говорится, хорошо поставлены на служебномъ поприщѣ.

„Кто бѣденъ, тотъ тебѣ не пара“, говорилъ Фамусовъ своей дочери; это же самое, конечно, говорила своимъ дочерямъ и княгиня Тугоуховская. Но съ другой стороны и богатые женихи тоже искали невѣстъ по себѣ. „Я знаю молодыхъ людей“, — пишетъ Волкова, — „имѣющихъ побольше 15-ти тысячъ въ годъ, которые не рѣшались жениться на дѣвушкахъ тоже не безъ состоянія, но, по ихъ мнѣнію, недостаточно богатыхъ для нихъ, т.-е. они полагаютъ, что нельзя жить съ семействомъ, не имѣя отъ восьмидесяти до ста тысячъ дохода“ [101]).

Богатство было кумиромъ Грибоѣдовской Москвы: ему поклонялись, за нимъ гнались, его искали, имъ чванились *) и — умѣли проживать его, „разливаясь въ пирахъ и мотовствѣ“.

Затѣмъ интересна чрезвычайно свояченица Фамусова — Хлестова, шестидесятипятилѣтняя представительница крѣпостничества, съ старинными помѣщичьими привычками, возящая съ собою отъ скуки арапку-дѣвку да собачку. Какъ привыкшая повелѣвать помѣщица, она не терпитъ возраженій, мнѣнія свои высказываетъ рѣшительно и притомъ „спорить голосиста“. Она избалована, требуетъ внимательнаго и уважительнаго къ себѣ отношенія. По барской привычкѣ, готова равнять крѣпостныхъ съ животными, и изъ нея могла бы образоваться суровая деспотка, но въ ней есть много природнаго добродушія, которымъ значительно смягчены ея крѣпостническіе нравы. Какъ ни обидно звучатъ ея слова:

---

*) Волкова, напримѣръ, разсказываетъ, какъ одна московская аристократка на свадьбѣ своей дочери выставила напоказъ всѣ дорогія кружева, купленныя въ приданое. (Письмо Волковой отъ 20 апрѣля 1812 г.).

Вели ихъ накормить ужо, дружочекъ мой,
Отъ ужина сошли подачку,—

но все же въ нихъ видна своего рода заботливость. Въ то время, какъ всѣ отнеслись къ Чацкому болѣе или менѣе злобно, она одна его пожалѣла (III, 21):

А Чацкаго мнѣ жаль.
По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ,—

говоритъ она, услышавъ вѣсть о его мнимомъ сумасшествіи. Даже въ самой воркотнѣ ея звучатъ добродушныя нотки.

А ты, мой батюшка, неизлѣчимъ, хоть брось,—

упрекаетъ она Репетилова (IV, 8) и затѣмъ, обращаясь къ Молчалину, прощается съ нимъ, какъ прощаются добрыя старушки:

Молчалинъ, вотъ чуланчикъ твой.
Не нужны проводы; поди, Господь съ тобой!

Какъ помѣщица „минувшаго вѣка", Хлестова—женщина безъ образованія, и ученье и учебныя заведенія считаетъ скорѣе вредными, — но и тутъ она, нападая на пансіоны, школы и лицеи, руководствуется не злобой, а состраданіемъ къ тѣмъ, кого ученье сводитъ, по ея мнѣнію, съ ума (III, 21). Совсѣмъ иначе относится къ просвѣщенію княгиня Тугоуховская: въ ея нападкахъ на Педагогическій институтъ и на профессоровъ слышится чисто Скалозубовское озлобленіе.

Нѣтъ, въ Петербургѣ институтъ
Пе-да-го-ническій—такъ, кажется, зовутъ?..
Тамъ упражняются въ расколахъ и безвѣрьи
Профессора! у нихъ учился нашъ родня
И вышелъ—хоть сейчасъ въ аптеку, въ подмастерьи!
Отъ женщинъ бѣгаетъ и даже отъ меня!
Чиновъ не хочетъ знать! Онъ химикъ, онъ ботаникъ—
Князь Ѳедоръ, мой племянникъ (III, 21).

Въ первоначальной редакціи къ портрету Хлестовой были прибавлены еще черты чисто Фамусовскія: это—лесть, притворство, неискренность. Такъ, увидѣвъ издали графиню Хрюмину, Хлестова начинаетъ осуждать ея нарядъ и говоритъ Софьѣ:

Взгляни, какъ стянута, въ чемъ держится душа!
Глуха, беззубая, ряба, не хороша...
Давно бы ей пора въ могилу...
А балъ, такъ вѣрно въ первыхъ здѣсь.

Увидавъ внучку Хрюминой, она продолжаетъ:

А внучка... Что за срамъ! Тфу! Вся въ прорѣзъ!
Чуть-чуть не голая... Глядѣть-то не подъ силу.

Между тѣмъ къ Хлестовой подходятъ обѣ графини, и она вдругъ измѣняется и говоритъ:

Графиня милая, мой другъ! Давненько съ вами
Въ пикетъ, въ имперiалъ мы не играли. Съ нами...
Ахъ! кажется, за мной есть маленькiй должокъ?
Такъ съ княземъ въ-полъ мы, какъ придется,
А послѣ какъ-нибудь сочтется.
(*Цѣлуетъ графиню-внучку*).
Садись, мой миленькiй дружокъ!
Какъ ты мила!
Какъ расцвѣла! (*Графинѣ-бабушкѣ*).
Графиня, другъ мой! какъ я рада,
Что вижу васъ, боюсь... не вспомнюсь... безъ души...
Живу въ такой глуши,
Друзей увидѣть—вся отрада [102]).

Подобное лицемѣрiе, совершенно понятное въ Мольеровской Селименѣ („Мизантропъ", д. III, явл. 3 и 4), противорѣчитъ прямому характеру Хлестовой, способной скорѣе къ грубоватой откровенности, нежели къ утонченнымъ хитростямъ. Грибоѣдовъ, занявшись послѣдней обработкой своей комедiи, замѣтилъ это противорѣчiе и очистилъ портретъ Хлестовой отъ несоотвѣтствующихъ ей чертъ.

Такова, думаемъ, причина несоотвѣтствiя прежней Хлестовой той, которая извѣстна намъ по окончательной редакцiи.

Между гостями Фамусова нельзя не обратить вниманiя и на графиню-внучку, представительницу дворянской спеси (III, 8). Прекраснымъ комментарiемъ къ этой сторонѣ Грибоѣдовской Москвы можетъ служить слѣдующая замѣтка Волковой: „Апраксина очень кичится своей громкой фамилiей и знатнымъ происхожденiемъ, и переварить не можетъ, что особа, носящая одинаковую фамилiю съ ней, рѣшилась выйти за какого-то выскочку" [103]).

Наконецъ остается упомянуть еще о господахъ N. и D. „Въ Москвѣ прибавятъ вѣчно втрое", говоритъ Фамусовъ, характеризуя этими словами московскiя сплетни. На сплетни жалуется и Волкова [104]). Въ комедiи Грибоѣдова артистами въ искусствѣ сплетничать и привирать являются, кромѣ Загорѣцкаго, еще господа N. и D., до того безличные, что авторъ даже не назвалъ ихъ именами, а лишь обозначилъ буквами.

Перейдемъ теперь къ Софьѣ. Бѣлинскiй, находя, будто Софья послѣдняго дѣйствiя иная, чѣмъ Софья дѣйствiй предыдущихъ, называлъ типъ этой героини Грибоѣдовской комедiи „недѣйстви-

тельнымъ", „призракомъ" [105]). Позднѣйшіе критики не согласны со взглядомъ Бѣлинскаго. Такъ, напримѣръ, и возражавшій Бѣлинскому авторъ статьи, помѣщенной еще въ 1859 г. въ „Музыкальномъ и театральномъ Вѣстникѣ" [106]), и проф. Веселовскій— [107]) оба они признаютъ Софью типомъ вполнѣ правдоподобнымъ, взятымъ изъ жизни. Мы съ своей стороны тоже не раздѣляемъ взгляда Бѣлинскаго.

На характеръ Софьи слѣдуетъ допустить различныя вліянія: вліяла пропитанная ложью окружавшая среда, не отличавшаяся въ то же время строгостію семейныхъ нравовъ; вліяло, несомнѣнно, чтеніе романовъ сентиментально-романтическаго склада; наконецъ не могъ не имѣть нѣкотораго вліянія и Чацкій, съ которымъ Софья росла и воспитывалась. Вѣдь она сама говоритъ (I, 5):

Привычка вмѣстѣ быть день каждый неразлучно
Связала дѣтскою насъ дружбой...

Какъ ни молода еще была тогда Софья, все же дружба съ такимъ лицомъ, какъ Чацкій, не могла не оставить какихъ-нибудь слѣдовъ: изъ воспоминаній Чацкаго о годахъ этой дружбы (I, 7) видно, что друзья не только „играли и шумѣли по стульямъ и столамъ", но и вмѣстѣ дѣлали кое-какія наблюденія, при чемъ мѣнялись же, вѣроятно, и мыслями.

Всѣ указанныя вліянія имѣли большій или меньшій результатъ.

Прежде всего отмѣтимъ, что Софья во всякомъ случаѣ выше всѣхъ личностей окружавшей ее среды, представлявшей собою остатокъ „вѣка минувшаго". Она не принадлежитъ къ числу тѣхъ женщинъ, которыя увлекаются сплетнями и нарядами; у нея есть своя внутренняя жизнь, и какъ бы ни былъ неудаченъ ея выборъ, всё же Молчалина она любитъ искренно, горячо беретъ его подъ свою защиту, не переноситъ насмѣшекъ надъ нимъ. Тутъ вопросъ о дурныхъ качествахъ Молчалина не можетъ играть роли, такъ какъ Софья представляла себѣ своего героя вовсе не такимъ, каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ; важно то, что она въ состояніи была вполнѣ отдаться чувству любви, и любовь ея была безкорыстна. Выросшая среди общества, гдѣ дочерямъ внушалась мысль, что бѣдные женихи имъ не пара, Софья не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на золотой мѣшокъ и будущее генеральство Скалозуба, и въ выборѣ героя для своего романа руководится влеченіемъ сердца, а не общепринятою въ Фамусовскомъ кружкѣ житейскою мудростью, и говоритъ Лизѣ, что ей все равно, что за Скалозуба, что въ воду (I, 5). На пугающую всѣхъ Фамусовыхъ „молву" она тоже не обращаетъ вниманія.

Что мнѣ молва? Кто хочетъ, такъ и судитъ, —

говоритъ она той же Лизѣ (I, 5).

Но съ другой стороны, на Софьѣ есть и значительный осадокъ нравовъ Фамусовскаго кружка, пропитаннаго ложью: она лжетъ и своему отцу, когда старается скрыть отъ него свои свиданья съ Молчалинымъ (I, 4), и Чацкому, когда пускается увѣрять его, что „всегда" вспоминала о немъ во время его отсутствія (I, 7); выросшая внѣ строгой семейной морали, а можетъ быть отчасти и находясь подъ вліяніемъ чтенія романовъ съ разнаго рода любовными похожденіями, она легко смотритъ на свое просиживаніе ночей съ Молчалинымъ; у нея даже срывается рисующая ее не съ свѣтлой стороны фраза (I, 5):

Бываетъ хуже — съ рукъ сойдетъ.

Разлучившись съ Чацкимъ, Софья осталась одна среди Фамусовскихъ взглядовъ, увлеклась романами, увлеклась Молчалинымъ — гдѣ же ей было слышать о новыхъ вѣяніяхъ, о вѣкѣ „нынѣшнемъ?" Она могла слышать только одно порицаніе этого вѣка. Вернулся Чацкій — она не въ состояніи понять его. Къ тому же сердце ея уже занято, а онъ язвитъ насчетъ любимаго ею человѣка, сыплетъ на всѣхъ градомъ своимъ остротъ и насмѣшекъ. Молчалинъ,—сопоставляетъ она,—за другихъ себя забыть готовъ (I, 5), а этотъ холоденъ къ несчастью ближняго, не свои бѣды—ему забавы; отецъ родной убейся—все равно (II, 8). Это неумѣнье понять Чацкаго, это признаніе въ немъ лишь злого насмѣшника и ничего больше, вообще это отрицательное отношеніе къ лучшему представителю современной ей молодежи — тоже, конечно, темная сторона Софьи, хотя она и можетъ извиняться ея невѣдѣніемъ.

Чтеніе романовъ пробудило въ Софьѣ сочувствіе къ людямъ загнаннымъ судьбою, къ существамъ робкимъ и застѣнчивымъ; вѣроятно, вводило ее въ сферу общей морали, давало примѣры уступчивости, услужливости, снисходительности,—но не наталкивало ее на вопросы относительно общественной жизни, не вело ее къ той критикѣ, которою такъ отличался Чацкій. Мысль ея иногда до того дремала, что она могла довольствоваться такимъ занятіемъ, какъ молчаливое сидѣнье по цѣлымъ часамъ съ милымъ, рука съ рукой, и выслушиванье его вздоховъ.

Какъ ни велика разница между Софьей и Пушкинской Татьяной, но между ними есть кое-что и сходное. Софья тоже жила подъ вліяніемъ романовъ, и подъ вліяніемъ ихъ сложился ея

идеалъ. Она ясно на это указываетъ, когда, разсказывая отцу свой сонъ, говоритъ (I, 4):

Вотъ милый человѣкъ—одинъ изъ тѣхъ, кого мы
Увидимъ—будто *вѣкъ знакомы...*

Ея душа, какъ и душа Татьяны, ждала кого-нибудь — и дождалась. Какъ Онѣгинъ Татьянѣ, такъ Молчалинъ Софьѣ показался воплощеніемъ ея идеала. Совершилось это такъ же просто, какъ просто оно было и у Татьяны: довольно было усмотрѣть въ Молчалинѣ нѣсколько сходныхъ съ идеаломъ чертъ, а остальное ужъ было дорисовано воображеніемъ. Не даромъ же Чацкій указываетъ Софьѣ на ея идеализированіе Молчалина (III, 1):

Богъ знаетъ, за него что выдумали вы,
Чѣмъ голова его ввѣкъ не была набита.
Быть можетъ, качествъ вашихъ тьму,
Любуясь имъ, вы придали ему...

Но для опредѣленія личности Софьи важны и эти „приданныя“ ею Молчалину черты. Она представляетъ его себѣ существомъ, готовымъ забыть себя ради другихъ, врагомъ дерзости (I, 5), надѣленнымъ всепрощающею душой, готовымъ каждому услужить, сдѣлать пріятное;

Чудеснѣйшаго свойства
Онъ наконецъ: уступчивъ, скроменъ, тихъ,
Въ лицѣ ни тѣни безпокойства,
И на душѣ проступковъ никакихъ...

говоритъ Софья (III, 1) и, подобно Татьянѣ, увѣрена, что съ Молчалинымъ свелъ ее самъ Богъ.

Но вотъ настаетъ моментъ—и Софья наконецъ поняла Молчалина. Съ ней происходитъ перемѣна, и эту-то измѣнившуюся Софью Бѣлинскій назвалъ „призракомъ“. Авторъ статьи въ „Музыкальномъ и театральномъ Вѣстникѣ“ находитъ перемѣну въ Софьѣ совершенно естественной и объясняетъ ее уязвленнымъ женскимъ самолюбіемъ. Самолюбіе, конечно, играло большую роль; но вѣдь проявленіе чувства оскорбленія у разныхъ женщинъ можетъ быть очень различно: у Софьи оно соединилось съ такими движеніями души, которыя нельзя не признать благородными. Въ словахъ Софьи, обращенныхъ къ Молчалину (IV, 12):

Не подличайте, встаньте!
Отвѣта не хочу,—я знаю вашъ отвѣтъ:
Солжете...
Себя я, стѣнъ стыжусь!..
Воспоминанія!.. какъ острый ножъ онѣ...

Я, съ этихъ поръ, васъ будто не знавала.
Упрековъ, жалобъ, слезъ моихъ
Не смѣйте ожидать—не стоите вы ихъ;
Но чтобы въ домѣ здѣсь заря васъ не застала,
Чтобъ никогда объ васъ я больше не слыхала...
Въ васъ меньше дерзости, чѣмъ кривизны души—

во всемъ этомъ звучитъ не одно оскорбленіе, но и презрѣніе къ низости, чувство гадливости, стыдъ за свою ошибку. Мы вполнѣ присоединяемся къ проф. Незеленову, когда онъ говоритъ, что перемѣна въ Софьѣ только въ томъ и состояла, что въ ней „проснулось все возвышенное, что было затемнѣно въ ея душѣ наносной грязью“.

И дѣйствительно, развѣ Софья предыдущихъ актовъ не способна возмущаться тѣмъ, что противорѣчитъ ея идеалу. Вспомните, какъ возмущается она, когда видитъ недостойное, по ея мнѣнію, отношеніе Чацкаго къ несчастному случаю съ Молчалинымъ.

Убійственны холодностью своею!
Смотрѣть на васъ, васъ слушать нѣту силъ,—

говоритъ она Чацкому (II, 8). Почему же не могла она возмутиться и тогда, когда увидѣла, что человѣкъ, котораго она считала не имѣющимъ на своей душѣ никакихъ проступковъ, вдругъ оказался такимъ низкимъ.

Въ концѣ пьесы Софья, какъ и Мольеровская Селимена, признаетъ себя виновной. На слова Чацкаго:

Людей съ душой гонительница, бичъ!—
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

Софья вся въ слезахъ отвѣчаетъ:

Не продолжайте; я виню себя кругомъ!..
Но кто бы думать могъ, чтобъ былъ онъ такъ коваренъ!..

Эти слова Софьи примиряютъ насъ съ нею. Мы ставимъ ее выше Селимены, нравственная порча которой зашла гораздо глубже,—и еще вопросъ, что отвѣтила бы Софья Чацкому, если бы, при видѣ ея слезъ и слыша ея самообвиненіе, онъ, вмѣсто дальнѣйшихъ упрековъ, попробовалъ предложить ей то же, что предлагалъ Селименѣ Альцестъ.

Софья значительно отличается отъ Селимены; она взята изъ русской жизни. Но самая мысль ввести ее въ комедію для проведенія въ ней романической интриги, думаемъ, навѣяна „Мизантропомъ“ Мольера. Грибоѣдову хотѣлось обрисовать Чацкаго

сыномъ новаго вѣка не только въ его общественныхъ воззрѣніяхъ, но и въ его отношеніи къ женщинѣ, къ любви. Волкова, въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ: „при тѣхъ правилахъ которыя приняты и проповѣдуются въ нашъ вѣкъ, — обмануть молодую дѣвушку считается не только позволительнымъ, но даже служитъ доказательствомъ величайшей ловкости“ [108]). Чацкій, какъ и Альцестъ, иначе смотритъ на эти вопросы. Но увлекшись Мольеромъ, Грибоѣдовъ, въ подражаніе знаменитому автору, заставилъ и Чацкаго упрекать Софью въ измѣнѣ. У Чацкаго, собственно говоря, не было такихъ основаній для подобнаго упрека, какія были у Альцеста: Селимена дѣйствительно обманывала Альцеста; Софья же вовсе не вводила Чацкаго въ заблужденіе, и если послѣдній въ концѣ пьесы упрекаетъ ее, зачѣмъ она завлекла его надеждой, то это можно отнести развѣ только къ далекому прошлому, когда Софьѣ было всего 14 лѣтъ; но ожидать прочности отъ любви 14-тилѣтней дѣвочки едва ли основательно, тѣмъ болѣе, когда уѣзжаешь на три года въ даль.

Въ заключеніе не можемъ не привести отзыва Гончарова о Софьѣ.

Софья, говоритъ онъ, „это — смѣсь хорошихъ инстинктовъ съ ложью, живого ума съ отсутствіемъ всякаго намека на идеи и убѣжденія,—путаница понятій, умственная и нравственная слѣпота—все это не имѣетъ въ ней характера личныхъ пороковъ, а является, какъ общія черты ея круга. Въ собственной, личной ея физіономіи прячется въ тѣни что-то свое, горячее, нѣжное, даже мечтательное. Остальное принадлежитъ воспитанію... Вообще къ Софьѣ Павловнѣ трудно отнестись не симпатично: въ ней есть сильные задатки недюжинной натуры, живого ума, страстности и нѣжной мягкости. Она загублена въ духотѣ, куда не проникалъ ни одинъ лучъ свѣта, ни одна струя свѣжаго воздуха. Не даромъ любилъ ее и Чацкій. Послѣ него она одна изъ всей этой толпы напрашивается на какое-то грустное чувство, и въ душѣ читателя противъ нея нѣтъ того безучастнаго смѣха, съ какимъ онъ разстается съ прочими лицами. Ей, конечно, тяжелѣе всѣхъ, тяжелѣе даже Чацкаго, и ей достается свой «мильонъ терзаній»“.

Остается сказать нѣсколько словъ о Лизѣ. Мнѣнія объ этомъ типѣ различны. Проф. Незеленовъ говоритъ: „Бойкая добродушная, хотя нѣсколько и плутоватая, умная и остроумная, отлично понимающая людей, она напоминаетъ субретокъ фран-

цузскихъ комедій [109]). Суворинъ же, принимая во вниманіе „крѣпостные нравы, допускавшіе большую близость и даже нѣкоторую образованность горничныхъ, начинавшихъ свою службу при барышняхъ съ дѣтства своего", находитъ Лизу „вполнѣ живымъ лицомъ" [110]).

V.

Какъ встрѣчена была комедія Грибоѣдова въ обществѣ и въ литературѣ. — Критика М. А. Дмитріева и антикритика „Московскаго Телеграфа" и „Сына Отечества". — Мнѣніе кн. Вяземскаго и замѣтка Пушкина. — Статья Бѣлинскаго 1840-го года и его замѣтки годовъ позднѣйшихъ. — „Мильонъ терзаній" Гончарова. — Важное указаніе этого критика на то, что у Чацкаго есть опредѣленная программа, и разъясненіе того, что понимаетъ Чацкій подъ словами: «свободная жизнь». — Критическая статья А. С. Суворина. — Мысли профессора А. И. Смирнова. — Расужденія о Чацкомъ г. Соловьева (Андреевича). — Значеніе Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи. — Указаніе Кадлубовскаго на различіе между Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ.

„Горе отъ ума" было разрѣшено для театра лишь въ 1831 году; въ Петербургѣ оно было поставлено на сцену 26 января, а въ Москвѣ 25 февраля этого года. Причину такого поздняго появленія комедіи на театрѣ мы уже знаемъ: было много, особенно между москвичами, недовольныхъ рѣзкимъ осужденіемъ; нѣкоторые изъ нихъ начали дѣйствовать на вліятельныя сферы, представляя, будто пьеса Грибоѣдова есть лишь опасный пасквиль на Москву. Въ печати „Горе отъ ума" появилось еще позднѣе. Въ 1825 г. Булгаринъ напечаталъ въ „Русской Таліи" лишь 7, 8, 9 и 10-е явленія I-го дѣйствія и все III-е д., и то съ цензурными сокращеніями. Первое изданіе всей комедіи появилось только въ 1833 г. Но рядомъ съ этими явными доказательствами враждебнаго отношенія къ произведенію Грибоѣдова есть доказательства и противоположнаго: автора, по разсказамъ его біографовъ, „носили на рукахъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ онъ по нѣскольку разъ *въ день* читалъ пьесу въ различныхъ домахъ" [111]); комедія тотчасъ же начала распространяться въ тысячахъ списковъ. Въ „Сѣверной Пчелѣ" 1831 г. (№ 31) Булгаринъ увѣрялъ, что въ Россіи находится ихъ болѣе 40 тысячъ, а въ 1857 году въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 117) было напечатано: „Теперь едва ли не сотни тысячъ манускриптовъ неподражаемой комедіи разсѣяны по русскому царству". Списки эти, за очень небольшимъ исключеніемъ, были неисправны, съ искаженіями, но количество ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что комедія нравилась, хотя тутъ же надо оговориться и сказать, что людей, пони-

мавшихъ глубокій смыслъ комедіи, было тогда еще немного: большинству нравилось „Горе отъ ума", какъ такая сатира, стихи которой можно примѣнять къ извѣстнымъ лицамъ и этимъ доставлять себѣ своего рода удовольствіе [112]).

Въ литературѣ комедія Грибоѣдова встрѣчена была также не одинаково: появились эпиграммы—и вотъ одна изъ нихъ:

Не говори, что дважды два четыре,—
Я Горе отъ ума тебѣ при семъ пришлю.
Четыре акта въ немъ—и ровно всѣ четыре
Равны не дважды двумъ, а одному нулю.

Болѣзненно-раздражительный водевилистъ Писаревъ, которому Веселовскій не безъ основанія приписываетъ „привычку остроумничать во что бы то ни стало", не оставилъ своими остротами и Грибоѣдова. Въ стихотворной пародіи на Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ, носящей названіе: „Пѣвецъ на бивакахъ у подошвы Парнасса", онъ, подсмѣиваясь надъ разными современными литераторами, посвящаетъ и Грибоѣдову слѣдующія строки:

Давно ли Горе отъ ума
Всѣхъ умныхъ огорчило?
Въ немъ мало смыслу, мыслей тьма,
И писано премило.
Хоть Чацкій годенъ въ желтый домъ,
Хоть стоитъ быть повѣшенъ,
Хоть въ немъ съ французскимъ языкомъ
Нижегородскій смѣшанъ,—
Никто объ немъ не думалъ знать,
Никто объ немъ не слышалъ;
Но, чтобъ комедію читать,
Поэтъ въ отставку вышелъ.

Между тѣмъ въ альманахѣ „Полярная Звѣзда" на 1825 годъ, издававшемся Бестужевымъ (Марлинскимъ), помѣщенъ былъ о „Горѣ отъ ума" похвальный отзывъ: комедія названа „феноменомъ", какого не видали мы отъ временъ „Недоросля". Похвалы появились и въ „Московскомъ Телеграфѣ" Н. Полевого въ томъ же 1825 г. (ч. I, № 2). Похваламъ этимъ вовсе не сочувствовалъ „посредственный", какъ его называютъ, писатель М. А. Дмитріевъ (племянникъ извѣстнаго баснописца Ив. Ив. Дмитріева), и онъ выступилъ противъ Грибоѣдова въ „Вѣстникѣ Европы" (1825 г., ч. CXL, № 6). Походъ Дмитріева замѣчателенъ тѣмъ, что онъ вызвалъ цѣлую полемику, продолжавшуюся почти годъ. За „Горе отъ ума" вступились „Московскій Телеграфъ" и „Сынъ Отечества" Греча. Дмитріевъ продолжалъ полемизировать въ „Вѣст-

никѣ Европы“, но уже подъ псевдонимомъ Пилада Бѣлугина. Все высказанное имъ сводится къ слѣдующему. Дмитріеву „Горе отъ ума“ не понравилось 1) потому, что оно не похоже на комедіи, писанныя по французскимъ образцамъ, каковы, напримѣръ, комедіи Загоскина, съ ихъ однообразной схемой; 2) ужасно не понравился критику языкъ комедіи, который онъ назвалъ жесткимъ, неровнымъ и неправильнымъ“. „Софья Павловна Фамусова и Александръ Андреевичъ Чацкій“—писалъ критикъ—„говорятъ нарѣчіемъ, котораго не признаетъ ни одна грамматика, кромѣ, можетъ быть, лезгинской. Кто, кромѣ лезгинца, скажетъ дѣвушкѣ: вы ужъ на ногахъ. «Вдвоемъ мы мочи нѣтъ другъ другу надоѣли»—лезгинская фраза“. Далѣе 3)—и это самое главное—не понравилось рѣзкое изображеніе тогдашняго общества, особенно нападки на него Чацкаго, почему критикъ главнымъ образомъ и обрушился на это лицо. „Грибоѣдовъ“—говоритъ онъ—„хотѣлъ представить въ Чацкомъ умнаго и образованнаго человѣка, а онъ лишь злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову; естественно, что такой человѣкъ наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе... Мудрено ли, что отъ такого лица разбѣгутся и примутъ за сумасшедшаго. Онъ сумасбродъ, который находится въ обществѣ людей совсѣмъ не глупыхъ, но необразованныхъ, и который умничаетъ передъ ними, потому что считаетъ себя всѣхъ умнѣе; слѣдовательно, все смѣшное на сторонѣ Чацкаго. Онъ хочетъ отличиться то остроуміемъ, то какимъ-то бранчивымъ патріотизмомъ предъ людьми, которыхъ презираетъ; онъ презираетъ ихъ, а между тѣмъ, очевидно, хотѣлъ бы, чтобы они его уважали! Словомъ, Чацкій, который долженъ быть умнѣйшимъ лицомъ въ пьесѣ, представленъ менѣе всѣхъ разсудительнымъ. Это Мольеровскій мизантропъ въ мелочахъ и карикатурѣ. Это такая несообразность характера съ его назначеніемъ, которая должна отнять у дѣйствующаго лица всю его занимательность... Короче: г. Грибоѣдовъ изобразилъ очень удачно нѣкоторые портреты, но не совсѣмъ напалъ на нравы того общества, которые вздумалъ описывать, и не далъ главному характеру надлежащей противоположности“. Наконецъ 4) Дмитріевъ говорилъ, будто въ комедіи Грибоѣдова „можно выкинуть каждое изъ лицъ, замѣнить другимъ, удвоить число ихъ, и ходъ пьесы останется тотъ же“. „Ни одна сцена“—увѣрялъ онъ—„не истекаетъ изъ предыдущей и не связывается съ послѣдующей. Перемѣните порядокъ явленій, переставьте номера ихъ, выбросьте любое, вставьте, что

хотите, и комедія не перемѣнится. Во всей пьесѣ нѣтъ необходимости, стало — нѣтъ завязки, а потому не можетъ быть и дѣйствія".

Обратить вниманіе на мнѣніе Дмитріева очень важно, потому что оно легло въ основаніе многихъ позднѣйшихъ критикъ: его повторялъ Бѣлинскій, а за нимъ и многіе другіе.

Защитники комедіи Грибоѣдова — „Московскій Телеграфъ" и „Сынъ Отечества"—возражали на всѣ статьи Дмитріева-Бѣлугина. Они хвалили пьесу именно за то, что она не построена по французскому шаблону. О языкѣ комедіи „Московскій Телеграфъ" говорилъ: „до Грибоѣдова слогъ нашихъ комедій былъ слѣпкомъ слога французскихъ; натянутыя, выглаженныя фразы, заключенныя въ шестистопныхъ стихахъ, приправленныя именами Милоновъ и Миленъ, заставляли почитать даже оригинальныя комедіи переводными; непринужденность была согнана съ комической сцены; у одного г. Грибоѣдова мы находимъ непринужденный, легкій, совершенно такой языкъ, какимъ говорятъ у насъ въ обществахъ; у него одного въ слогѣ находимъ мы колоритъ русскій. Въ семъ случаѣ нельзя доказывать теоретически; но вотъ практическое доказательство словъ моихъ: почти всѣ стихи комедіи Грибоѣдова сдѣлались пословицами, и мнѣ часто случалось слышать въ обществѣ цѣлые разговоры, которыхъ большую часть составляли — стихи Горя отъ ума" (Моск. Тел., 1825 г., № 10, статья *У. У.*).

Въ защиту личности Чацкаго тотъ же журналъ (въ томъ же № 10) справедливо заявлялъ, что поэтъ вовсе не думалъ представлять въ этомъ лицѣ идеалъ совершенства, а просто—умнаго, образованнаго, но молодого и пламеннаго человѣка, въ которомъ глупости другихъ возбуждаютъ насмѣшливость; наконецъ человѣка, къ которому можно отнести стихъ поэта: „не терпитъ сердце нѣмоты". Далѣе говорилось, что если на Чацкаго смотрѣть съ такой точки зрѣнія, то онъ представляетъ совершенную противоположность съ окружающими его лицами, и одна сторона оттѣняетъ другую: „въ одной видна сила характера, презрѣніе предразсудковъ, благородство, возвышенность мыслей, обширность взгляда; въ другой — слабость духа, совершенная преданность предразсудкамъ, низость мыслей, тѣсный кругъ сужденія".

„Сынъ Отечества" указывалъ, что взаимныя отношенія Чацкаго съ Софьей позволяли ему принять тонъ шутливый. Онъ вмѣстѣ съ нею росъ, вмѣстѣ воспитанъ, и изъ рѣчей ихъ можно выразумѣть, что онъ привыкъ забавлять ее своими колкими замѣ-

чаніями насчетъ чудаковъ, которыхъ они знали прежде; естественно, что по старой привычкѣ онъ и теперь дѣлаетъ ей забавные разспросы о тѣхъ же чудакахъ. — На замѣчаніе Дмитріева о „браччивомъ патріотизмѣ" Чацкаго, журналъ возражаетъ: „Любовь къ отечеству, выразившаяся въ жалобахъ на то, что многіе сыны его отстали отъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ и, не достигши до настоящей степени образованія, заняли у иностранцевъ только то, что вовсе не достойно подражанія: роскошь, моды и полуфранцузскій тонъ разговора, — негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному — развѣ это браччивый патріотизмъ Чацкаго?" (С. От. 1825 г., ч. CI).

Какъ мысли Дмитріева легли въ основаніе дальнѣйшей отрицательной критики комедіи Грибоѣдова, такъ мысли „Моск. Телеграфа" и „Сына Отечества" послужили основой для дальнѣйшей положительной ея критики, или, какъ выразился Суворинъ, „легли въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ наиболѣе справедливыхъ разборовъ «Горя отъ ума»" [113]).

Раньше другихъ мнѣніе Дмитріева о „Горѣ отъ ума" повторилъ князь Вяземскій въ своей книгѣ о Фонвизинѣ [114]). Книга эта вышла въ свѣтъ въ 1848 г., но въ рукописи она окончена была уже въ 1830-мъ. Князь Вяземскій, правда, кое въ чемъ расходится съ Дмитріевымъ. Такъ, онъ хвалитъ Грибоѣдова за то, что онъ не подражалъ шаблону французскихъ комедій. Авторъ, — говоритъ критикъ, — „былъ одаренъ умомъ пылкимъ и острымъ и тою гордою независимостью, которая, пренебрегая тропами избитыми, порывается сама проложить слѣды свои по неиспытанной дорогѣ". Но въ другомъ онъ сходится съ своимъ предшественникомъ: въ языкѣ и стихѣ комедіи онъ видитъ „небрежность, доведенную иногда до непростительнаго своеволія"; дѣйствія въ ней онъ не находитъ: „почти всѣ лица" — говоритъ кн. Вяземскій — „эпизодическія, всѣ явленія выдвижныя: ихъ можно выдвинуть, вдвинуть, перемѣстить, пополнить, и нигдѣ не замѣтишь ни трещины ни придѣлки". На Чацкаго критикъ смотритъ такимъ образомъ: „Самъ герой комедіи, молодой *Чацкій*, похожъ на *Стародума*. Благородство правилъ его почтенно, но способность, съ которою онъ проповѣдуетъ на каждый попавшійся ему текстъ, нерѣдко утомительна. Слушающіе рѣчи его точно могутъ примѣнить къ себѣ названіе комедіи, говоря: «Горе отъ ума!» Умъ, каковъ Чацкаго, не есть завидный ни для себя, ни для другихъ. Въ этомъ главный порокъ автора, что, посреди глупцовъ

разнаго свойства, вывелъ онъ одного умнаго человѣка, да и то бѣшенаго и скучнаго. Мольеровъ *Альцестъ*, въ сравненіи съ *Чацкимъ*, настоящій Филэнтъ, образецъ терпимости *). Пушкинъ прекрасно характеризовалъ сіе твореніе, сказавъ: «*Чацкій* совсѣмъ не умный человѣкъ, но *Грибоѣдовъ* очень уменъ»".

Пушкинъ дѣйствительно сказалъ нѣчто подобное, но не надо забывать, при какихъ обстоятельствахъ было имъ это сказано. Комедію Грибоѣдова привозилъ въ село Михайловское товарищъ Пушкина — И. И. Пущинъ, и 11-го января 1825 г. прочелъ ее Пушкину. Чтеніе, очевидно, было бѣглое, какъ о томъ можно заключить изъ письма самого Пушкина къ А. А. Бестужеву отъ 25 января того же 1825 г., заключающемъ въ себѣ бѣглый же отчетъ о полученныхъ при слушаніи впечатлѣніяхъ. Вотъ это письмо:

„Слушалъ Чацкаго, но только одинъ разъ и не съ тѣмъ вниманіемъ, котораго онъ достоинъ. Вотъ что мелькомъ успѣлъ я замѣтить. Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ. Слѣдственно, не осуждаю ни плана, ни завязки, ни приличій комедіи Грибоѣдова. Цѣль его—характеры и рѣзкая картина нравовъ. Въ этомъ отношеніи *Фамусовъ* и *Скалозубъ* превосходны. *Софья* начертана неясно... *Молчалинъ* не довольно рѣзко подлъ; не нужно ли было сдѣлать изъ него и труса? Старая пружина—но штатскій трусъ въ большомъ свѣтѣ между Чацкимъ и Скалозубомъ могъ быть очень забавенъ. Les propos du bal, сплетни, разсказъ *Репетилова* о клубѣ, *Загорѣцкій*, всѣми отъявленный и вездѣ принятый—вотъ черты истинно комическаго генія. Теперь вопросъ: въ комедіи Горе отъ ума кто умное дѣйствующее лицо? Отвѣтъ: Грибоѣдовъ. А знаешь ли, что такое *Чацкій?* Пылкій, благородный и добрый малый, проведшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человѣкомъ (именно съ Грибоѣдовымъ), напитавшійся его мыслями, остротами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говоритъ онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и тому под. Кстати, что такое Репетиловъ? Въ немъ два, три, десять характеровъ.—Зачѣмъ дѣлать его гадкимъ?

*) Это замѣчаніе тоже совершенно несправедливо: Альцестъ съ перваго же явленія обнаруживаетъ свою горячность.

Довольно того, что онъ вѣтренъ и глупъ съ такимъ простодушіемъ; довольно, чтобъ онъ признавался поминутно въ своей глупости, а не въ мерзостяхъ. Это смущеніе чрезвычайно ново на театрѣ, хоть кому изъ насъ не случалось конфузиться, слушая ему подобныхъ кающихся. Между мастерскими чертами этой прелестной комедіи, недовѣрчивость Чацкаго въ любви Софьи къ Молчалину прелестна—и какъ натуральна! Вотъ на чемъ должна была вертѣться вся комедія; но Грибоѣдовъ, видно, не захотѣлъ—его воля".

О стихахъ Пушкинъ замѣтилъ только одно, но пророчески: половина ихъ должна войти въ пословицы.

Въ концѣ письма Пушкинъ заявляетъ, что всѣ эти замѣчанія пришли ему въ голову не во время слушанія, а послѣ, когда уже рукописи не было и „справиться" онъ не могъ. Слушая же комедію, онъ „не критиковалъ, а наслаждался".

—

Въ 1840 году въ „Отечественныхъ Запискахъ" (т. VIII, № 1) появилась статья о „Горѣ отъ ума", написанная Бѣлинскимъ (см. его сочин. т. III, 341—438, изд. 1871 г.). Бѣлинскій тогда не совсѣмъ еще пересталъ придерживаться эстетики Гегеля. Въ указанной статьѣ онъ между прочимъ говоритъ:

„Теперь у насъ въ литературѣ господствуютъ и борются два рода критики—французская и нѣмецкая. Первая смотритъ на произведеніе съ исторической точки зрѣнія, т.-е. объясняетъ его и производитъ ему оцѣнку вслѣдствіе разбора его отношеній къ современному обществу и къ частной жизни самого автора.. Нѣмецкая критика смотритъ на художественное произведеніе, какъ на нѣчто безусловное, въ самомъ себѣ носящее свою причину, свое оправданіе и свою оцѣнку, по мѣрѣ того, какъ оно выражаетъ собою общіе законы духа, явленія разума, и мѣритъ его масштабомъ разумной мысли" [115]).

Каковы были основанныя на Гегелевской эстетикѣ воззрѣнія Бѣлинскаго на художественное произведеніе—это можно видѣть изъ слѣдующихъ его словъ: „всякое художественное произведеніе должно представлять собою особный, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т.-е. должно имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ внѣшней формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи. Она не допускаетъ въ себя ни чуждыхъ своей идеѣ элементовъ, ни внѣшнихъ толчковъ, которые бы помогали ходу дѣйствія, но развивается имманентно, т.-е. изнутри самого себя, какъ дерево развивается изъ зерна. Поэтому всякая пьеса въ драматической

формѣ, вполнѣ выражающая и вполнѣ исчерпывающая свою идею, цѣлая и оконченная въ художественномъ значеніи, т.-е. представляющая собою отдѣльный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, есть или трагедія, или комедія, смотря по сущности ея содержанія, но нисколько не смотря на ея объемъ и величину, хотя бы она простиралась не далѣе пяти страницъ" [116]).

Какъ на образцы художественныхъ произведеній, въ области трагедіи Бѣлинскій указываетъ на пьесы Пушкина: „Моцартъ и Сальери", „Скупой Рыцарь", „Борисъ Годуновъ" и др., а въ области комедіи—на Гоголевскаго „Ревизора". Въ „Ревизорѣ"—говоритъ Бѣлинскій — „нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, но всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно-образующія собою единое цѣлое, округленное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ" [117]).

Остановившись довольно долго на „Ревизорѣ" съ цѣлію показать, что эта комедія есть произведеніе художественное, Бѣлинскій переходитъ къ „Горю отъ ума" — и останавливается на немъ такъ же долго, но съ цѣлію противоположной.

Разсматривая первый актъ, Бѣлинскій отмѣчаетъ между прочимъ слѣдующее:

„Чацкій—человѣкъ свѣтскій и человѣкъ «глубокій»: отсюда должны выходить приличіе и поэзія его свиданія съ Софьей. Какъ свѣтскій человѣкъ, онъ не долженъ разсыпаться въ нѣжныхъ и страстныхъ монологахъ; скорѣе долженъ онъ начать шутить и говорить о незначащихъ предметахъ, обо всемъ, кромѣ любви своей; но, какъ у глубокаго человѣка, въ его шуткахъ должно, какъ бы противъ его воли, проискриваться его чувство, и, какъ arrière pensée, оно же должно незримо присутствовать въ его болтовнѣ о разныхъ пустякахъ. Но что же? Во-первыхъ, онъ заѣзжаетъ въ домъ ея отца и требуетъ свиданія съ ней, прямо съ дороги, не заѣхавъ домой, чтобы обриться и переодѣться,—и заѣзжаетъ когда же?—въ шесть часовъ утра!—Воля ваша—не по-свѣтски, не умно и не эстетически!..." [118]).

Изложивъ содержаніе второго акта, Бѣлинскій спрашиваетъ: „Что въ немъ существеннаго, относящагося къ дѣлу?" —и отвѣчаетъ: „Обморокъ Софьи и, вслѣдствіе его, ревность Чацкаго; все остальное существуетъ само по себѣ, безъ всякаго отношенія къ цѣлому комедіи. Всѣ говорятъ, и никто ничего не дѣлаетъ. Конечно, въ монологахъ дѣйствующихъ лицъ высказываются ихъ характеры, но это высказываніе, въ художественномъ произве-

деніи, должно происходить изъ его идеи и совершаться въ дѣйствіи. И въ «Ревизорѣ» каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя каждымъ своимъ словомъ, но совсѣмъ не съ цѣлію высказываться, а принимая необходимое участіе въ ходѣ пьесы. Каждое слово, сказанное каждымъ лицомъ, тамъ относится или къ ожиданію ревизора, или къ его присутствію въ городѣ. Лицо ревизора есть источникъ, изъ котораго все выходитъ и въ который все возвращается. И потому-то тамъ каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждое слово необходимо, и не можетъ быть ни измѣнено, ни замѣнено другимъ. Оттого-то и комедія Гоголя представляетъ собою цѣлое художественное произведеніе, особный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ, и можетъ подлежать только разсмотрѣнію нѣмецкой умозрительной критики, а отнюдь не французской исторической. Лица поэта нѣтъ въ этомъ созданіи, и потому, чтобы понять «Ревизора», намъ совсѣмъ не нужно знать ни образа мыслей ни обстоятельствъ жизни его творца“ [119]).

Далѣе Бѣлинскій останавливается на отношеніи Чацкаго къ Софьѣ. Тутъ онъ прежде всего опредѣляетъ любовь — и притомъ съ самой идеалистической точки зрѣнія. „Любовь“ — говоритъ онъ—„есть гармоническое разумѣніе двухъ родственныхъ душъ, въ сферахъ общей жизни, въ сферахъ истиннаго, благого, прекраснаго“. Потомъ критикъ говоритъ: „На чемъ же могли они (т.-е. Чацкій и Софья) сойтись и понять другъ друга? Но мы и не видимъ этого требованія, или этой духовной потребности, составляющей сущность глубокаго человѣка, ни въ одномъ словѣ Чацкаго. Всѣ слова, выражающія его чувство къ Софьѣ, такъ обыкновенны, чтобы не сказать пошлы! И что онъ нашелъ въ Софьѣ. Мѣркою достоинства женщины можетъ быть мужчина, котораго она любитъ, а Софья любитъ ограниченнаго человѣка, безъ души, безъ сердца, безъ всякихъ человѣческихъ потребностей, мерзавца, низкопоклонника, ползующую тварь, однимъ словомъ — Молчалина“ [120]).

Затѣмъ, упомянувъ о томъ, какъ Чацкій добивается узнать отъ Софьи, кого она любитъ; какъ онъ язвительно колетъ ее Молчалинымъ, и какъ у Софьи вдругъ блеснула мысль отомстить ему, ославивъ его сумасшедшимъ, — Бѣлинскій, по поводу монолога Чацкаго:

Да, мочи нѣтъ! Мильонъ терзаній...

пишетъ слѣдующее:

„Скажите, послѣ этой, положимъ, что поэтической, но уже совершенно неумѣстной выходки Чацкаго, не въ правѣ ли было все общество окончательно и положительно удостовѣриться въ его сумасшествіи. Кто, кромѣ помѣшаннаго, предастся такому откровенному и задушевному изліянію своихъ чувствъ на балѣ, среди людей, чуждыхъ ему?“ [121]).

Монологъ Чацкаго: „Французикъ изъ Бордо“ вызываетъ у Бѣлинскаго даже раздраженіе. „Чацкій“—говоритъ онъ — „начинаетъ неистово свирѣпствовать противъ рабскаго подражанія русскихъ иноземщинѣ, совѣтуетъ учиться у китайцевъ «премудрому незнанью иноземцевъ», нападаетъ на сюртуки и фраки, замѣнившіе величавую одежду нашихъ предковъ, на «смѣшные, бритые, сѣдые подбородки», замѣнившіе окладистыя бороды, которыя упали по манію Царя, чтобы уступить мѣсто просвѣщенію и образованности; словомъ, несетъ такую дичь, что всѣ уходятъ, а онъ остается одинъ, не замѣчая того, — чѣмъ и оканчивается третій актъ“ [122]).

Чацкій, по мнѣнію Бѣлинскаго, самая неудачная личность. Закончивъ разсмотрѣніе третьяго акта, онъ замѣчаетъ: „Вообще, если бы выкинуть Чацкаго, этотъ актъ, самъ по себѣ, какъ дивно созданная картина общества и характеровъ, былъ бы превосходнымъ созданіемъ искусства“.

Послѣ этого критикъ переходитъ къ четвертому акту. „Картина разъѣзда съ бала“ — замѣчаетъ Бѣлинскій — „есть также, сама по себѣ, какъ нѣчто отдѣльное, дивное произведеніе искусства. Одинъ Репетиловъ чего стоитъ!..“ Но восклицаніе Чацкаго: „Онъ здѣсь, притворщица!“ и все дальнѣйшее Бѣлинскимъ забраковывается. „Скажите, Бога ради“,—спрашиваетъ онъ: — „какой бы порядочный человѣкъ, по крайней мѣрѣ не сумасшедшій человѣкъ, на мѣстѣ Чацкаго, не удалился тихонько, узнавъ горькую истину?..“ „Но ему“ — язвитъ критикъ — „надо было произвести трагическій эффектъ, а вышла преуморительная комическая сцена, гдѣ самое смѣшное лицо — г. Чацкій... Нѣтъ, не то: ему надо было еще прочесть нѣсколько проповѣдей... Безъ этого комедія по крайней мѣрѣ кончилась бы на мѣстѣ, а тутъ она еще тянется Богъ знаетъ для чего“ [123]).

Разсмотрѣвъ всѣ четыре акта, Бѣлинскій пишетъ слѣдующія строки, въ которыхъ особенно выразилось его непониманіе личности Чацкаго, и въ которыхъ между прочимъ высказана парадоксальная мысль, будто „общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка“. „Итакъ“—пишетъ Бѣлинскій—„въ комедіи нѣтъ

цѣлаго, потому что нѣтъ идеи. Намъ скажутъ, что идея, напротивъ, есть, и что она — противорѣчіе умнаго и глубокаго человѣка съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ. Позвольте: что это за новый Анахарсисъ, побывавшій въ Аѳинахъ и возвратившійся къ скиѳамъ? *). Неужели представители русскаго общества все— Фамусовы, Молчалины, Софьи, Загорѣцкіе, Хлестовы, Тугоуховскіе и имъ подобные? Если такъ, они правы, изгнавши изъ своей среды Чацкаго, съ которымъ у нихъ нѣтъ ничего общаго, равно какъ и у него съ ними. Общество всегда правѣе и выше частнаго человѣка, и частная индивидуальность только до той степени и дѣйствительность, а не призракъ, до какой она выражаетъ собою общество. Нѣтъ, эти люди не были представителями русскаго общества, а только представителями одной стороны его, слѣдственно были другіе круги общества, болѣе близкіе и родственные Чацкому **). Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же онъ лѣзъ къ нимъ, а не искалъ круга болѣе по себѣ? Слѣдовательно противорѣчіе Чацкаго случайное, а не дѣйствительное; не противорѣчіе съ обществомъ, а противорѣчіе съ кружкомъ общества. Гдѣ же тутъ идея? Основною идеею художественнаго произведенія можетъ быть только такъ называемая на философскомъ языкѣ «конкретная» идея, т.-е. такая идея, которая сама въ себѣ заключаетъ и свое развитіе, и свою причину, и свое оправданіе, и которая только одна можетъ стать разумнымъ явленіемъ, параллельнымъ своему діалектическому развитію ***). Очевидно, что идея Грибоѣдова была сбивчива и не ясна самому ему, а потому и осуществилась какимъ-то недоноскомъ".

Подъ вліяніемъ Гегелевской философіи Бѣлинскому все хочется найти у Грибоѣдова „конкретную" идею, и не находитъ ея, такъ какъ авторъ „Горя отъ ума" никакой идеей и не задавался, а изображалъ то, что видѣлъ и въ значительной мѣрѣ самъ пережилъ. Не найдя „конкретной" идеи и не желая примѣнить къ комедіи Грибоѣдова критики исторической, Бѣлинскій и обзываетъ ее „недоноскомъ".

---

*) *Анахарсисъ*—скиѳъ, царскаго происхожденія; пришелъ въ Аѳины во времена Солона; причисляется къ семи мудрецамъ. Знаменитый Анахарсисъ аббата Бартелеми въ его „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce", о которомъ упоминаетъ Карамзинъ въ своихъ „Письмахъ", есть лицо вымышленное.

**) Одинъ изъ позднѣйшихъ критиковъ (Суворинъ) вѣрно замѣтилъ, что Бѣлинскій не зналъ еще тѣхъ записокъ современниковъ, изъ которыхъ видно, что Фамусовы и Молчалины были очень даже не рѣдкостью.

***) Это опредѣленіе „конкретной" идеи есть результатъ увлеченія Бѣлинскаго Гегелевской философ ей.

Но до чего онъ фальшиво смотрѣлъ на Чацкаго, видно изъ слѣдующаго выданнаго ему критикомъ аттестата:

Чацкій—„это просто крикунъ, фразеръ, идеальный шутъ, на каждомъ шагу профанирующій все святое, о которомъ говоритъ. Неужели войти въ общество и начать всѣхъ ругать въ глаза дураками и скотами—значитъ быть глубокимъ человѣкомъ? Что бы вы сказали о человѣкѣ, который, войдя въ кабакъ, сталъ бы съ одушевленіемъ и жаромъ доказывать пьянымъ мужикамъ, что есть наслажденіе выше вина — есть слава, любовь, наука, поэзія, Шиллеръ и Жанъ-Поль-Рихтеръ?... Это новый Донъ-Кихотъ, мальчикъ на палочкѣ верхомъ, который воображаетъ, что сидитъ на лошади... Глубоко вѣрно оцѣнилъ эту комедію кто-то, сказавшій, что это горе,—только не отъ ума, а отъ умничанья. Искусство можетъ избрать своимъ предметомъ и такого человѣка, какъ Чацкій, но тогда изображеніе долженствовало бъ быть объективнымъ, а Чацкій лицомъ комическимъ; но мы ясно видимъ, что поэтъ не шутя хотѣлъ изобразить въ Чацкомъ идеалъ глубокаго человѣка въ противорѣчіи съ обществомъ — и вышло Богъ знаетъ что" [124]).

Бѣлинскій ошибался и въ томъ, будто Грибоѣдовъ хотѣлъ въ лицѣ Чацкаго изобразить „*идеалъ* глубокаго человѣка". Объ этой ошибкѣ достаточно говорятъ, какъ увидимъ, позднѣйшіе критики. Впрочемъ уже „Моск. Телеграфъ" 1825 г. замѣчалъ, что поэтъ вовсе не думалъ выставлять въ лицѣ Чацкаго идеалъ совершенства.

Подводя итогъ всему сказанному, Бѣлинскій говоритъ:

„«Горе отъ ума» не есть комедія, по отсутствію, или, лучше сказать, по ложности своей основной идеи; не есть художественное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно и объективности, составляющей неебходимое условіе творчества. «Горе отъ ума»—сатира, а не комедія: сатира же не можетъ быть художественнымъ произведеніемъ *). И въ этомъ отношеніи «Горе отъ ума» находится въ неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи ниже «Ревизора», какъ вполнѣ художественнаго созданія, вполнѣ удовлетворяющаго высшимъ требованіямъ искусства и основнымъ философскимъ законамъ творчества" [125]).

Но, считая „Горе отъ ума" въ цѣломъ — „уродливымъ зданіемъ", Бѣлинскій не отрицалъ его частныхъ красотъ. Онъ го-

*) По Бѣлинскому, художественное произведеніе есть „само себѣ цѣль, и внѣ себя не имѣетъ цѣли"; а сатира имѣетъ цѣль внѣ себя: осмѣяніе.

ворилъ, что комедія эта, безъ отношенія къ цѣлому, „есть въ высшей степени поэтическое созданіе, рядъ отдѣльныхъ картинъ и самобытныхъ характеровъ, художественно нарисованныхъ кистію широкою, мастерскою". Выражая свою мысль сравненіемъ, критикъ говоритъ: „«Горе отъ ума», въ его цѣломъ, есть какое-то уродливое зданіе, ничтожное по своему назначенію, какъ, напримѣръ, сарай, но зданіе, построенное изъ драгоцѣннаго паросскаго мрамора, съ золотыми украшеніями, дивною рѣзьбою, изящными колоннами"...

Однако изъ расхваливаемыхъ частностей Бѣлинскій исключаетъ во-первыхъ Чацкаго, какъ „ни на что не похожаго", а во-вторыхъ Софью, лицо которой онъ считаетъ „призракомъ". Впрочемъ и остальные характеры, назвавъ ихъ на стр. 436-й „художественно нарисованными", на стр. 431-й онъ находитъ „частенько измѣняющими себѣ".

Хотя Бѣлинскій въ своей критикѣ основывался на Гегелевской философіи, въ общемъ онъ во многомъ сходился съ Дмитріевымъ: тѣ же нападки на Чацкаго, то же непризнаніе стройности въ цѣломъ зданіи комедіи, то же недовольство „бранчивымъ патріотизмомъ" Чацкаго и даже тѣ же упреки автору за нарушеніе Чацкимъ какихъ-то условныхъ свѣтскихъ приличій.

Замѣчательно, что какъ только Бѣлинскій пересталъ увлекаться философіей Гегеля, взглядъ его на „Горе отъ ума" измѣнился. Въ тѣхъ же „Отечественныхъ Запискахъ", по 1841 г. (т. XV), въ статьѣ: „Раздѣленіе поэзіи на роды и виды" (см. соч. Бѣлинскаго, т. XII), онъ уже вотъ что говоритъ о комедіи Грибоѣдова:

„Въ основаніи истинно-художественной комедіи лежитъ глубочайшій юморъ. Личности поэта въ ней не видно только по наружности; но его субъективное созерцаніе жизни, какъ arrière pensee, непосредственно присутствуетъ въ ней, и изъ-за животныхъ, искаженныхъ лицъ, выведенныхъ въ комедіи, мерещатся вамъ другія лица, прекрасныя и человѣческія, и смѣхъ вашъ отзывается не веселостью, а горечью и болѣзненностію... Въ комедіи жизнь для того показывается намъ такою, какъ она есть, чтобы навести насъ на ясное созерцаніе жизни такъ, какъ она должна быть. Превосходнѣйшій образецъ художественной комедіи представляетъ собою «Ревизоръ» Гоголя".

„Художественная комедія не должна жертвовать предположенной поэтомъ цѣли объективною истиною своихъ изображеній:

иначе изъ художественной она сдѣлается дидактическою... Но если дидактическая комедія выходитъ не изъ невиннаго желанія поострить, но изъ глубоко-оскорбленнаго пошлостію жизни духа; если ея насмѣшка растворена саркастическою желчью, въ основаніи ея лежитъ глубочайшій юморъ, а въ выраженіи дышитъ бурное одушевленіе; словомъ, если она есть выстраданное созданіе, — то стоитъ всякой художественной комедіи. Разумѣется, такая комедія не можетъ быть произведеніемъ не великаго таланта; изображенія ея могутъ отличаться излишнею яркостію и густотою красокъ, но не быть преувеличены до неестественности и карикатурности; разумѣется, что характеры дѣйствующихъ лицъ должны быть въ ней созданы, а не выдуманы, и въ изображеніи ихъ видна большая или меньшая степень художественности. Высочайшій образецъ такой комедіи имѣемъ мы въ «Горѣ отъ ума»— этомъ благороднѣйшемъ созданіи геніальнаго человѣка, этомъ бурномъ, диѳирамбическомъ изліяніи желчнаго, громового негодованія, при видѣ гнилого общества ничтожныхъ людей, въ души которыхъ не проникалъ лучъ Божьяго свѣта, которые живутъ по обветшалымъ преданіямъ старины, по системѣ пошлыхъ и безнравственныхъ правилъ; которыхъ мелкія цѣли и низкія стремленія направлены только къ призракамъ жизни — чинамъ, деньгамъ, сплетнямъ, униженію человѣческаго достоинства, и которыхъ апатическая, сонная жизнь есть смерть всякаго живого чувства, всякой разумной мысли, всякаго благороднаго порыва... «Горе отъ ума» имѣетъ великое значеніе и для нашей литературы и для нашего общества“ [126]).

Самое важное въ этомъ отзывѣ то, что „Горе отъ ума“ признается уже не стоящимъ „въ неизмѣримомъ, безконечномъ разстояніи“ ниже „Ревизора“, а наравнѣ съ нимъ „высочайшимъ образцомъ“ извѣстнаго рода комедіи. Вмѣстѣ съ этимъ Бѣлинскій, прежде только отрицательно относившійся къ Чацкому, понялъ наконецъ, что устами этого лица изливается „громовое негодованіе“ автора, и сама комедія названа поэтому „благороднѣйшимъ созданіемъ“, имѣющимъ „великое“ значеніе и для нашей литературы и для нашего общества.

Что именно разумѣлъ Бѣлинскій, говоря о „великомъ“ значеніи „Горя отъ ума“ для нашей литературы,—это указано имъ въ тѣхъ же „Отечественныхъ Запискахъ“ 1844 г., въ статьѣ о „Евгеніи Онѣгинѣ“ (см. соч. Бѣл., т. VIII). Тамъ между прочимъ сказано, что стихъ Грибоѣдова, свободный, вольный, развязно оригинальный, „шагнулъ страшно далеко“. И послѣ этого кри-

тикъ сейчасъ же говоритъ: „Но не этимъ только ограничивается *подвигъ* Грибоѣдова: вмѣстѣ съ «Онѣгинымъ» Пушкина его «Горе отъ ума» было первымъ образцомъ поэтическаго изображенія русской дѣйствительности въ обширномъ значеніи слова. Въ этомъ отношеніи оба эти произведенія положили собою основаніе послѣдующей литературѣ, были школою, изъ которой вышли и Лермонтовъ и Гоголь. Безъ «Онѣгина» былъ бы невозможенъ «Герой нашего времени», такъ же какъ безъ «Онѣгина» и «Горя отъ ума» Гоголь не почувствовалъ бы себя готовымъ на изображеніе русской дѣйствительности, исполненной такой глубины и истины“ [127]).

Высказанный Бѣлинскимъ въ 1840-мъ г. взглядъ долго раздѣлялся многими и даже заносился въ учебники *), пока не появилась въ 1872-мъ г. статья Гончарова: „Мильонъ терзаній“.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ этой болѣе или менѣе всѣмъ извѣстной статьи, а укажемъ только существенное въ ней.

„Горе отъ ума“—говоритъ Гончаровъ—„есть и картина нравовъ, и галлерея живыхъ типовъ, и вѣчно-острая, жгучая сатира, и вмѣстѣ съ тѣмъ и комедія—и“—прибавляетъ онъ — „больше всего комедія, какая едва ли найдется въ другихъ литературахъ, если принять совокупность всѣхъ прочихъ высказанныхъ условій“.

Останавливаясь на пьесѣ Грибоѣдова, какъ на картинѣ нравовъ и галлереѣ живыхъ типовъ, Гончаровъ говоритъ о ней такъ:

„Полотно ея захватываетъ длинный періодъ русской жизни— отъ Екатерины до императора Николая. Въ группѣ двадцати лицъ отразилась, какъ лучъ свѣта въ каплѣ воды, вся прежняя Москва, ея рисунокъ, тогдашній ея духъ, историческій моментъ и нравы. И это съ такою художественною, объективною законченностью и опредѣленностью, какая далась у насъ только Пушкину и Гоголю“.

„Въ картинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного блѣднаго пятна, ни одного посторонняго, лишняго штриха и звука, зритель и читатель чувствуютъ себя и теперь, въ нашу эпоху, среди живыхъ людей. И общее и детали — все это не сочинено, а такъ цѣликомъ взято изъ московскихъ гостиныхъ и перенесено въ книгу и на сцену, со всей теплотой и со всѣмъ «особымъ отпечаткомъ» Москвы,— отъ Фамусова до мелкихъ штриховъ, до князя Тугоуховскаго и до лакея Петрушки, безъ которыхъ картина была бы не полна“.

*) Напр. въ книгв: Милюкова („Очеркъ исторіи русской поэзіи“), Водовозова („Новая русская литература“) и др.

Талантливый критикъ замѣчаетъ при этомъ, что рѣзкія черты отжили свое время; что точно такихъ людей, какъ Фамусовъ, Молчалинъ и пр., теперь уже нѣтъ. „Но пока будетъ существовать стремленіе къ почестямъ помимо заслуги, пока будутъ водиться мастера и охотники угодничать и «награжденья брать и весело пожить», пока сплетни, бездѣлье, пустота будутъ господствовать, не какъ пороки, а какъ стихія общественной жизни,— до тѣхъ поръ, конечно, будутъ мелькать и въ современномъ обществѣ черты Фамусовыхъ, Молчалиныхъ и другихъ, нужды нѣтъ, что съ самой Москвы стерся тотъ «особый отпечатокъ», которымъ гордился Фамусовъ".

Переходя къ пьесѣ Грибоѣдова, какъ сатирѣ, Гончаровъ пишетъ: „Соль, эпиграмма, сатира, этотъ разговорный стихъ, кажется, никогда не умрутъ, какъ и самъ разсыпанный въ нихъ острый и ѣдкій, живой русскій умъ, который Грибоѣдовъ заключилъ, какъ волшебникъ духа какого-нибудь въ свой замокъ, и онъ разсыпается тамъ злобнымъ смѣхомъ. Нельзя представить себѣ, чтобъ могла явиться когда-нибудь другая, болѣе естественная, простая, болѣе взятая изъ жизни рѣчь. Проза и стихъ слились здѣсь во что-то нераздѣльное затѣмъ, кажется, чтобы ихъ легче было удержать въ памяти, — и пустить опять въ оборотъ весь собранный авторомъ умъ, юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка".

Послѣ этого авторъ статьи приступаетъ къ главной своей задачѣ: показать, что „Горе отъ ума" есть комедія — и въ тѣсномъ смыслѣ, какъ сценическая пьеса, и въ обширномъ, какъ комедія жизни.

Разсматривая произведеніе Грибоѣдова, какъ сценическую пьесу, Гончаровъ приходитъ къ заключенію, что оно — „тонкая умная, изящная и страстная комедія, въ тѣсномъ, техническомъ смыслѣ, вѣрная въ психологическихъ деталяхъ,—но для зрителя почти неуловимая, потому что она замаскирована типичными лицами героевъ, геніальной рисовкой, колоритомъ мѣста, эпохи, прелестью языка, всѣми поэтическими силами, такъ обильно разлитыми въ пьесѣ. Дѣйствіе, т.-е. собственно интрига въ ней, передъ этими капитальными сторонами, кажется блѣднымъ, лишнимъ, почти ненужнымъ".

Вопреки мнѣнію, будто въ пьесѣ нѣтъ движенія, т.-е. нѣтъ дѣйствія, Гончаровъ говоритъ: „Какъ нѣтъ движенія? Есть — живое, непрерывное, отъ перваго появленія Чацкаго на сценѣ до послѣдняго его слова: «Карету мнѣ, карету!»" — и приглашаетъ

читателя прослѣдить вмѣстѣ съ нимъ весь ходъ пьесы, „все, что продѣлалъ Чацкій“.

Мы не будемъ повторять тутъ словъ Гончарова: напомнимъ только, что критикъ находитъ въ комедіи и *завязку*—то огорченіе и то раздраженіе, которыя пробуждаются въ Чацкомъ съ самой же первой встрѣчи его съ Софьей, и *развитіе дѣйствія*—тотъ горячій поединокъ между Чацкимъ и Софьей, ту борьбу, въ которую уходятъ весь умъ его и всѣ силы, и наконецъ *развязку* — разрывъ съ Софьей.

Гончаровъ придаетъ большое значеніе именно тому обстоятельству, что Чацкій почти съ самаго же появленія на сценѣ находится въ раздраженіи, которое, чѣмъ дальше, растетъ все больше, и наконецъ является то, что самъ Чацкій назвалъ „мильономъ терзаній“. Подъ вліяніемъ этого раздраженія, — говоритъ Гончаровъ,—Чацкій только и могъ сыграть указанную ему Грибоѣдовымъ роль, роль гораздо большаго, высшаго значенія, нежели неудачная любовь, словомъ — роль, для которой и родилась вся комедія.

При этомъ не слѣдуетъ забывать, что Гончаровъ совершенно иначе смотритъ на Чацкаго, нежели Бѣлинскій. „Чацкій“ — говоритъ онъ—„не только умнѣе всѣхъ прочихъ лицъ, но и положительно уменъ. Рѣчь его кипитъ умомъ, остроуміемъ. У него есть и сердце, и притомъ онъ безукоризненно честенъ. Словомъ—это человѣкъ не только умный, но и развитой, съ чувствомъ, или, какъ рекомендуетъ его горничная Лиза, онъ «чувствителенъ, и веселъ, и остеръ». Только личное его горе произошло не отъ одного ума, а болѣе отъ другихъ причинъ, гдѣ умъ его игралъ страдательную роль, и это подало Пушкину поводъ отказать ему въ умѣ. Между тѣмъ Чацкій, какъ личность, несравненно выше и умнѣе Онѣгина и Лермонтовскаго Печорина. Онъ искренній и горячій дѣятель, а тѣ — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, какъ болѣзненныя порожденія отжившаго вѣка. Ими заканчивается ихъ время, а Чацкій начинаетъ новый вѣкъ — и въ этомъ все его значеніе и весь «умъ»“.

Чацкаго между прочимъ упрекали, будто у него нѣтъ опредѣленной программы. Гончаровъ указываетъ его программу. Онъ говоритъ:

Чацкій „очень положителенъ въ своихъ положеніяхъ и заявляетъ ихъ въ готовой программѣ, выработанной не имъ, а уже начатымъ вѣкомъ. Онъ не гонитъ съ юношескою запальчивостью

со сцены всего, что уцѣлѣло, что, по законамъ разума и справедливости, какъ по естественнымъ законамъ въ природѣ физической, осталось доживать свой срокъ, что можетъ и должно быть терпимо. Онъ требуетъ мѣста и свободы своему вѣку: проситъ дѣла, но не хочетъ прислуживаться, и клеймитъ позоромъ низкопоклонство и шутовство. Онъ требуетъ «службы дѣлу, а не лицамъ», не смѣшиваетъ «веселья или дурачества съ дѣломъ», какъ Молчалинъ; онъ тяготится среди пустой, праздной толпы «мучителей, зловѣщихъ старухъ, вздорныхъ стариковъ», отказываясь преклоняться предъ ихъ авторитетомъ дряхлости, чинолюбія и проч. Его возмущаютъ безобразныя проявленія крѣпостного права, безумная роскошь и отвратительные нравы «разливанья въ пирахъ и мотовствѣ»—явленія умственной и нравственной слѣпоты и растлѣнія".

„Его идеалъ свободной жизни опредѣлителенъ: это—свобода отъ всѣхъ этихъ исчисленныхъ цѣпей рабства, которыми оковано общество, а потомъ свобода—«вперить въ науки умъ, алчущій познаній», или безпрепятственно предаваться «искусствамъ творческимъ, высокимъ и прекраснымъ», свобода «служить или не служить», «жить въ деревнѣ или путешествовать», не слывя за то ни разбойникомъ ни зажигателемъ, -и рядъ дальнѣйшихъ очередныхъ подобныхъ шаговъ къ свободѣ — отъ несвободы".

Въ 1886 году А. С. Суворинъ выпустилъ изданіе „Горя отъ ума" (всего въ 400 экз.), къ которому присоединилъ свою большую статью объ этой комедіи. Она написана въ защиту пьесы Грибоѣдова противъ ея отрицательныхъ критиковъ. Авторъ возражаетъ и Дмитріеву и кн. Вяземскому, но особенно останавливается на критикѣ Бѣлинскаго и дѣлаетъ свои замѣчанія на его рѣзкія осужденія. Такъ, напримѣръ, по поводу сравненія горячихъ рѣчей Чацкаго съ проповѣдью въ кабакѣ, Суворинъ говоритъ: „И почему такъ позорно войти въ кабакъ и доказывать, что есть наслажденіе выше вина? Развѣ, напримѣръ, проповѣдники христіанства не входили туда? Чѣмъ лучше сидѣть съ своей „святыней" и сообщать ее только посвященнымъ". Мысль Дмитріева, что рѣчи Чацкаго лишь „умничаніе", Бѣлинскій называлъ „глубоко вѣрной". Суворинъ замѣчаетъ: „Искренняя и горячая рѣчь не умничанье; резонерство, опытная и благоразумная иронія — вотъ это умничанье. А когда душа кипитъ, когда негодованіе захватываетъ—это человѣческій законный порывъ чувства". Бѣлинскій находилъ Чацкаго лицомъ смѣшнымъ, комическимъ.

„Онъ былъ бы комиченъ“, — возражаетъ Суворинъ, — „если бы очутился среди глубокихъ мудрецовъ, давно ушедшихъ впередъ и наслаждающихся всѣми благами знанія, свободы, человѣческаго счастья и достоинства. Его рѣчь среди такихъ людей дѣйствительно сдѣлала бы его комическимъ лицомъ, ибо учитель оказался бы ниже тѣхъ, кому онъ проповѣдывалъ. Но въ томъ обществѣ, гдѣ онъ явился, онъ долженъ быть такимъ, какимъ создалъ его Грибоѣдовъ, т.-е. столь же живымъ лицомъ, какъ Гамлетъ, какъ Лиръ, какъ Отелло, и въ положеніи его, какъ умнаго человѣка среди глупыхъ и подлыхъ, какъ несчастнаго среди счастливыхъ и довольныхъ, очень много истинно трагическаго элемента“.

Интересно также слѣдующее замѣчаніе Суворина по поводу недоумѣнія Бѣлинскаго относительно любви Чацкаго къ Софьѣ: „Наивная душа—какъ онъ мало зналъ, что такое любовь, и какъ много вздора наговорилъ о любви, о ревности, вообще о чувствѣ во всѣхъ своихъ 12 томахъ... Увы, и мужчины любятъ дрянныхъ женщинъ, и женщины любятъ дрянныхъ мужчинъ. Даже всемірная исторія полна такими примѣрами, не говоря уже объ обыденной жизни. Набирая красивыя фразы и отвлеченія, Бѣлинскій воображалъ, что говоритъ о любви, что онъ понимаетъ сердце женщины, что онъ уничтожаетъ все существо Чацкаго, который любилъ женщину потому, что любилъ ее, потому что она влекла его къ себѣ неотразимо своей красотой, обаяніемъ своей молодости. Нѣтъ, надо «сродство душъ въ сферѣ истиннаго, благого, прекраснаго»—всякая другая любовь вздоръ, «буря въ стаканѣ воды» *). Грибоѣдовъ долженъ былъ поразить такого наивнаго человѣка, какъ Бѣлинскій, совершенно реальнымъ изображеніемъ любви, самой ходячей, обыденной... Грибоѣдовъ и въ этомъ отношеніи является *первымъ русскимъ реалистомъ*, предупредившимъ Пушкина и Толстого“.

До сихъ поръ Суворинъ дѣлалъ лишь отдѣльныя замѣчанія на то или другое осужденіе предшествовавшихъ критиковъ. Далѣе онъ обстоятельно останавливается на личности Чацкаго и задается задачей не только показать, какъ естественно развивается комедія Грибоѣдова, какъ все больше и больше растетъ раздраженіе Чацкаго, — не только показать это, но и то, что, не смотря на свое раздраженіе, Чацкій все-таки не является ни „бѣшенымъ“, какъ назвалъ его кн. Вяземскій, ни нарушителемъ

*) Такъ назвалъ Бѣлинскій любовныя волненія Чацкаго.

свѣтскихъ приличій, какъ смотрѣли на него предшествовавшіе критики, не исключая отчасти и Гончарова, по мнѣнію котораго, Чацкій „самъ составляетъ спектакль на балѣ“. Выполненіе этой задачи отличается большимъ вниманіемъ критика и очень тонкимъ анализомъ.

Чацкому—говоритъ Суворинъ — не повезло ни у дѣвушки, которая встрѣтила его холодно, ни у отца, отказавшаго ему въ рукѣ дочери. „Самолюбіе его жестоко задѣто; если слѣдить за каждымъ стихомъ комедіи, то ясно увидимъ, какъ раздраженіе Чацкаго растетъ, какъ онъ поднимаетъ и поднимаетъ тонъ подъ вліяніемъ нанесенныхъ ему оскорбленій“. Фамусовъ хвалитъ въ лицѣ Максима Петровича примѣръ холопства такого, что не станетъ протестовать развѣ человѣкъ безъ всякаго сердца; но Чацкій все-таки сдерживается, отвѣчаетъ „скорѣй съ спокойной ироніей, чѣмъ съ злостью“. Является Скалозубъ; Фамусовъ не скрываетъ передъ Чацкимъ, что молва называетъ его женихомъ Софьи. „Слѣдите, какъ авторъ мастерски, звучными аккордами вливаетъ ядъ въ сердце своего героя, какъ разочарованія, одно за другимъ, мучатъ его послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ ночей, нервной тревоги ожиданія, самолюбивыхъ мечтаній о счастьи, о любви“. Дальше—ухаживанье Фамусова за Скалозубомъ. „Великимъ мастеромъ является тутъ Грибоѣдовъ, приготовляя зрителя къ вдохновенному монологу Чацкаго. Слушайте, какимъ цинизмомъ вѣетъ отъ разговора Фамусова съ Скалозубомъ, при которомъ присутствуетъ Чацкій“. Тутъ и презрѣніе къ людямъ, читающимъ книги, тутъ и въ высшей степени циническій взглядъ на „счастье на вакансіи“, тутъ наконецъ и возмутительное восклицаніе Фамусова:

Да, чѣмъ Господь кого поищетъ, вознесетъ!

Далѣе Фамусовъ описываетъ нравы московскаго общества: „вкусъ, батюшка, отмѣнная манера!“ — и тутъ же задѣваетъ Чацкаго: „другой хоть прытче будь“ и пр. „Фамусовъ съ умысломъ сгущаетъ краски, чтобъ поддразнить своего воспитанника, чтобъ показать ему, что онъ въ грошъ его не ставитъ; присоедините къ этому, какъ его непривѣтливо встрѣтили, какъ оскорбительно съ нимъ обращаются, какъ оскорбляютъ его самого и все ему дорогое, его убѣжденія, его любовь, дѣвушку, которую онъ любитъ и которую предлагаютъ явно въ жены бездушному фронтовику; попробуйте войти въ душу молодого человѣка, прилетѣвшаго на крыльяхъ надежды въ родной его сердцу домъ и нашедшаго тамъ однѣ развалины, — и вы поймете, что въ его

устахъ знаменитый монологъ: *А судьи кто?* такъ же простъ и естественenъ, такъ же вытекаетъ изъ всего предыдущаго, какъ у другого, чувствительнаго, но не умнаго человѣка какая-нибудь пустая, но раздражительная фраза. Если бъ онъ смолчалъ, если бъ не отвѣчалъ краснорѣчивымъ монологомъ на краснорѣчивую критику Фамусова о служебныхъ и семейныхъ нравахъ Москвы,— онъ не былъ бы самимъ собою. Бѣлинскій говоритъ, что эти прекрасные монологи къ дѣлу не относятся: «сцена удивительно смѣшная, замѣчаетъ онъ, но только не въ похвалу комедіи». Эта фраза брошена имъ безъ всякихъ объясненій, въ пылу какого-то нелѣпаго азарта противъ Чацкаго. Сцена эта, напротивъ, совершенно необходима для выясненія отношеній четырехъ лицъ— Фамусова, Чацкаго, Софьи, Скалозуба. Вѣдь весь узелъ комедіи — Софья; около нея всѣ эти лица, съ прибавленіемъ Лизы и Молчалина, и всѣ они болѣе или менѣе противъ Чацкаго. Надо же ему защищаться въ этой войнѣ, которую *ему* объявили, какъ только онъ переступилъ порогъ этого дома".

Тутъ критикъ не только отмѣчаетъ, но и подчеркиваетъ то важное обстоятельство, что „*не Чацкій объявляетъ войну*, *а Чацкому ее объявляютъ*". Онъ говоритъ, что это „ясно изъ всякаго стиха комедіи", и если этого не замѣчали, то только „по какому-то предубѣжденію, по литературнымъ традиціямъ, укрѣпленнымъ такими авторитетами, какъ кн. Вяземскій и Бѣлинскій".

Правда, монологи Чацкаго горячи, но—замѣчаетъ Суворинъ— Чацкій вездѣ вѣренъ себѣ: онъ личность *горячая*, какою и хотѣлъ его представить Грибоѣдовъ.

Затѣмъ критикъ продолжаетъ указывать, какъ раздраженіе Чацкаго все растетъ. Молчалинъ падаетъ съ лошади.—Софья въ обморокѣ, а затѣмъ ея язвительная насмѣшка: „явитесь вы вполнѣ великодушны: къ несчастью ближняго вы такъ неравнодушны". А между тѣмъ Чацкій, — говоритъ критикъ, — по мѣрѣ развитія дѣйствія все больше влюбляется въ Софью, такъ какъ извѣстное Пушкинское изреченіе:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей —

можетъ имѣть свою параллель: чѣмъ меньше женщина насъ любитъ, тѣмъ больше любимъ мы ее. Чацкій старается выпытать у Софьи ея тайну, колеблется; какъ идеалистъ, подобный Бѣлинскому, онъ не вѣритъ въ возможность любви къ Молчалину. „Но червь сомнѣнія грызетъ его, и кто знаетъ, что такое любовь и

ревность, кто знаетъ муки ихъ, тотъ пойметъ, что Чацкій не можетъ успокоиться".

Вотъ вечеръ — и опять раздраженія. Чацкій „радъ встрѣчѣ съ Натальей Дмитріевной, онъ любуется ея свѣжестью, красотою, онъ радъ встрѣчѣ съ ея мужемъ. Но тутъ же его раздражаетъ и графиня внучка, и Хлестова, и Загорѣцкій, и Молчалинъ; ему мило только одно существо, но оно убѣгаетъ отъ него, и онъ не можетъ равнодушно выносить, что этому существу не противны всѣ эти разговоры, и что оно можетъ не отличать среди всѣхъ его, Чацкаго. Онъ самолюбивъ, и подобная мысль, конечно, гнѣздится въ его головѣ". И тутъ, если не ошибаемся, Суворинъ впервые высказываетъ мысль, что „не ради сатиры только Грибоѣдовъ вывелъ всѣ эти лица на сцену, а ради того также, чтобъ показать, въ какой средѣ очутился Чацкій, и какъ эта среда могла на него дѣйствовать, какъ она могла усилить его терзанія, окончательно измучить его. Всѣ эти гости Фамусова также необходимы для комедіи, какъ самъ Фамусовъ. Всѣ они не эпизодическія лица, а необходимыя".

Затѣмъ Суворинъ высказываетъ новый взглядъ на извѣстный монологъ Чацкаго о французикѣ изъ Бордо. Предыдущіе критики смотрѣли на этотъ монологъ, какъ на обращеніе ко всему Фамусовскому обществу: Суворинъ видитъ въ немъ интимную бесѣду только съ одной Софьей. Онъ говоритъ:

„Не зная, что онъ уже провозглашенъ сумасшедшимъ, Чацкій ищетъ спокойствія опять около Софьи и ей повторяетъ, а вовсе не обществу, не «московскимъ бабушкамъ», какъ говорилъ Пушкинъ, случай съ французикомъ изъ Бордо. Всѣ отходятъ прочь, одна Софья около него, и она его спрашиваетъ: «Скажите: что васъ такъ гнѣвитъ?» Эта фраза говорится ею непремѣнно съ участіемъ, съ кокетствомъ, ибо если она, пустивъ сплетню про Чацкаго, не чувствуетъ своей вины передъ нимъ, то отлично понимаетъ, что ей необходимо, на всякій случай, показать ему, что она не со всѣми, и показать съ тактомъ женской хитрости и расчета. И Чацкій радъ этому участію, радъ тому, что она *въ первый разъ* интересуется имъ, спрашиваетъ его, отдѣляется отъ всѣхъ. Онъ доволенъ и свободно высказывается только передъ нею; онъ ей и говоритъ: «Вообразите», «вотъ случай *вамъ* со мною». Онъ начинаетъ свой монологъ какъ бы съ небрежною насмѣшливостью, съ легкимъ остроуміемъ, примѣняясь къ тому лицу, съ которымъ говоритъ. На душѣ у него совсѣмъ не весело, и дѣйствительно онъ не выдерживаетъ первоначальной ноты, пере-

ходитъ въ серьезный тонъ, потомъ опять какъ бы вспоминаетъ, что онъ поднялся слишкомъ высоко, и начинаетъ передразнивать смѣхъ гостей, ихъ восклицанія, и снова не выдерживаетъ въ концѣ, увлекается и не замѣчаетъ, какъ Софья ускользаетъ танцовать".

Монологъ этотъ Суворинъ считаетъ „чудесно написаннымъ и для характеристики Чацкаго вообще и для характеристики настоящаго момента". Далѣе, на то обстоятельство, что Чацкаго всѣ покинули, никто его не слушаетъ, даже и Софья, критикъ указываетъ, какъ на новую обиду, обиду отъ той, которую онъ любитъ и участію которой онъ на минуту повѣрилъ.

Прослѣдивъ за Чацкимъ во всѣхъ трехъ актахъ, критикъ спрашиваетъ: „гдѣ же Чацкій говоритъ или поступаетъ, какъ не умный человѣкъ, гдѣ онъ «ругаетъ всѣхъ дураками и скотами», какъ увѣряетъ Бѣлинскій?" И отвѣчаетъ: „Не видимъ этого. Онъ ни разу не былъ грубъ, ни разу не выходилъ изъ роли умнаго человѣка; онъ свободно, не стѣсняясь, говорилъ только съ Софьей и Фамусовымъ, а не проповѣдывалъ всѣмъ и каждому зря, безъ нужды, чтобъ только раздражить и поумничать. Гдѣ это «бѣшенство», которое приписываетъ ему кн. Вяземскій? На балѣ, въ обществѣ, Чацкій ведетъ себя, какъ свѣтскій остроумный человѣкъ, который не прочь поострить—и только. Не онъ оскорбляетъ, а его оскорбляютъ. Вникните внимательно въ эти безподобныя сцены на балѣ и посмотрите, какъ относятся къ Чацкому! княгиня Тугоуховская посылаетъ своего князя звать Чацкаго на балъ, потомъ громко отзываетъ мужа назадъ, ни мало не стѣсняясь тѣмъ, что Чацкій видитъ этотъ маневръ и догадывается о его сущности. Хлестова напоминаетъ, какъ она дирала его за уши... Кто жъ тутъ деликатнѣе, даже съ точки зрѣнія свѣтскихъ приличій, Хлестова или Чацкій?"

Говоря далѣе о причинахъ раздраженія, Суворинъ замѣчаетъ: „Нечего вспоминать о томъ, до чего долженъ быть оскорбленъ Чацкій свиданіемъ Софьи съ Молчалинымъ. Это понятно всякому, понятенъ его прекрасный, полный негодованія и силы послѣдній монологъ".

Затѣмъ критикъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„Итакъ не Чацкій вызывалъ общество на войну—онъ только защищался, отбивался и, страдая и мучась, хотѣлъ отстоять свою любовь, свое счастье. Грибоѣдовъ мастерски велъ своего героя, начиная отъ бѣшеной скачки по почтовымъ дорогамъ, нервнаго ожиданія счастья и любви, — черезъ сомнѣнія, разочарованія и преслѣдованія, до самой той ямы, изъ которой можно было вы-

биться, только разорвавъ совсѣмъ и съ обществомъ и съ той любовью, изъ-за которой онъ попалъ въ это общество. Защищая себя, вызываемый на отвѣты, онъ долженъ былъ высказываться весь, какъ умный человѣкъ, какъ человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій и горячей души. Въ „Мизантропѣ“ Мольера Альцестъ, съ которымъ сравниваютъ Чацкаго, прямо начинаетъ комедію раздраженнымъ и злымъ тономъ, точно онъ съ цѣпи сорвался. Альцестъ говоритъ монологи по всякому поводу, даже безъ повода, говоритъ, какъ проповѣдникъ, имѣющій на это право. У Грибоѣдова Чацкій *весь въ дѣйствіи*, какъ у Шекспира весь въ дѣйствіи и Отелло и Гамлетъ. Точно музыкальная мелодія, начинаясь прекраснымъ мотивомъ, растетъ и усиливается съ каждымъ явленіемъ пьесы, оканчиваясь крикомъ растерзаннаго сердца: такъ постепенно развивается и чувство Чацкаго, и вся его личность является необыкновенно живою, цѣльною, понятною и въ высокой степени художественною и типическою“.

Далѣе Суворинъ останавливается на отношеніи нѣкоторыхъ критиковъ къ національзму Чацкаго, отразившемуся въ его монологѣ о французикѣ изъ Бордо.

Бѣлинскій,—говоритъ Суворинъ, — назвавъ этотъ монологъ „дичью“, явился выразителемъ *либеральнаго негодованія* противъ Чацкаго и намѣренно старался провозгласить его фразеромъ и мальчишкой. „Бѣлинскимъ тутъ руководили не критико-литературныя цѣли, а цѣли политической пропаганды противъ слишкомъ русскихъ идей и въ пользу безусловнаго перенесенія европеизма на русскую почву“. Есть,—говоритъ Суворинъ, — еще и теперь критики, въ этомъ отношеніи не далеко ушедшіе отъ Бѣлинскаго. Таковъ, напримѣръ, А. Веселовскій, назвавшій (въ Рус. Арх. 1874 г.) горячность національзма Чацкаго „идеализмомъ двадцатыхъ годовъ“. Возражая Веселовскому по этому поводу, а въ особенности по поводу его дѣйствительно очень натянутаго толкованія, будто въ этомъ монологѣ Грибоѣдовъ нѣсколько насмѣшливо смотритъ на Чацкаго и стало быть—на самого себя,—Суворинъ между прочимъ замѣчаетъ: какъ же могъ Чацкій, глядя на тѣснившихся вокругъ него людей, не воскликнуть:

Хоть у китайцевъ бы намъ нѣсколько занять
Премудраго у нихъ незнанья иноземцевъ?

„Развѣ вся эта орда, усвоившая себѣ лоскъ европейскаго образованія, воображающая себя просвѣщенной, обрившая бороды, одѣвшаяся по-европейски и выучившаяся болтать по-фран-

цузски, развѣ она не въ состояніи возбудить желаніе поучиться у китайцевъ? Вся сатирическая литература XVIII столѣтія возставала противъ этого внѣшняго лоска, противъ пристрастія къ иностранцамъ... Развѣ изъ Европы мы беремъ только то, что достойно войти въ плоть и кровь всякаго великаго народа? Развѣ исторія не доказываетъ намъ, что даже и послѣ появленія «Горя отъ ума» мы брали изъ Европы много незрѣлаго, даже совсѣмъ дрянного, брали по привычкѣ, по традиціямъ, по модѣ, брали съ легкомысліемъ, которое всею тяжестью ложилось на судьбы народа? Развѣ предубѣжденіе въ пользу иностраннаго не существуетъ и теперь, въ наши дни, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ?.. Развѣ доступъ въ большой свѣтъ какому-нибудь иностранному проходимцу не легче, чѣмъ вполнѣ порядочному русскому человѣку?"

„Нѣсколько занять у китайцевъ незнанья иноземцевъ совсѣмъ не значитъ обратиться въ китайцевъ или отвернуться отъ Европы. Это значитъ только, что надо быть самостоятельными, надо переваривать европейское просвѣщеніе, а не холопствовать передъ иноземцами, передъ всей совокупностью ихъ жизни, ихъ быта, ихъ исторіи, и не заимствовать все безъ разбору. Тотъ «идеализмъ двадцатыхъ годовъ», о которомъ говоритъ г. Веселовскій, живучъ: потерявъ многое въ своемъ наружномъ блескѣ, онъ выигралъ относительно глубины по мѣрѣ нашего знакомства съ народомъ и съ тѣми нашими до-Петровскими учрежденіями (боярская дума, земскіе соборы, начатки самоуправленія и проч.), которыя имѣли всѣ права на развитіе и жизнь, а не на смерть насильственную.

Наконецъ Суворинъ указываетъ слѣдующее значеніе Чацкаго. „Прослушавъ «Горе отъ ума», мы знаемъ въ значительной степени, чѣмъ долженъ быть русскій человѣкъ". На это наводитъ насъ личность Чацкаго. „Онъ, конечно, не идеальный русскій гражданинъ, но онъ заключаетъ въ своемъ умѣ и сердцѣ все то, чтобъ сдѣлаться хорошимъ русскимъ гражданиномъ. Онъ—человѣкъ живой и русскій человѣкъ; онъ любитъ то, что долженъ любить русскій человѣкъ—свое отечество, свой народъ, науку, просвѣщеніе... Чацкій убѣжденъ въ томъ, что не слѣдуетъ разрывать ни съ своей національностью ни съ европейскимъ просвѣщеніемъ".

Чацкаго, имѣющаго такое значеніе, Суворинъ ставитъ „рѣшительно выше Онѣгина и всѣхъ героевъ Тургенева". Всѣ эти герои,—говоритъ онъ,—сошли или сходятъ со сцены, а Чацкій

„продолжаетъ жить полною жизнью, какъ представитель благородныхъ человѣческихъ стремленій и національнаго развитія".

На такое же значеніе Чацкаго указываетъ въ своей статьѣ и проф. А. И. Смирновъ, въ „Варшавскихъ университетскихъ Извѣстіяхъ" 1895 г. [128]). Прослѣдивъ, подобно Суворину, исторію критики Грибоѣдовской комедіи, онъ въ концѣ своей статьи останавливается на патріотическомъ монологѣ Чацкаго, приводитъ его въ свя́зь съ отношеніемъ автора къ реформамъ Петра, отъ котораго „Грибоѣдовъ велъ начало у насъ чужевластья модъ, вреднаго для нашей, особенно народной жизни", и говоритъ, что въ лицѣ Чацкаго онъ видитъ *„бойца за національное развитіе"* Профессоръ между прочимъ замѣчаетъ, что Чацкій „окружающее его общество, какъ будто благообразное, но пустое, занятое сплетнями, пересудами, умственно и нравственно несостоятельное, справедливо ставитъ во сто кратъ ниже дореформеннаго общества, которое по крайней мѣрѣ не было какимъ-то искидкомъ изъ народной массы, совершенно чуждымъ ей и по духу, и по языку, и по внѣшности".

Далѣе онъ говоритъ: „Своей комедіей, этимъ острымъ словеснымъ оружіемъ, направленнымъ противъ всего суетнаго и закоснѣлаго въ тогдашней жизни, Грибоѣдовъ много содѣйствовалъ и развитію нашего самосознанія и поступательному движенію въ нашей жизни. Послѣ Грибоѣдова стало падать то, что при немъ стояло твердо. Лѣтъ черезъ сорокъ пало крѣпостное право, а съ нимъ и разныя злоупотребленія въ родѣ обмѣна вѣрныхъ слугъ на борзыхъ собакъ, насильственнаго отторженія дѣтей отъ родителей и продажи съ аукціона амуровъ и зефировъ. Скалозубовская похвальба обмундированіемъ первой арміи по модному образцу, съ узкими таліями, обхватомъ въ шагу и т. п., теперь всякому кажется смѣшною; прежняя стѣснительная чужая форма уступила мѣсто формѣ болѣе свободной, удобной, подходящей къ климату. Борода едва ли уже кѣмъ-либо у насъ считается, какъ во времена Бѣлинскаго, помѣхой просвѣщенію и образованности... Настанетъ, несомнѣнно, время, когда и вся высказанная въ монологѣ правда восторжествуетъ, и изъ нашей жизни исчезнетъ то, что разсудку вопреки и наперекоръ стихіямъ; исчезнетъ презрительное отношеніе верхняго слоя общества къ народу, къ его правамъ, обычаямъ, языку, одеждѣ".

„Въ лицѣ Чацкаго Грибоѣдовъ далъ намъ положительный типъ русскаго человѣка, героя, смѣлаго, энергическаго бойца за

правду, за водворенiе въ русской жизни новыхъ началъ свѣта, вытѣсняющаго гнѣздящiеся въ ней мракъ и темноту. Какъ лицо живое, взятое изъ дѣйствительной русской жизни, а не созданное по отвлеченнымъ началамъ добра и справедливости, Чацкiй имѣетъ и долго будетъ имѣть важное значенiе и въ нашей литературѣ и въ жизни. Своимъ образованiемъ, своею любовiю къ просвѣщенiю, своимъ теплымъ отношенiемъ къ народу, искреннимъ желанiемъ ему блага, своимъ отвращенiемъ отъ всего дурного, пошлаго, низкаго, отъ рабства всякаго рода, онъ указывалъ и указываетъ намъ, чѣмъ долженъ быть просвѣщенный, самостоятельно мыслящiй русскiй человѣкъ".

Суворинъ, Смирновъ—не единственные защитники Чацкаго: еще раньше ихъ (въ 1879 г.) заступился за него Ор. О. Миллеръ, который въ прекрасной своей актовой рѣчи [129]) указалъ свою точку зрѣнiя, которая совпадаетъ и со взглядомъ Суворина и со взглядомъ Смирнова. Ор. Миллеръ между прочимъ замѣтилъ, что нельзя согласиться съ мнѣнiемъ Пушкина, будто Чацкiй уменъ только умомъ Грибоѣдова. Вовсе не глазами Бѣлинскаго смотрѣлъ на Чацкаго и Аполлонъ Григорьевъ, первый томъ сочиненiй котораго, гдѣ нѣсколько страницъ посвящено „Горю отъ ума", вышелъ въ 1876 г. [130]).

Казалось бы, что послѣ такихъ обстоятельныхъ статей названныхъ авторовъ уже нельзя повторять прежнихъ мнѣнiй о Чацкомъ... но оказывается, что они все-таки повторяются. Въ 1902 г. Евг. Соловьевъ (Андреевичъ) выпустилъ свои „Очерки по исторiи русской литературы XIX вѣка", гдѣ, удѣливъ Грибоѣдову всего три страницы (70—73), опять толкуетъ о томъ, что слова Пушкина: „Грибоѣдовъ очень умный человѣкъ, но Чацкiй не уменъ" — „лучшая критика не только всего произведенiя, но и общественной его роли"; что Чацкiй – „ходульная, неживая фигура"; что въ самомъ Грибоѣдовѣ „было что-то старовѣрческое", или, какъ сказано Евг. Соловьевымъ въ другомъ мѣстѣ, было въ Грибоѣдовѣ „старо-барское старовѣрiе". Далѣе авторъ „Очерковъ" обнаруживаетъ очень узкое пониманiе, когда утверждаетъ, будто Чацкiй причину пошлости, тупости, безсердечiя и прочихъ темныхъ сторонъ окружавшаго его общества видѣлъ лишь въ ношенiи фраковъ (стр. 72).

Всѣ эти рѣчи о Чацкомъ говорятся Соловьевымъ не потому, конечно, чтобы онъ не зналъ статей Суворина, Смирнова и Ор.

Миллера, а потому, что ему непріятенъ самый націонализмъ Чацкаго, который онъ и называетъ „старовѣрческими симпатіями“. Но смущаться этимъ враждебнымъ отношеніемъ къ Чацкому нечего: значеніе его, какъ бойца за наше національное развитіе, достаточно оцѣнено у насъ въ обстоятельныхъ статьяхъ лучшихъ и серьезныхъ критиковъ.

Однако еще два слова о г. Соловьевѣ. Въ концѣ своей статьи онъ, недовольный главнымъ лицомъ комедіи, упрекаетъ ея автора въ томъ, что онъ не указалъ „хоть какой-нибудь“ выходъ изъ того положенія общества, которое имъ же обрисовано. Критикъ при этомъ спрашиваетъ: „представьте себѣ, что Чацкій сталъ бы министромъ. Что бы онъ сдѣлалъ, какую бы идею осуществилъ онъ въ своей дѣятельности?“ И отвѣчаетъ: „Очевидно, что ровно никакой, хотя и издалъ бы томъ циркуляровъ, предписаній, увѣщевалъ бы не брать взятки.... а все же министерство продолжало бы управляться письмоводителями и столоначальниками“ (стр. 72—73).

Правда, Грибоѣдовъ, какъ поэтъ, не бралъ на себя задачи реформировать министерства, но выходъ изъ того положенія общества, которымъ онъ былъ недоволенъ, имъ указанъ. Бросивъ обществу свою комедію, какъ обвинительный актъ, онъ ясно говорилъ ему: проникнитесь къ злу такою же ненавистью, какъ проникнутъ ею Чацкій; полюбите просвѣщеніе, какъ любитъ онъ его; смотрите на службу, какъ онъ на нее смотритъ; любите Россію и русскій народъ, какъ онъ ихъ любитъ; желайте своему отечеству прогресса, но не путемъ разрыва съ его историческимъ прошлымъ, а путемъ развитія органическаго, въ духѣ жизненныхъ началъ этого прошлаго.

—

Имѣя значеніе историческое и общественное, „Горе отъ ума“ имѣетъ значеніе и въ исторіи развитія русской поэзіи.

Въ числѣ недовольныхъ комедіей Грибоѣдова былъ и Катенинъ, въ своемъ взглядѣ на драму державшійся теоріи французскаго классицизма. Онъ нашелъ у Грибоѣдова погрѣшности въ планѣ, нашелъ, что сцены связаны произвольно, характеры портретны, и дарованія у автора больше, чѣмъ искусства. Грибоѣдовъ отвѣтилъ ему письмомъ (въ янв. 1825 г.), въ которомъ защищался и въ которомъ высказалъ свой взглядъ на поэтическое творчество. Это письмо не могло, къ сожалѣнію, имѣть вліянія на ближайшихъ критиковъ комедіи Грибоѣдова, такъ какъ оно стало

извѣстнымъ только съ 1868 г. *) Въ немъ авторъ говорилъ своему другу слѣдующее:

...„Ты находишь главную погрѣшность въ планѣ:—мнѣ кажется, что онъ простъ и ясенъ по цѣли и исполненію; дѣвушка, сама не глупая, предпочитаетъ дурака умному человѣку;... и этотъ человѣкъ, разумѣется, въ противорѣчіи съ обществомъ, его окружающимъ; его никто не понимаетъ, никто простить не хочетъ за то, что онъ немножко повыше прочихъ; сначала онъ веселъ,—и это порокъ: «*Шутить, и вѣкъ шутить! какъ васъ на это станетъ?*»—Слегка перебираетъ странности прежнихъ знакомыхъ,—что же дѣлать, коли нѣтъ въ нихъ благороднѣйшей замѣтной черты! Его насмѣшки не язвительны, покуда его не взбѣсить, но все-таки: «*Не человѣкъ! змѣя!*» а послѣ, когда вмѣшивается личность, «нашихъ затронули», предается анаѳемѣ: «*Унизить радъ, кольнуть, завистливъ! гордъ и золъ!*» Не терпитъ подлости: «*ахъ, Боже мой! онъ карбонарій!*» Кто-то со злости выдумалъ объ немъ, что онъ сумасшедшій, никто не повѣрилъ — и всѣ повторяютъ; голосъ общаго недоброхотства и до него доходитъ, притомъ и нелюбовь къ нему той дѣвушки, для которой единственно онъ явился въ Москву, ему совершенно объясняется, онъ ей и всѣмъ наплевалъ въ глаза и былъ таковъ. Ферзь **) тоже разочарована насчетъ своего сахара медовича. Что же можетъ быть полнѣе этого?—«*Сцены связаны произвольно*». Такъ же, какъ въ натурѣ всякихъ событій, мелкихъ и важныхъ: чѣмъ внезапнѣе, тѣмъ болѣе завлекаютъ въ любопытство. Пишу для подобныхъ себѣ; а я, когда по первой сценѣ угадываю десятую, раззѣваюсь и вонъ бѣгу изъ театра. «*Характеры портретны*». Да! и я, коли не имѣю таланта Мольера, то по крайней мѣрѣ чистосердечнѣе его; портреты и только портреты входятъ въ составъ комедіи и трагедіи; въ нихъ однако есть черты, свойственныя многимъ другимъ лицамъ, а иная всему роду человѣческому настолько, насколько каждый человѣкъ похожъ на всѣхъ своихъ двуногихъ собратій. Карикатуръ ненавижу: въ моей картинѣ ни одной не найдешь. Вотъ моя поэтика... Одно прибавлю о характерахъ Мольера: Мѣщанинъ во дворянствѣ ***), Мнимый больной ****) — портреты, и

*) Въ этомъ году оно было впервые напечатано во „Всемірномъ трудѣ“, кн. 2, стр. 1—3.

**) *Ферзь*—шахматная королева. Такъ назвалъ тутъ Грибоѣдовъ Софью.

***) Le Bourgeois-gentilhomme.

****) Le Malade imaginaire.

превосходные; Скупецъ *) — антропосъ **) собственной фабрики, и несносенъ“.

«*Дарованія болье, нежели искусства*». Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать; не знаю, стою ли ея. Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобъ поддѣлываться подъ дарованіе; а въ комъ болѣе вытверженнаго, пріобрѣтеннаго потомъ и мученіемъ, искусства угождать теоретикамъ, т.-е. дѣлать глупости; въ комъ, говорю я, болѣе способности удовлетворять школьнымъ требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы,—тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко; знаю, что всякое ремесло имѣетъ свои хитрости, но чѣмъ ихъ менѣе, тѣмъ спорѣе дѣло, и не лучше ли вовсе безъ хитростей? nugae difficiles ***). Я какъ живу, такъ и пишу свободно и свободно“.

Грибоѣдовъ, стало быть, провозгласилъ принципъ свободы творчества, или, другими словами, онъ освободилъ себя отъ стѣснительныхъ условій ложноклассической теоріи. Правда, нѣкоторые наши критики, напр., Кадлубовскій [131]), еще видятъ въ „Горѣ отъ ума“ кое-какіе остатки этой теоріи, а именно соблюденіе единства времени и даже мѣста ****); но тотъ же Кадлубовскій говоритъ, что на основаніи одного этого причислять комедію Грибоѣдова къ ложноклассическимъ образцамъ было бы „глубоко ошибочно“. Чацкій не резонеръ ложноклассическихъ драмъ: онъ живое лицо, что уже доказано нашими лучшими критиками. Да въ пьесѣ Грибоѣдова всѣ лица живыя, нѣтъ ни одного, къ которому можно было бы примѣнить употребленный самимъ же Грибоѣдовымъ терминъ: „антропосъ“.

Держась принципа свободы въ творчествѣ, Грибоѣдовъ не постѣснился внести въ комедію трагическій элементъ, что и озадачивало строгихъ приверженцевъ французскаго классицизма. Пьеса Грибоѣдова заключаетъ въ себѣ соединеніе элементовъ комическаго съ трагическимъ, „а между тѣмъ названіе комедіи,

---

*) L'Avare.

**) Словомъ *антропосъ* (греч. ἄνθρωπος — *человѣкъ*) Грибоѣдовъ обозначаетъ такое лицо въ пьесѣ, которое только олицетворяетъ какую-нибудь идею, но совершенно лишено индивидуальнаго характера. Пушкинъ сказалъ: „У Мольера скупой скупъ—и только“ (Статья: „О драмѣ“).

***) Пустяки трудны.

****) Суворинъ единства мѣста въ „Горѣ отъ ума“ не находитъ.

вызванное тѣмъ, что для Грибоѣдова главное было выразить свое негодованіе противъ общества и обличить его, вело часто"— говоритъ Кадлубовскій — „къ непониманію Чацкаго, къ желанію видѣть въ немъ лицо комическое, и притомъ главное комическое лицо данной комедіи, придавать главное значеніе тѣмъ моментамъ дѣйствія, когда Чацкій оказывается въ неловкомъ и пожалуй даже смѣшномъ положеніи... Если Чацкій попадаетъ въ неловкія положенія, то сдѣлалъ это Грибоѣдовъ не для осмѣянія своего героя *), а повинуясь голосу художественной правды: юношеская горячность, отсутствіе благоразумной разсудительности, раздражительность, усиленная личнымъ сердечнымъ горемъ, неумѣніе смѣрить силы свои и противника, при всемъ этомъ вѣра въ человѣка и въ силу своего слова, встрѣчаясь съ тупою косностью общества, несомнѣнно, приводили къ такимъ положеніямъ. Честь и слава художественному такту и чувству правды Грибоѣдова, если его отношеніе къ герою комедіи не перешло въ пристрастіе, не побудило его одѣть своего любимаго героя мантіею фальшиваго величія; поэтъ изобразилъ и его недостатки, связанные съ самою сущностью его характера, и тѣ положенія, въ которыя *по необходимости* они его вовлекаютъ... Но если вдуматься въ дѣйствіе комедіи, то фальшивое положеніе Чацкаго вызоветъ не смѣхъ, а грусть и глубокое состраданіе".

Затѣмъ Кадлубовскій отмѣчаетъ, какъ новость у насъ въ то время, тѣсную связь комедіи Грибоѣдова съ личностью ея автора. По этому поводу онъ сперва вообще говоритъ о связи поэтическаго произведенія съ его творцомъ.

„Въ поэзіи и искусствѣ въ настоящее время все болѣе видятъ выраженіе въ образѣ того, что наполняетъ и волнуетъ душу художника; потребность художественнаго творчества сравнивается съ потребностью высказаться... И какъ ищется часто слово, которое наилучшимъ образомъ выразило бы душевное состояніе говорящаго, такъ и поэтъ часто долго вынашиваетъ въ своей душѣ занимающій его мысль образъ, пока онъ не достигнетъ наибольшей ясности и опредѣленности. Такимъ образомъ, художественный образъ, какъ и слово, помогаетъ самому художнику уяснить себѣ свое душевное состояніе". Тутъ Кадлубовскій приводитъ слѣдующую цитату изъ сочин. покойнаго проф. Потебни (Потебня, 197):

*) Какъ отчасти думаетъ Веселовскій, и съ чѣмъ совершенно не согласенъ Суворинъ (см. выше стр. 110).

«Искусство есть органъ самосознанія... искусство, какъ и языкъ, облегчаетъ душу, дѣйствуетъ успокоительно, уничтожая власть волнующаго душу чувства, аффекта. Необъективированное состояніе души покоряетъ себѣ сознаніе; объективированное въ словѣ или художественномъ образѣ покоряется ему и ложится въ основаніе дальнѣйшей сознательной душевной жизни».

Послѣ этого Кадлубовскій продолжаетъ: „Съ этой точки зрѣнія, въ этомъ смыслѣ всякая истинная поэзія и всякое вообще истинное искусство глубоко субъективно, какъ выраженіе внутренняго міра художника, завѣтнѣйшихъ думъ и чувствъ его, и чѣмъ выше, тѣмъ субъективнѣе“.

Не соглашаясь съ Кадлубовскимъ въ томъ, будто Грибоѣдовъ былъ вообще *первымъ* русскимъ поэтомъ, внесшимъ въ нашу поэзію сильную долю субъективности, мы вполнѣ согласились бы съ нимъ, если бы онъ указалъ на Грибоѣдова, какъ на перваго нашего писателя, внесшаго необыкновенно сильную субъективную струю въ нашу *комедію*. На этомъ основаніи нельзя не согласиться съ упомянутымъ критикомъ и тогда, когда онъ говоритъ, что, благодаря Грибоѣдову, на мѣсто безличности и отвлеченности ложноклассическихъ пьесъ явился въ нашей комедіи „живой духъ, живая личность съ ея страданіями и радостями, упованіями и негодованіемъ; на мѣсто холодности явилась страстность и искренность тона; на мѣсто придуманныхъ положеній, сухихъ умственныхъ комбинацій разныхъ случайностей — естественное развитіе дѣйствія, дышащая жизнью картина человѣческихъ отношеній; на мѣсто рутинныхъ рамокъ теоріи — свобода творчества“.

Кадлубовскій ставитъ въ большую заслугу Грибоѣдову и то, что онъ искусно соединилъ, какъ никто до него, черты личныя съ чертами историко-бытовыми. Идеалы Чацкаго, его стремленіе служить обществу, чувство общаго блага, гуманность, высокое уваженіе къ человѣческому достоинству, любовь къ просвѣщенію — все это, какъ справедливо указываетъ критикъ, есть отраженіе и личности Грибоѣдова и его эпохи. „Это историческое значеніе произведенія“ прибавляетъ онъ, „также было ново, было огромнымъ шагомъ впередъ въ смыслѣ углубленія задачъ поэзіи“.

Вопроса о значеніи Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи отчасти касался въ своей статьѣ и Суворинъ. Грибоѣдовъ, сказалъ онъ, „первый, вмѣстѣ съ Крыловымъ, заговорилъ настоящимъ русскимъ языкомъ, живописнымъ въ своей разговорной

неправильности, быстрымъ, точнымъ и яркимъ, патетически-прекраснымъ въ лирическихъ монологахъ Чацкаго". Онъ взялъ,—говоритъ далѣе критикъ, — такую широкую общественную задачу, что зритель выходитъ изъ театра, полный впечатлѣніями иного, высшаго порядка, а не о свадьбѣ чьей-нибудь думаетъ онъ. Наконецъ Суворинъ указалъ на Грибоѣдова, какъ на перваго у насъ писателя, создавшаго такой сложный характеръ, какъ Чацкаго. „Роль Чацкаго"—говоритъ онъ—„такъ же трудна, какъ роль Гамлета, и стоитъ такого же детальнаго изученія" (стр. LXIX).

Кадлубовскій въ концѣ своей статьи даетъ очень интересное указаніе на различіе между Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ.

„Хотя въ рукахъ Грибоѣдова"—пишетъ онъ—„поэзія стала вполнѣ искреннею, сдѣлалась органомъ выраженія внутренней жизни поэта; хотя онъ и сдѣлалъ въ этомъ отношеніи большой шагъ впередъ въ развитіи русской поэзіи, — но онъ не достигъ еще искусства изображать всю полноту человѣческой жизни, онъ еще не проявилъ способности переселяться силою вдохновенія въ душу самыхъ разнообразныхъ людей, даже совершенно чуждыхъ ему по характеру, переживать ихъ внутреннюю жизнь, комбинировать данныя своего внутренняго опыта такъ, какъ комбинируются они въ душевной жизни лицъ, совершенно отъ него различныхъ. Онъ прекрасно возсоздалъ себя и то общественное явленіе, котораго онъ былъ представителемъ, а равно и то, что было прямо противоположно его личности и этому общественному настроенію, и что вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно на нихъ воздѣйствовало и обусловливало ихъ развитіе, безъ чего нельзя понять ни его собственнаго душевнаго состоянія, ни характера изображаемаго въ комедіи общественнаго движенія. Возсоздавать совершенно постороннія ему явленія жизни и человѣческіе типы, умѣть переживать ихъ жизнь, переноситься воображеніемъ въ жизнь минувшихъ временъ и чужихъ странъ — это, повидимому, еще не было ему дано. И не здѣсь ли причина, почему оставилъ онъ широкій планъ драмы «1812 годъ», почему только въ отрывочныхъ набросках осталась трагедія: «Грузинская ночь?» *). Основныя черты того историческаго явленія, которое изображено въ «Горѣ отъ ума», состояніе общества со-

---

*) Однако въ приводимыхъ Бѣгичевымъ словахъ самого Грибоѣдова есть указаніе, что трагедія эта была вся написана (Шляпкинъ, II, 531; или см. нашъ VII-й выпускъ, стр. 151).

временнаго поэту—были такого рода, что задача возсозданія этого историческаго явленія соотвѣтствовала характеру его творчества, именно потому, что онъ ближайшимъ образомъ переживалъ на себѣ процессъ, совершавшійся въ жизни общества; другія задачи, которыя онъ себѣ ставилъ, были иного рода, требовали большей способности объективировать образы своего вдохновенія, отвлекаться отъ собственной личности и тѣмъ выходить за намѣченные нами предѣлы его поэтическаго дарованія. Возвести русскую поэзію на эту слѣдующую, высшую ступень развитія, отозваться на все многообразіе жизни суждено было другому, еще болѣе великому и мощному дарованію, поэту, который ко времени окончанія «великой комедіи» уже началъ привлекать огромное вниманіе публики".

VI.

Международная слава Грибоѣдова. — Интересный переводъ „Горя отъ ума" на турецкій языкъ. — Русскія попытки дополнять и продолжать „Горе отъ ума". — Русскія же подражанія комедіи Грибоѣдова и передѣлки ея.

Начиная съ духовныхъ одъ Ломоносова, выдающіяся произведенія русской литературы постоянно бывали предметомъ интереса западно-европейскаго общества [132]). „Горе отъ ума" не только не было исключеніемъ, а наоборотъ: было переведено на многіе языки, и на нѣкоторые даже не одинъ разъ. Оно стало извѣстнымъ нѣмцамъ, французамъ, англичанамъ, нѣкоторымъ славянскимъ народамъ и даже грузинамъ и туркамъ [133]).

На нѣмецкій языкъ комедія Грибоѣдова была переведена нѣсколько разъ. Первый переводъ сдѣланъ Кноррингомъ и помѣщенъ былъ въ ревельскомъ изданіи: „Russische Bibliothec für Deutsche" 1831 г. (Drittes Heft). Оставивъ русское заглавіе комедіи, переводчикъ поставилъ рядомъ и нѣмецкое: Горе отъ ума. Leiden durch Bildung". Переводъ этотъ, слѣдовательно, появился въ печати раньше полнаго изданія русскаго оригинала, такъ какъ послѣднее было сдѣлано впервые лишь въ 1833 г. Русская критика тотчасъ же обратила вниманіе на переводъ Кнорринга: въ „Московскомъ Телеграфѣ" того же 1831 г. (часть 42, № 23, стр. 323—324) было замѣчено, что переводчикъ передалъ нѣмецкой публикѣ нашу комедію съ возможной вѣрностью; стихи онъ измѣнилъ въ десяти и одиннадцатисложные, но „внутреннее достоинство стиховъ ничего не потеряло отъ того", и „всѣ

намеки, всѣ острыя слова поняты переводчикомъ и выражены, сколько позволяетъ различный духъ языковъ русскаго и нѣмецкаго".

Остальные переводы „Горя отъ ума" на нѣмецкій языкъ относятся къ болѣе позднему времени *).

Изъ французскихъ переводовъ замѣчателенъ трудъ Легреля **). Переводчикъ изучалъ и личность Грибоѣдова и его комедію, и предпослалъ своему переводу обстоятельную статью, въ которой между прочимъ доказываетъ, что Чацкій не списанъ съ Альцеста.

На англійскій языкъ „Горе отъ ума" перевелъ въ 1857 г. Николай Бенардаки ***). Въ одномъ изъ эдинбургскихъ журналовъ того же года появилась по поводу этого труда критическая статья, интересная въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ****). Прежде всего интересенъ взглядъ автора статьи на Россію: говоря о ней, онъ характеризуетъ ее такими чертами: „обширность территоріи", „грубая сила", „отсутствіе высшаго образованія", „полуварварское населеніе", составленное изъ кавказскихъ и монгольскихъ типовъ. Вотъ образчикъ представленія о Россіи тогдашнихъ образованныхъ европейцевъ! — О русской литературѣ сотрудникъ эдинбургскаго журнала отзывается снисходительнѣе. „Россія" — говоритъ онъ — „имѣла нѣсколькихъ писателей, отличавшихся большимъ талантомъ подражанія англійскому, французскому или германскому стилю, и въ то же время одаренныхъ замѣчательною оригинальностію. Въ числѣ ихъ авторъ *Горя отъ ума* одинъ не изъ послѣднихъ".

Конечно, шотландскій критикъ не имѣлъ возможности составить себѣ вѣрное понятіе о *стилѣ* комедіи Грибоѣдова, такъ

---

*) Въ Шляпкинскомъ изданіи Грибоѣдова указаны еще слѣдующіе переводы: въ Лейпцигѣ. въ 1853 г. вышелъ переводъ Бертрама: „Verstand schafft Leiden" — въ стихахъ; въ 1870 г. въ Берлинѣ вышло полное собраніе сочиненій Грибоѣдова (Gribojedoff's vollständige Werke). Раньше этого, — въ 1860 г.,—нѣмецкій переводъ комедіи Грибоѣдова появился въ одесскомъ изданіи: Anthologie russ. Dichter, übers. von A. Wald. (2 и 3 Lief.).

**) Chefs-d'oeuvre du théâtre russe. Le malheur d'avoir de l'esprit *(Goré ote ouma)*, comédie en 4 actes et en vers par A. S. Griboiedove, traduite pour la première fois en français et précédée d'une notice par A. Legrelle. Gand. 1884.

***) *Gore ot ouma*, a comedy from the russian of Griboiedoff, translated by *Nicolas Benardaky*. London. 1857.

****) Сентябрьская книжка журнала: Macphail's Edinburgh Ecclesiastical Journal and literary review. Журналъ этотъ преимущественно духовный и лишь отчасти литературный.

какъ Бенардаки, при всемъ своемъ хорошемъ знаніи англійскаго языка, не могъ передать на немъ того, что составляетъ совершенно оригинальную сторону рѣчи Грибоѣдовскихъ героевъ. Поэтому упомянутый критикъ и помѣщаетъ Грибоѣдова въ числѣ талантливыхъ подражателей европейскому стилю. Но для насъ важно ужъ и то, что онъ все-таки заинтересовался „Горемъ отъ ума“, а благодаря этому, заинтересовался и вообще русской литературой и совѣтовалъ Бенардаки продолжать знакомить англійскую публику съ замѣчательнѣйшими твореніями русскихъ авторовъ [134]).

Изъ славянскихъ переводовъ „Горя отъ ума“ у Шляпкина указаны два: польскій и русинскій *). Грузинскій переводъ сдѣланъ Цинамсгваровымъ и напечатанъ въ Тифлисѣ въ 1853 г. Но особенно интересенъ турецкій переводъ комедіи Грибоѣдова **): переводчикъ, Мехмедъ-Мурадъ-Эфенди, прилаживался къ турецкимъ читателямъ. О его переводѣ помѣщена въ „Вѣстникѣ Европы“ 1886 г. (№ 1) статья М. Гамазова, въ которой приведено много отрывковъ, въ свою очередь буквально переведенныхъ Гамазовымъ съ турецкаго на русскій. Беремъ два изъ нихъ. Чацкій говоритъ Софьѣ:

И какъ васъ нахожу? въ какомъ-то строгомъ чинѣ!
Вотъ полчаса холодности терплю!
Лицо святѣйшей богомолки!
И все-таки я васъ безъ памяти люблю (I, 8).

У М.-Мурада это передано такъ:

„И что жъ нашелъ! Пэри, не удостоивающую спуститься съ высотъ своихъ и вотъ уже полчаса сыплющую ледъ!... Но я все переношу... и все-таки люблю... Не достаточно ли этихъ доказательствъ!“

А вотъ переводъ монолога Фамусова: „Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!“

„Да! знаемъ мы вашу гордость, ваше высокомѣріе. Вмѣсто того, чтобы такъ кичиться, брали бы лучше примѣръ съ вашихъ отцовъ. Брали бы съ нихъ примѣръ и за ними бы слѣдовали! Посмотри на меня или на моего покойнаго отца! Не въ серебрѣ, а въ золотѣ утопалъ! Сто человѣкъ дежурили у него на службѣ. Жизнь свою онъ проводилъ при дворѣ Екатерины Великой. Для оказанія почета отцу моему, всѣ передъ нимъ склонялись до

*) „Biada temu kto ma rosum“. Переводъ Левинскаго, Варшава, 1857 г. „Bieda z rosumem“. Напечатанъ во Львовѣ въ 1866 г.

**) Вышелъ въ Константинополѣ.

земли. Самъ же онъ едва шевелилъ головою. Счастливъ былъ! Все въ немъ было особенное! Гордости, величавости были у него цѣлыя горы... Въ случаѣ же надобности и онъ билъ въ землю лбомъ. Однажды на выходѣ, переходя съ одного мѣста на другое, онъ поскользнулся и повалился на землю. Чуть не сломалъ шеи! Съ трудомъ поднялся старикъ на ноги. А вотъ, посмотри-ка, что произошло! Паденіе его замѣчено было императрицею; и такъ какъ оно ее позабавило, старикъ былъ удостоенъ высочайшаго благоволенія. Въ этомъ положеніи что бы онъ ни сдѣлалъ, все было бы кстати. Выпрямившись, онъ сталъ благодарить за эту милость и... во второй разъ повалился на землю, уже нарочно! Императрица отъ удовольствія расхохоталась; отецъ же и въ третій разъ упалъ. Что вы скажете на это? Худо, небось! Небось, стыдно? По-нашему, умно! Упалъ-то онъ тяжело: зато всталъ не съ одною болью! Когда бывалъ пиръ у императрицы, прежде всѣхъ она приглашала его. Онъ являлся къ ней во всякое время (безъ доклада), такъ что всѣ лопали отъ зависти. Отецъ мой всѣмъ раздавалъ чины и пенсіи. Что? Небось, не нравится! А ну-ка! сдѣлайте-ка вы то же!"

Впрочемъ не можемъ не привести еще одного мѣста изъ отвѣтнаго монолога Чацкаго: оно передано турецкимъ переводчикомъ такъ своеобразно.

„Въ тотъ вѣкъ люди, кланявшіеся ниже другихъ, считались самыми почетными, самыми отборными, заслуживающими наибольшаго одобренія. Мѣста, чины, ордена брались не мечомъ: они получались тѣми, которые на выходахъ и въ пріемные дни больше другихъ били лбомъ въ землю. Богатые и знатные стояли выше закона; бѣдные же и нуждающіеся — ниже животныхъ; а были и такіе, которые, въ самоуниженіи, сами выходили изъ круга людей. Подъ глупою личиною усердія къ правительству, жили они въ страхѣ и повиновеніи съ свойственною животнымъ покорностью. Рѣчь свою я веду не о вашемъ батюшкѣ, не будемъ тревожить духа его! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, подумайте! Полагаете вы, чтобы, въ наши дни, самый подлый изъ людей согласился ломать себѣ шею для того, чтобы позабавить народъ? Кто знаетъ, быть можетъ, видя кувырканье вашего батюшки, изъ равныхъ и подобныхъ ему иные приговаривали: ахъ! кабы и намъ грохнуться! Не отвергаю. Вездѣ и во всѣхъ вѣкахъ можно найти людей, склонныхъ къ низостямъ; но нынѣ, благодаря Бога, общественное мнѣніе и смѣхъ держатъ особо (на привязи) низость и безстыдство“.

———

У насъ, въ Россіи, „Горе отъ ума“ вызвало прежде всего желаніе дополніть къ этой комедіи то, что осталось въ ней не досказаннымъ. Грибоѣдовъ развязкою своей комедіи заинтересовалъ общество — и пробудилъ въ немъ потребность задаться вопросомъ: какова же была дальнѣйшая судьба Фамусова, Софьи, Чацкаго и другихъ Грибоѣдовскихъ героевъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ появился уже въ 1827 г. Въ „Сиріусѣ“, альманахѣ, изданномъ на этотъ годъ, была помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Слѣдствія комедіи Горе отъ ума“. Написана она въ формѣ писемъ Фамусова, Софьи, Чацкаго и другихъ лицъ, и такая форма дала возможность автору (имя его не обозначено) ясно раскрыть настроеніе Грибоѣдовскихъ героевъ, въ которомъ они находились послѣ указанной въ комедіи развязки. Въ историческомъ отношеніи это произведеніе, равно какъ и другія ему подобныя, интересно, какъ выраженіе *пониманія* характеровъ Грибоѣдовскихъ героевъ: интересно видѣть, какъ понялъ авторъ названной статьи личность Фамусова, Софьи, Чацкаго, и какъ къ нимъ отнесся.

Первое письмо—письмо Фамусова къ своему пріятелю—мы приводимъ почти цѣликомъ, а остальныя письма — въ значительномъ сокращеніи.

П. А. Фамусовъ въ С.-П.-бургъ къ Г-ну Простомыслову.

Москва, мая... дня 182..

Другъ сердечный, милостивецъ мой Харитонъ Абрамовичъ! Не знаю, свѣдалъ ли ты по сіе время о моемъ превеликомъ горѣ. Если нѣтъ еще, то стало быть я кстати рѣшился увѣдомить тебя объ этомъ. Пожалѣй искренно, другъ мой, о мнѣ несчастномъ. Я пишу къ тебѣ откровенно, какъ къ родному, сущую истину: ничего не скрою происшедшаго со мною.

Можетъ быть, ты помнишь виданнаго тобою, въ бытность въ Москвѣ, жившаго у меня въ домѣ секретаря моего Молчалина. Небезызвѣстно тебѣ должно быть и то, что я, изъ особеннаго своего добродушія, призрѣлъ его, какъ безроднаго; перевелъ на службу изъ Твери въ Москву; выстарался ему чинъ асессора, взялъ въ секретари и любилъ, какъ родного. Можешь ли ты представить, что этотъ человѣкъ сталъ виною всего моего несчастія. Вотъ нынѣшнее время! дѣлай добро! немудрено, что богатые и случайные люди не любятъ его дѣлать. Какъ не похвалить ихъ! какъ не назвать умными! право, другъ мой Харитонъ

Абрамовичъ, самое умное и полезное въ жизни правило: помнить и любить только самого себя и стараться только о самомъ себѣ. Ужъ на этомъ меня никто не оспоритъ.

Но объясню тебѣ о бѣдѣ своей. Этотъ Молчалинъ, по истинѣ сказать, не совсѣмъ былъ для меня безъ пользы. Ты знаешь, что въ моемъ департаментѣ дѣла хоть не слишкомъ замысловаты, но все-таки мнѣ одному невозможно съ ними управиться; и такой человѣкъ, который бы поразглядывалъ ихъ, неотмѣнно для меня нуженъ. Что предъ тобой таить: я не охотникъ и не мастеръ входить въ письменныя подробности. Надѣешься только на долготерпѣніе Божіе и на совѣсть добрыхъ людей: иногда прикладываешь руку: *Павелъ Фамусовъ*, а самъ и не вѣдаешь, что подписываешь. Слѣдственно, по симъ причинамъ, я и старался привязать къ себѣ Молчалина, и полагалъ, что онъ, по крайней мѣрѣ изъ благодарности, будетъ мнѣ вѣрнымъ и усерднымъ человѣкомъ. Сначала я полагалъ, что будто и не ошибся. Онъ хотя, какъ говорится, и не совершенный мастеръ своего дѣла, однакожъ довольно прилежно занимался своею должностію и старался во всемъ мнѣ угождать, такъ что я, не смотря на свой взыскательный и причудливый нравъ, не находилъ никакой причины быть на него въ какомъ-либо неудовольствіи. Это меня радовало и успокоило, однакожъ не надолго.

Пятьдесятъ шестой годъ, другъ мой Харитонъ Абрамовичъ, живу я на бѣломъ свѣтѣ, и въ первый разъ долженъ сознаться, что не имѣю ни пятьдесять шестой доли того ума, который надлежало бы имѣть человѣку въ мои лѣта. Вообрази себѣ простоту и недогадливость мою: три года я не могъ видѣть, что у меня, такъ сказать, подъ носомъ творилось. Словомъ, объясню тебѣ коротко и ясно, что Софья моя изволила влюбиться въ Молчалина. Представь, что эта дѣвчонка умѣла столь долгое время проводить меня и скрывать глупую любовь свою. А я и до сихъ поръ ума не приложу, что ей могло въ немъ понравиться: по французскому не болтаетъ; въ мазурку и въ модный-то танецъ, какъ бишь его, названіе походитъ на лошадиное, не гораздъ; не понимаю, какъ можно было полюбить человѣка безроднаго и ничѣмъ не виднаго, дѣвкѣ, которая по иностранному и воспитана; каждый день имѣла молодцовъ, военныхъ и статскихъ, ловкихъ, красивыхъ, богатыхъ и родомъ хорошихъ, и могла предпочесть всѣмъ имъ Молчалина, въ которомъ и я ничего не нахожу привлекательнаго. Къ счастію моему, что Молчалинъ, изъ робости своей или изъ простоты, не умѣлъ или не хотѣлъ поль-

зоваться глупостію Софьи и принужденно отвѣчалъ любовнымъ ея ласкамъ; однакожъ, негодяй, не хотѣлъ открыть мнѣ, и самъ приглядывался на Лизку, горничную Софьи. Софья же, не понимая хорошо равнодушнаго съ нею обращенія Молчалина, приписывала оное робкому и застѣнчивому его нраву. Наконецъ страннымъ случаемъ удостовѣрилась она, что Молчалинъ ее не любитъ. Это озлобило ее до того, что она рѣшилась сама во всемъ мнѣ признаться и все открыть. Вотъ какимъ образомъ это случилось.

Слѣдуетъ разсказъ о пріѣздѣ Чацкаго, о холодности къ нему Софьи, о томъ, какъ она пустила молву о его сумасшествіи, и наконецъ описывается происшествіе въ швейцарской. Далѣе письмо продолжается такъ:

Слезы и искреннее раскаяніе бѣдной дѣвочки не могли не тронуть меня. Отъ чистаго сердца я простилъ ее и отправилъ, согласно съ собственнымъ ея желаніемъ, къ сестрѣ Глафирѣ Аѳанасьевнѣ, въ Саратовъ. Тамъ, конечно, скоро выйдетъ у ней изъ головы дурь московская. Сестра Глафира бойчѣе меня въ этакихъ случаяхъ. Она просидѣла свой вѣкъ въ дѣвкахъ, и зато теперь терпѣть не можетъ молодыхъ дѣвицъ и мастерица за ними присматривать. Ужъ не проведетъ ее никакая вертушка столичная.

Молчалина на другой же день я со двора согналъ. Этотъ негодяй, какъ ни вылъ предо мною, не могъ меня разжалобить. Буду я ему на всю жизнь памятенъ; ужъ ручаюсь, что въ Москвѣ нигдѣ не найдетъ себѣ мѣстечка: ни казеннаго ни частнаго. Развѣ гдѣ-нибудь въ глуши отыщетъ себѣ уголокъ потемнѣе, и то, если я ранѣе не провѣдаю.

Вотъ тебѣ, почтенный мой Харитонъ Абрамовичъ, подробное описаніе горя моего; пожалѣй о мнѣ, пожалѣй, другъ сердечный. Живу я теперь одинъ, въ скукѣ пренесносной. Боюсь изъ дома ногой выступить и самъ отъ гостей отказываюсь. Совѣстно глядѣть на добрыхъ людей; кажется, пол-Москвы свѣдало объ этомъ срамномъ случаѣ. Что дѣлать? Какъ отсторонить себя отъ напасти непредвидимой? Прости, другъ сердечный; отписывай ко мнѣ почаще. Увѣдомь, не слыхалъ ли ты чего о томъ и въ Петербургѣ. Пиши ко мнѣ искренно, если что провѣдаешь, и не бойся огорчить меня. Ужъ, кажется, горше того, что было со мной, ничего болѣе быть не можетъ. Можетъ быть, и я на вѣку своемъ не одно зло сдѣлалъ добрымъ людямъ: они терпѣли; стало быть, и я оттерплюсь. Прости; есть истинный другъ твой

Павелъ Фамусовъ.

Далѣе слѣдуетъ письмо Софьи изъ села Скукина Саратовской губерніи въ Москву къ княжнѣ N. N. Софья очень грустить и собою недовольна. „Полагаю себя"—пишетъ она—„недостойною и сожалѣнія. Хотя я и не имѣю достаточной твердости переносить тягостное бремя теперешней жизни моей, но утѣшаюсь по крайней мѣрѣ тою мыслію, что оно служитъ мнѣ урокомъ на будущее время и наказаніемъ за прошедшее." Между прочимъ она описываетъ свою тетушку, злую помѣщицу, ежедневно расправляющуюся съ своими крѣпостными. Но всего тяжелѣе ей „чувствовать *заблужденіе* свое." Она говоритъ: „Для чего я не могла предвидѣть коварность человѣка, котораго столь нѣжно любила, и который столь низокъ, неблагодаренъ? Я отвергла любовь человѣка *благороднѣйшаго*, но зато сама презрѣна незаслуживающимъ даже имени человѣка. О Чацкій! Никогда изъ памяти моей не изгладятся послѣднія его укоризны, выраженныя чувствомъ оскорбленнымъ, но необыкновенно благороднымъ." Затѣмъ Софья проситъ подругу увѣдомить ее, не возвратился ли Чацкій въ Москву; она не надѣется на хорошій его отзывъ о ней, но говоритъ, что и слышать его порицанія будетъ утѣшительно; она желаетъ лишь, чтобы негодованіе его со временемъ уменьшилось.

Изъ отвѣтнаго письма княжны N. N. видно, что она копію съ письма Софьи переслала своему двоюродному брату, Лестову, который друженъ съ Чацкимъ и находится съ нимъ въ перепискѣ. Лестовъ доставилъ копію Чацкому. Слѣдуетъ письмо Чацкаго къ Лестову.

Изъ этого письма мы узнаемъ, что Чацкій живетъ въ деревнѣ, въ полномъ уединеніи. „Утомленный печалями, исполненный какого-то особеннаго предчувствія", онъ „съ какимъ-то особеннымъ нетерпѣніемъ" ждетъ „чего-то лучшаго". Чацкій пишетъ, что на дѣвицу С. П. Ф—ву „истинно не имѣетъ никакого негодованія" и доволенъ, что она чувствуетъ „непохвальный свой поступокъ и находитъ оный несправедливымъ". Болѣе теплыхъ словъ о Софьѣ—никакихъ.

Этотъ рядъ писемъ заканчивается отрывкомъ изъ письма Лестова къ одному изъ своихъ пріятелей. Въ отрывкѣ этомъ читаемъ:

„Софья Ф. возвратилась въ Москву, и черезъ мѣсяцъ по пріѣздѣ своемъ, вѣроятно изъ опасенія, чтобы не сдѣлаться опять когда-нибудь жертвою провинціальной своей тетушки, вышла замужъ. Супругъ ея, человѣкъ лѣтъ за пятьдесятъ, который

.... въ теченье полувѣка
Все ползъ да ползъ, да билъ челомъ,
И наконецъ такимъ невиннымъ ремесломъ
Доползъ до степени извѣстна человѣка,

могущаго ѣздить *шестеркою въ каретѣ*. Это обстоятельство утѣшило Ф—ва въ происшедшихъ съ нимъ непріятностяхъ, ибо по крайней мѣрѣ обезпечило въ затруднительной обязанности быть *взрослой дочери отцомъ*. Общій нашъ пріятель Чацкій переселился также въ Москву,— по его словамъ, только до весны, и будущій май предполагаетъ провести въ Дрезденѣ. Софья ищетъ случая съ нимъ помириться, и если успѣетъ въ намѣреніи своемъ, то какъ не пожалѣть о супругѣ ея, для котораго въ семъ случаѣ неизбѣжны многія непріятности!..."

Другое произведеніе, разрѣшавшее вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Грибоѣдовскихъ героевъ, появилось уже въ 1844 г. въ Москвѣ. Это была написанная тоже неизвѣстнымъ авторомъ комедія-шутка, подъ названіемъ: „Утро послѣ бала Фамусова" (въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ). Эта пьеска весною того же 1844 г. была поставлена на Московскомъ театрѣ. Лица въ ней, за исключеніемъ немногихъ, остаются тѣ же, что и у Грибоѣдова. Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ домѣ Фамусова. Послѣ сильныхъ укоровъ слугамъ за ихъ нерадѣніе, Фамусовъ произноситъ слѣдующій монологъ:

Ну, былъ вчера денекъ!
Не вспомнюсь и теперь! Досталась мнѣ и ночка:
Глазъ съ глазомъ не сводилъ! Порядочный урокъ!
Да хороша и дочка,
И Софья Павловна моя!
Ну, ожидалъ ли я
Такихъ проказъ въ моемъ семействѣ скромномъ?
Еще добро бы я одинъ —
А то при всѣхъ, при сборищѣ огромномъ,
Поднесть такой мнѣ блинъ!
А этотъ Чацкій — какъ онъ? что онъ?
Съ ума ль сошелъ, иль очень ужъ уменъ?
Пріѣхалъ къ намъ, весь странностями полонъ,
Въ французское невѣрье перкрещенъ,
Все не по немъ, все гадко...
Кто желченъ самъ, тому нигдѣ не сладко!
А по Москвѣ-то, чай, теперь
Такъ и гудетъ объ этомъ приключеньи!
Куда покажешься? Ужъ легче на крюкъ дверь,
Да и сиди, какъ въ заточеньи....
Да такъ и быть... Теперь всему конецъ, аминь!

Домъ на замокъ, забить гвоздями ставни,—
Къ сестрѣ старухѣ, къ Ольгѣ Николавнѣ.
(*Пьетъ чай.*)
Фу, мерзкій чай какой! Совсѣмъ не чай — полынь!
(*Звонитъ*). Нѣтъ ни души! (*еще звонитъ; входятъ два лакея*).
А вотъ вдругъ пара!
Позвать сейчасъ ко мнѣ швейцара!
Мнѣ надо съ нимъ потолковать:
Тутъ многаго я не могу понять...
А впрочемъ, что и понимать мнѣ?
Не все ль я видѣлъ самъ?
Онъ тутъ, какъ коршунъ въ голубятнѣ,
Хозяйничалъ, и ночью... Экой срамъ!
(*Отталкиваетъ чашку чаю и съ сердцемъ плюетъ*).

Отъ швейцара Фамусовъ узнаетъ, что Молчалинъ ночи проводилъ у барышни, и вскрикиваетъ:

Не переживу! не вытерплю! Не даромъ
Апоплексическимъ ударомъ
Повымеръ весь почти нашъ Фамусовыхъ родъ!

И прибавляетъ:

О Господи! Алешка-то Молчалинъ
Вѣдь изъ лакеевъ! Да смотри куда жъ полѣзъ!
Да нѣтъ же — погоди, проклятый бѣсъ,
Я отучу тебя отъ дѣвичьихъ-то спаленъ!
Фу! голова трещитъ, какъ будто въ ней пожаръ...
Филиппъ, мой другъ! вѣдь ты швейцаръ:
Поди жъ возьми свою блестящую дубину,
Да этого скотину,
Наглеца,
Мерзавца, подлеца,
Гони вонъ изъ дому, безъ церемоній, въ шею!

Появляется Молчалинъ. Фамусовъ жестоко бранитъ его, а тотъ отмалчивается.—„Что жъ ты молчишь? Что сталъ?" спрашиваетъ Фамусовъ.

Молчу, отецъ! покуда
Начальникъ говоритъ,— подвластный долженъ знать,
Что долгъ его по службѣ — есть молчать,

отвѣчаетъ секретарь — и *на колѣняхъ* упрашиваетъ Фамусова о прощеніи и о разрѣшеніи прослужить при немъ еще хоть годокъ. Павлу Аѳанасьевичу хочется „доѣхать" Молчалина, но вмѣстѣ съ тѣмъ хочется и узнать отъ него, насколько близки были его отношенія къ Софьѣ. Молчалинъ заявляетъ, что онъ лишь писалъ ноты для нея да аккомпанировалъ ей на флейтѣ. Тутъ въ дверяхъ показывается Софья. Фамусовъ хочетъ и у нея повыспро-

сить, но она рѣшительно отказывается войти въ комнату, пока Молчалинъ не уйдетъ изъ нея. Тотъ удаляется, а Софья начинаетъ увѣрять отца, что она никогда и не любила Молчалина.

> Я просто принимала
> Его, какъ писаря, какъ мальчика, къ себѣ.
> Онъ переписывалъ мнѣ ноты, что играла,
> Романсы, что пою...

говоритъ она, и прибавляетъ, что любила Чацкаго;

> Но что бывало,
> Тому теперь уже не быть,
> Прошедшаго не возвратить!
> А между тѣмъ оно полсердца оторвало,
> Полжизни, можетъ быть, съ собою унесло...
> А все мнѣ какъ-то жаль, зачѣмъ оно прошло!

Фамусовъ уговариваетъ ее выйти замужъ—ну, напримѣръ, за Ѳому Ѳомича, „глядящаго" въ дѣйствительные, или за Репетилова, который „собою молодецъ, богатъ, притомъ вдовецъ", или же за Скалозуба. Софья отвѣчаетъ:

> Готова я на всякій бракъ,
> Будь хоть уменъ, будь хоть дуракъ;
> Теперь мнѣ все равно.

Между тѣмъ входитъ Репетиловъ. Онъ еще ночью слышалъ о Софьиной исторіи отъ Загорѣцкаго, а теперь явился, чтобы удостовѣриться въ вѣрности извѣстія. Съ той же цѣлью скоро является и Хлестова, а затѣмъ и Загорѣцкій. У послѣдняго своя цѣль: онъ хочетъ посвататься за Софью, думая женитьбой на ней поправить свои дѣла: онъ „банчишко держалъ—и проигралъ все до денежки". Но оказывается, что и у Репетилова есть такая же задняя мысль: онъ тоже проигрался въ карты, а заложенное еще прежде имѣнье просрочилъ. Однако соперники, не желая спорить, рѣшаются предоставить свою участь рѣшенію судьбы: они бросаютъ жребій — и право свататься остается за Загорѣцкимъ. Но пока соперники объяснялись да кидали жребій, Софья уже успѣла достаться болѣе выгодному жениху. Въ комнату, гдѣ рѣшали свою участь Загорѣцкій и Репетиловъ, входитъ Молчалинъ и объявляетъ имъ, что Софья уже обручена со Скалозубомъ, нежданно пріѣхавшимъ въ домъ Фамусова. „Да какъ же скоро такъ?" спрашиваетъ Загорѣцкій. Ему отвѣчаетъ самъ Скалозубъ:

> Да, по военному-съ. Нашъ братъ вѣдь не тумакъ,
> Къ чему откладывать дѣла намъ въ долгій ящикъ?

Не помню, кто писалъ иль говорилъ,
Дескать, „пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ".
Мы-съ этой быстроты образчикъ!

Фамусовъ, на радостяхъ, прощаетъ Молчалина, и говоритъ дочери тихо:

Когда бъ ты знала, какъ спокоенъ
Я, Сонюшка, теперь, что жребій твой устроенъ,
Что не досталась ты въ посмѣшище молвѣ!
Не правда ли? Что жъ ты не отвѣчаешь?
О чемъ задумалась? мечтаешь?

Софья въ отвѣтъ:

Я думаю: что *онъ* теперь — въ Москвѣ,
Иль нѣтъ? Онъ ревностью своею адской
И бѣшеной меня, какъ громомъ, поразилъ...
А все онъ сердцу милъ!

Фамусовъ уходитъ. Слѣдуетъ послѣднее явленіе (XIV-е). Софья одна. Она долго стоитъ задумавшись, потомъ произноситъ свой заключительный монологъ.

Что это, сонъ иль наяву?
Переродилась я или все та же?
Невѣста я! Невѣста! Да и чья же!
Хоть обойдите всю Москву,
Ничтожнѣй партіи не сыщите! Давно ли
Я знала счастье! Да его ли
Ужъ знала я? Ужъ было ль счастье то?
Иль просто такъ, мечта, ничто...
Ужель оно душѣ такъ скоро измѣнило?
Казалось мнѣ, что я любила...
Казалось мнѣ, что и меня...
Прочь эта мысль! стыжуся я!...
Я только увлеклась невольно...
Какъ груди тяжко! сердцу больно!
(Весело).
Отчасти и смѣшно! И точно: почему жъ
И Скалозубъ не будетъ добрый мужъ?
О чемъ тужить? Немножко онъ простенекъ...
Зато въ чинахъ и не безъ денегъ;
Да что и умъ? Теперь я поняла сама,
По Чацкому, — что, право, горе — отъ ума!

Помѣщенную въ „Сиріусѣ" статью нельзя назвать иначе, какъ *дополненіемъ* къ комедіи Грибоѣдова. Пьеса же: „Утро послѣ бала Фамусова" представляетъ собою не только простое дополненіе къ „Горю отъ ума", но и его *продолженіе*: оно является какъ бы придѣланнымъ къ нему пятымъ актомъ, раскрывающимъ

дальнѣйшую судьбу Грибоѣдовскихъ героевъ. Подобнымъ же продолженіемъ комедіи Грибоѣдова, но не такъ непосредственно съ ней связаннымъ, является и пьеса графини Е. П. Ростопчиной: „Возвратъ Чацкаго въ Москву, или встрѣча знакомыхъ лицъ послѣ двадцатипятилѣтней разлуки", написанная въ 1856 г. *)

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Фамусова въ 1850 году. Проведя много лѣтъ въ путешествіяхъ, Чацкій возвращается въ Москву, прямо въ домъ Фамусова. Послѣдній, уже семидесятивосьмилѣтній старикъ, страдающій ревматизмомъ и подагрой, радъ Чацкому и, разсматривая его, замѣчаетъ:

И постарѣлъ-то ты порядкомъ въ это время!

Тутъ начинается между хозяиномъ и гостемъ разговоръ, изъ котораго уясняется положеніе главныхъ Грибоѣдовскихъ героевъ. Разговоръ этотъ занимаетъ собою все первое явленіе пьесы **).

Чацкій (*садясь и отвѣчая на замѣчаніе Фамусова*).

Кого же краситъ жизни бремя?
Я жилъ... усталъ!.. объѣздилъ цѣлый свѣтъ,
Катался по сушѣ, по морю, океаномъ;
Уѣхалъ мальчикомъ, вернулся ветераномъ! ***)
Все высмотрѣлъ!.. Пора ужъ на покой!
Дай,— думаю,— отправлюсь я домой!
Авось ли съ родиной теперь я уживуся?...
Я хладнокровнѣй сталъ, умнѣе и добрѣй,—
Такъ съ суетой мірской и глупостью людей
Скорѣй сойдусь и помирюся!
Свободный холостякъ, бездомный странникъ я,
Мнѣ въ путь не нужно долгихъ сборовъ:
Не тяготитъ меня ни служба ни семья!
Взялъ мѣсто,— сѣлъ въ вагонъ безъ дальнихъ разговоровъ,
Отправился... съ немногимъ въ десять дней,
Благодаря успѣхамъ, просвѣщенью,
Дорогъ желѣзныхъ протяженью
Добрался я до родины моей
(А ѣхалъ я изъ Брюсселя, съ конгресса
Ученыхъ и любителей наукъ),—
Стряхнулъ дорожный свой сюртукъ —
И тотчасъ прямо къ вамъ,— чтобъ васъ обнять!

---

*) Гр. Ростопчина сама назвала свою пьесу „*продолженіемъ* комедіи А. С. Грибоѣдова: «Горе отъ ума»" (см. полное заглавіе пьесы, помѣщенной въ первомъ т. ея сочиненій; мы цитируемъ эту пьесу по изданію 1890 г. Спб., два тома, цѣна 5 р.).

**) Всѣхъ явленій XIII-ть.

***) Чацкому, по опредѣленію авторши, уже 48 лѣтъ.

Фамусовъ (*полунъжно*.

Повѣса!
По прежнему ты все, я вижу, краснобай.
Отчаянный философъ и лѣнтяй.
Живешь себѣ безъ цѣли и безъ дѣла,—
Напрасно небо лишь коптишь!

Чацкій.

Помилуйте!... На васъ не угодишь!
Безъ дѣла — я?!.. Спросить извольте-ка: свѣтъ цѣлый
Вамъ назоветъ мои труды!
Къ статистикѣ давно въ душѣ питаю страсть я,
И геологія внушаетъ мнѣ участье;
Въ журналахъ можете вы отыскать слѣды
Моихъ разборовъ, розысковъ...

Фамусовъ.

Довольно....
Избавь меня учености своей,—
Не для моихъ она ушей!
Да польза отъ нея какая?... Право, больно
Смотрѣть мнѣ на тебя! ты даромъ прожилъ вѣкъ!
Взгляни-ка на себя: ты что за человѣкъ?...
Бездѣтенъ, безъ жены, имѣнья не удвоилъ—
А можетъ быть еще разстроилъ?
Въ чины не попадалъ... Какой же толкъ въ тебѣ?

Чацкій (*махнувъ рукою*).

Старинная, знакомая мнѣ пѣсня!..
Что не женился я,—пеняйте въ томъ судьбѣ
И вашей дочери! Не вычеркнешь, хоть тресни,
То, что написано судьбой намъ на роду
(Вы вѣрите, иль нѣтъ въ счастливую звѣзду?..)
Мнѣ было суждено влюбиться
Разъ въ жизни, навсегда; всѣмъ сердцемъ, всей душой
Я Софью Павловну любилъ: на ней жениться
Не довелось! — Потомъ я не искалъ другой!
Я жилъ умомъ, для общества, для дружбы,
Наукой занялся... Касательно же службы
Мое извѣстно мнѣнье вамъ:
Я честолюбія, тщеславія не знаю;
Ни мѣстъ, ни должностей, ни власти не желаю!..
Людей сужу не по чинамъ,
А по достоинству. На поприщахъ различныхъ
Полезнымъ можно быть; я, съ стороны своей,
Жилъ не безъ пользы для людей.
И если не въ кругу разсѣяній столичныхъ,
То мѣсто я вездѣ почетное займу,
Гдѣ цѣнятъ трудъ, любовь къ ученью!

Я жребіемъ такимъ доволенъ; направленью
Сердечно радъ я своему!..
Оно спасло меня отъ многаго дурного,
Отъ мелочныхъ заботъ, отъ мелочныхъ страстей...
И жизни странничьей моей
Не нужно жребія другого!
Насчетъ имѣнія,— не бойтесь, я богатъ!
Я жилъ умѣренно, не тратилъ попустому;
На вѣкъ мой станется!.. Да и порой я радъ,
Когда могу помочь другому.
Но что такъ долго обо мнѣ
Толкуемъ мы?.. Вы лучше мнѣ скажите,
Что новаго здѣсь, въ вашей сторонѣ?
Какъ поживаете? Подробно опишите,
Что съ Софьей Павловной, и гдѣ теперь она.
Что жизнь ея семейная — красна
Иль пасмурна? Печальна иль счастлива?
И къ вамъ и къ ней мое участье живо,—
Повѣрьте мнѣ!

Фамусовъ.

Спасибо, милый мой!
Я благодаренъ всей душой!
Живется мнѣ,— какъ видишь,— тяжеленько:
Подагра... ревматизмъ!.. по временамъ маленько
И старость скажется... А впрочемъ ничего!
По прежнему — обѣдаю исправно,
Играю въ преферансъ; все тихо, мѣрно, плавно
За годомъ годъ идетъ; — покоя моего
Господь не возмутилъ! Все здѣсь благополучно!
Теперь и Софьюшка со мною неразлучно
Живетъ въ Москвѣ.

Чацкій.

Я слышалъ, мужъ ея
Былъ губернаторомъ.

Фамусовъ.

Онъ и теперь остался
На должности,— но дочь, любя меня,
Пріѣхала, чтобъ я одинъ не стосковался.
Зять мнѣ прислалъ ее съ дѣтьми
Тому ужъ съ годъ.

Чацкій.

Какъ съ ними онъ разстался?

Фамусовъ.

Да гдѣ жъ въ провинціи ихъ воспитать?.. Возьми
Ты въ толкъ: вѣдь дѣвочки большія,
Ужъ подросли; пора возить ихъ въ свѣтъ!

А мальчиковъ мы въ университетъ
Опредѣлили двухъ, всѣ умницы такіе!
Отлично учатся — и далеко пойдутъ...
Особенно меньшой,— пребойкая головка!
Въ министры хоть сейчасъ.. хитеръ... во всемъ сноровка.
Ужъ женишки ко внучкамъ льнутъ,—
И Софьюшкѣ самой повеселѣе тутъ:
Ну, видитъ свѣтъ!.. Въ Москвѣ, извѣстно,— роль играетъ,
Вѣдь мужъ-то въ аншефы шагаетъ, —
Чинъ равенъ тайному!

Чацкій.

Бригадой прежде онъ
Командовалъ?

Фамусовъ (*торопливо*).

Потомъ за что-то былъ смѣненъ!..
У насъ всегда вѣдь такъ бываетъ!
Несправедливости.. доносы... кутерьма...
Ну, обнесли кругомъ! Но Софьюшка не дура:
Въ мигъ въ Питеръ бросилась сама...
Давай просить... искать!..
(*Шопотомъ съ таинственностью*).
Тамъ знатная фигура
Вступилась за нее; — хотя не безъ хлопотъ,—
Но дѣло приняло другой вдругъ оборотъ,
И зятя моего назначили!.. Отмѣнно
Везетъ ему съ тѣхъ поръ: онъ ленту получилъ,
Двѣ благодарности, да чинъ еще схватилъ.
Обязанъ всѣмъ женѣ своей безцѣнной!
Лихая бабочка — признаться долженъ я! *).

Чацкій (*слегка задумавшись*).

Такъ, стало быть, у васъ согласная семья!
Тѣмъ лучше!.. Но тогда, какъ съ вами я разстался,—
За Софью Павловну, за будущность ея,
Признаться, сильно я боялся!
Вѣдь Скалозубъ тогда совсѣмъ ей не былъ милъ?

Фамусовъ.

Эхъ, братъ!.. Вы, молодежь, всегда напрасно съ нами
Хотите спорить, старшками!
Я на своемъ поставилъ: смастерилъ
Въ недѣлю свадебку — и вышло безподобно!
Ну, чѣмъ же Софьюшкѣ не пара Скалозубъ?
Стерпѣлись... обжились... слюбились!.. Онъ не глупъ,
Умѣлъ понравиться женѣ! Междоусобной
У нихъ ни разу не было войны;

*) Скалозубъ теперь—военный губернаторъ К. губерніи, 55 лѣтъ.

Во всемъ согласіе, другъ другу угождаютъ;
Посмотришь,— голубки... Ну, точно влюблены!..
Меня какъ берегутъ, какъ чтутъ и уважаютъ;
О!.. я счастливѣйшій отецъ!
Зять долженъ нынче быть... взялъ отпускъ наконецъ;
Съ утра его жена и дѣти поджидаютъ.

Чацкій (*чистосердечно*).

Повѣрьте,— радуетъ меня такой конецъ!
А помните, какъ вы тогда меня подозрѣвали?
Какъ на меня тогда клепали?..
Все объяснилось вѣдь потомъ.
Молчалинъ вашъ оставилъ домъ,
Узнали вы...

Фамусовъ (*удивленно*).

Молчалинъ?.. Что такое!..

Чацкій (*озадаченный*).

Такъ!.. Ничего!.. Я думалъ.... Виноватъ.

Фамусовъ (*не слушая*).

Молчалина я помѣстилъ въ сенатъ.
Сначала мѣсто тамъ онъ занялъ небольшое,
Шелъ—шелъ себѣ, корпѣлъ и не щадилъ покоя;
Теперь отличное мѣстечко взялъ зато:
Онъ за столомъ у оберъ-прокурора!
Ужъ самъ *дѣйствительнымъ* давно...
И Станислава ждетъ, и мѣтитъ въ сенаторы—
Со временемъ! Что, братъ? Вотъ здѣсь мы каковы...
Умѣемъ вывесть человѣка!

Чацкій (*кланяясь полунасмѣшливо*).

И книги въ руки вамъ! Но имъ довольны вы?

Фамусовъ (*съ восклицаніемъ*).

Молчалинымъ?.. Самъ посуди: опека
На вотчины мои (по просьбѣ же моей)
Наложена,—затѣмъ, что управленье ими
Мнѣ стало тягостно: дѣла мои и съ ними
Всю собственность мою, и внуковъ, и дѣтей
Молчалину я отдалъ въ руки!
Онъ главный опекунъ у насъ!.. черезъ него
Проходитъ все; — усердіемъ его
Избавленъ я отъ всякой скуки...
Росписку далъ — и деньги получилъ!
Безъ всѣхъ хлопотъ, вотъ нынче какъ живу я!

Чацкій (*въ сторону*).

Пройдохѣ нашъ старикъ себя закабалилъ!..
Ну, чудеса здѣсь вижу наяву я!

Фамусовъ.

А кстати, знаешь ли?.. но гдѣ же знать тебѣ!
Вѣдь онъ женился!

Чацкій.

Кто?

Фамусовъ.

Молчалинъ!.. кромѣ шутокъ,—
Жену красавицу, да пары двѣ малютокъ
На радость онъ завелъ себѣ!
Она—изъ полекъ,—просто чудо!
Ловка, воспитана, умна!..
А дѣти — все амурчики!.. (*цѣлуетъ кончики своихъ пальцевъ*).

Чацкій.

Не худо!..
Такая часть въ удѣлъ не всякому дана!

Фамусовъ (*смѣясь самодовольно*).

Что за глаза у ней, и что за ножка!..
Игрушка, миньятюрка, крошка...
Мы невидимкою зовемъ!
Конечно, отъ дѣтей хоть шумно здѣсь немножко,—
Зато мой веселѣе домъ!
Всѣ крестники мои; я ихъ люблю до смерти...
Увидишь нынче ихъ, самъ влюбишься, ей-ей!

Чацкій.

Какъ, нынче ждете вы гостей?

Фамусовъ (*важно*).

Да!.. Нынче вторникъ мой!

Чацкій (*вставая*).

Мнѣ совѣстно, повѣрьте!
Я не одѣтъ... съ дороги... весь въ пыли.—
Позвольте мнѣ домой.

Фамусовъ (*удерживаетъ его за платье*).

Э, полно!.. не шали.
У насъ кружокъ нецеремонный;—
Родня... короткіе... свои...
Ты будешь принятъ благосклонно!
(*Слышенъ звонокъ въ передней*).

Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ слѣдующее. Старикъ Фамусовъ еще „шалитъ“: онъ „безъ памяти влюбленъ“ въ жену Молчалина, а та въ домѣ его „царствуетъ“ — и тамъ „ей все подвластно“. Фамусовъ, по словамъ графини Хрюминой (внучки), такъ ослѣпленъ семьей Молчалина, что каждому изъ его дѣтей

Особый капиталъ въ ломбардъ ужъ положилъ
(Чѣмъ крайне Софью оскорбилъ).
А Скалозубъ, гроза и врагъ чужихъ отростковъ,
Своихъ здѣсь въ домѣ поселилъ,
Чтобъ только помѣшать Молчалинскому роду...

Вышедшій въ чины Молчалинъ сдѣлался чрезвычайно высокомѣренъ. Скалозубъ беретъ взятки съ подчиненныхъ и грабитъ „обѣими руками". Софья Павловна держитъ при своихъ дѣтяхъ учителя Петрова (32-хъ лѣтъ), съ которымъ завела любовную интригу; въ него же влюблена и младшая дочь ея—Вѣрочка (18-ти лѣтъ). Чацкаго Софья Павловна встрѣтила съ удивленіемъ, какъ встрѣчаютъ какую-нибудь неожиданность; однако, разговаривая съ графиней, сказала ей:

Я признаюсь, ma chère!.. Онъ, правда, постарѣлъ,
Но такъ уменъ, въ лицѣ такъ много выраженья;
Онъ могъ бы и теперь внушить мнѣ предпочтенье.

Но Чацкій отнесся къ ней очень спокойно, и она, узнавъ что онъ богатъ, уже рѣшила женить его на своей Вѣрочкѣ, что однако такъ и осталось только ея желаніемъ.—Загорѣцкій, женившись на богатой и сѣдой вдовѣ-купчихѣ, занялся „не слишкомъ чистыми" спекуляціями — и сталъ Крезомъ. По словамъ той же графини,

Всѣ богачи имъ сбиты и затерты.
Судьба всегда къ нему склонна была.
Жена вдругъ кстати умерла,
И вотъ всѣ матушки московскія, всѣ тетки,
Невѣсты зрѣлыя,—всѣ гонятся за нимъ.
Всѣ бредятъ имъ... всѣ дышатъ имъ!
Здѣсь нѣтъ завиднѣе, желаннѣе находки,
Какъ быть въ короткости его;
Зоветъ ли другомъ онъ кого,—
Такъ и тому кадить ужъ начинаютъ

Одной изъ замѣчательныхъ чертъ разсматриваемой пьесы графини Ростопчиной — это осмѣяніе крайностей уже разгорѣвшихся тогда славянофильства и западничества. Въ пьесѣ представлены обѣ партіи. Главнымъ представителемъ славянофильства—и, конечно, крайнимъ — является Мстиславъ Кирилловичъ Элейкинъ, поэтъ 40-ка лѣтъ; онъ носитъ длинные, подстриженные въ кружокъ волосы, одѣтъ онъ въ черную бархатную поддѣвку, съ синими шароварами въ сапогахъ, а сапоги высокіе, на подковахъ, съ краснымъ кантикомъ; въ рукѣ мурмолка. Когда Софья Павловна представляетъ ему Чацкаго, костюмъ котораго

напоминаетъ туриста или американскаго плантатора, Элейкинъ, грубо отступая, говоритъ ей:

Нѣтъ-съ!.. Увольте!
Онъ изъ дали!.. Разитъ чужбиной отъ него!.
Вашъ гость душѣ противенъ православной!

По просьбѣ той же Софьи Павловны, онъ произноситъ свое стихотвореніе, которое подъ перомъ гр. Ростопчиной явилось не чѣмъ инымъ, какъ сатирой надъ славянофильскими крайностями. Въ этомъ стихотвореніи, приглашающемъ всѣ славянскія племена къ полному отчужденію отъ Запада, есть между прочимъ такія строки:

Прочь ложь и соблазны науки,
Искусства и мудрость людей!..
Словенскія души и руки
Невиннѣй безъ вашихъ затѣй!
Зачѣмъ намъ умѣнье чужое?..
Своимъ мы богаты умомъ!
Отъ Запада развѣ лишь злое
И вредное мы переймемъ!
Что проку отъ грѣшной музыки,
Отъ статуй и голыхъ картинъ!
Скупайте ихъ златомъ, языки!..
Пусть плюнетъ на нихъ славянинъ!
Сожжемте на вѣчѣ творенья
Всѣхъ, всѣхъ чужеземныхъ писакъ!
Вотъ Несторъ — мои пѣснопѣнья!
Въ чтецы — вотъ приходскій вамъ дьякъ!

Въ партію славянофиловъ попала и Наталья Дмитріевна Горичева; на ней сарафанъ, душегрѣйка и повойникъ; мужъ ея, Платонъ Михайловичъ, вѣчно повинующійся своей женѣ, тоже наряженъ въ русскій кафтанъ, въ русскіе сапоги и носитъ мурмолку. Оправдывая эти наряды, Горичева говоритъ:

Зачѣмъ себя уродовать напрасно
Нарядами заморскихъ странъ?
О теремахъ гласитъ нашъ сарафанъ прекрасный,
И пахнетъ стариной вельможный нашъ кафтанъ.

Еще Чаадаевъ, самый ярый западникъ, говорилъ, что въ Европѣ смыслъ жизни дается *идеями*. По объясненію Чаадаева, это—идеи долга, закона, правды, порядка. Въ пьесѣ Ростопчиной выведено нѣсколько представителей не *пониманія*, а лишь *влюбленности* въ идею—и они съ жаромъ, но очень смутно, высказываютъ свои мысли. Студентъ изъ евреевъ—Цурмайеръ, въ котораго влюблена Наденька, старшая дочь Скалозуба, какъ бы въ

пику Элейкину, читаетъ плодъ своего вдохновенія, предносылая ему слѣдующее вступленіе:

Я посвящаю свой посильный трудъ
Великой власти времени и вѣка,—
Свѣтилу и кумиру человѣка —
Идеѣ!..

Затѣмъ онъ произноситъ самое стихотвореніе:

Идея!.. великое слово!
Громовый, убійственный свѣтъ!..
Ты съ силой бороться готова,
Ты истиной блещешь суровой
Пороку,— и власти клевретъ
Бѣжитъ, закрывъ грѣшныя очи,
Въ холодную мглу вѣчной ночи!

Идея!.. Ты, Божье свѣтило,
Зарею надъ міромъ взошло
И въ мигъ старый міръ обновило,—
И въ бой съ предразсудкомъ вступило
И ночь побѣждаешь и зло...
Блѣднѣетъ ликъ тощій злодѣя,
Встрѣчаясь съ тобой,— о идея!

Ты царства ломаешь какъ лозу,
Ты ложныхъ героевъ казнишь,
Ты страхъ имъ во грудь какъ занозу
Вонзаешь,— и гибели грозу
Безумнымъ главамъ ихъ сулишь!..
Блаженъ, предъ тобой пламенѣя,
Кто служитъ тебѣ, о идея!..

Ты цѣпію братства связала
Народовъ святой хороводъ,
Ты тайну имъ вѣка сказала!..
И жизнь за тобой побѣжала,
Бѣжитъ человѣческій родъ...
Сіяй же намъ вѣчно, насъ грѣя,
Идея, святая идея!..

Чацкій подходитъ къ княжнѣ Зизи Тугоуховской (ей ужъ 44 года) и проситъ ее растолковать, какъ понимать надо стихи Цурмайера. „Идеи той" — говоритъ онъ — „нигдѣ я значенья не встрѣчалъ". Княжна Зизи теперь передовая женщина: носитъ короткіе волосы, куритъ папиросы, подбочениваетея фертомъ и вообще имѣетъ неженственныя манеры. Она сухо отвѣчаетъ Чацкому:

Идея есть идея!..
Коль вы не поняли, мой долгъ — о васъ жалѣть,
Но объяснить нельзя!

Чацкій замѣчаетъ:

Не просто ль ахинея
Вся эта пресловутая идея?

Интересно, что Чацкому дана въ пьесѣ роль примирителя обѣихъ партій. Обращаясь къ Элейкину, онъ говоритъ, что сочувствуетъ его „преданности къ Россіи“, уважаетъ его „почтенье къ старинѣ“, его „русскій духъ“, но осуждаетъ его отрицательное отношеніе къ европейскому просвѣщенію, которое Чацкій называетъ „яркимъ свѣтомъ“. Обращаясь же къ представителямъ западничества, онъ хвалитъ ихъ любовь къ „просвѣщенію вѣка“, но упрекаетъ ихъ въ излишней горячности, приведшей ихъ къ неуваженію исторіи, и въ ихъ восторженныхъ рѣчахъ видитъ много „хлопушнаго треска“.

Тутъ интересно не только то, какъ смотрѣла гр. Ростопчина на славянофиловъ и западниковъ, но и то, какъ понимала она личность Чацкаго.

Теперь обратимся къ тѣмъ произведеніямъ, которыя представляютъ собою не продолженіе „Горя отъ ума“, не дополненіе къ нему, а *подражаніе* ему.

Всякая эпоха жизни общества имѣетъ свои темныя стороны, свои „подлѣйшія черты житья“, и во всякую эпоху найдутся такіе „правдолюбцы“, которые возмущаются названными чертами и не могутъ не высказывать своего протеста. При такомъ настроеніи *нашихъ* правдолюбцевъ, „Горе отъ ума“ не одинъ разъ послужило имъ образцомъ для литературнаго выраженія протеста, при чемъ, конечно, особенно послужила примѣромъ протестующая личность Чацкаго. Авторъ выставлялъ въ своей комедіи возмущавшія его явленія въ жизни современнаго ему общества и рядомъ съ этимъ выводилъ протестующее лицо, которое получало подобное же субъективное значеніе, какое имѣетъ и Грибоѣдовскій Чацкій. Такимъ образомъ появилось у насъ нѣсколько подражаній „Горю отъ ума“, и ближайшимъ по времени подражаніемъ ему была уже извѣстная намъ комедія Загоскина: „Недовольные“ [135]), гдѣ протестующая личность Глинскаго задумана, очевидно, по образцу Чацкаго. Слѣды подражанія особенно замѣтны въ монологѣ Глинскаго, начинающемся стихами:

Скажите мнѣ: да что вамъ за охота
Свое отечество позорить и срамить... [136]).

Этотъ монологъ очень напоминаетъ извѣстный монологъ Чацкаго въ концѣ третьяго акта „Горя отъ ума“.

„Недовольные“ относятся къ 1835 году. Позднѣе (въ 1852 г.) появилась комедія: „Сумасшедшій“ (въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ), авторъ которой, А. Жемчужниковъ, вывелъ горячо протестующее лицо — *Валунина*, принадлежащее къ тому же роду такъ называемыхъ (хотя и не точно) мизантроповъ, къ которому относятъ (напр. Веселовскій) и Чацкаго. Главное содержаніе комедіи Жемчужникова слѣдующее [137]).

Въ гостиной графини Горской, молодой и красивой вдовы, собирается небольшое общество мужчинъ. Одинъ изъ нихъ—баронъ фонъ-Блуменбахъ, жизнь котораго, по его собственному признанію, „летитъ, какъ сонъ, исполненный сердечныхъ приключеній“. Другой — графъ Касимовъ — величайшій англоманъ. Въ одномъ мѣстѣ комедіи онъ говоритъ, обращаясь къ обществу:

Не знаю, какъ вы всѣ, а я такъ нахожу,
Что лучше англичанъ на свѣтѣ нѣтъ народа.
Какъ много, съ помощью ихъ зрѣлаго ума,
Изобрѣли для насъ иль комфортъ, или мода!
Я фабрикъ англійскихъ на всемъ ищу клейма,
И если есть — другой не надо мнѣ оцѣнки..
Типъ англичанина себѣ въ примѣръ избравъ,
Я изучилъ его пріемы, вкусъ и нравъ
И даже прихотей малѣйшіе оттѣнки...

Далѣе графъ прибавляетъ:

Ахъ, если можно бы родиться было вновь!
Зачѣмъ течетъ во мнѣ не англійская кровь!
Я это говорю свободно, здѣсь, межъ нами...
Что англичанъ люблю, а русскихъ не люблю:
Вѣдь этимъ никого я здѣсь не оскорблю—
Мы здѣсь не между мужиками!

Третій гость—Скураповъ—удивительный галломанъ; но его плѣняютъ не современные ему французы, а маркизы временъ Людовика XIV. Вотъ отрывокъ изъ его длиннаго монолога:

Условный я люблю въ гостиныхъ этикетъ,
Не тяготятъ меня приличій свѣтскихъ узы,
Но мнѣ плѣнительны не англичане,— нѣтъ!
Временъ Людовика Великаго французы!
Родился поздно я!.. но я ancien régime, *)
Ancien régime въ душѣ, хоть не совсѣмъ снаружи...
Отъ черни насъ теперь не отличить никакъ:
Такъ я одѣтъ — и вашъ лакей одѣтъ не хуже!

---

*) Это—историческій терминъ, которымъ, послѣ распространенія идей французской философіи XVIII вѣка, стали обозначать старыя формы быта.

Фи! промѣнять кафтанъ на этотъ пошлый фракъ.
Вы вспомните! кафтанъ французскаго покрою,
Весь облитъ золотомъ, изященъ и богатъ,
Суконный осенью, суконный же весною,
А лѣтомъ шелковый и бархатный зимою—
Для насъ нарочно созданный нарядъ!

(Графинѣ).

Костюмированный, тому лѣтъ двадцать, былъ
У вашей тетушки на святкахъ балъ однажды.
Явился я на балъ, наряженный маркизомъ!
Я былъ остеръ, уменъ,— но какъ умны въ тотъ вѣкъ!
Я чувствовалъ себя впервой, что человѣкъ,—
И, право, пораженъ былъ этакимъ сюрпризомъ!
Скажите мнѣ: чѣмъ сталъ теперь нашъ модный свѣтъ?
Любезность древняя куда пропала?
Мы скучны, глупы!.. что жъ! ужель ума въ насъ нѣтъ?
Или желанія любезнымъ быть?.. ни мало!..
Намъ, просто, кружевныхъ недостаетъ маншетъ!
Природа грубая искусствомъ не покрыта,
Приличной маски нѣтъ и слабостямъ людскимъ...
Развратникомъ слыветъ веселый волокита,
И свѣтскій человѣкъ считается пустымъ.
Намъ лучше быть нельзя! и тѣ совсѣмъ не правы,
Которые хотятъ исправить наши нравы.
На внѣшности одной всегда вертѣлся міръ.
Вся сущность только въ ней! Да, внѣшность—мой кумиръ.

Характеристика четвертаго гостя — Колязина — дана въ слѣдующемъ мѣстѣ комедіи:

Колязинъ.

Я, философскому не предаваясь спору,
Скажу, не осуждая никого,
Что я nouveau régime и даже trés nouveau.
Минувшее во мнѣ участья не возбудитъ.
Мечтать о будущемъ? сны видѣть наяву!..
Прошедшее прошло, а будущее будетъ...
Какая жъ польза въ нихъ, коль я теперь живу?
Я вѣрю одному, и вы тому повѣрьте:
На краткомъ жизненномъ пути
Ужъ ничего, конечно, не найти
Намъ лучше жизни, хуже смерти.
Какъ человѣку, мнѣ — міръ внѣшній данъ въ удѣлъ,
И я кладу желаніямъ предѣлъ:
Ѣмъ, пью, сплю. Вотъ моя отрада.
Мнѣ больше ничего не надо!

Графиня.

И не мечтаете вы ровно ни о чемъ?

Колязинъ.

Случалось иногда, забывшись передъ сномъ,
Воображать, что я, какъ въ сказкѣ иль романѣ,
Красивъ какъ день, уменъ какъ бѣсъ, и что притомъ
Ношу Австралію съ собой въ одномъ карманѣ,
А Калифорнію въ другомъ.

Графиня.

Какая мысль,— хочу я знать (оставимъ шутки!) —
Вамъ больше по сердцу?

Колязинъ.

Мысль о желудкѣ.

Графиня.

Я вамъ повѣрить не могу.

Колязинъ.

Какъ вамъ угодно! Я не лгу.

Графиня.

Такъ сердца нѣтъ у васъ?

Колязинъ.

Быть можетъ.

Графиня.

А разсудокъ
Что занимаетъ вашъ?

Колязинъ.

Желудокъ!

Пятый и шестой гости — постоянно смѣющійся и почти ничего не говорящій офицеръ Леденцовъ и влюбленный въ графиню полковникъ князь Порѣцкій, съ великосвѣтскими манерами, но и со способностью подставить ногу ближнему, если видитъ въ немъ соперника.

Въ противоположность этимъ лицамъ выведенъ *Валунинъ*. Онъ, подобно Чацкому, лицо горячо протестующее. Выражаясь его словами, онъ пріучилъ свой разумъ къ созерцанію; по отзыву гр. Касимова, умъ его остеръ, и взглядъ мѣтокъ. Графиня ему очень симпатизируетъ и, видимо, отдаетъ ему предпочтеніе передъ всѣми другими. Когда баронъ, гр. Касимовъ, Скураповъ и Колязинъ высказались, Валунинъ былъ вызванъ заявить и о своихъ воззрѣніяхъ. Приводимъ то мѣсто, гдѣ обрисовывается личность Валунина — и читатель увидитъ и сходство его съ Чацкимъ и разницу между ними. Прибавимъ, что есть сходство и между обществомъ, окружавшимъ Чацкаго и окружавшимъ Ва-

лунина: и то и другое признало протестанта сумасшедшимъ; такимъ признала Валунина и сама графиня—и предпочла ему интригана кн. Порѣцкаго. Вотъ рѣчи Валунина.

Молва правдивая здѣсь обо мнѣ была,
Что я открытый врагъ порока, лжи и зла...
Но что вражда безъ силъ, безъ воли безъ терпѣнья!..
Я дольше вынести страданія не могъ —
И бросился искать безлюдный уголокъ,
Чтобъ жить пустынникомъ, въ глуши уединенья.
Природу полюбивъ восторженной душой,
Въ деревнѣ я нашелъ отраду и покой.
Людей позабывать я началъ понемногу
И часто повторялъ: одинъ я! слава Богу!
Такъ проходили дни сначала; но потомъ
Не могъ я совладать съ озлобленнымъ умомъ...
И только лишь одинъ запрусь я въ кабинетѣ,
Припоминаю всѣхъ друзей, враговъ моихъ,
И вижу я равно какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ
Людей, такихъ людей... какъ люди всѣ на свѣтѣ!
Къ несчастью, былъ со мной въ деревнѣ Ювеналъ.
Ядъ злыхъ своихъ сатиръ онъ въ душу мнѣ вливалъ.
Межъ временемъ его и нашимъ много связи.
Снаружи наша жизнь какъ будто бы свѣтлѣй,
А въ сущности и въ ней
Немало грязи!
Нашъ просвѣщенный міръ съ безсмертною душой,
Признавъ владычество животнаго влеченья,
Какъ міръ языческій, въ безсмысленный покой
Лѣниво погруженъ отъ сна и пресыщенья!
Такъ въ размышленіяхъ о жизни, о судьбѣ,
Мечтою вѣрною я рисовалъ себѣ
Всю человѣчества печальную картину,
И, грустію томимъ, открыть старался я,
Извѣдавъ тайный смыслъ законовъ бытія,
Его паденія причину!
И чудной мыслію однажды вдохновленъ,
Я слышалъ голосъ... свѣтъ мнѣ въ душу пролилъ онъ!
Тотъ голосъ знакомъ былъ особаго призванья
И пробудилъ во мнѣ душевныхъ силъ сознанье!
Я слышу и теперь знакомый мнѣ призывъ:
Ты, чести мученикъ! иди, за мною слѣдуй!
И, грусть безплодную отнынѣ позабывъ,
Порочнымъ людямъ честь и правду проповѣдуй!
Великъ, великъ тебѣ судьбою данъ удѣлъ!
Читая предъ людьми ихъ скрытныхъ думъ и дѣлъ
Изобличительную повѣсть,
Яви на бѣлый свѣтъ, что жадно кроетъ тьма,
И для безсовѣстныхъ будь совѣсть!

Тутъ въ гостиной начинаютъ раздаваться возгласы: „Сумасшедшій!“—„Сошелъ съ ума!“ — „Съ ума сошелъ!“ и всѣ взглядываютъ другъ на друга съ удивленіемъ и перемигиваются между собою; графиня плачетъ, желая скрыть отъ Валунина и другихъ свои слезы. Валунинъ, ничего этого не замѣчая, продолжаетъ:

Невольникъ моего призванья,
Я здѣсь! и что жъ? кого я вижу предъ собой?
Ужели посланъ я разгнѣванной судьбой,
Чтобъ изливать свое негодованье
На всѣ безцвѣтныя, хоть пестрыя собранья,
Гдѣ васъ встрѣчаю я толпой?
Гдѣ такъ довольны всѣ, такъ счастливы, такъ рады!
И, взапуски трудясь — какъ будто изъ награды, —
И юноши и старички
Безъ картъ играютъ въ дурачки!
Мы, великаны иль пигмеи,
На свѣтѣ для того и мыслимъ и живемъ,
Чтобъ нашимъ выражать лицомъ
Осуществленіе какой-нибудь идеи.
По росту нашему пришлась идея та,
Которую зовемъ мы, просто, пустота.
Въ числѣ другихъ на васъ палъ выборъ Провидѣнья,
Чтобъ сдѣлать вѣрное ея изображенье.
Оно естественно! но, признаюсь, не разъ
Меня одно все занимало;
Я спрашивалъ себя: къ чему такъ много васъ,
Чтобъ выразить такъ мало?
И святочный маркизъ,
(*Скурановъ бросаетъ дерзкій взглядъ на Валунина*)
И жалкій англоманъ,
(*Гр. Касимовъ, отворачивается, поправляя воротничокъ*)
И грубая карикатура
На древнихъ мудрецовъ изъ школы Эпикура,
(*Колязинъ, улыбаясь иронически, качаетъ головой*)
И театральный Донъ-Жуанъ
(*Баронъ Блуменбахъ вскакиваетъ со стула*)
И...
(*Леденцовъ уходитъ*).
Подождите: я портретъ вашъ обрисую.

Леденцовъ (*смотря на часы*).

Но я... но мнѣ... нельзя! мазурку я танцую!
(*Уходитъ*).

Валунинъ (*продолжая*).

Вамъ изъ среды себя избрать бы одного,
Чтобъ вывѣску носить: ничто и ничего!

Б. Блуменбахъ.

Сначала я смотрѣлъ на васъ, какъ на забаву
Но дерзокъ черезчуръ вашъ неприличный тонъ

Валунинъ.

Среди пустыхъ людей безспорно вамъ по праву
Почетъ и первенство принадлежатъ, баронъ.

Графиня (*обращаясь къ Валунину*).

Валунинъ, я прошу...

Валунинъ.

Графиня!..

Графиня.

Умоляю
Весь этотъ разговоръ, Валунинъ, прекратить!..

Валунинъ.

Но я вѣдь говорю не то, что я желаю,
А то, что долженъ говорить!
И смѣю ль я хранить спокойное молчанье,
Когда... вы слышали наивное признанье,
Какъ русскій человѣкъ, какъ русскій дворянинъ,
Пылая къ Англіи непобѣдимой страстью,
И къ намъ перенеся свой чужеземный сплинъ,
Осмѣлился жалѣть, что русскій онъ, къ несчастью!
Не онъ одинъ таковъ! храня пристойный видъ,
Кто поумнѣй, зоветъ себя: космополитъ.
Я иначе людей подобныхъ называю...
Космополиты вы? прочь громкія слова!
Всегда я презиралъ и нынѣ презираю
Бродягъ, непомнящихъ родства!

Графиня съ умоляющимъ взоромъ беретъ Валунина за руку. Валунинъ продолжаетъ).

Я связанъ мнѣ ниспосланнымъ призваньемъ!
Не только ихъ,—весь свѣтъ въ порокахъ уличу!
Нѣтъ, совѣсть не должна молчать! я замолчу
Съ послѣднимъ издыханьемъ!

. . . .

Графиня, вамъ теперь скажу я слова два:
Любя васъ... дружески, но нѣжно и глубоко,
Я васъ хочу спасти, открывъ вамъ три порока,
У васъ. Вы молоды, прелестны и вдова.
Примите дружеское слово:
Идите замужъ; мужа вамъ нельзя
Найти хорошаго; такихъ не знаю я!
Возьмите менѣе дурного!.

(*Цѣлуетъ у ней руку, кланяется всѣмъ довольно почтительно и уходитъ*).

Есть извѣстіе, что еще раньше „Недовольныхъ" Платономъ Волковымъ была написана комедія: „Умъ не помога". Она въ цѣломъ осталась не напечатанной, но Мих. Бестужевъ-Рюминъ, помѣстившій небольшой отрывокъ изъ нея въ своемъ журналѣ: „Сѣверный Меркурій" за 1831 г. (№ 9), въ примѣчаніи говоритъ, что „Умъ не помога" есть „самое близкое, но довольно удачное подражаніе незабвенному произведенію Грибоѣдова". Напечатанный въ „Сѣверномъ Меркуріи" отрывокъ,—7-е явленіе комедіи,— заключаетъ въ себѣ разговоръ между двумя лицами: Ленскимъ и Сломишеевымъ *). По отрывку этому, конечно, трудно судить, насколько отзывъ Бестужева вѣренъ, но во всякомъ случаѣ можно догадываться, что Ленской **) соотвѣтствуетъ Чацкому; Сломишеевъ же, конечно, принадлежитъ къ лицамъ, преисполненнымъ того, что у Грибоѣдова названо „прошедшаго житья подлѣйшими чертами". Вотъ нѣсколько стиховъ изъ упомянутаго разговора:

Ленской.

Я не могу понять, гдѣ польза или честь
Скакать черезо рвы, на огороды лѣзть,
И псарнею одной, а не имѣньемъ править;
Забыть своихъ дѣтей, жену свою оставить,
У бѣдныхъ поселянъ топтать овесъ и рожь...

Сломишеевъ.

Та, та, та, та; хорошъ ты гусь, хорошъ!..
Пожалуй, слушай рѣчи ваши!..
Сергѣй Ивановичъ! ей! право, мнѣ смѣшно:
У мужиковъ поля вытаптывать грѣшно!!...
Да мужики-то чьи?.. вѣдь мужики-то наши.

Ленской.

А вамъ крестьянъ своихъ не жаль?

Сломишеевъ.

Тфу, пропасть! вотъ далась печаль!
О чемъ хлопочешь ты, скажи мнѣ, мой голубчикъ.
Мужикъ — мужикъ и есть,— я все-таки поручикъ.

Комедіи: „Недовольные", „Сумасшедшій" и „Умъ не помога" мы не затрудняясь называемъ *подражаніемъ* „Горю отъ ума". Но есть еще произведенія, которыя слѣдуетъ назвать не иначе, какъ *передѣлками* комедіи Грибоѣдова, съ очевидною цѣлью передѣлывателя приладить это безсмертное твореніе къ своей эпохѣ.

*) Въ журналѣ: Сломишѣевъ.

**) Такъ въ журналѣ.

Отличительный характеръ этихъ передѣлокъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ оставлены не только всѣ Грибоѣдовскія лица, но и вся Грибоѣдовская канва, весь ходъ пьесы и даже многіе Грибоѣдовскіе стихи, частію цѣликомъ, частію съ нѣкоторыми измѣненіями. Къ такимъ передѣлкамъ относятся двѣ комедіи: одна изъ нихъ—работа Марка-Ярона, другая—В. Куницкаго. Первая вышла въ Москвѣ въ 1881 г., подъ названіемъ „Горе отъ ума. Комедія московской жизни"; вторая—„Горе отъ ума черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ Грибоѣдова"—вышла въ Петербургѣ въ 1883 г.

Для характеристики работы Марка-Ярона приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ перваго дѣйствія, начиная съ самаго же его начала.

Лиза.

Свѣтаетъ! Ахъ, какъ скоро утро ужъ настало!
Вчера просилась спать — куда!
Сиди: вѣдь кто-нибудь войдетъ — бѣда!
Давно бъ ушла, когда бы здѣсь не наживала:
Вѣдь даже дворники, что у воротъ сидятъ,
И тѣ не сторожатъ, а преспокойно спятъ;
Одна лишь я сносить должна здѣсь бремя...
Сказать имъ, что разстаться время!
Не доведутъ свиданья до добра...
Эй, Софья Павловна, пора!

Голосъ Софьи.

Который часъ?

Лиза.

Девятый.

Софья.

Неужели?

Лиза.

Здѣсь Мозера часы,— вы бъ посмотрѣли! —
Вы поступаете безпечнѣе ребенка...
(*Въ сторону*).
Переведу часы! (*Входитъ Фамусовъ*).
Ахъ, баринъ!

Фамусовъ.

Баринъ, да!
Вѣдь экая шалунья ты, дѣвчонка!
Ужели шалостей не бросишь никогда?..
Къ чему ты вдругъ перевела часы?
Иль знаешь: все прощу тебѣ изъ-за красы?
(*Нѣжно*).
Иди сюда!

Лиза.

Зачѣмъ?

Фамусовъ.

Зайди ко мнѣ,— скажу.
Мою любовь къ тебѣ наглядно докажу.

Характеръ Лизы, конечно, иной: въ то время какъ у Грибоѣдова она „не льстится на интересы", — у Марка-Ярона она не прочь продать Фамусову свою любовь за деньги. Далѣе читаемъ:

Софья.

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза.

А вамъ и горя мало!
Вы всѣхъ троихъ погубите въ конецъ:
Здѣсь пять минутъ назадъ былъ вашъ отецъ.
Я вся дрожала — вамъ же все смѣшно,
И васъ послѣдствія, какъ видно, не пугаютъ...
Взгляните на часы, вѣдь утро ужъ давно.

Софья.

Счастливые часовъ не наблюдаютъ.

Лиза.

Несчастные закладываютъ ихъ...
Безъ шутокъ: ждетъ бѣда насъ каждый мигъ.

Софья *(Молчалину)*.

Идите. Цѣлый день не свидимся мы даже.

Молчалинъ (*въ сторону*).

На службѣ я весь день, а ночью служба та же!

Затѣмъ слѣдуетъ такая же встрѣча Фамусова съ Молчалинымъ, какъ и у Грибоѣдова. Въ этомъ явленіи Фамусовъ, обращаясь къ Софьѣ, между прочимъ говоритъ:

А ты, сударыня, лишь изъ постели встала,
Какъ ужъ съ мужчиною! Еще недоставало,
Чтобъ съ нищимъ ты затѣяла романъ.
Влюбляться въ наше время можно лишь въ карманъ.
Хоть будь старикъ, хоть ярый будь подлецъ,
Но деньги есть, — такъ смѣло подъ вѣнецъ
Ступай, а послѣ свадьбы можно
Романы затѣвать, но только осторожно.

Далѣе, изъ разговора Софьи съ Лизой, мы узнаемъ, во что переродился Грибоѣдовскій Скалозубъ.

Лиза.

Ну, вотъ у праздника! Теперь вашъ рокъ печаленъ...
Вѣдь говорила я: не пара вамъ Молчалинъ.
Онъ вамъ не мужъ. Не такъ отецъ вашъ глупъ:
Пристроить хочетъ васъ инымъ маперомъ...
Вотъ хоть бы, напримѣръ, полковникъ Скалозубъ,—
Не нынче — завтра будетъ онъ концессьонеромъ.

Софья.

Куда какъ милъ! Видъ вѣчно глупо строгій,
Такъ каждаго надуть и наровитъ,
Богатствомъ и дѣлами только дорожитъ,
И на умѣ всегда желѣзныя дороги!
Чтобы нажить безчестно капиталъ,
Готовъ пріобрѣтать онъ и гнилыя шпалы,
И безобразно строить все готовъ...
Вѣдь идеалъ его Г—ъ, П—ъ.
Онъ имъ лишь поклоняется дурацки...

Сцена первой встрѣчи Чацкаго съ Софьей ведется, какъ и у Грибоѣдова, и даже начинается его стихомъ:

Чуть свѣтъ—ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!
А какъ сюда спѣшилъ,—свидѣтель только Богъ...

Характеризуя Москву, Чацкій говоритъ:

Что новаго покажетъ мнѣ Москва:
Вчера—скандалъ, а завтра будетъ два;
Тотъ вылетѣлъ въ трубу, тотъ многихъ обобралъ,
И безъ смущенія банкротомъ съ разу сталъ.

Затѣмъ онъ упоминаетъ о Софьиномъ дядушкѣ-кассирѣ и спрашиваетъ, все ли онъ еще на свободѣ, или ужъ сидитъ въ тюрьмѣ; упоминаетъ о ростовщикѣ армянинѣ, дающемъ деньги „подъ страшные“ проценты, и наконецъ заканчиваетъ свой насмѣшливый перечень вопросомъ:

А наше солнышко, нашъ кладъ,
Россіи всей извѣстный адвокатъ,
Который краснорѣчьемъ смѣлымъ
Все черное умѣетъ сдѣлать бѣлымъ?

Теперь обратимся къ другимъ актамъ комедіи Марка-Ярона и посмотримъ, какъ измѣнены въ ней наиболѣе важныя мѣста изъ „Горя отъ ума“.

Фамусовъ Марка-Ярона — крупный дѣлецъ, и между прочимъ—дѣлецъ думскій; онъ засѣдаетъ во множествѣ комиссій, получаетъ въ годъ 12.000 р., но тоже, какъ и Грибоѣдовскій Фамусовъ, относится къ дѣламъ поверхностно. Когда Чацкій на-

мекаетъ ему, что онъ хотѣлъ бы жениться на Софьѣ, Фамусовъ Марка-Ярона тоже совѣтуетъ ему поступить на службу, на что Чацкій отвѣчаетъ, какъ и у Грибоѣдова:

Служить бы радъ, прислуживаться тошно!

После этого слѣдуютъ монологи — Фамусова и Чацкаго.

Фамусовъ.

Вотъ то-то! Фразами сейчасъ же закидаетъ.
Послушайся меня, я старъ,—
Ты жъ жизнь настолько же, мой милый, понимаешь,
Какъ „нѣкій господинъ“—репертуаръ.
Оставь слова и съ насъ примѣръ бери:
Не забываемъ мы своихъ кармановъ,
И изъ рубля въ мигъ дѣлаемъ мы три.
Иль, напримѣръ, покойный хоть Обмановъ—
Вотъ истый былъ мудрецъ! Вотъ жилъ, какъ надо!
Не больно помнилъ онъ про совѣсть, честь:
Онъ зналъ, что съ ними терпимъ муки ада;
Сумѣлъ инымъ путемъ дѣла свои повесть:
Всѣхъ обиралъ исправнѣйшимъ манеромъ,
Предъ кражей даже не робѣлъ...
Жить началъ бѣднякомъ, а умеръ мильонеромъ,
И все лишь потому, что дѣйствовать умѣлъ,
Имѣлъ во всемъ особенный расчетъ;
Вотъ почему онъ наживалъ безсчетно —
И вмѣстѣ съ деньгами пріобрѣталъ почетъ.
Онъ не взиралъ на жалобы и стоны;
Доходъ давала каждая минутка...
Зато теперь оставилъ милліоны
Онъ дочери... Вы, нынѣшніе, ну-тка!

Чацкій.

Да, я не изъ такихъ. Я грабежу и кражѣ
Потворствовать, повѣрьте, не хочу...
Но и средь насъ, средь молодежи даже
Есть тьма такихъ—о нихъ я не смолчу,—
Которые примѣръ охотно съ васъ берутъ
И даже вамъ ужъ сто очковъ дадутъ,
Но нѣсколько иначе поступаютъ:
Вѣкъ кровь высасывать хотятъ едва ли,
А такъ, нежданно налетѣвши, обираютъ,
И въ тотъ же мигъ и поминай, какъ звали!
Они, къ несчастію, у насъ теперь не рѣдки,—
Все листья той же подлой вѣтки.
Но есть зато ужъ и другіе люди;
Они въ трудѣ лишь видятъ толкъ,
Работаютъ весь вѣкъ свой, не жалѣя груди,
И честно исполняютъ долгъ...

Я въ ихъ числѣ — и, право, думать смѣю,
Что не пойду на мерзость никогда;
Не стану избѣгать тяжелаго труда
И никогда не буду гнуть я шею;
Не буду подличать, чтобъ послѣ отдыхать
На лаврахъ, обобравъ несчастныхъ;
Скорѣе землю стану я пахать
И жить въ занятьяхъ трудныхъ, но прекрасныхъ,
Жить добросовѣстно, не зная лѣни...

Такого монолога, который бы вполнѣ соотвѣтствовалъ тому, въ которомъ Фамусовъ у Грибоѣдова расхваливаетъ Москву, — у Марка-Ярона нѣтъ: дѣлецъ послѣдняго хвалитъ только умѣнье московскихъ дѣльцовъ обдѣлывать свои дѣлишки, и между прочимъ хвалится, что хорошо знаетъ и мнѣніе свѣта на этотъ счетъ. Чацкій возражаетъ:

. . . .
Да, судьи кто? Ничтожные холопы,
Достигшіе обманами всего,
Берущіе охотно у Европы
Лишь моды новыя и больше ничего?
Глупцы, бѣгущіе науки, какъ чумы,
Какъ отвратительной заразы,
И направлявшіе короткіе умы
На подлости въ дѣлахъ и на пустыя фразы?
Развратники, которымъ ужъ давно,
Что значитъ стыдъ и совѣсть—непонятно,
Которымъ дѣвушку сгубить — смѣшно,—
Паденье женщины — забавно и пріятно?
. . . .
Дѣльцы, готовые продать вамъ и отца,
Когда барышъ предвидится при этомъ?...
Ложь, хитрость, плутовство, интриги безъ конца,—
Вотъ то, что называете вы *свѣтомъ*.
И этотъ свѣтъ меня ужъ осудилъ
За то, что я нисколько съ нимъ не связанъ.
Да я бы пулю въ лобъ себѣ пустилъ,
Когда бъ хоть чѣмъ-нибудь я былъ ему обязанъ.

Монологъ Чацкаго въ концѣ третьяго дѣйствія измѣненъ такъ: на вопросъ Софьи: „Скажите: что васъ такъ гнѣвитъ? — Чацкій отвѣчаетъ:

Извольте, я скажу, хоть знаю, что для рѣчи
Не мѣсто здѣсь... Но какъ молчать!... Я золъ..
Въ той комнатѣ я отъ ничтожной встрѣчи
Въ такое состояніе пришелъ.
Какой-то господинъ — одинъ изъ тѣхъ,
Которыхъ въ общество пускать уже есть грѣхъ,

Который долженъ быть объявленъ идіотомъ,
Но принимается вездѣ съ почетомъ —
Собралъ вокругъ себя огромное собранье,
И съ жаромъ сообщалъ потомству въ назиданье,
Какъ слѣдуетъ на свѣтѣ бѣломъ жить.
Всѣмъ окружающимъ, безспорно, онъ доставилъ
Блаженство тѣмъ, что передалъ рядъ правилъ,
Какъ въ люди выходить и быстро лѣзть впередъ,
Какъ жить привольно, весело, богато...
Онъ въ грязь топталъ все, что разумно, свято,
Что добываемъ честнымъ мы трудомъ,
На что мы молимся, чѣмъ дышимъ, чѣмъ живемъ,—
И смѣхомъ онъ клеймилъ безъ мѣры
И приводилъ собранію примѣры,
Какъ этотъ, съ помощью безсовѣстныхъ интригъ,
Былъ сдѣланъ головой и важности достигъ;
Какъ женщину недавно кто-то опозорилъ
И изъ-за денегъ дѣтямъ вдругъ заспорилъ;
Какъ, въ долгъ давая, армянинъ-вампиръ
Несчастныхъ заклеймилъ и сталъ теперь банкиръ;
Какъ думскій дѣятель, затѣй придумавъ массу,
Безъ страха расхищаетъ городскую кассу;
Какъ кто-то грабежомъ добылъ себѣ мильонъ...
И тотчасъ услыхалъ я крикъ со всѣхъ сторонъ:
„Ахъ, скряга ловеласъ! Ахъ, армянинъ-кулакъ,
Вы наши образцы! Уменъ вашъ каждый шагъ!"
Какъ стая коршуновъ, они глядѣли жадно.
Я въ ихъ глазахъ читалъ: „мы будемъ безпощадно,
Гдѣ можно—плутовать, гдѣ случай—обирать,
Границъ не вѣдая,—съ живыхъ и мертвыхъ драть,
Чтобъ капиталъ громадный пріобрѣсть"...
Тутъ съ жаромъ я сказалъ про совѣсть имъ, про честь.
И что жъ? На мой же счетъ повсюду смѣхъ раздался:
„Смѣшной идеалистъ! Чудакъ! Онъ помѣшался!
Онъ отрицаетъ то, чѣмъ держится весь свѣтъ!
Навязываетъ то, чего на свѣтѣ нѣтъ!
Идея глупая для чудака утѣха!
Ну, можно слышать рѣчь его безъ смѣха?"...

. . . .

Вотъ случай вамъ со мною — онъ не новый:
Въ почетѣ тотъ, кто сборникъ образцовый
Житейскихъ правилъ изучилъ вполнѣ,
Кто наяву лишь бредитъ и во снѣ,
Какимъ путемъ бы сдѣлаться богаче...
Кто жъ, по несчастію, глядитъ на жизнь иначе,
Въ комъ капля совѣсти и нравственности есть,
Кто не совсѣмъ еще забылъ про стыдъ и честь,
И онъ рѣшается открыто заявлять—
Глядь...

(Оборачивается: всѣ сидятъ за карточными столами и играютъ въ винтъ).

Въ послѣднемъ своемъ монологѣ четвертаго дѣйствія Чацкій указываетъ на то, что его окружаетъ

Сбродъ безобразниковъ, мошенниковъ гурьба,
Собранье грязное дѣльцовъ и интригановъ,
Губителей души, любителей кармановъ,
Бездарныхъ неучей, шикарныхъ дураковъ,
Развратныхъ матерей, безсовѣстныхъ отцовъ,
Нахаловъ, пошляковъ и гласныхъ и негласныхъ,
Ростовщиковъ, сосущихъ кровь несчастныхъ,
Безъ грабежа не проводящихъ дня...

Остается сказать еще о нѣкоторыхъ лицахъ. Молчалинъ, по отзыву Чацкаго,

Природой и судьбой обиженъ,
Ничтоженъ, мелокъ, глупъ, приниженъ,
Былъ круглымъ неучемъ,—нѣтъ, больше: идіотомъ.

Софья же видитъ въ немъ скромнаго и милаго человѣка. Онъ, по ея словамъ,

Всегда приличенъ, скроменъ, тихъ,
Ни съ кѣмъ не дерзокъ, не нахаленъ...

На самомъ же дѣлѣ Молчалинъ, какъ видно изъ его признанія Лизѣ, вотъ каковъ:

Ахъ, милочка, отецъ мнѣ завѣщалъ,
Чтобъ я обдуманно весь вѣкъ свой поступалъ,
Чтобъ съ сильными всегда покоренъ былъ и нѣженъ
И спину гнулъ, гдѣ путь сей неизбѣженъ;
Чтобъ и съ живыхъ и съ мертвыхъ кожу дралъ,
Чтобъ сердца не показывалъ и знака,
Чтобъ пользу непремѣнно я извлекъ изъ брака,
Чтобъ позабылъ про совѣсть, стыдъ и честь,
Когда при этомъ грошъ хоть пользы есть...

Молчалинъ у Марка-Ярона въ своемъ сближеніи съ Софьей заходитъ гораздо дальше, чѣмъ у Грибоѣдова, и въ концѣ пьесы грубо намекаетъ ей на свое положеніе, какъ побѣдителя.

Репетиловъ превращенъ въ адвоката, у котораго, по замѣчанію Чацкаго, „наружный блескъ въ рѣчахъ,—во всемъ — одна водица“. Онъ проповѣдуетъ крайній эгоизмъ:

Самихъ себя лишь можно обожать.
Чтобъ не погибнуть, самъ всѣхъ долженъ жать.

Чацкій ему говоритъ:

Послушай, ври, да знай же мѣру!
Не такъ еще, повѣрь, испорченъ вѣкъ,
Чтобъ былъ мерзавцемъ каждый человѣкъ.

Платонъ Михайловичъ — кассиръ. Наталья Дмитріевна смотритъ на кассовыя деньги, какъ на свои собственныя. и требуетъ отъ мужа нарядовъ. Мужъ повинуется — и пользуется кассовымъ сундукомъ.

Маркъ-Яронъ нападаетъ главнымъ образомъ на дѣльцовъ думскихъ и желѣзнодорожныхъ. Теперь посмотримъ, что служитъ предметомъ негодованія или насмѣшки Куницкаго. Дѣйствіе у него происходитъ тоже въ Москвѣ (въ домѣ Фамусова).

Своей передѣлкѣ Куницкій предпослалъ слѣдующее стихотвореніе:

Прости меня, поэтъ великій,
Создатель „Горя отъ ума!“
Я не имѣлъ идеи дикой
Исправить, обновить тебя!
Хотѣлъ, твоими я глазами
На наше общество смотря,
Изобразить его стихами,
Не отступая отъ тебя!
Хотѣлъ я Чацкихъ современныхъ
И Фамусовыхъ показать;
Хотѣлъ съ глупцовъ, собой надменныхъ.
Я маску важности сорвать.
И хлопоталъ о томъ я только,
Чтобъ *твой* критерій приложить
Къ иному времени, нисколько
Его не силясь измѣнить.

Обращеніе къ „создателю Горя отъ ума“ съ просьбой о прощеніи совершенно умѣстно уже потому, что авторъ передѣлки, о которой теперь идетъ рѣчь, удержалъ едва ли не половину Грибоѣдовскихъ стиховъ, наполняя ими иногда цѣлыя явленія своей пьесы. Такъ, напримѣръ, явленія 5—12 III-го дѣйствія цѣликомъ взяты у Грибоѣдова и въ нихъ сдѣланы лишь слѣдующія измѣненія: Чацкій рекомендуетъ Платону Михайловичу не военную службу („Въ полкъ!—эскадронъ дадутъ“), а сдѣлаться „мировымъ судьею“; *тюрлюрлю* замѣненъ *пенюаромъ*, а *эшарпъ*—*fanchon*'омъ; затѣмъ выпущена „арапка-дѣвка“ Хлестовой, да собачка ея названа „*японской*“. Вотъ и все. Сохранены даже „О-хмъ!“ и „И-хмъ!“ князя Тугоуховскаго. Грибоѣдовскіе стихи оставлялъ и Маркъ-Яронъ, но въ гораздо меньшей мѣрѣ. Правда, къ заглавію своей передѣлки Куницкій прибавилъ заявленіе о томъ, что она „съ заимствованіями у Грибоѣдова“, тѣмъ не менѣе почти безпрестанное чередованіе живой, бойкой и характерной рѣчи

нашего поэта съ довольно прозаическими стихами Куницкаго не производитъ прiятнаго впечатлѣнiя.

Обратимся къ первому дѣйствiю и отмѣтимъ, чѣмъ оно отличается отъ Грибоѣдовскаго. Фамусовъ упрекаетъ дочь такими словами:

Всю ночь читаете свои вы небылицы,—
Вотъ результатъ отъ этихъ книгъ,
И вотъ они — плоды новѣйшаго ученья
И либеральнаго вранья
Гюго, Доде, Флоберовъ и Зола,
Послѣднiя слова науки, просвѣщенья!
Эмансипацiя, свобода и прогрессъ
Газетчиковъ, поэтовъ, поэтессъ...

Далѣе:

Ужъ о твоемъ ли не радѣли
Объ воспитаньи съ колыбели?
Мать умерла,— я самъ со всѣмъ справлялся,
И, какъ въ душѣ тому ни возмущался,
А отдалъ я въ гимназiю тебя,
Чтобъ упрекнуть потомъ ты не могла меня...
Въ гимназiю къ M-me Кастеринъ-Гоффъ,
Гдѣ нѣту ни купчихъ ни дочекъ столяровъ;
Туда пѣшкомъ дѣвицы не ходили,
Въ каретахъ, на своихъ ихъ въ классы привозили...

Когда Лиза перебиваетъ рѣчь Фамусова, послѣднiй возражаетъ:

Молчать!
Ужъ вѣкъ! Не знаешь, что начать!
Всѣ умудрились не по лѣтамъ,
А пуще дочери.— Да сами виноваты;
Ужъ черезчуръ мы стали всѣ богаты
Гуманностью, и всѣмъ этимъ поэтамъ,
Философамъ, ученымъ господамъ,
Что пишутъ тамъ въ журналахъ, да въ газетахъ,
Внушать мы позволяемъ нашимъ дочерямъ
Неуваженье къ намъ и, чуть не въ дѣтскихъ лѣтахъ,
Онѣ ужъ вслухъ насъ громко осуждаютъ
И, женской участью глубоко возмутясь,
О равноправности съ мужчинами мечтаютъ...
Да, правду говорилъ покойный князь!..

Софья Куницкаго, какъ и Софья Марка-Ярона, совсѣмъ сблизилась съ Молчалинымъ. Лиза совѣтуетъ ей скорѣе обвѣнчаться съ нимъ, конечно — тихонько отъ отца, который согласья на этотъ бракъ не дастъ. Софья ей отвѣчаетъ:

Ахъ, Лиза, ты не понимаешь!
Вѣдь я Молчалина люблю,
Люблю свободно... Ты не знаешь,
Что это значитъ... Быть ему
Женой? Да если бъ только знала
Ты, какъ мы смотримъ съ нимъ на бракъ?..

Но все-таки Софьѣ хотѣлось бы открыться отцу, такъ какъ хитрить и скрытничать не въ ея натурѣ.

Лгать не умѣла съ дѣтства я
Мнѣ ложь всегда была гадка...

говоритъ она Лизѣ. Лиза совѣтуетъ ей, наконецъ, совсѣмъ оставить Молчалина и выйти за Чацкаго, который ее любитъ и все ей проститъ. Въ отвѣтъ на это слѣдуетъ такой монологъ Софьи:

Оставь, довольно вздоръ болтать!
Молчалина я не могу женою стать
По двумъ причинамъ: слишкомъ сильно
Меня онъ любитъ для того,
Чтобъ, не имѣя ничего,
Жениться. Я привыкла жить обильно,
Въ довольствѣ; ну, а у него
Средствъ никакихъ. Отецъ же проживаетъ
Въ годъ вдвое болѣе того, что получаетъ.
И, если бъ даже насъ простилъ,
Приданымъ бы не наградилъ...
Я не могу и не имѣю права
Обузой мужу быть. Женитьба не забава,
И связывать двѣ жизни навсегда,
О будущемъ не думая, нельзя.
А во-вторыхъ свободы отношеній
Я не отдамъ за 10 жениховъ...
Но нашихъ не понять тебѣ воззрѣній
На чувство, бракъ и на любовь!
А что до Чацкаго, такъ даже говорить
Объ этомъ бросимъ мы съ тобой;
Вѣдь не могу же я — Молчалина любить,
А Чацкому для виду быть женой!..

Отдаваемое Молчалину предпочтеніе Софья объясняетъ такъ:

Молчалинъ такъ уменъ,
Такъ образованъ, такъ ученъ.
Мы съ нимъ сошлись во взглядахъ, мнѣньяхъ.
Понятіяхъ и убѣжденьяхъ...
Врагъ предразсудковъ и рутины,
Сторонникъ женскаго труда,
Онъ не трактуетъ свысока,
Не судитъ рѣзко, безъ причины,

Какъ Чацкій, что умнѣй быть хочетъ всѣхъ
И поднимаетъ то на смѣхъ,
Что признано всѣмъ міромъ, цѣлымъ свѣтомъ,
И лишь у насъ считается запретомъ...

Является Чацкій. Вспоминая проведенное вмѣстѣ съ Софьей дѣтство, онъ говоритъ:

Гдѣ время то, гдѣ возрастъ тотъ невинный,
Когда бывало въ вечеръ длинный
Читаемъ мы Некрасова стихи
Иль Пушкина...

на что Софья пренебрежительно замѣчаетъ: „Ребячество!"—Перебирая Москву, Чацкій упоминаетъ о двухъ братцахъ-адвокатахъ, которые „на пари берутся защищать кого и что угодно", и между прочимъ спрашиваетъ:

И такъ же ли, какъ прежде, вѣримъ мы,
Что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенья?
И такъ же ли стремимся доказать,
Что отъ Европы отставать
Ни въ чемъ мы больше не хотимъ,
И все свое спѣшимъ смѣнить чужимъ?

Вотъ наконецъ отзывъ Чацкаго и о Молчалинѣ:

...... а развѣ нѣтъ временъ,
Что я Молчалина глупѣе? Гдѣ онъ, кстати?
Все такъ же ль судитъ обо всемъ со словъ печати?
Цивилизацію, законы свято чтитъ,
Проекты канцелярскіе строчитъ
И быть со временемъ министромъ чаетъ
Лишь потому, что въ винтъ съ министрами играетъ?..

Въ другомъ мѣстѣ (въ III-мъ д.) Чацкій о Молчалинѣ такъ говоритъ:

Молчалинъ хоть красивъ, но глупъ,
Подлѣйшее созданье!

Взглянемъ теперь на остальныя дѣйствія. Второе дѣйствіе начинается тѣмъ, что Фамусовъ заказываетъ повару обѣдъ пороскошнѣе, чтобы угостить ожидаемую какую-то Анну Павловну, которой ему надо „угодить". Въ передѣлкѣ монолога Грибоѣдовскаго Фамусова: „Вотъ то-то, всѣ вы гордецы!" Фамусовъ Куницкаго представляетъ Максима Петровича человѣкомъ, начавшимъ службу простымъ писцомъ; онъ

бумаги дѣльной написать
Сначала не умѣлъ, да твердость и терпѣнье,
Съ людьми сойтись полезными умѣнье,
Да кроткій нравъ, да ловкая сноровка
Ему стать на дорогу помогли.

Нужнымъ людямъ онъ, вмѣсто взятокъ, проигрывалъ большія суммы, покорялъ совѣсть судей — и кончилъ тѣмъ, что и въ чины попалъ, и пристроилъ сына, нажилъ домъ, и тоже „не то на серебрѣ — на золотѣ ѣдалъ."

Въ отвѣтномъ монологѣ Чацкаго сохранены первые пять стиховъ Грибоѣдова, а дальше идутъ уже стихи Куницкаго: въ нихъ Чацкій возмущается взятками, подкупомъ и радуется, что теперь уже судъ не таковъ: его нельзя подкупить. Фамусовъ называетъ Чацкаго нигилистомъ.

Является полковникъ Скалозубъ. Онъ жалуется что стало труднѣе служить:

Вводить
У насъ вѣдь новый стали
Уставъ — и все, что изучали
Мы прежде, надо намъ забыть,
А новую методу изучить.

Фамусовъ.

Скажите! И къ чему?
Я, право, не пойму
Манеры этой. Все реформы,
Какіе-то вопросы тамъ изобрѣли.
Ну, точно на вопросахъ всѣ съ ума сошли!!

Скалозубъ.

Да, признаюсь, теперь служить бѣда!
Грошовое вознагражденье,
Повсюду требуютъ труда,
И каждый Божій день — нововведенья...

Оба они завидуютъ директорамъ частныхъ банковъ и желѣзнодорожнымъ тузамъ, получающимъ огромныя суммы. Скалозубъ только потому и не бросаетъ своей службы, что ему обѣщано въ будущемъ же году ввѣрить его управленію патронный заводъ, и онъ надѣется получить *безгрѣшнаго* дохода въ пять разъ больше сравнительно съ окладомъ. А послѣдній и самъ по себѣ хорошъ. Фамусовъ, конечно, прочитъ Скалозуба въ женихи Софьѣ.

Въ панегирикѣ Фамусова Москвѣ въ передѣлкѣ Куницкаго иными являются похвалы молодежи и дамамъ. Молодые люди.

службу выбираютъ
.... не какъ-нибудь, шутя,
А осторожно разсчитаютъ,
Какая выгоднѣй когда....

Дамы —

Не требуютъ онѣ себѣ какихъ-то правъ,
Приличіе и моды уважаютъ —

А между тѣмъ, кружки образовавъ,
Базарами, спектаклями, балами
Съ какимъ азартомъ бѣднымъ помогаютъ,
Какъ увлекаются газетными статьями
И какъ усердно посѣщаютъ
Всѣ засѣданія суда!

Монологъ „А судьи кто?“ передѣланъ такимъ образомъ:

А судьи кто? Второй десятокъ лѣтъ
Ихъ къ новому всему вражда непримирима;
Сужденья черпаютъ изъ забытыхъ газетъ
Временъ Клейнмихеля *) и обороны Крыма.
Гдѣ, укажите мнѣ, отечества отцы,
Которыхъ мы должны принять за образцы?
И гдѣ та молодежь, которую хвалили
Вы сильно такъ сейчасъ...
Не тѣ ли мудрецы, что учатъ нашъ народъ
Безвѣрію, пустому нигилизму
И въ жизни важность придаютъ
Лишь одному сухому эгоизму?
Иль тѣ ученики, что время отдаютъ
Свое не книгамъ, не ученью,
А безотчетному галдѣнью,
О томъ, чего не знаютъ сами,
Чужими говоря словами?

Далѣе Чацкій еще разъ возмущается взяточничествомъ, а тутъ же и тѣми издателями газетъ,

Которые субсидью получаютъ
Отъ трехъ жидовъ, что міромъ управляютъ
Изъ трехъ столицъ Европы просвѣщенной.

Въ концѣ Чацкій говоритъ:

...... вѣрю въ Русь и вѣрю въ чудо,
Что Богъ не вовсе отвратилъ
Отъ насъ свое лицо святое,
И время ниспошлетъ иное,
Когда не тотъ, кто мелетъ вздоръ.
Кто вкривь и вкось о дѣлѣ судитъ;
Не шалопай, не плутъ, не воръ,
А человѣкъ намъ нуженъ будетъ!!!...

Послѣдній монологъ III-го дѣйствія, какъ отвѣтъ на вопросъ Софьи: „Скажите: что васъ такъ гнѣвитъ?“ у Куницкаго таковъ:

*) Генералъ-адъютантъ Клейнмихель выдвинулся, благодаря Аракчеву, при которомъ въ молодости былъ адъютантомъ. Въ 1842 г. назначенъ главноуправляющимъ путями сообщенія: при немъ была построена Николаевская желѣзная дорога. Постройки Клейнмихеля обходились чрезвычайно дорого и соединялись съ крайне негуманнымъ обращеніемъ съ рабочими.

Въ той комнатѣ незначащая встрѣча.
Какой-то генералъ, надсаживая грудь,
Собралъ вокругъ себя родъ вѣча
И объяснялъ эпохи нашей суть.
Громилъ прогрессъ, о розгахъ слезы лилъ,
Вздыхалъ о вольностяхъ дворянства
И революціей грозилъ....
И вотъ противъ него, по горло полонъ чванства,
Свободно выступилъ ораторъ изъ ученыхъ!
Онъ бойко говорилъ, и говорилъ красно:
О капиталахъ и купонахъ,
О русскомъ варварствѣ и западныхъ законахъ,
О томъ, что прежнее смѣшно
Теперь и вспоминать, и что въ культурныхъ странахъ
Давно примѣръ исторіей намъ данъ.
Упомянулъ о молодежи планахъ,
О Дарвинѣ, коснулся обезьянъ....
Ну, словомъ, напоролъ такую массу вздора,
Что бѣдный генералъ не могъ длить больше спора
И стушевался. Я тогда
Оратору вопроса задалъ два:
Какъ полагаетъ онъ: во Франціи народъ
Иль буржуазія законы издаетъ?
И не умнѣй ли будетъ поискать
Намъ идеаловъ у себя,
Въ родной исторіи, чѣмъ, все свое браня,
Лишь иноземцамъ подражать?
Вѣдь о народѣ мы, я говорилъ, забыли,
О нуждахъ, о житьѣ, потребностяхъ его;
О немъ мы за него все сами порѣшили,
Какъ будто онъ не смыслитъ ничего,
Какъ будто никогда въ немъ жизнь не трепетала!
Не лучше ль будетъ намъ сначала
О немъ подумать, чѣмъ вздыхать
О Западѣ да о правахъ мечтать!...
Но тутъ со всѣхъ сторонъ
Поднялся крикъ и аханье и стонъ и пр.

Конецъ, какъ и у Грибоѣдова: „Глядь... *(Оглядывается. Всѣ танцуютъ съ величайшимъ усердіемъ)*".

Преображенный въ адвоката Загорѣцкій *) такъ аттестуется Платономъ Михайловичемъ:

Вотъ, братецъ, адвокатъ
Изъ нынѣшнихъ, тебѣ рекомендую:
Краснорѣчивъ, проворенъ, ловокъ,
Умѣетъ врать напропалую;

*) У Марка-Ярона въ адвокаты преображенъ Репетиловъ.

Не разъ страдалъ отъ потасовокъ,
И сплетничать про всѣхъ гораздъ!
Съ нимъ въ карты не садись: продастъ!

Репетиловъ Куницкаго очень близокъ къ Грибоѣдовскому. У него тоже есть свой кружокъ:

Во-первыхъ, Гольденшмерцъ. Купецъ онъ изъ Одессы,
Сотрудникъ всей подпольной нашей прессы,
Сторонникъ самыхъ крайнихъ мнѣній;
Вести онъ ни о чемъ не можетъ словопреній,
Чтобы на рѣчь не съѣхать о тиранахъ,
О деспотизмѣ и татарскихъ ханахъ.
Затѣмъ: Бутковъ. Отчаянный философъ
Какъ говорятъ, изъ отставныхъ матросовъ...
Былъ въ Англіи, на фабрикахъ учился,
И въ химіи такъ, братецъ, навострился,
Что каждый Божій день подъ рядъ
Изобрѣтаетъ новый онъ снарядъ!!
Потомъ — одинъ баронъ изъ нѣмцевъ или шведовъ,
Любитель даровыхъ закусокъ и обѣдовъ,
Но по уму другого не сыскать
Во всей Москвѣ ему подъ стать.
Что слово, то открытіе, доктрина,
Система цѣлая и цѣлая картина!!!...
Одна бѣда — почти всегда онъ пьянъ.
И отъ вина становится буянъ.

Кромѣ того, въ кружкѣ Репетилова

Есть нѣсколько студентовъ, есть и дамы:
Одна изъ нихъ премило пишетъ драмы!

Софья, какъ и у Грибоѣдова, не скрываетъ отъ Чацкаго своей любви къ Молчалину; но у Куницкаго откровенность ея полная: она прямо заявляетъ, что Молчалину она уже „принадлежитъ“, потому что „любить вполовину не умѣетъ“. Послѣ этого Чацкій въ разговорѣ съ Молчалинымъ нарочно затрогиваетъ вопросъ о женитьбѣ.

Я, Александръ Андреичъ (отвѣчаетъ Молчалинъ), такъ на бракъ смотрю:
Жениться можно или рано — на богатой,
Или въ большихъ чинахъ...

Чацкій такія разсужденія называетъ подлыми.

Молчалинъ, какъ и у Грибоѣдова, ухаживаетъ за Лизой, за которой у Куницкаго ухаживаетъ и Скалозубъ. Но Лиза его, какъ и у Марка-Ярона, не изъ тѣхъ, которыя „не льстятся на интересы“.

Развязка пьесы — Грибоѣдовская, но Чацкій у Куницкаго тутъ значительно иной: онъ, „по праву друга, который съ ней

(Софьей) игралъ въ дни юности и съ дѣтства къ ней питалъ святое чувство", вызываетъ Молчалина на дуэль. Софья проситъ Чацкаго успокоиться, говоря, что между нею и Молчалинымъ теперь уже все кончено. Въ послѣднемъ монологѣ Чацкаго первые четыре стиха Грибоѣдовскіе, а дальше онъ говоритъ такъ:

Погибло все, что сердцу было мило:
Надежда и любовь! Жестоко отомстила
Вамъ, Софья, за меня судьба,
И, знаю я, разбита навсегда
Вся ваша жизнь... Мое я забываю
И горе и тоску, но, думая о васъ,
Терзаюсь и страдаю...
Теперь, въ разлуки часъ,
Позвольте пожелать мнѣ вамъ освобожденья
Отъ ложныхъ вымысловъ и ложнаго ученья,
Что погубили васъ и столько горя дали.
Дай Богъ вамъ силъ побольше — перенесть
Грядущія и скорби и печали!!...
Еще два слова вамъ: пріятную всѣмъ вѣсть
О томъ, что боленъ я *), вы можете спокойно
Разсказывать повсюду здѣсь въ Москвѣ...
И васъ и вашего кружка вполнѣ достойно
Занятіе такое... Я жъ себѣ
Даю торжественную клятву
Сюда отнынѣ ни ногой!...
Но помните одно: вы соберете жатву,
Какую сѣяли, и дни не за горой,
Когда за все, что съ Русью вы творите,
Отвѣтъ заслуженный вы Богу отдадите!

Въ общемъ передѣлка Куницкаго далеко однако не лишена интереса: авторъ выставилъ такой типъ, какъ Софья, коснулся „практичности" современной молодежи, затронулъ вопросъ о новыхъ Репетиловыхъ. Впрочемъ, оцѣнка подобныхъ пьесъ самихъ по себѣ тутъ не входитъ въ нашу задачу и во всякомъ случаѣ нуждается въ исторической ихъ провѣркѣ. Для насъ всѣ указанныя попытки дополнять, продолжать и передѣлывать „Горе отъ ума" или подражать ему важны прежде всего, какъ доказательство того, во-первыхъ, что комедія Грибоѣдова съ разу же глубоко заинтересовала общество, а во-вторыхъ, что ее дѣйствительно не даромъ называютъ безсмертной: ее такъ или иначе можно прилаживать ко всѣмъ временамъ, ко всякой эпохѣ жизни общества. Да на подобное прилаживаніе она какъ-то сама собой

*) Софья и въ пьесѣ Куницкаго первая пустила слухъ о сумасшествіи Чацкаго.

напрашивается: кто, читая „Горе отъ ума", внутренно, такъ сказать — безмолвно, не относитъ чего-нибудь изъ этой богатой галлереи типовъ и сценъ къ тому или другому изъ встрѣченныхъ имъ въ жизни лицъ, къ той или другой изъ видѣнныхъ имъ сценъ? кто не чувствуетъ въ своей душѣ хоть доли негодованія, вспоминая о знакомомъ господинѣ, несвободномъ отъ „чертъ подлѣйшаго житья?"

Такое частное прилаживаніе, т.-е. прилаживаніе къ своей современности не всей комедіи, а лишь кое-чего изъ нея, встрѣчается и въ нашей литературѣ. Образцомъ можетъ служить небольшая вещица Василія Курочкина подъ названіемъ: „Два скандала". Она появилась въ 1869 г. [138]) и состоитъ изъ двухъ сценъ; первую изъ нихъ мы приведемъ, а содержаніе второй передадимъ вкратцѣ.

Сцена первая.

Хлестова (*входя*).

Уфъ! Дайте отдохнуть... Какъ высоко, мой свѣтъ,
Живете въ Питерѣ... Одышка... ноютъ ноги...
Хоть были бъ лѣстницы отлоги!
Легко ли въ девяносто лѣтъ
Взбираться чуть ли не на крышу...

Графиня-бабушка.

Не слышу, матушка, не слышу.

Хлестова.

Изъ силы выбилась... разстроена притомъ...
Арапка утромъ нагрубила:
Разбила блюдечко собачье съ молокомъ —
А въ церковь ужъ звонятъ... Мерзавку-то прибила,
Да въ церковь, знаете, въ горячкѣ... agitée...
Ну такъ вотъ и тѣснитъ подъ ложечкой и въ груди...
Не простудиться бы... Охъ, право, нынче люди —
Скотъ на скотѣ!
(*Замѣтивъ графиню-внучку*):
А, здравствуй, ангелъ мой.

Графиня-внучка.

Bonjour, ma chère, ну что вы?
Здоровы?

Хлестова (*отдаетъ ей ридикюль*).

На, возьми. Богъ милости прислалъ.
Какое, матушка, здоровы!
Послѣдній часъ пришелъ, послѣдній вѣкъ насталъ!
Нѣтъ страха Божьяго... обрѣзаны доходы...
Дороговизна—страсть... весь свѣтъ пошелъ вверхъ дномъ,

Все новыя пошли, вишь, моды!
Недавно... Голова, мой другъ, идетъ кругомъ...
Графиня, матушка, послушайте-ка тоже.
Недавно... Господи! Не на что не похоже!
Молчалинъ, видите, привезъ ко мнѣ билетъ
На чтенье... Какъ его?... Ну вотъ что нынче въ модѣ...
Ли-те-ра-тур-ное...

Графиня-бабушка.

Вы ѣздили въ балетъ?

Графиня-внучка.

Grande mére, совсѣмъ не то...

Хлестова.

Совсѣмъ не то, мой свѣтъ!
Нѣтъ, это зрѣлище совсѣмъ въ особомъ родѣ,
И говорить-то даже грѣхъ!
Тутъ... я вамъ разскажу... выходятъ вольнодумцы,
Читаютъ—кто про что... одинъ кричалъ: безумцы!
Ей Богу! Обозвалъ безумцами насъ всѣхъ.
Другой... другого я и слушать-то не стала..
Но хлопали — чуть-чуть не обвалилась зала...
Другой расписывалъ какой-то мертвый домъ,
Про каторжниковъ все.. ну просто стыдъ-стыдомъ!
Я съ Надей Хворовой насилу усидѣла...

Графиня-бабушка.

Въ сенатѣ скоро вы обдѣлаете дѣло?
Ну... поздравляю васъ.

Графиня-внучка.

Совсѣмъ не то, grande mére.

Хлестова.

Мой свѣтъ, совсѣмъ не то. Представьте, напримѣръ,
Что вы бы, взявъ билетъ, сидѣли въ креслахъ сами,
И вдругъ бы выскочилъ какой-то шематонъ...

Графиня-бабушка.

Тамъ все былъ моветонъ?

Хлестова.

Напротивъ, весь beau monde... мужчины со звѣздами...
И передъ ними-то... и вдругъ передо мной —
Афронтъ какой!
На сцену выскочилъ какой-то волтерьянецъ
И грубо началъ такъ... Афронтъ, совсѣмъ афронтъ!

Графиня-бабушка.

Какъ?! Губернатору корнетъ не сдѣлалъ фронтъ?!
Тесакъ ему да ранецъ!

Хлестова.

Да нѣтъ, вы слушайте... Вдругъ выскочилъ и сѣлъ...
Зовутъ... позвольте... невскій... шевскій...
Да какъ пошелъ... пошелъ...

Графиня-бабушка.

Зовутъ: Андрей Краевскій? *).
А! Знаю... слышала! Такъ долго жить велѣлъ?
Жаль... Это, говорятъ, былъ умный сочинитель...
Стихи онъ, помнится, писалъ
Въ „Московскій Зритель".
Въ альбумѣ у меня его есть мадригалъ.

Хлестова.

Да нѣтъ!.. (*обращаясь къ графинѣ-внучкѣ*)
Вотъ видишь ли, читалъ онъ про кого-то,
Должно быть, умника такого же, какъ самъ,
Пьянчужку, вѣтреника, мота...
Вдругъ... я не вѣрила глазамъ!
Забылся до того... ты разсуди, вѣдь дочку
На эти зрѣлища смотрѣть приводитъ мать —
Цѣпочку въ руки взялъ и началъ съ ней играть!!

Графиня-внучка (*съ ужасомъ*).

Игралъ цѣпочкою!

Графиня-бабушка (*съ испугомъ*).

Какъ?! онъ укралъ цѣпочку?!

Хлестова (*торжественно*).

На столъ облокотясь, цѣпочкою игралъ! —

Во второй сценѣ появляются 6 княжонъ Тугоуховскихъ и, перебивая другъ друга, выражаютъ свое негодованіе по поводу того, что онѣ видѣли „на Невскомъ, въ Думѣ". Тамъ „явилась женщина — съ мужчиною никакъ нельзя бы распознать... Въ какой-то кофточкѣ, съ мужскимъ воротничкомъ, съ мужскою шапкою, закутана платкомъ... въ кружокъ обстрижена... А главное... ха, ха, хи, хи! ученая!" Одна изъ княжонъ обзываетъ ее даже „профессоршей", другая же—просто „студенткой", а всѣ шестеро приходятъ въ ужасъ отъ ея „немытой шеи". Хлестова такъ всѣмъ этимъ поражена, что восклицаетъ:

Ахъ! Дни послѣдніе, должно быть, очень близки!

---

*) Издатель долго существовавшей газеты: „Голосъ".

ДОПОЛНЕНІЕ КЪ V-й ГЛАВѢ.

V-я глава этой книги была уже отпечатана, когда въ новогоднемъ номерѣ „Новаго Времени" [130]) появилась статья подъ названіемъ: „Миліонъ терзаній". Авторъ ея обозначенъ буквами: *В. В.* Въ статьѣ этой „Горе отъ ума" признается написаннымъ „по правиламъ псевдоклассической теоріи", Чацкій считается резонеромъ, а самымъ вѣрнымъ взглядомъ на него указывается взглядъ Пушкина. Такимъ образомъ г. В. В. остается на той точкѣ зрѣнія на комедію Грибоѣдова, противъ которой уже возражали наши новѣйшіе критики (какъ, напримѣръ, Кадлубовскій, Суворинъ, А. И. Смирновъ), мнѣнія которыхъ и приведены нами въ V-й главѣ этой книги. Но въ статьѣ г. В. В. есть и кое-что заслуживающее вниманія. Въ ней между прочимъ указывается, что Грибоѣдовъ, въ пылу своего негодованія „порабощалъ" монологи Фамусова, т.-е. вносилъ въ нихъ черезчуръ много сатирическаго „самообличенія", вслѣдствіе чего одинъ монологъ его, а именно тотъ, гдѣ онъ характеризуетъ Москву, г. В. В. признаетъ даже „невѣрнымъ по тону". Такъ заявленіе Фамусова, что „хоть честный человѣкъ, хоть нѣтъ" — для него „ровнехонько" ничего не значило, и „для всѣхъ готовъ былъ обѣдъ", а далѣе его обрисовка старичковъ—„канцлеровъ въ отставкѣ по уму", которые „поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся", и наконецъ его отзывъ о дочкахъ, которыя

„Словечка въ простотѣ не скажутъ — все съ ужимкой,
Французскіе романсы вамъ поютъ
И верхнія выводятъ нотки;
Къ военнымъ людямъ такъ и льнутъ,
А потому, что патріотки!—

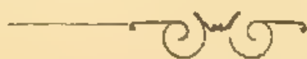
все это, по мнѣнію г. В. В., изъ области похвалы переходитъ въ сатиру, „неумѣстную въ устахъ Фамусова".

Г. В. В. вообще склоненъ видѣть въ „Горѣ отъ ума" болѣе *сатиру*, чѣмъ *комедію*. Но какъ сатиру, онъ твореніе Грибоѣдова признаетъ „безсмертнымъ". Главною мишенью этой сатиры онъ считаетъ „*тиранію общественнаго мнѣнія*". Эту тиранію г. В. В. называетъ силой — и спрашиваетъ: откуда почерпнула она свою мощь? И говоритъ, что на этотъ вопросъ даетъ отвѣтъ „Сатирическій Вѣстникъ" Страхова — „журналъ, не попавшій еще на страницы исторіи русской литературы".—„Между тѣмъ"—продолжаетъ г. В. В.—„этотъ органъ — любопытное явленіе въ исторіи

русской журналистики. Это—хроника общественной русской жизни XVIII в., хроника, которую могъ бы вести Чацкій, утомленный борьбой, но не потерявшій своей точки зрѣнія на вещи. Въ тѣхъ картинахъ, что проходятъ передъ нами при чтеніи журнала, картинахъ, правда, не всегда яркихъ, мы не встрѣтимъ сатиры на отдѣльные пороки или отдѣльныхъ лицъ,—здѣсь кругозоръ взятъ шире: изображена пошлость, мелочность всей московской жизни; боязнь «общественнаго мнѣнія», пустословіе и сплетни, лицемѣріе и фальшь царятъ въ этомъ обществѣ,—вотъ тотъ сѣренькій фонъ, на которомъ рисуются силуэты московскихъ сановниковъ и подхалимовъ, которые подличаютъ передъ знатными, изъ угодничества ласкаютъ собачекъ, принадлежащихъ вліятельнымъ дамамъ. Передъ нами пройдутся паразиты, прихлебатели, моты-крѣпостники, врали Небылицыны и Залыгалкины... Передъ нами пронесутся праздничные картины московской жизни, парадные балы, шумныя и пустыя развлеченія, промелькнутъ и будничныя картинки жизни русскихъ баръ въ деревнѣ и городѣ... Темными пятнами выдѣлятся на нихъ грустныя сценки изъ жизни крѣпостного люда... Передъ нами пройдется важно самъ Фамусовъ, за нимъ слѣдомъ торопливо пробѣжитъ Молчалинъ, легкимъ свѣтлымъ роемъ пронесутся «милыя дамы» московскаго свѣта, и промелькнутъ разные гг. N и D... И всѣхъ ихъ покажетъ намъ редакторъ «Сатирическаго Вѣстника», профессоръ Московскаго университета Страховъ—любопытный прототипъ Чацкаго, человѣкъ, глядящій на жизнь безъ задора, но съ великимъ запасомъ «грусти». Въ легкихъ эскизахъ онъ нарисовалъ намъ всю Грибоѣдовскую Москву задолго до «Горя отъ ума»".

Такимъ образомъ является еще одно важное основаніе утверждать, что „Горе отъ ума", если и не было у насъ первымъ по времени широкимъ изображеніемъ московской жизни извѣстной эпохи,—то во всякомъ случаѣ оно явилось изображеніемъ вполнѣ исторически вѣрнымъ, и вѣрность эта нисколько не нарушается тѣмъ, что въ нѣкоторыя рѣчи Фамусова внесено „самообличеніе", съ художественной стороны, можетъ быть, и „неумѣстное".

Наконецъ въ январской книжкѣ „Русской Мысли" за 1904 г. напечатано начало статьи В. В. Каллаша: „Грибоѣдовъ и Чацкій". Въ напечатанной части статьи—новаго нѣтъ ровно ничего. Авторъ, очевидно, западникъ.



ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) См. выпускъ VII-й.

[2]) См. тамъ же, стр. 152.

[3]) „Мильонъ терзаній“.

[4]) Профессоръ Алексѣй Николаевичъ Веселовскій. (См. начало его статьи: „Альцестъ и Чацкій“, помѣщенной въ его „Этюдахъ и характеристикахъ“, М., 1903 г., изд. 2-е. Эта же статья помѣщена и въ концѣ его монографіи: „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ“, М., 1881 г.).

[5]) Въ статьѣ: „Грибоѣдовъ“, помѣщенной въ тѣхъ же „Этюдахъ и характеристикахъ“, стр. 521.

[6]) Жадовъ—въ комедіи: „Доходное мѣсто“, Д. I., явл. 7-е.

[7]) Статья: „Грибоѣдовъ“, стр. 522.

[8]) См. выпускъ VII-й, стр. 123. См. также стр. 76 и 77 (о Петрозиліусѣ и Амбургерѣ).

[9]) „Отечественныя Записки“ 1860 г., октябрь, статья: „Знакомство А. А. Бестужева съ С. А. Грибоѣдовымъ“

[10]) См. выпускъ VII-й, стр. 118.

[11]) См. тамъ же, стр. 147.

[12]) См. тамъ же, стр. 136.

[13]) См. тамъ же, стр. 135.

[14]) См. тамъ же, стр. 144.

[15]) См. тамъ же, стр. 126.

[16]) См. тамъ же, стр. 150—152.

[17]) См. тамъ же, стр. 126 и 145—146. Статья: „*Загородная поѣздка*“ въ VII-мъ выпускѣ ошибочно названа „Загородной прогулкой“.

[18]) См. тамъ же, стр. 145.

[19]) См. тамъ же, стр. 122, 126, 137, 145.

[20]) См. тамъ же, стр. 146.

[21]) См. тамъ же, стр. 144.

[22]) См. тамъ же.

[23]) См. тамъ же, стр. 137, 139, 140.

[24]) См. тамъ же, стр. 135—136.

[25]) „Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума “(„Русс. Арх.“ 1874 г., кн. I, стр. 1544.

[26]) „Этюды и характеристики“, статья: „Грибоѣдовъ“, стр. 519—520.

[27]) Подробнѣе объ уставѣ „Союза Благоденствія“ см. въ III-мъ выпускѣ, стр. 58—65.

[28]) См. выпускъ VII-й, стр. 76—77.

[29]) Стихъ изъ отрывка изъ пролога: „Юность Вѣщаго".

[30]) См. выпускъ III-й, стр. 61.

[31]) Въ своей статьѣ: „Альцестъ и Чацкій" (см. выше, примѣчаніе 4-е) проф. Веселовскій говоритъ: „Мы уже видѣли, въ какой степени характеръ протестующаго Альцеста пользовался вездѣ и всегда особыми симпатіями передовыхъ силъ творчества и критики, какъ каждое поколѣніе, каждая литературная и критическая школа старалась присвоить его себѣ и вложить въ него живое содержаніе завѣтныхъ идей и стремленіе *своего* времени.—какъ въ разнообразныхъ этихъ нарядахъ Альцестъ являлся и энциклопедистомъ, и сентиментальнымъ филантропомъ, и революціонеромъ и угловатымъ, правдивымъ англійскимъ матросомъ, сыномъ народа. Въ этой смѣнѣ «одеждъ и лицъ» очередь была за русскимъ бытовымъ содержаніемъ; дѣло такого же воплощенія было выполнено Грибоѣдовымъ: *Альцестъ сталъ декабристомъ*" („Мизантропъ", монографія Алексѣя Веселовскаго, М., 1881 г., стр. 183).

[32]) См. выпускъ III-й, стр. 65.

[33]) См. выше, стр. 7-ю и въ VII-мъ выпускѣ стр. 144.

[34]) Объ этихъ обществахъ см. выпускъ III-й, стр. 73—74.

[35]) Пользуемся любезно предоставленнымъ намъ рукописнымъ переводомъ; но П. В. Пальтель намѣренъ въ скоромъ времени переводъ свой напечатать. Пока же мы имѣемъ въ рукахъ только 1-е явленіе I-го д., и потому относительно дальнѣйшей части комедіи пользуемся какъ французскимъ текстомъ („Oeuvres de Molière", Paris, 1835), такъ и прозаическимъ переводомъ М. И. Полтавскаго, помѣщеннымъ въ „Собраніи сочиненій Мольера", изданномъ подъ редакціей С. С. Трубачова (Спб., 1899 г.), въ видѣ „Иллюстрированнаго безплатнаго приложенія къ Вѣстнику Иностранной Литературы 1899 г.".

[36]) См. его „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ".

[37]) Тамъ же, стр. 8 и 12.

[38]) Тамъ же, стр. 15.

[39]) Тамъ же, стр. 10.

[40]) Тамъ же, стр. 8.

[41]) Тамъ же, стр. 14.

[42]) Тамъ же.

[43]) Тамъ же, стр. 12.

[44]) Тамъ же, стр. 17.

[45]) Тамъ же, стр 13.

[46]) Подробнѣе о сходствѣ между Альцестомъ и Чацкимъ см. статью проф. Веселовскаго: „Альцестъ и Чацкій", указанную выше, въ примѣч. 4-мъ.

[47]) Пользуемся біографіей Мольера, написанной проф. Веселовскимъ и помѣщенной въ его „Этюдахъ и характеристикахъ", стр. 80—133.

[48]) „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ", стр. 19—20.

[49]) Тамъ же, 21.

[50]) Тамъ же, 181—182 (въ статьѣ: „Альцестъ и Чацкій").

[51]) Тамъ же, 177.

[52]) Тамъ же.

[53]) Тамъ же, 190.

[54]) См. газету: „Голосъ" 1863 г., № 26.

[55]) „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ", стр. 18.

[56]) См. его большую статью: „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“ въ „Русской Старинѣ“, начиная съ декабря 1898 г. Особенно интересна въ данномъ случаѣ VI-я глава этой статьи (февраль 1899 г.).

[57]) „Театральныя воспоминанія“, Спб., 1860 г., стр. 84.

[58]) „Русск. Старина“ 1899 г., февраль, стр. 243.

[59]) Тамъ же, 245.

[60]) Тамъ же.

[61]) „Грибоѣдовская Москва въ письмахъ Марьи Аполлоновны Волковой къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской“ („Вѣстникъ Европы“ 1874 г., № 8, письмо отъ 24 іюня 1812 г. Письма эти помѣщены въ упомянутомъ журналѣ, начиная съ № 8-го 1874 г. и продолжаясь въ номерахъ 1875 г.).

[62]) „Русск. Старина“ 1899 г., февраль, стр. 247.

[63]) Тамъ же, 246.

[64]) Въ баснѣ: „Лягушка и волъ“.

[65]) Письмо Волковой отъ 8 іюня 1812 г.

[66]) „Русск. Старина“ 1899 г., мартъ, стр. 548.

[67]) „Русскій Вѣстникъ“ 1809 г., № 7, стр. 68.

[68]) Тамъ же.

[69]) Записки Жихарева („Русск. Архивъ“ 1891 г., кн. I, стр. 243—244).

[70]) „Рыцарь нашего времени.“

[71]) „Русск. Старина“ 1899 г., январь, стр. 21—23.

[72]) „Въ память А. С. Грибоѣдова.“ Рѣчь на актѣ въ Спб. Университетѣ 8-го февраля 1879 г. (стр. 11).

[73]) „Исторія Россіи“ Татищева, кн. I, гл. 45.

[74]) См. выше, примѣчаніе 67-е.

[75]) „Русск. Архивъ“ 1891 г., кн. I, „Записокъ Жихарева“ стр. 179-я.

[76]) Тамъ же, стр. 317.

[77]) „Русск. Старина“ 1899 г., мартъ, стр. 543.

[78]) См. 17-ю страницу статьи, упомянутой въ примѣчаніи 72-мъ.

[79]) Тамъ же, стр. 18.

[80]) См. выпуски II, 14, и III, 155.

[81]) „Императоръ Александръ I“, Шильдера, I, 93.

[82]) Тамъ же, т. IV, стр. 61—62.

[83]) Тамъ же, стр. 16—17.

[84]) „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ“ (въ статьѣ: „Альцестъ и Чацкій“, стр. 189).

[85]) Сатира Сумарокова: „Наставленіе сыну.“

[86]) „Мильонъ терзаній.“

[87]) „Русскій Архивъ“ 1891 г., № 2, стр. 320.

[88]) „Вѣстникъ Европы“ 1875 г., № 1, стр. 222.

[89]) Тамъ же, г. 1874-й, № 11, стр. 669.

[90]) „Русскій Архивъ“ 1891 г., № 1, стр. 191.

[91]) См. объ этомъ романѣ въ IV-мъ выпускѣ, стр. 89—106.

[92]) См. тамъ же, стр. 66 (въ статьѣ о В. Л. Пушкинѣ.)

[93]) „Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка“ („Рус. Стар.“ 1899 г., январь).

[94]) „Русская Старина“ 1880 г., октябрь, стр. 258.

[95]) См. въ VII-мъ выпускѣ очеркъ комедіи Загоскина: „Недовольные“.

[96]) „Новая русская литература“ (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно). Составилъ В. Водовозовъ (См. стр. 221, изд. 2-е, Спб., 1870 г.).

[97]) См. выпускъ III, стр. 78 (въ статьѣ: „Общій взглядъ на движеніе въ тайныхъ обществахъ").

[98]) См. выпускъ VII-й, стр. 35—36.

[99]) „Вѣстникъ Европы" 1874 г., № 9, стр. 125.

[100]) „Русская Старина" 1899 г., февраль, стр. 260.

[101]) „Вѣстникъ Европы" 1874 г., № 9, стр. 156.

[102]) „Полное собраніе соч. А. С. Грибоѣдова" подъ редакціеи Шляпкина, т. II, стр. 479.

[103]) „Вѣстникъ Европы" 1874 г., № 9, стр. 130.

[104]) Тамъ же, № 11, стр. 668.

[105]) Бѣлинскій, т. III, стр. 427.

[106]) См. „Музыкальный и театральный Вѣстникъ" 1859 г., № 51, гдѣ помѣщена статья: „Характеръ Софьи въ Горѣ отъ ума". за подписью: А. Г.

[107]) „Этюды о Мольерѣ. Мизантропъ" (въ статьѣ: „Альцестъ и Чацкій," стр. 185).

[108]) „Вѣстникъ Европы" 1874 г., № 10, стр. 556.

[109]) „Исторія русской словесности", ч. II, стр. 81.

[110]) См. большую статью А. С. Суворина: „Горе отъ ума и его критики", помѣщенную при его изданіи этой комедіи 1886 г. Изданіе это — библіографическая рѣдкость: его было всего 460 экз. Впрочемъ указанная статья, но не въ такой полнотѣ, была напечатана въ „Новомъ Времени", въ январскихъ номерахъ 1886 г.

[111]) „Русскій Архивъ" 1874 г., кн. I, стр. 1561 (ст. Веселовскаго).

[112]) См. воспоминанія современника Грибоѣдова—Завалишина („Древняя и Новая Россія", т. I, 1879 г.)

[113]) См. примѣчаніе 110-е.

[114]) „Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго". т. V-й. изд. 1880 г., Спб., стр. 142—145.

[115]) Соч. Бѣлинскаго, III, 419 (изд. 1871 г.).

[116]) Тамъ же, 388.

[117]) Тамъ же, 407.

[118]) Тамъ же, 421.

[119]) Тамъ же, 424—425.

[120]) Тамъ же, 425.

[121]) Тамъ же, 427—428.

[122]) Тамъ же, 428.

[123]) Тамъ же, 429.

[124]) Тамъ же, 429—431.

[125]) Тамъ же, 436.

[126]) Соч. Бѣлинскаго, XII, 355—357 (изд. 1862 г.).

[127]) Соч. Бѣлинскаго, VIII, 525.

[128]) Статья А. И. Смирнова: „А. С. Грибоѣдовъ, его жизненная борьба и судьбы комедіи его" помѣщена въ VI-мъ томѣ „Варшавск. унив. Изв."

[129]) См. примѣчаніе 72-е.

[130]) Сочиненія Ап. Григорьева, т. I, стр. 255—265.

[131]) А. Кадлубовскій. „Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи." Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Историко-филологическаго общества при Институтѣ кн. Безбородко по случаю столѣтія со дня рожденія Грибоѣдова. Помѣщ. въ „Сборн." Ист.-

филологич. Общ. при Нѣжинскомъ институтѣ, 1896 г. Есть и отдѣльный оттискъ, Кіевъ, 1896 г.

[132]) Такъ „Утреннее размышленіе" Ломоносова было переведено на французскій языкъ Лемье еще въ 1766 г., а на нѣмецкій Беллингсгаузеномъ— въ 1802 г.

[133]) Въ „Библіографическомъ указателѣ," приложенномъ къ І-му тому сочиненій Грибоѣдова, изданныхъ подъ редакціей И. А. Шляпкина, указаны всѣ переводы „Горя отъ ума", сдѣланные до 1887 года включительно.

[134]) Отчетъ о статьѣ шотландскаго критика былъ помѣщенъ въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1857 г., № 228".

[135]) О комедіи: „Недовольные" см. выпускъ VII-й, стр. 39—46.

[136]) См. тамъ же, стр. 42.

[137]) Она была напечатана въ „Современникѣ" 1852 г., № XI.

[138]) Появилась впервые въ І-мъ т. стихотвореній Василія Курочкина, изд. въ 1869 г., и въ изд. позднѣйшихъ.

[139]) „Новое Время" 1904 г., № 9995.

—

„Петербургскій Учебный Магазинъ"

(СПБ., Петерб. ст., Большой пр., д. 6)

немедленно по требованіямъ высылаетъ всѣ **находящіяся въ продажѣ** книги по каталогамъ всѣхъ столичныхъ и провинціальныхъ издателей и книгопродавцевъ; составляетъ и пополняетъ **библіотеки** на разныя цѣны; принимаетъ годовую **подписку** на всѣ журналы и газеты по цѣнамъ редакцій имѣетъ большой запасъ **учебныхъ пособій**; изготовляетъ къ книгамъ **переплеты**. Земскія управы, учебныя заведенія, Училищные Совѣты и т. п. учрежденія пользуются **уступкой**. Къ Рождеству, къ Пасхѣ, а также ко времени экзаменовъ и актовъ дѣлается большой запасъ **подарочныхъ** книгъ и вещей. Магазиномъ приняты на складъ нижеслѣдующія

книги для среднихъ учебныхъ заведеній:

Алексѣевъ М. В. Руководство по русскому языку для учителей нач. училищъ. ц. 40 к.

Амичисъ-Де. Апеннины и Анды. Разсказъ для дѣтей, 2-е изд., ц. 20 к.

Анненскій И. Ѳ. Меланиппа-философъ, трагедія, ц. 75 к.

Его же. Царь Иксіонъ, трагедія въ 5 д., ц. 75 к.

Арсеньева С. Д. Разсказы изъ Литовской исторіи. I. Брутеня и Войдевутъ. II. Войтѣхъ и Брунъ. III. Миндовгъ — князь литовскій. IV. Войшелкъ—князь-инокъ, и др., ц. 50 к., а съ перес. налож. плат. 65 к.

Бѣляевская О. А. Изъ жизни маленькихъ людей. Разсказы учительницы, ц. 30 к.

Варнеке Б. Театръ. Лекціи по исторіи театра, К. Боринскаго, ц. 1 р.

Vloche G. Cours de français. Французскій учебникъ, въ 2-хъ частяхъ, цѣна каждой части 75 к. Обѣ части высыл. нал. пл. за 1 р. 65 к.

Волотовскій А. С. Садовникъ. Общедоступное руководство для желающихъ заняться веденіемъ плодоваго сада, со мн. рис., ц. 75 к., съ перес. налож. плат. 90 к.

Его же. Спутникъ Экзаминатора. Руководство для гг. членовъ училищныхъ совѣтовъ, вып. I, ц. 50 к.

Вышеславцевъ М. Анекдоты, изреченія и пословицы изъ жизни древняго міра, ц. 20 к.

Гаушильдъ. Учебникъ французскаго языка, ц. 65 к.

Глазуновъ. Пять комич. пьесъ для дѣтскаго театра, съ рис., ц. 80 к.

Ерминъ Н. Родныя Звѣзды. Избранное для юношества и народа чтеніе изъ произведеній лучшихъ нашихъ писателей, ц. въ папкѣ 1 р., а съ пер. нал. плат. 1 р. 15 к.

Ивановъ К. А. Средневѣковой замокъ и его обитатели въ эпоху процвѣтанія рыцарства, съ рис. ц. 75 к.

Иванова. К. А. Средневѣковой городъ и его обитатели, съ рис. ц. 75 к.

Его же. Средневѣковой монастырь и его обитатели, съ рис. ц. 1 р.

Его же. Средневѣковая деревня и ея обитатели, съ рис. ц. 75 к.

Его же. Трубадуры, труверы и миннезенгеры, съ 43 рис., ц. 1 р. 50 к.

Его же. Исторія древняго міра. Иллюстрирован. учебникъ всеобщей исторіи, 3-е изданіе, ц. 80 к.

Его же. Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ систематическій), 5-е изданіе, ц. 80 к.

Его же. Новая исторія (курсъ учебный). 2-е изданіе, ц. 80 к.

Его же. Элементарный курсъ исторіи древняго міра, съ рис., ц. 60 к.

Его же. Элементарный курсъ средней исторіи (печат.).

Его же. Востокъ и миѳы. Учеб. для III кл. гимназій, ц. 75 к.

Ильинскій. Классная таблица словъ съ буквою Ѣ въ корнѣ, ц. 15 к.

Кипріановичъ. Синтаксисъ русскаго языка, ц. 50 к.

Корытинъ. Обзоръ учебной литературы по ариѳметикѣ и геометріи съ объяснительною запиской о преподаваніи ариѳм. въ нач. школ., ц. 1 р.

Круковскій М. Жизнь въ природѣ, біологическіе очерки по Брэму, Маршалю и др. для дѣтей старшаго возраста, со 150 рис., ц. 1 р. 50 к.

Круковская. Китай. Очерки жизни и нравовъ Небесной Имперіи, ц. 50 к.

Ея же. Приключенія доисторическаго мальчика, съ рис. ц. 75 к.

Круковскій. Астраханскій край. Со многими рисунками, ц. 60 к.

Его же. Олонецкій край со мн. рис. (печат.).

Ладыженскій В. Н. О книгахъ и сочинителяхъ. Чтеніе для школъ и народа. съ рис. Вып. I, съ древн. временъ до Петра Великаго, ц. 30 к. Вып. II, отъ Петра В. до нашихъ

дней, съ портр. рус. писателей, ц. 50 к. Нал. плат. оба вып. выс. за 95 к.

Ладыженскій и Орелкинъ. Бесѣды по вопросамъ воспитанія и обученія въ народной школѣ, ц. 75 к.

Ливановъ Н. Учебный курсъ теоріи словесности для средн. учебн. завед., 4-е изд., ц. 1 р.

Матвѣевъ, М. Курсъ пѣнія въ начальн. сельск. и городск. учил., а также въ церк.-прих. школ. и низш. класс. средн. учеб. зав. Руководство для учен. въ трехъ тетр. Тетр. I.—15 к., тетр. II—25 к., а съ пер. нал. пл. обѣ тетр. 60 к.; театр. III печат.

Его же. Другъ хора. Сборникъ пьесъ для смѣшанныхъ мужскихъ и женскихъ хоровъ. Партитура ч. I, II и III, по 40 к. (IV и V ч. печатаются),

Михайловскій. Самоучитель итальянскаго языка по методѣ Берлица, Ц. 1 р.

Его же. Латинская грамматика для духовн. училищъ. Ц. 80 к.

Его же. Латинская хрестоматія для духовныхъ училищъ, ц. 80 к.

Его же. Начальное руководство къ изученію латинскаго языка. Этимологія и синтаксисъ, 5-е изд. ц. 1 р.

Варнеке и Михайловскій. Избранныя Метаморфозы Овидія, съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ собственныхъ именъ. 1901 г., ц. 1 р.

Ихъ же. Постатейный словарь къ Метаморфозамъ Овидія, ц. 50 к.

Минъ Н. Р. Первый подарокъ увеселительнымъ вечерамъ и нар. чтеніямъ. Болѣе 200 разск., сценъ, стихотвор. и т. п. Ц. 1 р.

Мордвиновъ И. Какъ устраивать въ семьѣ и школѣ елки, праздники и юбилеи? Сборникъ практ. указаній и статей для ролевого исполненія, ц. 1 р., а съ пер. нал. пл. 1 р. 10 к.

Некрасовъ Н. Послѣ азбуки *первая* книга для класснаго чтенія, ц. 15 к.

Его же. Послѣ азбуки *вторая* книга для класснаго чтенія, ц. 35 к.

Его же. Послѣ азбуки *третья* книга для класснаго чтенія, ц. 45 к.

Орелкинъ П. Ѳ. Изъ жизни пчелъ. Чтеніе для юношества и народа, со мн. рис. 3-е изд., ц. 15 к.

Оржешко Эл. Приключеніе Яся. Разсказъ для дѣтей, ц. 15 к.

Павловичъ М. Г. Учебникъ теоріи словесности. Теор. положенія, историческія свѣдѣнія и разборы образцовъ, ц. 85 к.

Его же. Учебникъ исторіи древней русской литературы. Полный курсъ ср. уч. завед. ц. 85 к.

Раевскій В. А. Записки по исторіи философіи, 2-е изд. ц. 80 к.

Русскій
- во Франціи 30 к.
- въ Германіи 30 к.
- въ Италіи 30 к.
- въ Англіи 30 к.
- въ Испаніи 30 к.
- въ Греціи 30 к.
- въ Японіи 30 к.

Новѣйшія и легчайшія руководства къ изученію безъ посторонней помощи иностр. языковъ съ точнымъ произнош. каждаго слова русскими буквами. Нал. пл. каждый вып. выс. за 45 к., три любыхъ вып. за 1 р., а всѣ 6 вып. за 1 р. 80 к.

Рудаковъ В. Е. Гай Юлій Цезарь.— Записки о Галльской войнѣ. Переводъ—близкій къ подлиннику и литературный съ примѣчаніями. Кн. I. ц. 30 к. Кн. II—IV. ц. 40 к. Кн. V—VI. ц. 40 к. Всѣ книги нал. пл. высылаются за 1 р. 25 к.

Смирновскій П. В. Исторія русской литературы XIX вѣка: выпускъ I. Карамзинъ въ до-Александровскую эпоху. ц. 1 р. 25 к.; вып. II. Карамзинъ въ Александровскую эпоху. ц. 1 р. 25 к.; вып. III. Либералы и консерваторы Александровской эпохи, ц. 1 р. 25 к. Выпускъ IV. Дальнѣйшій обзоръ литературы Александровской эпохи. ц. 1 р. Вып. V. Крыловъ, гр. Растопчинъ и др., ц. 1 р. Вып. VI. Князь И. Долгорукій. Сатира кн. Горчакова, Милонова и др., ц. 1 р. Вып. VII. Комедіи Загоскина; А. С. Грибоѣдовъ и др., ц. 80 к.

Свѣтловъ П. И. Учебникъ зоологіи, 2-е изд., 1901 г., съ 100 рис. ц. 60 к.

Его же. Учебникъ ботаники, 2-е изд. 1901 г., съ 70 рисунками, ц 50 к.

Суровцевъ А. Г. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. Его масонская и государственная дѣятельность. Біографическій очеркъ, 1901 г. ц. 80 к., а съ перес. нал. пл. 95 к.

Чельцовъ Г. св. Законъ Божій. Молитвы. запов. и симв. вѣры, ц. 20 к.

О ВЫСЫЛКѢ КНИГЪ. Заказы на книги можно дѣлать открытыми или закрытыми письмами, а также переводами и денежными пакетами. Вмѣсто денегъ можно высылать **почтовыя марки.** При высылкѣ денегъ или марокъ слѣдуетъ руководствоваться такимъ разсчетомъ: если стоимость всѣхъ выписанныхъ книгъ менѣе 50 к., то на пересылку ихъ слѣдуетъ прибавлять по 2 коп. на каждый пятачекъ; если стоимость потребованныхъ книгъ отъ 50 к. до 1 р., то на пересылку ихъ прибавлять по 1 коп. на каждый пятачекъ; при требованіяхъ на одинъ и болѣе рублей прибавлять пересылочныхъ по 12 к. за каждый рубль.

2007041271